

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

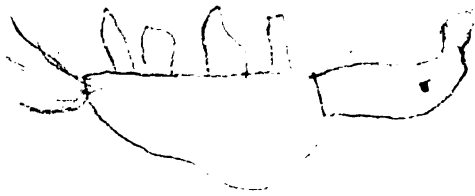
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Наблюдатель

Александр Петрович Пятковскій

5/24

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕННЫЙ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XIX. А П Р Ъ Л Ь. 1900 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
I. Въ благопріятной средѣ. Романъ К. М. Длусскаго	9
II. Изъ дневника. Стихотвореніе А. В. Круглова	50
III. Докторскіе экзамены и диссертациі въ Военно-медицинской академіи X. Z.	51
IV. Св. Петръ. (Изъ Владисл. Сырокомли). Стихотвореніе И. Толмачева	75
V. Психопаты. Романъ Флоренцы Мэриетъ. (Переводъ съ англійскаго). (Оконч.)	77
VI. Весною. Стихотвореніе Г. Арищенки	144
VII. На историческіе мотивы. Фантазія. Е. П.	145
VIII. Наше городское управленіе. А. З. Б.	152
IX. Памяти Ѳ. И. Тютчева. Стихотвореніе А. Мейснера	182
X. Гордячка. Очеркъ. В. Уманова-Каплуновскаго	183
XI. Подъ украинскимъ небомъ. Стихотвореніе Н. Панова	197
XII. Сложныя чувства. Повѣсть Поля Буржэ. (Оконч.)	199
XIII. Право войны и его практическое приложеніе. А. Зыкова	247
XIV. Двѣ встрѣчи съ А. И. Герценомъ. (Изъ моихъ воспоминаній). А. П. Пятковскаго. (Оконч.)	284
XV. С. Н. Шубинскій. (Съ портретомъ)	300
XVI. Ночью. Стихотвореніе В.	302

(См. на оборотѣ).

№ 4 „Наблюдателя“ вышелъ 15 апрѣля 1900 года.

Редакція считаетъ нужнымъ напомнить, что 1) сю сохраняются только рукописи свыше 200. кругомъ исписанныхъ листовъ и 2) хранятся оны

XVII. Политическая хроника	1
<p>Безчиства англійскаго народа противъ сторонниковъ Трансвааля.— Появленіе политическихъ пророковъ.—Воображаемый разгромъ Фран- ции и Россіи Англіей.—Неудачныя попытки президентовъ южно-афри- канскихъ республикъ кончить войну миромъ.—Наглый отвѣтъ Салли- бьюри на предложеніе объ окончаніи войны.—Напрасныя попытки трансваальскаго народа отыскать справедливость у англичанъ.—Взятіе Блумфонтейна и чудовищная прокламація объ обезоруженіи жителей этого города и окрестностей.—Африкандеры выходятъ изъ выжидатель- наго положенія.—Пораженіе англичанъ въ окрестностяхъ Блум- фонтейна.—Преждевременное приглашеніе Робертсомъ представителей иностранныхъ державъ на завтракъ въ Преторіи.—Параллель между нынѣшней войною и войною въ 1812 года.—Отзывы газетъ о поло- женіи боюровъ.—Отзывъ Стада о воинственномъ задорѣ Англій.—Не- удачныя попытки Робертса очернить боюровъ въ глазахъ Европы.— Откуда берутъ разрывныя пули боюры?—Варварское обращеніе англа- чанъ съ военнопленными.—Имѣла ли право Португалія разрѣшить провѣзъ черезъ свой портъ англійскихъ войскъ на театръ войны?— Заигрываніе англичанъ съ ирландцами.—Удовлетворится ли ирландцы однимъ «трилистникомъ»?—Дрейфусистская гадра вновь поднимается го- лову.—Возрожденіе национализма и укрѣпленіе антисемитизма во Франціи.</p>	
XVIII. Новая книга: 1) <i>Проф. Д. В. Цвѣтаевъ</i> . Варшавское «Общество науки и его домъ. <Варшавскія Университетскія Извѣстія> 1899 г., кн. VII и IX. 2) <i>Скугаревскій</i> . Очерки и замѣтки. Вып. 1-й Выдана, 1900 г. 3) Кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Составилъ <i>Левъ Павловичъ</i> . Спб., 1899 г. 4) <i>Жанъ де-ла-Пу- лель</i> . Колосъ на глиняныхъ ногахъ. Къ вопросу о военномъ мору- ществѣ Англій, переводъ съ французскаго. Спб., 1900 г.	20
XIX. Отголоски. (Корреспонденція «Наблюдателя»)	29
XX. Наши внутреннія дѣла	45
<p>Рѣшеніе сената по кассационной жалобѣ шкловскихъ евреевъ.—Отрад- ное впечатлѣніе, произведенное во всей Россіи признаніемъ «пле- менной и религиозной вражды» евреевъ къ христіанамъ.—Горестное положеніе русскаго населенія въ «черть осѣдлости».—Острые законы, обрѣданные противъ жидовъ.—Всемирно-израильскій заговоръ противъ всѣхъ національностей и религій, кромѣ еврейскихъ.—Жадкіе доводы кассаторовъ, отвергнуты сенатомъ.—Систематическое истребленіе русской національной печати.—Широкій кредитъ, открытый для еврей- скаго издательства.—Сенсаціонное банкротство Паллизена.—Любопыт- ное въ принципиальномъ смыслѣ рѣшеніе суб. мирового судьи 14-го участка.—«Сынъ Отечества», умиленно и плотоудно взирающій на вороха бумажной макулатуры.</p>	
XXI. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) И смѣхъ, и горе. (Литературныя и общественныя замѣтки). Счастливая еврейская звезда начинаетъ меркнуть! —Наказанное нествозво въ «черть еврейской осѣдлости».—Крахъ рептильныхъ изданій всемірнаго ка- гала.—Пострадавшая казна.—Новые элементы въ нашей академіи наукъ.—Первое избраніе почетныхъ академикомъ.—Нѣкоторыя недо- умьянія въ публикѣ по поводу этого избранія.—Реклама и партій- ность.—Судебное ораторство и литературныя заслуги.—Не слѣдуетъ ли возродить самостоятельную и независимую «Русскую Академію»?— Новыя невзгоды, обрушившіяся на русскую журналистику.—Мировые судьи, хозяйничающіе въ нашихъ редакціяхъ.—Легкая афера для бездарныхъ писакъ.—«Суди не выше сапога!» —Строгость къ изда- телямъ и благоволеніе къ домовладыльцамъ. <i>Ефима Простосердова</i>	56
2) Стихотворенія: <i>Невскаго Жителя, Старога Капрала и Фланера</i>	68
XXII. Объявленія	1—12

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

И. П. ПЯТКОВСКАГО.

Handwritten signature

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

015397
165910

№ 4. АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Редація и Главная Контора помѣщаются въ Колокольной улицѣ, № д. 18—19
(уголь Николаевской).

1900.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARY
STACKS
NOV 11 1965

**Въ главной Конторѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“
продаются:**

- 1) Указатель статей, напечатанныхъ въ журналѣ за 12 лѣтъ (по фамиліямъ авторовъ) съ 1882 г. по 1894-й годъ. Цѣна: безъ перес. 25 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 35 коп.
- 2) Двадцать одинъ годъ существованія журнала: „Народная Школа“. (Историческій очеркъ. Цѣна безъ перес. 30 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 40 к.
- 3) Отдѣльные портреты А. П. Пятковскаго (на плотной бумагѣ). Цѣна за экз. безъ перес. 50 к.; съ перес. (заказной бандеролью) 60 к.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выдетъ въ свѣтъ историческій этюдъ А. П. Пятковскаго:

Императоръ Александръ III; его внутренняя и внѣшняя политика. (Съ портретомъ).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА, НА 1900 Г., НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

Годъ XIX | „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ | Годъ XIX

Выходить ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступивъ въ 19-й годъ своего существованія, журналъ будетъ издаваться въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. «НАБЛЮДАТЕЛЬ», прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшие дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появившихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* ¹⁾. Общее же направленіе нашего журнала, — насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики, — мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли за *прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни* — въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и

¹⁾ «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ), былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

экономическаго благосостоянія, съ сохраненіемъ, притомъ, коренныхъ основъ нашего національнаго быта и характера. Безъ внимательнаго изученія этого быта, безъ любви и уваженія къ своему народу немислимъ никакой устойчивый прогрессъ, а возможно только легкомысленное заимствованіе изчужа неприложимыхъ къ намъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ.

При этомъ мы отходили одинаково далеко, съ одной стороны, отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «охранительной» прессы, охраняющей едва ли не одни плоды татарскаго нашествія, а съ другой — отъ буржуазнаго «либерализма», весьма дружнаго съ еврействомъ и даже находящагося у него на полномъ содержаніи. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно вычеркнули всякія жидовскія симпатіи, которыя сначала протискались въ нашу прессу подъ флагомъ «религіозной терпимости» (благодаря нашему полному невѣжеству относительно настоящаго—*антигосударственнаго* и *антисоціальнаго*—смысла талмудическаго ученія), а теперь поддерживаются въ ней либо давленіемъ еврейскаго капитала, либо грубымъ политическимъ шантажемъ и застрачиваніемъ, — о чемъ мы уже не разъ, съ доказательствами въ рукахъ, говорили въ **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**.

Въ вышедшихъ книгахъ журнала за 1899 г. (№№ 1—12) напечатаны: 1) «Ближніе и дальніе», романъ въ 3-хъ частяхъ, *В. Е. Чешихина*; 2) «Въ семьѣ Востковыхъ», романъ *А. Мартынова* (изъ быта духовенства); 3) «Чужая душа—потемки», повѣсть *Н. О. Бажина*; 4) «Желѣзный канцлеръ древняго Египта», романъ въ 2-хъ частяхъ, *В. И. Крыжановской*; 5) «Въ провинціи», романъ въ 2-хъ частяхъ (изъ военнаго быта), *В. Югова*; 6) «Вблизи Кровавыхъ камней», повѣсть *К. М. Длусскаго*; 7) «Голодное сердце», повѣсть *С. Лаврентьевой*; 8) «По теченію», повѣсть *Брешко-Брешковскаго*; 9) «Изъ моего прошлаго», *А. П. Пятковскаго*; 10) «О недобросовѣстности въ повседневныхъ правовыхъ отношеніяхъ», проф. *Д. И. Азаревича*; 11) «Патріотизмъ и космополитизмъ», *Его же*; 12) «Въ дебряхъ Польска», *А. П. Липранди*; 13) «Болѣзненность и смертность русскаго народа», *Д. П. Райскаго*; 14) «Законъ и кассационное рѣшеніе», *А. О. Дукмасова*; 15) «Употребленіе евреями христіанской крови при религіозныхъ обрядахъ», *И. Ядринопольскаго*; 16) «Нѣ-

сколько словъ о національнѣмъ воспитаніи русскаго юношества», *Е. Пашина*; 17) «Тернистый путь» (изъ записокъ школьнаго учителя), *Н—ва*; 18) «Очерки Средней Азіи», *Н. фонъ-Гука*; 19) «Къ вопросу объ интеллигентномъ пролетаріатѣ», *Его же*; 20) «Государственный актъ первостепенной важности», *Ө. П. Еленева*; 21) «Еврейство и либерализмъ», *Е. Орловскаго*; 22) «Прогулка по античному міру», *И.*; 23) «Эпопеи Гамерлинга», *В. Е. Чешихина*; 24) «Забайкалье въ сельско-хозяйственномъ и экономическомъ отношеніи», *Д. П. Райскаго*; 25) «По Уралу, среди башкиръ», *С. Г. Рыбакова*; 26) «Наши судебные порядки передъ лицомъ присяжнаго застѣдателя», *Д. Орлова*; 27) «Гдѣ спасеніе?» (изъ Привислянья), *Г. Ц—ва*; 28) «Объ условіяхъ торговли виноградными винами въ Россіи», *Я. Л.*; 29) «Каналь между Москвою и Волгою», *В. Крылова*; 30) Стихотворенія: *Л. Афанасьева, Г. Арищенки, К. Бальмонта, гр. П. Д. Бутурлина, К. В. Иванова, А. В. Крулова, А. Мейснера, П. Петровскаго, Д. Ратгауза, И. Толмачева, Л. Н. Трефолева* и др.; 31) Переводные романы: «Разбитая жизнь», *Джероламо Роветты* (съ итал.); «Расплата», *Эрнеста Рэмтна* (съ нѣмецк.); «Актриса», *Поля Бурбэ* (съ франц.); «Ревность матери», *Роды Браутонъ* (съ англ.) и пр.; 32) Фельетоны *Ефима Простосердова* и князя *Тенерифскаго*; 33) «Въ пріютѣ музъ» (письмо изъ Веймара, съ рисунками), *В. Баскина*; 34) Провинціальная жизнь, *Х.*; 35) Отголоски (корреспонденція «Наблюдателя»); «Аудіенція» (очеркъ изъ жизни судебного міра), *В. А. Бѣлинскаго*; 37) «Монаршее милосердіе и правомѣрное его отправленіе», *В. Рудакова*; 38) «По закону», рассказъ *Д. В. Федорова*; 39) «Мой пріятель Фрицъ», рассказъ *Л. П.*; 40) «Борьба сербскаго народа съ его врагами», *Серба* и пр.

Кромѣ того, въ «Наблюдатель», въ послѣдніе годы, принимали участіе: *А. В. Амфитеатровъ*, проф. *Ө. В. Благовидовъ*, *А. А. Винницкая*, *Н. Х. Вессель*, *В. А. Волжинъ*, *И. А. Гобшитеттеръ*, *И. П. Корниловъ*, *А. Михайловъ*, *Вас. И. Немировичъ-Данченко*, *С. С. Орлицкій*, *Н. М. Соколовъ*, *С. Ө. Шарановъ*, *И. И. Ясинскій* и мн. др.

Въ текстѣ журнала за 1899 г. помѣщены портреты: ст. секр. *Ө. П. Корнилова*, члена госуд. сов. *М. Н. Галкина-Врасскаго*,

М. Е. Салтыкова, Н. Н. Брусницына (основателя «Дома Призрѣнія въ Спб.), *А. П. Пятковскаго* (къ 40-лѣтію литературной дѣятельности), *В. П. Безобразова* (академика и сенатора, сотрудничавшаго въ «Наблюдатель» съ 1884—1889 г.) и др. рисунки.

Отдѣльные портреты *А. П. Пятковскаго* продаются въ Главной Конторѣ по 50 к. экз., съ пер.—60 к.

ПОДПИСКА:

На годъ. На полгода. На три мѣс.

Съ доставкою въ С.-Петербургъ и съ пересылкою въ другія мѣста Россіи. 12 руб. 6 руб. 3 руб.
> пересылкою за границу. 14 > 7 > 4 >

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается. Гг. служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ *Главной Конторѣ Редакціи, Колокольная ул. (на углу Николаевской), д. № 18—19*), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 40), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ **Москвѣ**—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ **Одесѣ**—въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ **Кіевѣ**—въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ **Харьковѣ** и **Саратовѣ**—въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени»; въ **Казани**—въ книжн. магазинѣ Дубровиной. *Редакція отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.*

Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, Редакція «Наблюдателя». Телефонъ № 2237.

Редакторъ-издатель А. П. Пятковскій.

ОВЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ:

„ГЛАСНОСТЬ“

Программа «ГЛАСНОСТИ» обнимаетъ собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительствоныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросамъ общественной жизни, городского, земскаго и сельскаго самоуправленія. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія), судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій, сельско-хозяйственный, театральный; обзоръ искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія, доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и стороннія сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библиографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ, въ 1897 и 1898 г.г., печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣтки», «Вопросы дня», «Замѣтки кстати», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ:

«Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано было особенное развитіе, такъ что они представляли полный обзоръ всѣхъ выдающихся мнѣній прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ были помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. *Д. А. Милютина*, бывшаго министра нар. просвѣщенія гр. *И. Д. Делянова*, ст.-секретаря *И. Н. Дурново*, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» *М. П. Озмидова*.

По обстоятельствамъ, отъ Редакціи не зависящимъ, *возобновленіе газеты отлагается*. (Эти обстоятельства выяснены въ январьской и ноябрьской книгахъ «Наблюдателя» 1899 г. въ отдѣлѣ «Фонографа»). Право на возобновленіе газеты, по прежней программѣ, продолжено до 1-го мая 1900 г. Прежніе подписчики газеты удовлетворены вполнѣ или: 1) возвращеніемъ излишне-уплаченныхъ денегъ; 2) или высылкою газеты: «Русскій Листокъ» на соответственное подпискѣ время или же 3) перенесеніемъ подписныхъ денегъ на журналъ «НАБЛЮДАТЕЛЬ», который и высылался имъ до конца подписнаго срока.

О времени возобновленія газеты будетъ объявлено особо.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

ВЪ БЛАГОПРИЯТНОЙ СРЕДѢ.

Романъ.

VIII.

Въ передней сбились въ кучу — три Мурашевы и Петръ Семеновичъ, въ дорожныхъ запыленныхъ платьяхъ. Рядомъ съ ними ярко выступали свѣтлые нарядные костюмы Любы и Розы Игнатьевны, обнаженные руки, разгорѣвшіяся и подпудренные лица. Въ залѣ гремѣло фортепіано, слышалась громкая команда дирижера: *dos à dos, s'il vous plait, chaine chinoise, corbeille*; звякали шпоры, топотали каблуки ретивыхъ конкеровъ. Смѣхъ, говоръ, мотивы кадрили — все это обильнымъ потокомъ вливалось въ переднюю, среди которой стояли нѣсколько растерянные и смущенные Ольга, Лидія и Клавдія Ѳеодоровна съ Петромъ Семеновичемъ.

— Ахъ, Боже мой! Да какъ же это могло случиться, что я не получила вашего письма? — закативъ глаза, охала Роза Игнатьевна. — Вы говорите, изъ Москвы писали? А, впрочемъ, что жь, это возможно: мы живемъ на краю города. Очень, очень рада васъ видѣть. Столько лѣтъ мы не видались; послѣдній разъ, — помните въ Бѣлогорскѣ, — тогда вы только что замужъ вышли. Ну, какъ поживаетъ мой кузень? Старый хрычъ, я думаю, онъ теперь, да? А это дочери ваши? Прелестныя, просто красавицы. Очень пріятно познакомиться. — И съ привычной ловкостью Роза Игнатьевна быстро расцѣловала обѣихъ дѣвицъ. — А это?.. — вопросительно взглянула она на Петра Семеновича.

— Женихъ Олечки, Петръ Семеновичъ Рябченко, — представила Клавдія Ѳеодоровна: — свадьба осенью.

— Вотъ какъ! Со своимъ женихомъ въ Петербургъ пріѣхали.

Запасливо,—добродушно засмѣялась Роза Игнатьевна, но въ душѣ ощутила зависть къ матери, успѣвшей уже пристроить хоть одну изъ дочерей.

— Ну, что жь, поздравляю, поздравляю. Красавица у васъ будетъ жена, — сказала она Петру Семеновичу, и съ видомъ знатока быстро оглядѣла Ольгу съ ногъ до головы.

— Ахъ, я и забыла представить вамъ моихъ дѣвочекъ: Зина, Люба...—Барышни облобызались.

Между тѣмъ, Павелъ Ѳаддеевичъ хлопоталъ уже, чтобы снесли вещи прибывшихъ въ комнату для прислуги. Мурашевы, узнавъ, что попали на вечеръ, хотѣли проститься и уѣхать въ гостинницу, но Роза Игнатьевна не пустила ихъ. Она вообще любила быть «милой». Стоило только намекнуть ей, что Петру Семеновичу нужно будетъ поискать себѣ гдѣ нибудь комнату по близости, какъ и это скоро уладилось. Призванный ею дворникъ сообщилъ, что свободная комната сдается у старухи Леонтьевны, черезъ два дома отъ нихъ. Петръ Семеновичъ былъ тоже устроенъ.

Ольга и Лидія, умывшись и поправивъ прическу, вышли въ залу, гдѣ уже гремѣлъ котильонъ, и пары, какъ ошалѣлыя, носились въ атмосферѣ разныхъ духовъ, среди которыхъ рѣзко били въ носъ пачули Сахаровича, находившаго ихъ «самыми выгодными».

Такимъ образомъ, Мурашевы прямо съ дороги попали на вечеръ. Все это какъ-то ошеломило ихъ. Танцовать онѣ не рѣшались, но зато съ пугливымъ провинціальнымъ любопытствомъ разглядывали «столичное общество» гвардейскихъ офицеровъ, полагая въ своей наивности, что это—сливки петербургскаго бомонда.

На Петра Семеновича весь этотъ содомъ произвелъ удручающее впечатлѣніе. Не смотря на усиленные просьбы Павла Ѳаддеевича, которому Рябченко сразу понравился, женихъ удалился въ свою комнату, къ Леонтьевнѣ, и тамъ, не развязывая багажа, долго просидѣлъ въ задумчивости, опустивъ голову и опираясь локтями о колѣни...

IX.

Мурашевы отдохнули, оглядѣлись и начали «знакомиться съ Петербургомъ». Ольга Ивановна сошлась съ Зинойдой

Павловной. Между ними установилось то единеніе, — быстрое, восторженное, — къ которому такъ склонны дѣвицы средняго развитія; къ тому же онѣ были въ разныхъ вкусахъ: Ольга — шатѣнка, а Зинаида брюнетка; слѣдовательно, и соревнованія опасаться имъ было нечего.

Зинаида Павловна заполонила Ольгу Ивановну, бесѣдовала съ нею по цѣлымъ часамъ, рассказывая, иногда намеками, а иногда и прямо, всѣ «особенности» столичной жизни, конечно, касающіяся любви, мужчинъ и развлеченій... На этотъ счетъ старшая Кошлякова, капризная, настойчивая и не поддающаяся общепринятой морали, выработала себѣ особыя убѣжденія, считая себя выше всѣхъ этихъ «эгоистическихъ условностей», которыя выдуманы родителями и мужьями въ своихъ личныхъ интересахъ».

Павель Ѡаддеевичъ давно махнулъ на семью рукой и предоставилъ Розѣ Игнатьевнѣ руководство во всемъ; а та, съ одной стороны, въ слѣпомъ обожаніи своихъ дочерей, а съ другой, какъ бывшая нѣкогда хорошенькой, но бѣдной дѣвучкой, принужденной всѣми способами завоевывать себѣ матеріальное благосостояніе, — думала, что женщина можетъ многое себѣ позволить, только надо имѣть тактъ и благо-разуміе.

Она знала также, что «дѣвочки ея — не институтскіе барашки», а кое-что знающія о жизни, и потому была вполне спокойна, что «одурачить» себя онѣ не позволяютъ. Поэтому она предоставила имъ полную свободу, въ особенности Зинѣ, которую считала большой умницей. Только иногда, и то въ присутствіи постороннихъ малознакомыхъ людей, когда дѣвицы просили отпустить ихъ однѣхъ съ кавалерами въ театръ или въ увеселительный садъ, Роза Игнатьевна озабоченно покачивала головой и говорила: — Ахъ, Боже мой! Да развѣ можно? барышни вы молоденькія, хорошенькія, и вдругъ однѣ съ кавалерами... ай, ай, ай! — Но благодущная улыбка, озарявшая ея широкое, всегда слегка багровое лицо, ясно говорила, что «конечно, можно».

Всѣ рассказы, поясненія и анекдоты Зинаиды Павловны Ольга слушала со жгучимъ любопытствомъ. Смутный протестъ противъ захолустной «пошлой» жизни, — сумбуръ, издавна томившій ея душу, — какъ будто началъ принимать опредѣленную

форму. Мутныя волны нашли себѣ русло. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ жалокъ показался ей теперь Петръ Семеновичъ,—ея «женихъ», такой круглый, мягкій, съ тревожно-добрými глазами, готовыми тотчасъ увлажниться слезой, съ бабьей заботливостью о хозяйствѣ, о «добрѣ», и злая улыбка сжимала губы Ольги Ивановны и досадно было ей:—къ чему она поторопилась? къ чему привезла съ собою въ Петербургъ этого «добродушенькаго»,—какъ называли его сестры Филевичъ,—обывателя Калинъ? «Положимъ, онъ принялъ на свой счетъ двѣ трети путевыхъ расходовъ, но развѣ отецъ не могъ занять этихъ денегъ? Да что отецъ! Правду говорить Зина: у родителей одно на умѣ—замужство и замужство дочерей во чтобы то ни стало, да поскорѣе. «Рябченко тебя, молю, любить, на рукахъ будетъ носить». Очень мнѣ нужны его дряблыя руки! Я желала бы чувствовать себя въ рукахъ мощныхъ, сильныхъ, съ бронзовыми мускулами»... вспомнился ей сонъ на пароходѣ, и она мечтательно улыбнулась.

Невѣсту мучилъ вопросъ: что дѣлать? Объявить Петру Семеновичу прямо, что она раздумала,—неловко. Пріѣхали почти что на его счетъ, и къ тому же помолвлены. А тутъ Зина подсмѣивается, называетъ Рябченку «субъектомъ средняго пола». Что это значитъ? Ольга Ивановна рѣшила предоставить все случаю. Къ тому же, пожалуй, отказъ сразилъ бы этого простака.

Но были минуты, когда Ольга Ивановна, словно послѣ болѣзненныхъ галлюцинацій, приходила въ себя. Тогда здравый смыслъ говорилъ ей, что напрасно она позволяетъ нездоровой фантазіи овладѣвать собою. Но что же она могла подѣлать?.. Разжигающіе рассказы Зины, странныя, дѣйствующія на нервы, петербургскія ночи, «точно блѣдныя лица маньяковъ»,—какъ называла ихъ Ольга Ивановна,—смѣлые взгляды мужчинъ, знакомыхъ и чужихъ; наконецъ, увѣренность, что въ этомъ безконечномъ шумномъ городѣ такъ легко укрыться отъ нежелательныхъ взглядовъ,—все это почти до одуренія кружило голову молодой дѣвушкѣ. Ольгѣ Ивановнѣ казалось, что съ каждымъ днемъ она глубже и глубже погружалась въ какой-то бурливый, но грязный потокъ съ маслянистыми, мягкими, но пріятными волнами.

Петру Семеновичу жилось плохо. Какъ на дежурство являлся

онъ къ Кошляковымъ, чтобы повидать свою невѣсту, хотя чувствовалъ, что о немъ не то что забыли, а просто его не замѣчали. Дочери Розы Игнатьевны, ихъ знакомые—барышни и кавалеры—были совсѣмъ чужими для него, не малознакомыми, а безповоротно чужими. Онъ зналъ, что сколько бы ни жилъ среди этого общества, — ни оно его, ни онъ его не поймутъ. Конечно, ему мало было дѣла до этихъ столичныхъ кавалеровъ и дѣвицъ, но Петръ Семеновичъ съ острою болью видѣлъ, какъ со дня на день все болѣе и болѣе къ нимъ примыкала его Ольга, его будущая жена, предметъ его долгихъ и мучительныхъ размышлений...

«Конечно, молода еще, сидѣла въ глуши; молодое къ молодому тянется... — пробовалъ успокоить себя Петръ Семеновичъ:—тревожиться, быть можетъ, и нечего. Навѣрно вся эта гадость—знакомство съ пустыми франтами, безцѣльное шатанье по улицамъ, по паркамъ — скоро надоѣстъ Ольгѣ, и она съ удовольствіемъ вернется въ наши дорогія Калины. А къ тому времени и полы у меня выкрасятъ, новыми обоями комнаты оклеятъ; навѣрно и клумбы съ цвѣтами передъ крылечкомъ разобьютъ,—я подробно объяснилъ все Христѣ. Заживемъ потихоньку, помаленьку, и будемъ подсмѣиваться надъ этимъ чуднымъ Петербургомъ!»

Такъ утѣшалъ себя Петръ Семеновичъ, не обращая вниманія на то обстоятельство, что его присутствіе видимо стѣсняло дѣвицъ. При входѣ его, оживленные разговоры прерывались, глазки тухли; вмѣсто обильныхъ рѣчей, произносились односложныя глухія слова. Прогулки по городу, по музеямъ, по садамъ Ольга Ивановна совершала безъ Петра Семеновича, чаще всего съ Зинаидой Павловной, у которой для такихъ случаевъ всегда имѣлись подходящія кавалеры.

Придетъ, бывало, Петръ Семеновичъ къ Кошляковымъ, посидитъ гдѣнибудь въ сторонкѣ; увидитъ, что имъ никто не интересуется, возьметъ шляпу и уйдетъ, тяжело вздохнувъ, въ свою канурку у Леонтьевны, гдѣ постоянно пахнетъ кошками, жареной треской и мокрымъ бѣльемъ. Тамъ, на жиденькой кровати, словно изъ проволоки, онъ сидитъ часъ-другой и все думаетъ. А мысли его,—точно замкнутый кругъ однихъ и тѣхъ же повторяющихся музыкальныхъ мотивовъ,—безтолково вертятся въ его головѣ. Возникаютъ одни и тѣ же вопросы; на

нихъ появляются все тѣ же отвѣты, но почему-то каждый разъ и вопросы кажутся ему новыми, и отвѣты на нихъ не прежними? Лучшими минутами для Петра Семеновича были тѣ, когда ему удавалось подѣсть къ Лидіи и побесѣдовать съ ней. Эта тихая, скромная дѣвушка, съ глазами чистыми и спокойными, какъ у ребенка, совсѣмъ не увлекалась столицей. Ее больше удивляли, чѣмъ восхищали высокіе дома, чистыя, какъ паркетъ, мостовыя, золотые куполы церквей, громадныя вагоны конки, влекомыя сравнительно маленькими лошадами. Изумляла ее также смѣлость петербургскихъ мужчинъ, нахально заглядывающихъ въ глаза проходящимъ женщинамъ. Последнее, впрочемъ, не столько возмущало ее, сколько смѣшило, — она находила это просто глупымъ.

Зиночкѣ и Любѣ Лидія не понравилась. Ее признали «глупенькой», а глупенькая совсѣмъ не нуждалась въ ихъ обществѣ, сидѣла почти все время дома, читала путешествія съ картинками, а изрѣдка бесѣдовала съ Петромъ Семеновичемъ. Тема у нихъ обыкновенно была одна, — что дѣлается теперь въ Калинахъ.

— Я думаю, ужъ землянику на базарѣ продаютъ, — серьезно говорить Лидія. — Настурціи у насъ по всей террасѣ навѣрно расплозились. А вы читали, Петръ Семеновичъ, въ газетахъ, что у насъ большой ливень былъ? Ну, Евдоху, конечно, затопило и малину въ ея саду пескомъ занесло. Помните, когда въ апрѣлѣ разливъ былъ, ей тогда очень досталось... Галкинъ видѣлъ: — сидитъ она на окнѣ и плачетъ, — онъ тогда на лодкѣ съ учениками ѣздилъ помощь подавать. Такъ въ лодкѣ подѣ самое окно и подѣхалъ къ Евдохѣ. А у васъ, Петръ Семеновичъ, навѣрно теперь хорошо. Въ саду вишенъ много, но еще зеленыхъ, твердыхъ... А Лыска ваша, вѣроятно, очень скучаетъ. Хорошая собака! Мы часто слышимъ, какъ она всю ночь, какъ колокольчикъ, такъ и заливается.

И Петръ Семеновичъ слушалъ эти немудренныя рѣчи, улыбался, и глаза его сіяли. Онъ мысленно взбирался уже по косягамъ своихъ родныхъ Калинъ, шагаль по песчанымъ немощенымъ улицамъ, испещреннымъ узорчатыми тѣнями частыхъ садиковъ; отдыхалъ на завалинкахъ, подѣ навѣсами пухлыхъ соломенныхъ крышъ, изъ-подѣ которыхъ выглядывали добродушныя оконца съ чистенькими ставеньками, отгороженными

отъ любопытныхъ свиней палпсадниками, за которыми бойко разростались георгины, царская бородка, махровый макъ и резеда. Ему казалось, что онъ уже дышетъ пріятной влагой берега, смѣшанной съ легкимъ дымкомъ костра рыбаковъ; слышать, какъ хруститъ подъ его ногами чистый желтый, точно просѣянный, песокъ.

Х.

Въ половинѣ іюня Роза Игнатьевна праздновала день рожденія Зины.

Съ утра начали являться съ поздравленіемъ учителя и прочій персоналъ сосѣднихъ училищъ и пріуговъ. Заѣхалъ и Кеттереръ въ изящномъ сюртукѣ, тщательно выбритый, надушенный. Онъ привезъ Розѣ Игнатьевнѣ большой сладкій пирогъ, а Зинаидѣ Павловнѣ—плюшевую бонбоньерку съ фарфоровымъ амуромъ наверху. Онъ держалъ себя, какъ дома. По братски подшучивалъ надъ Любой, увѣрялъ Розу Игнатьевну, что она годъ отъ году не старѣетъ, а молодѣетъ. Роза Игнатьевна дружески ударяла его по плечу и пріятно смѣялась. Петръ Семеновичъ нарядился во фракъ, сшитый жидомъ въ Калинахъ, и его тучная фигура и грубое «экономическое» бѣлье вызвали насмѣшливыя замѣчанія Зины и Кеттерера. Клавдія Ѳедоровна также облеклась въ широчайшее стальнаго цвѣта шолковое платье, съ давно вышедшими изъ моды рюшами и бахромой, и торжественно возсѣла на диванъ, самодовольно улыбаясь и привѣтливо кивая гостямъ головой, что, по ея мнѣнію, значило быть «свѣтской».

Послѣ обѣда, Зинаида Павловна и Кеттереръ, перемигнувшись, удалились въ гостинную, переговорили о чемъ-то вполголоса, а затѣмъ Кеттереръ предложилъ Розѣ Игнатьевнѣ—«окончить этотъ торжественный день въ Альгамбрѣ», въ увеселительномъ саду.

— Кстати, сегодня тамъ бенефисъ Біанки Мимб и дебютъ сестеръ Бебе.

Молодежь сочувственно одобрила, а болѣе пылкіе даже захопали въ ладоши. Клавдія Ѳедоровна, со своей неизмѣнной плаксивой улыбкой, спросила Кеттерера:—А прилично ли тамъ?

— Можно, — тономъ глубокаго убѣжденія успокоила ее Роза Игнатьевна: — пусть дѣвочки развлекутся, не маленькія вѣдь, а порядочному человѣку вездѣ прилично.

Итакъ, поѣздка въ Альгамбру была рѣшена. Петръ Семеновичъ принужденъ былъ тоже принять участіе, не смотря на то, что послѣ сытнаго обѣда онъ съ величайшимъ наслаженіемъ поспалъ бы часокъ-другой.

Когда, нанятая Кеттереромъ, двѣ кареты доставили Кошляковыхъ и ихъ гостей къ деревяннымъ воротамъ, надъ которыми сверкала изъ лампіоновъ надпись «Альгамбра», у входа уже толпилась разношерстная публика. Тутъ же сплошной стѣной стояли извозничьи пролетки и лихо подкатывали къ саду собственные экипажи, мягко шелестя по песку резиновыми шинами. Полицейскіе чины смягченными голосами предлагали широкоплечимъ бородачамъ — «продвинуться впередъ, отъѣзжать». А изъ-за высокаго забора, сплошь почти оклееннаго двѣтными афишами и унизаннаго флагами, неслись визгливые звуки молдаванскаго оркестра, сверкали вверху шары электрическихъ фонарей.

Покрикиванія кучеровъ, городскихъ, свистъ недалекаго парохода, звонки конокъ, говоръ толпы, стремящейся поскорѣе взять входные билеты, — все это смѣшивалось съ отголосками музыки и громыханіемъ вагончиковъ «американскихъ горъ». Словомъ, стоялъ шумъ и гамъ, столь пріятный расслабленнымъ нервамъ столичныхъ обывателей.

Кеттереръ, ловко расталкивая толпу, извиняясь передъ одними, строго прося другихъ «посторониться», провелъ дамъ ко входу въ садъ. Служитель, отбиравшій билеты, почтительно снялъ предъ нимъ шапку, какъ предъ почетнымъ посѣтителемъ. Ольга Ивановна, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ любопытствомъ глядѣла по сторонамъ.

Вся эта суетока, шумливая толпа, весь этотъ воздухъ, — чуть сыроватый, острый, не оставляющій ни одного нерва въ покоѣ; — на всемъ явный отпечатокъ разгула, жизни во всю мочь здороваго или больнаго организма нравились провинціалкѣ. Ей стало весело. Ее веселили и бѣлые столики съ бутылками и стаканами, вокругъ которыхъ сжатыми кучками сидѣли мужчины и дамы, и смѣлые взгляды расфранченныхъ дѣвицъ, продающихъ бутоньерки, и расторопные ла-

кеи, летающіе, сломя голову, изъ буфета къ столикамъ и обратно.

Садъ былъ полонъ. Цвѣтныя дамскія шляпки, точно пестрые букеты, плавали среди черныхъ котелковъ и цилиндровъ мужчинъ; здѣсь и тамъ алѣли или бѣлѣли военныя фуражки. Шедшая рядомъ съ Ольгой, Зинаида Павловна чувствовала себя совершенно спокойной, точно у себя дома. Многихъ изъ «золотой и веселящейся молодежи» она знала и указывала на нихъ Ольгѣ Ивановнѣ. Та съ живымъ любопытствомъ и особымъ проникновеннымъ взоромъ, — исключительнымъ даромъ женщинъ, — въ одно мгновеніе успѣвала осмотрѣть съ ногъ до головы разныхъ Шурокъ, Дашекъ, Финетокъ, поручика Хрякина, Лолдъ Бѣлоусова. О нѣкоторыхъ изъ нихъ Зинаида Павловна сообщала что-то своей спутницѣ на ухо, а Ольга Ивановна улыбалась, краснѣла и, быстро обернувшись, еще разъ съ особымъ вниманіемъ провожала ихъ взоромъ.

Кеттереръ устроилъ все ловко. Пожилыхъ особъ усадилъ за столиками пить чай; къ нимъ примкнулъ и Петръ Семеновичъ съ Лидіей, а молодежь, раздѣлившись на группы, отправилась гулять по саду и могла, не стѣсняясь, говорить, о чемъ вздумается.

Къ Зинѣ съ Ольгой присоединился Кеттереръ. Зинаида Павловна осмотрѣлась и, убѣдившись, что мамаша и прочія солидныя особы далеко, взяла смѣло Кеттерера подъ руку. Они перебрасывались короткими словечками, многозначительно улыбаясь другъ другу. Желая оказать подругѣ одолженіе, Ольга Ивановна отворачивалась, «чтобы не мѣшать влюбленнымъ».

На открытой сценѣ взвился занавѣсъ, выскочили четыре жиды и начали оглушительно бить въ барабаны, кричать, метаться по сценѣ. Публика хохотала и хлопала въ ладоши. Зинаида Павловна послала Кеттерера принести ей конфетъ.

— А онъ очень милый, — замѣтила Ольга Ивановна. — Когда онъ женится на васъ? — Женится? — пожала плечомъ Зинаида Павловна: — да вѣдь онъ женатъ.

— Какъ женатъ? — удивилась Ольга Ивановна.

— А развѣ вы не знали? Давно, на какой-то безличной шенелявой бабенкѣ. Бракъ по расчету.

Ольга Ивановна осталась въ полномъ недоумѣніи, но ей не пришлось долго размышлять. Рѣзкій колокольчикъ призы-

валь почтеннѣйшую публику въ закрытый театръ, — главную приманку Альгамбры.

Наше общество размѣстилось въ двухъ ложахъ.

Гремѣлъ оркестръ, желтѣли маленькія электрическія лампы. Публика, точно длинный черный потокъ, тянулась по среднему проходу и разливалась по стульямъ. Наполнялись и ложи. Хорошенькія личики смѣло высовывались впередъ; сзади нихъ, въ полутьмѣ, прятались дряблыя лица старухъ и солидныхъ кавалеровъ. Видно было, что публика эта принадлежитъ къ особому, такъ называемому, «веселящемуся Петербургу» — кокетки, эксцентричныя барыньки, жуирующие старички, швыряющіе деньгами юноши, разыгрывающіе изъ себя «пшютовъ» купчики и прочіе.

Ольга Ивановна съ любопытствомъ всматривалась въ ихъ оживленныя лица, подмигиванья, своеобразныя улыбки; она чувяла, что пульсъ у этой, стремящейся къ острымъ наслажденіямъ, публики бьется быстро, и ею также начала овладѣвать незнакомая прежде лихорадка. Она забыла на время свою провинціальную сдержанность и, не стѣсняясь, болтала съ Кеттереромъ и съ какимъ то офицеромъ, фамиліи котораго даже не знала.

Петръ Семеновичъ и Лидія инстинктивно держались вмѣстѣ. Они сѣли въ самомъ концѣ другой ложи. Тряска въ экипажѣ, продолжительное шатанье по саду, безумныя жидовскіе крики на открытой сценѣ, — все это очень утомило Петра Семеновича. Онъ тупо глядѣлъ на сцену, гдѣ знаменитость — Біанка Мимб — помахивала своими юбками, точно носовымъ платкомъ, и продѣлывала несовсѣмъ понятныя для него, но очевидно замысловатыя штуки. Его не заинтересовали и сестры Бебе, встрѣченныя и провожаемыя оглушительными аплодисментами компетентной публики. Ему не было ни скучно, ни весело. Онъ точно смотрѣлъ въ рукопись на санскритскомъ языкѣ, котораго, конечно, не изучалъ.

«Можетъ быть, это и весело, — думалъ онъ: — деньги вѣдь платяты. А только мнѣ что-то не до смѣху, да и по французски я не понимаю, а, можетъ быть, и по другой причинѣ»... Его больше интересовалъ блестящій, какъ зеркало, цилиндръ Кеттерера и его прекрасно сшитое пальто пепельнаго цвѣта съ искрой.

«Франтикъ,—подумалъ Петръ Семеновичъ.—А ничего, красиво одѣтъ, — только навѣрно все это дорого стѣить. Легкія деньги».

Въ сосѣднюю ложу, къ началу втораго отдѣленія, вошла шумная компанія, уже издали дававшая о себѣ знать бѣглымъ французскимъ говоромъ.

Оглянувшись, Ольга Ивановна съ удивленіемъ узнала Синерукову, разодртую въ пухъ и прахъ. За нею слѣдовала почтенная дама въ черномъ,—вѣроятно, компаньонка,—а кавалерами были два генерала: одинъ тучный, почти безъ шеи, съ бѣлыми погонами и аксельбантами, чуть выглядывавшими изъ-подъ его николаевской шинели, а другой значительно моложе, маленькій кругленькій коротышъ, со вздутыми розовыми щеками и въ пальто съ желтыми погонами.

Прибывшіе заняли съ шумомъ мѣста и сразу обратили на себя вниманіе всего театра; се всѣхъ концовъ уставились на нихъ бинокли.

Синерукова, напоминавшая хорошенькую юркую птичку, завернутую въ ленты и кружева, егозила, картавила, играла глазками.

При одномъ изъ такихъ поворотовъ, она взглянула на Ольгу Ивановну и, тотчасъ узнавъ ее, привѣтливо кивнула головой и послала воздушный поцѣлуй; затѣмъ шепнула что-то генераламъ, а тѣ, какъ по командѣ, вооружившись пенснэ, закинули головы назадъ и начали смѣло разглядывать Ольгу Ивановну и сидящихъ съ ней въ ложѣ.

XI.

Занавѣсъ взвился. На сценѣ появлялись одна за другой шансонетныя пѣвицы, очень красивыя. Альгамбра славилась ими. Синерукова восхищалась, даже вскрикивала отъ восторга.

— Ахъ, посмотрите, генераль; посмотрите, какая красота, прелесть!—Ея маленькія ручки въ шведскихъ перчаткахъ часто и нервно хлопали.

Зинаида Павловна также съ удовольствіемъ смотрѣла на сцену, а по временамъ наклонялась къ Ольгѣ Ивановнѣ и разъясняла ей особый смыслъ французской шансонетки или жеста пѣвицы. Клавдіи Ѳедоровнѣ театръ не особенно нравился; къ

тому же она по французски ни слова не понимала; Роза же Игнатьевна съ разгорѣвшимися щеками одобрительно и въ тактъ музыкѣ кивала головой. Съ лица ея не сходила благодушная улыбка мамыши, радующейся, что ея дочери «веселятся».

Въ антрактѣ Синерукова подошла къ Ольгѣ Ивановнѣ.

— Ахъ, душечка, прелестная!—воскликнула она со свойственной ей восторженностью и игрой глазъ. — Какъ я рада васъ видѣть! Можете себѣ представить: я много разъ вспоминала о васъ. А вы, кажется, въ большомъ обществѣ? — прищурившись, посмотрѣла она черезъ лорнетъ, — скажите, кто это—установилась она на Зинаиду Павловну:—дама или дѣвица? Какое оригинальное лицо!—И, не дослушавъ отвѣта, затараторила:—Вы должны, непременно должны, навѣстить меня. Я на дачѣ, на Каменномъ Островѣ. А папан ваша здѣсь? Очень прошу и васъ, *chère madame*, пожаловать ко мнѣ съ вашей очаровательной дочерью на будущей недѣлѣ въ субботу,—обратилась она къ Клавдіи Ѳедоровнѣ.—У меня соберется кое-кто. Надо же чѣмъ нибудь развлекать себя въ этомъ несносномъ петербургскомъ климатѣ. Не правда ли? Итакъ, до свиданья.

Клавдія Ѳедоровна конфузливо согласилась, въ душѣ польщенная такой любезностью элегантной дамы, видимо принадлежащей къ «самому избранному столичному бомонду» и явившейся въ сопровожденіи двухъ столь «почтенныхъ» генераловъ...

Петръ Семеновичъ, истомленный скукой и глухой тоской, неизвѣстно отчего точившей его рыхлое сердце весь этотъ день, хотѣлъ было послѣ театра уѣхать домой, но Кеттереръ упротсилъ его остаться поужинать.

Подъ широкимъ навѣсомъ, въ шахматномъ порядкѣ, стояла масса столиковъ; вокругъ нихъ тѣснилась публика, гремя стульями и постукивая, для призыва лакеевъ, ножами о тарелки. Въ особой нишѣ ретиво пилили на скрипкахъ молдаване въ своихъ національныхъ, бѣлыхъ съ вышитыми узорами, костюмахъ. Запахъ кухни смѣшивался съ тонкими ароматами духовъ; здѣсь и тамъ хлопали пробки; раскатистый смѣхъ заглушалъ французскія фразы; отчетливо звякали шпоры.

Кеттереръ суетился возлѣ большаго, заранѣе сервированнаго, стола со множествомъ разнородныхъ закусокъ, съ боль-

шими мельхіоровыми вазами со льдомъ, откуда выглядывали головки бутылокъ шампанскаго. Прислуга, въ ожиданіи хорошихъ «чаевъ», особенно старалась, заботливо изогнуть спины. Ольга Ивановна и Клавдія Федоровна, привыкшія въ провинці къ скромной сервировкѣ, были нѣсколько удивлены аляповатымъ шикомъ дорогаго ресторана, а Зинаида Павловна самодовольно улыбалась, зная, что Кеттереръ хлопочетъ ради нея и не жалѣетъ денегъ.

Ужинъ прошелъ шумно и весело. Кеттереръ сообщилъ послѣднія закулисныя сплетни; барышни много смѣялись; даже Петръ Семеновичъ раза два хихикнулъ.

Ольга Ивановна, настроенная нервно и къ тому же возбужденная двумя бокалами шампанскаго, почувствовала себя очень хорошо. Все, что видѣла она, нравилось ей. Ее занимали и пестрыя афиши на стѣнахъ, изображавшія дамъ въ желтыхъ и зеленыхъ платьяхъ, сильно декольтированныхъ, съ безумными лицами, выдѣлывающія странныя па какого-то танца совмѣстно съ кавалерами въ красныхъ фракахъ, съ моноклями и большими цвѣтами въ петлицахъ. Ей нравилась вся эта волнующаяся жизнь тысячной толпы, которая тутъ, подъ навѣсомъ, галдѣла, смѣялась, беззаботно отдавая себя вину и мимолетной любви. Колеблющіяся полосы сигарнаго дыма носились въ воздухъ и пріятно щекотали обоняніе. Нарядныя кокетки, съ ярко-красными, будто кровью выпачканными, губами, развязно прохаживались въ проходахъ между столиками, провожаемыя улыбками и подмигиваніями мужчинъ. Французскія актрисы съ кокетливой бравадой бросали нѣсколько громкихъ фразъ и отрывисто-нервно смѣялись. И надо всѣмъ этимъ людомъ, отуманеннымъ алкоголемъ, скабрезными представленіями, зазывающимъ видомъ продажныхъ женщинъ, носились пронзительные звуки молдавскаго оркестра, какъ бы задавшіеся цѣлью въ конецъ загнипнотизировать этихъ «жаждущихъ наслажденія» петербуржцевъ, лишить ихъ совершенно способности судить: что умно, что глупо, что честно, а что безчестно.

Кеттереръ сидѣлъ возлѣ Зины, и Ольга Ивановна не разъ замѣчала, какъ онъ близко наклонялся къ ней и шепталъ ей что-то на ухо, какъ вспыхивали смуглыя щоки ея подружки и загорались ея красивые черные глаза.

Невольно Ольга Ивановна сравнила Кеттерера, — стройнаго, съ изящными усиками, въ лощеномъ цилиндрѣ, — съ Петромъ Семеновичемъ, — тучнымъ, неуклюжимъ, который въ это время, подбодренный виномъ и общей веселостью, расцвѣлъ, какъ макъ, и съ добродушной разсѣянностью человѣка, не привыкшаго слѣдить за собою, разинулъ ротъ. Съ досадою и презрѣніемъ она отвернулась отъ него и стала смотрѣть на сосѣдній столъ, гдѣ какая-то прозрачная блондинка, съ крупными брилліантами въ ушахъ, протянула руку красивому офицеру, а тотъ, медленно перебирая кольца на ея тонкихъ бѣлыхъ пальцахъ, очевидно спрашивалъ о происхожденіи каждаго изъ колець. Блондинка хохотала, пробовала вырвать свою руку, но офицеръ не пускалъ.

ХІІ.

День шель за днемъ. Петербургская жизнь больше и больше затягивала Ольгу Ивановну. И въ то время какъ Клавдія Ѳедоровна и Лидія оставались преимущественно дома или изрѣдка гуляли въ Петровскомъ паркѣ, Ольга Ивановна безъ устали ходила и ѣздила по городу, — то въ гостинный дворъ или на выставку картинъ, то такъ, просто по Невскому и Большой Морской въ фешенебельное время. Она быстро изучила расположеніе улицъ, знала, гдѣ находятся лучшіе магазины и модные рестораны.

Красивая, стройная, со здоровымъ, не петербургскимъ цвѣтомъ лица, она производила впечатлѣніе. На улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ мужчины пристально глядѣли на нее; женщины завистливо провожали глазами. Не разъ до слуха Ольги Ивановны доносилось: «какая хорошенькая, пикантная шатѣнка!» И ей пріятно было быть хорошенькой и пикантной. Она быстро усвоила себѣ извѣстный столичный шикъ: — на рукахъ всегда свѣжія перчатки, элегантная обувь, простота въ костюмѣ.

Сестры Кошляковы просто были влюблены въ Ольгу Ивановну и, конечно, охотно сопровождали ее на прогулкахъ, а нерѣдко Зинаида Павловна, располагавшая всегда свободными деньгами, нанимала лихача, и онѣ съ Ольгой Ивановной быстро мчались по оживленнымъ улицамъ, заставляя прохожихъ

оборачиваться и принимать ихъ за кокотокъ. Въ то лѣто въ Петербургѣ ждали прїѣзда коронованныхъ гостей, и столичная жизнь была особенно шумнымъ ключемъ.

Петръ Семеновичъ со дня на день становился угрюмѣе. Отъ Петербурга онъ и прежде не ожидалъ ничего особеннаго, а дѣйствительность превзошла всякія его предположенія. И климатъ, и нервная суета истощеннаго, какъ ему казалось, населенія, и надоѣдливая опека полиціи на каждомъ шагу, — все это раздражало Петра Семеновича. Онъ чувствовалъ себя точно невыспавшимся, а къ тому же это отчужденіе, даже какъ бы враждебность къ нему Ольги Ивановны погружали его въ постоянную меланхолію.

Скучно было ему. Сидитъ онъ, бывало, въ кануркѣ у Леонтьевны, слушаетъ, какъ за стѣнкой на кухнѣ шипитъ что-то на плитѣ, какъ кашляетъ и охаетъ старуха и однообразно стучитъ машинка угловой жилички «Леонтьевны», — и возьметъ его тоска страшная. Ни читать, ни думать ему не хочется, да и о чемъ думать? Все передумано.

Не выдержать иногда Петръ Семеновичъ и пойдетъ къ Кошляковымъ.

— Гдѣ Ольга Ивановна? — спроситъ онъ почтительно у прислуги.

— Уѣхали-съ, съ утра ихъ нѣтъ, — всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ. И Петръ Семеновичъ не знаетъ, — уходитъ ли ему, или ждуть. Хорошо, если Лидія дома, — хоть съ ней онъ отведетъ душу, а то бываетъ, что и ей некогда: или читаетъ, или пишетъ письмо къ отцу.

Посидитъ Петръ Семеновичъ въ пустой комнатѣ, помолчитъ, а затѣмъ, вздохнувъ, уйдетъ куда глаза глядятъ. Побредетъ въ Петровскій паркъ, заберется въ самую безлюдную часть его, сядетъ на берегу, у самой воды, и станетъ смотреть, какъ далеко-далеко уходитъ широкая гладь Невы, какъ движутся по ней пароходы съ толстыми трубами, какъ послушно слѣдуютъ за ними громадныя баржи... И больно сожмется его сердце при видѣ этой картины простой трудовой жизни, и потянетъ его страстно туда, въ даль, — куда угодно, только бы подальше отъ этой болотной столицы съ ея развинченными нервами, бѣлыми ночами, съ ея провлятою жизнью...

Милъ докторъ
 1891 г.

Волны тихо плещутъ у его ногъ; по небу несутся то желтыя, то бурныя облака, и морской вѣтеръ шелеститъ старыми покосившимися липами и ивами. Тоска гложетъ Петра Семеновича.

«Запутался, такъ запутался, — говоритъ онъ самъ съ собою, разводя по привычкѣ руками, — что и не выбраться! Бросить все, уѣхать? Она, пожалуй, и рада будетъ, да я-то, куда я дѣнусь теперь? Что я съ собою подѣлаю тамъ, въ Калинахъ, гдѣ ужь одна комната отдѣляется для нея, другая—для будущаго сына или дочки, гдѣ прислуга ждетъ молодую хозяйку?.. И, наконецъ, тутъ, тутъ!—ударяетъ онъ себя въ грудь: —тутъ развѣ успокоится, развѣ затихнетъ?.. Жалкій я человѣкъ! Тянетъ меня къ ней, хоть и вижу, что не пара она мнѣ». И, подперевъ щеку рукой, Петръ Семеновичъ пристально глядитъ въ даль, точно оттуда ожидая отвѣта: что дѣлать ему, Петру Семеновичу Рябчонкѣ, всегда такому степенному, «обстоятельному» человѣку?

Приближалась суббота, назначенная Синеруковой. Клавдія Ѳедоровна рѣшила непремѣнно воспользоваться приглашеніемъ генеральши и побывать у нея съ Ольгой. Собираясь явиться «въ большомъ свѣтѣ», Ольга Ивановна готовилась съ лихорадочнымъ безпокойствомъ. Дѣвицы Кошляковы, втайнѣ завидовавшія Мурашевымъ, также принимали дѣятельное участіе.

Рекомендованная ими портниха недорого, но хорошо сшила Ольгѣ Ивановнѣ прелестное платье; Зинаида Павловна показала, какъ надо подчернить рѣсницы, чтобы глаза «сверкали»; даже самъ Павелъ Ѳаддеевичъ занялся подыскиваніемъ личной кареты.

Только одинъ «женихъ» былъ въ сторонѣ отъ всей этой суеты. Онъ молча глядѣлъ, какъ охорашивалась Ольга Ивановна передъ зеркаломъ, какъ хлопотали возлѣ нея портниха, Зина и Люба. Миѣнія его никто не спрашивалъ, совѣтоваться съ нимъ никто не желалъ, будто онъ былъ совсѣмъ чужой человѣкъ, случайно забредшій въ домъ... Его даже не пригласила къ себѣ Синерукова, очевидно, сразу оцѣнивъ всю ничтожность его правъ на такую невѣсту.

И онъ молчалъ, сидя смиренно и, какъ всегда, открывъ слегка ротъ.

XIII.

Дача Синеруковой была одною изъ лучшихъ на Каменномъ островѣ. Высокая, художественной работы, желѣзная рѣшетка отдѣляла ее отъ дороги, по которой каждый вечеръ неслись экипажи на «Стрѣлку».

Въ готическомъ стилѣ, со стрѣльчатыми окнами и башенками, съ широкой верандой, выходящей прямо на Малую Невку, дача утопала въ зелени. Чистенькія дорожки желтыми ленточками вились среди старыхъ лиственницъ, липъ и кленовъ и между прекрасно содержимыми клумбами съ пестрыми цвѣтами, заботливо выращенными въ теплицахъ. Здѣсь и тамъ блестяли разноцвѣтные стеклянные шары, красиво выступали нѣжныя контуры мраморныхъ и терракотовыхъ статуй. Нѣсколько миньятюрныхъ павильоновъ и бесѣдокъ съ красными и синими стеклами и плющемъ разбросаны были по саду. Каменная лѣстница вела къ водѣ, гдѣ собственная паровая яхта «Фрина» блистала палисандровымъ деревомъ и ярко вычищенными мѣдными частями.

Гортензія Васильевна Синерукова, — дочь польки и остзейскаго барона, — вышла замужъ рано, шестнадцати лѣтъ. На первомъ же балу ей сдѣлалъ предложеніе гвардейскій полковникъ Синеруковъ. Богатый, развращенный, онъ былъ очарованъ этой маленькой, гибкой, юркой дѣвушкой, въ крови которой съ раннихъ лѣтъ сидѣло нѣчто особое, куртизанское. Въ маленькой Гортензіи, съ очаровательной головкой и тѣломъ недоразвившейся дѣвочки, было что-то неотразимо привлекательное для такого искушеннаго въ любви человѣка, какимъ былъ Синеруковъ.

Пре него ходила молва: — если Синерукову понравится женщина, онъ непременно добьется своей цѣли. Сперва попробуетъ влюбить ее въ себя; не удастся — начнетъ безумно сыпать деньгами; если опять неудача — женится. Къ Гортензіи Васильевнѣ пришлось примѣнить послѣднее средство, такъ какъ родители ея, хотя и небогатые, но съ приличнымъ свѣтскимъ тономъ, знали цѣну себѣ.

Гортензія Васильевна съ мужемъ прожила въ добромъ согласіи недолго, всего года полтора. За это время родился у

ней хилый Люлю «съ прекрасными, но грустными», — какъ рассказывала всѣмъ Гортензія Васильевна, — глазами и съ восточными ручками. Люлю печально посмотрѣлъ на родителей, даже не улыбнулся; затѣмъ притихъ, заснулъ и больше не просыпался. Прожилъ онъ всего двое сутокъ. Съ рожденіемъ ребенка, у Гортензіи Васильевны проснулось было нѣчто, о чемъ никогда она прежде не думала, но этому единственному проявленію альтруизма не суждено было дать здоровыхъ ростковъ въ крошечномъ птичьемъ сердцѣ «свѣтской вертушки», какъ называли Гортензію Васильевну болѣе степенныя барыни. Восемнадцатилѣтняя мать поплакала, поплакала, съѣздила раза три на могилу «бѣднаго Люлю», засыпала ее дорогими цвѣтами, радуясь внутренно, что могила ея ребенка шикарнѣе сосѣднихъ; а затѣмъ успокоилась, поѣхала по магазинамъ и портникамъ, заказала себѣ сразу цѣлыхъ восемь платьевъ, желая найти въ нихъ утѣшеніе, — и нашла...

Синеруковъ былъ однимъ изъ тѣхъ мужчинъ, которые становятся семьянинами по ошибкѣ, по недоразумѣнію. Онъ ни одного вечера не могъ пробыть дома. Его тянуло въ оперетку, на маскарадъ, на пикникъ съ тройками и, конечно, вездѣ — женщины и женщины... Недоразвившаяся Гортензія, не смотря на свою идеально-хорошенькую головку съ чуткими ноздрями и пухлыми губками, скоро надоѣла ему. Онъ держалъ себя съ ней не какъ съ женой, а какъ съ любовницей, — пѣлъ ей скабрзные шансонетки, рассказывалъ сальные анекдоты и невольно этимъ ядомъ заражалъ еще больше и безъ того склонную ко всему «экстравагантному» свою жену.

Синеруковъ былъ не ревнивъ. Самъ онъ кутилъ съ акробатками въ отдѣльныхъ кабинетахъ, а Гортензія Васильевна принимала «друзей» у себя на дому. Поэтому въ квартирѣ Синеруковыхъ всегда царилъ особый безшабашно-разгульный тонъ.

Въ описываемое время, мужъ Гортензіи Васильевны отсутствовалъ. Еще съ ранней весны, — одновременно съ производствомъ въ генералы, — онъ уѣхалъ на югъ Франціи съ какой-то пѣвичкой; поэтому Гортензія Васильевна жила вполнѣ самостоятельно, развлекаая себя разными фоль-журнэ, фоль-матинэ и проч.

Клавдія Федоровна съ дочерью пріѣхали довольно рано.

Въ большой залѣ въ два свѣта, съ блестящимъ, какъ зеркало, паркетомъ изъ цвѣтнаго дерева, гостей было немного. Гортензія Васильевна встрѣтила Мурашевыхъ весьма радушно, сочно поцѣловала Ольгу Ивановну прямо въ губы и, оглядѣвъ ее съ ногъ до головы, воскликнула:— Вотъ прелесть! Сегодня вы царица моихъ гостинныхъ и наберете побѣжденныхъ сердецъ цѣлую корзинку. Предсказываю!—И она засмѣялась своимъ слегка дѣланнымъ, отрывистымъ смѣхомъ, показывая рядъ крупныхъ, но несовсѣмъ чистыхъ зубовъ.

Клавдію Ѳедоровну смутила богатая обстановка, степенный видъ лакеевъ въ красныхъ жилетахъ и въ ливрейныхъ, съ блестящими пуговицами, фракахъ. Ее ослѣпила масса бронзы, хрустала, высокихъ канделябровъ саксонскаго фарфора. Никогда она не видала такихъ большихъ пальмъ, диковинныхъ тропическихъ растеній, и въ то же время ей лестно было, что она, Мурашева, попала въ такой «аристократическій» домъ. То-то хвастнетъ она потомъ въ Калинахъ! Ольга Ивановна, въ ловко-сшитомъ лиловомъ платьѣ, рельефно обрисовывающемъ ея тонкую талію и пышный бюстъ, съ открытой шеей и голыми руками, была очень интересна. Ея пышущее здоровьемемъ личико горѣло розами; подъ иглистыми длинными рѣсницами глаза метали искры.

Вечера Синеруковой славились въ Петербургѣ красивыми женщинами. Она собирала ихъ, откуда только могла. Поэтому Гортензія Васильевна такъ и набросилась на Ольгу Ивановну, оцѣнивъ сразу ея своеобразную пикантную прелесть. Естественно, поэтому, что общество у Синеруковой было смѣшанное. Тутъ можно было встрѣтить и княжну, и дочь мелкаго чиновника, удачно вышедшую замужъ, и бывшую актрису, прикрывшую узами гименея свое сожительство съ какимъ нибудь купчикомъ или интендантскимъ штабъ-офицеромъ. Зато у Гортензіи Васильевны всегда можно было найти цѣлую коллекцію хорошенькихъ головокъ, классическихъ фигуръ, стройныхъ ножекъ, огнистыхъ глазъ, и если въ салонахъ генеральши Синеруковой не раздавалось умныхъ рѣчей, не говорилось о поэзій, политикѣ или наукѣ, зато въ воздухѣ постоянно царилъ серебристый хохотъ, кокетливое щебетанье, конечно, о пустякахъ, но для мужчинъ весьма пріятное. А потому кавалеровъ разныхъ лѣтъ и положеній такъ и тянуло

въ эту оранжерею душистыхъ, слегка одуряющихъ цвѣтовъ, старательно подобранныхъ Гортензіей Васильевной.

Всѣ извѣстные Петербургу «ухаживатели» и поклонники прекраснаго пола были частыми гостями Синеруковой. Между ними былъ Розенфейнъ, тучный генераль съ бѣлыми аксельбантами, посвящавшій все свободное отъ службы время поклоненію женщинамъ. Накинувъ николаевскую шинель, прикрывавшую его генеральскіе погоны (что онъ называлъ «инкогнито»), онъ неутомимо фланировалъ по Невскому, Морской и Владимірской и, при первомъ удобномъ случаѣ, не прочь былъ завязать интрижку. Его другъ, генераль Лукошко, съ желтыми погонами (оба они съ Синеруковой и были въ Альгамбрѣ),—хитрый малороссъ съ крошечными глазками и несообразно высокимъ прямымъ лбомъ,—также былъ большой любитель женщинъ, но со свойственнымъ ему лукавствомъ держалъ себя осторожно: гдѣ нужно принималъ серьезный видъ суроваго дѣльца, будто усиленно погруженнаго въ дѣла службы, а за угломъ не прочь былъ порѣввиться несообразно ни со своими лѣтами, ни со своимъ чиномъ.

Не говоря уже о сенаторѣ Качай-Бережковѣ,—съ кривой спиной и худымъ вытянутымъ лицомъ,—усерднѣйшимъ посѣтителемъ ароматныхъ гостинныхъ Гортензіи Васильевны былъ тайный совѣтникъ Лубковъ,—«гномъ», какъ прозвали его въ обществѣ за крошечный ростъ и большую голову съ брызгливымъ сморщеннымъ лицомъ. Словомъ, тутъ толкалась масса петербургской жуирующей молодежи и молодящихся старичковъ. Здѣсь можно было встрѣтить и миллионера Крупицына, выхотеннаго купеческаго сына съ «берегу», т. е. изъ купцовъ Калашниковской хлѣбной пристани, и оптоваго подрядчика по мясной части Бугаева, и армейскаго адъютанта князя Крысолапова, и многихъ другихъ.

Какъ женщины принимались Синеруковой почти исключительно красивыя, такъ отъ мужчинъ требовалось богатство или полбженіе. Синерукова чувствовала неотразимое отвращеніе къ бѣдности и, хотя сама была очень богата, но къ капиталу относилась съ большимъ почтеніемъ,—качество, перешедшее къ ней, вѣроятно, отъ отца, человѣка крайне жаднаго. Къ тому же, всѣ эти толстые кошельки были необходимы Синеруковой на случай разныхъ благотворительныхъ

сборовъ или какого нибудь сумашедшаго пикника въ двадцать троюкъ, когда своихъ денегъ Горгензія Васильевна брать не желала.

Многія изъ хорошенькихъ женщинъ успѣвали «пристроиться» на людныхъ вечерахъ Синеруковой: — кто выйти замужъ, кто «такъ» жить съ кѣмъ нибудь. И Гортензія Васильевна, среди этихъ дамъ и дѣвицъ, ищущихъ мужчинъ, и мужчинъ, жаждущихъ женской любви, порхала, какъ добрая фея, шептала многозначительныя словечки одному, комплименты другой; однихъ поощряла, другимъ давала опытный совѣтъ. Дѣлала она, конечно, все это ловко, какъ бы по секрету, и каждый воображалъ, что только къ нему одному такъ внимательна генеральша. И, вѣроятно, ей доставляло особое наслажденіе видѣть, какъ завязывались амуры, какъ просвѣщались «неопытныя», какъ загорались страстнымъ огонькомъ тѣ глаза, которые еще такъ недавно были чисты и дѣтски-спокойны...

Уважающія себя матери, освѣдомленныя о томъ, что такое изобразить собой салонъ Синеруковой, конечно, не повезли бы туда своихъ дочерей, но Клавдія Ѳедоровна, смотрящая на свѣтъ божій съ точки зрѣнія расплывшейся гусянки, — какъ однажды выразился о ней Галкинъ, — напротивъ, считала себя весьма польщенной — быть принятой въ такомъ элегантномъ обществѣ.

XIV.

Собственныя кареты, коляски, англійскіе кабріолеты, съ грумами сзади, поминутно останавливались передъ главнымъ подъездомъ дачи Синеруковой, и тучный швейцаръ, съ широкой галунной перевязью черезъ плечо, ловко высаживалъ дамъ и кавалеровъ.

Къ 11 часамъ вечера зала и три гостинныхъ Гортензіи Васильевны было полны гостей... Среди цвѣтныхъ дамскихъ платьевъ чернѣли фраки съ низко вырѣзанными жилетами, блестяли жирныя эполеты, сверкали брилліанты; а при свѣтѣ люстръ напудренныя лица и бюсты женщинъ казались сахарными. Скрытый за густолиственными померанцами оркестръ заигралъ вальсъ, и пары закружились.

М.К.В. 24/23

Ольга Ивановна имѣла успѣхъ. Тѣ мужчины, для которыхъ женщина составляла въ ихъ суетной жизни и развлеченіе, и привычку, и даже необходимость,—какъ уколъ спица для морфиниста, — достойно оцѣнили ея красоту съ прелестными формами, озаренную особой нетронутой свѣжестью далекаго жаркаго юга. И старики, и молодежь всполошились. «Кто, кто такая»? только и слышалось во всѣхъ концахъ: «откуда? богата? за мужемъ»?

Гортензія Васильевна, довольная произведенной ею сенсацией, торопливо ходила отъ одного гостя къ другому, покачиваясь на своихъ высокихъ каблукахъ, и шептала:

— А, что, генераль, не правда ли, прелесть? Приударьте, Савва Ивановичъ, сыпните «тыщами»; можетъ быть, и отобьете у жениха?

— А она невѣста? — тарачилъ глаза низколобый Савва Ивановичъ, и рука его уже лѣзла въ боковой карманъ.

— Да, только это, кажется, такъ.. не серьезно, — тонко улыбалась Гортензія Васильевна и шла къ слѣдующему.

Клавдія Фодоровна была удалена предусмотрительной хозяйкой въ маленькую гостинную и сдана на руки неумолкаемой болтунѣ, вдовѣ жандармскаго полковника. Ольга Ивановна могла свободно танцовать, кокетничать, смѣяться. За ней слѣдомъ ходила цѣлая толпа мужчинъ, считавшихъ себя неотразимыми. Были между ними и красивые, но Ольга Ивановна какъ-то не вглядывалась ни въ кого. Блестящая обстановка синеруковскихъ хоромъ, ловкіе съ приличными манерами кавалеры,—къ тому же нерѣдко князья и графы,—все это туманило и опьяняло Ольгу Ивановну. Почувствовавъ успѣхъ, она забыла свою провинціальную сдержанность и отвѣчала бойко, неглупо, а кавалеры таяли и приглашали ее безпрерывно на танцы.

Наконецъ, уставъ, она опустилась на диванъ въ золотой гостинной,—тутъ мебель была вся золоченая, а драпировки—изъ особой золотистой, похожей на парчу, матеріи.

Лукошко давно уже подкарауливалъ «новую комету», какъ назвала Ольгу Ивановну мужская половина гостей Синеруковой, со лъстивой улыбкой подсѣлъ къ ней и, пользуясь правами «старичка», подсѣлъ довольно близко. Крошечные глазки его подъ большимъ и теперь потнымъ лбомъ шевелились, какъ юркія мышки.

Генераль восторженно заговорилъ «о чудной Малороссіи», потомъ сталъ увѣрять Ольгу Ивановну, что «на млечномъ пути небосклона добрѣйшей Гортензіи Васильевны (Лукошко любилъ выражаться витіевато) еще не появлялась такая удивительная звѣзда», и, хотя онъ не пророкъ, но можетъ предсказать, «что въ разгорающихся лучахъ ея скоро померкнутъ всѣ остальные свѣтила»...

Ольга Ивановна находила это забавнымъ и отъ души смѣялась. Лукошко былъ въ восхищеніи.

Въ это время черезъ гостинную прошелъ смуглый брюнетъ, выше средняго роста, во фракѣ—онъ навѣрно только что прибыль и въ рукахъ у него покачивался шапо-клакъ. Мелькомъ взглянувъ на Ольгу Ивановну, онъ слегка прищурился, прошелъ нѣсколько шаговъ и обернулся. Ольга Ивановна также проводила его глазами.

— Кто это?—спросила она Лукошку.

— Это—Карскій, кудесникъ и чародѣй, — отвѣтилъ генераль, загадочно подмигивая глазкомъ.

— Фокусникъ?—простодушно удивилась Мурашева.

— О, нѣтъ!—засмѣялся Лукошко:—впрочемъ, если хотите, пожалуй, и фокусникъ.

— Я не понимаю васъ.

— Женщины должны избѣгать его.

— Почему? сердцеѣдъ онъ? Наврядъ ли. Онъ не красивъ; лицо, правда, оригинальное, но не красивое.

— Не могу знать-съ, я не дама,—прищелкнулъ шпорами генераль, и самъ засмѣялся своей остротѣ, а потомъ добавилъ:— Карскій, натуръ-философъ.

— Это еще что такое? какой философъ?—съ легкой гримасой спросила Ольга Ивановна и опять внимательно посмотрѣла на Карскаго, который въ это время снова вошелъ въ гостинную и, остановившись въ дверяхъ, началъ говорить съ какимъ-то сѣденькимъ, тонконогимъ старичкомъ въ очкахъ.

— Натуръ - философъ; проповѣдуетъ правильно смотрѣть на жизнь, — на этотъ разъ серьезно отвѣтилъ Лукошко.— Только мой совѣтъ—подальше держаться отъ этого проповѣдника, въ особенности молодымъ дѣвицамъ.

Но эти слова только расшевелили любопытство Ольги Ивановны; она хотѣла спросить генерала, что же именно пропо-

вѣдуетъ Карскій, но раздались звуки мазурки, и Карскій, выдя въ залу, оперся о колонну и сталъ смотрѣть на танцующихъ. Самъ онъ не танцеваль.

Когда Ольгѣ Ивановнѣ приходилось проноситься въ танцѣ мимо него, она старалась хорошенько взглянуть въ его лицо и по чертамъ узнать, что за опасную философію проповѣдуетъ онъ. Но лицо Карскаго, сухощавое, блѣдное, было безстрастно; впалые черные глаза смотрѣли просто и спокойно. Рѣшительно ничего не было «опаснаго» въ этомъ человѣкѣ. На видъ ему было лѣтъ 35, и Ольга Ивановна опять повторила себѣ: «онъ далеко не красивъ. Шутить навѣрно этотъ генераль».

Карскій замѣтно скучалъ. Онъ разсѣянно смотрѣлъ на танцующихъ и раза два взглянулъ на часы; затѣмъ отошелъ отъ колонны и уже собирался уѣзжать, но тутъ приблизилась къ нему Гортензія Васильевна.

— Куда? бѣжать? Не пуцу.—Генеральша, по своей привычкѣ быть фамиллярной съ мужчинами, взяла Карскаго за рукавъ.—Новинку видѣли?—указала она глазами на Ольгу Ивановну, кржившуюся съ княземъ Крысолоповымъ.

— Въ лиловомъ?

— Да. Ну, какова?

— Эффектна.

— И только? Ахъ, вы! Да она прелесть что такое. Всѣ наши просто размякли, а Лукошко больше всѣхъ. — Карскій улыбнулся и пожалъ плечемъ.

— Вотъ что!—ударилась она его по рукѣ:—сейчасъ мы будемъ ужинать, и я устрою такъ, что вы будете сосѣдомъ мамзель Мурашевой. Пойдемте, я васъ представлю. Только...—погрозила она ему пальцемъ:—чуръ, не ухаживать; она невѣста.

— Кого? Лукошки?

— Ахъ, злой, вотъ злой!—засмѣялась Синерукова.—Нѣтъ, не генерала; другой есть,—съ собою привезла изъ провинціи; добрякъ какой-то неопредѣленныхъ лѣтъ.

Мазурка кончилась. Ольга Ивановна сидѣла опять въ золотой гостинной на диванѣ, а Лукошко оживленно, съ придыханіемъ и поигрываніемъ глазъ, рассказывалъ ей о послѣднемъ балетѣ въ Красномъ Селѣ, стараясь хвастнуть при этомъ близкимъ своимъ знакомствомъ съ балеринами и называя ихъ уменьшительными именами: Саша Рязанцева, Женя Соловцова.

Синерукова съ Карскимъ подошли такъ незамѣтно, что Ольга Ивановна невольно смутилась. Рука ея, протянутая Карскому, дрогнула, и пожатіе вышло сильнѣе, чѣмъ того желала Ольга Ивановна. Это ее немного разсердило.

Карскій сѣлъ, сказалъ два-три слова и замолчалъ. Его усталое, апатичное лицо показывало, что онъ думаетъ о чемъ-то совсѣмъ постороннемъ, и что въ особенности привлекло вниманіе Ольги Ивановны—это полнѣйшее отсутствіе въ немъ какой бы то ни было дѣланности, искусственности. И жесты его, и слова были очень просты, будто Карскій ничуть не заботился о томъ, какое онъ произведетъ впечатлѣніе на окружающихъ, а въ томъ числѣ и на Ольгу Ивановну—«царицу бала», какъ шептала ей Синерукова. Видимо его совсѣмъ не интересовало, что подумаютъ, что скажутъ о немъ.

Лукошко, раздосадованный, что помѣшали его пріятному tête-à-tête съ Ольгой Ивановной, морщился, и глазки его совсѣмъ ушли подъ лобъ. Не такъ развязно, но все таки съ нѣкоторымъ апломбомъ онъ продолжалъ рѣчь о балетѣ; однако, вскорѣ долженъ былъ остановиться. Ольга Ивановна, поблѣднѣвшая и какъ бы недовольная, упорно смотрѣла въ землю и видимо не слушала его. Карскій со скучающимъ видомъ углубился въ разсматриваніе подкладки своего шапо-клякъ.

Нѣсколько разъ подбѣгали къ Ольгѣ Ивановнѣ кавалеры и увлекали ее въ залу, гдѣ танцовали вальсъ. Въ этихъ интервалахъ Лукошко и Карскій упорно молчали. Возбужденный собственными рѣчами, генераль тяжело дышалъ и бросалъ недовольные взоры на Карскаго; а тотъ, покачивая слегка закинутой на колѣно ногой, равнодушно глядѣлъ, какъ въ большомъ, до потолка, зеркалѣ гостинной отражались кружившіяся въ залѣ пары.

Виссаріонъ Львовичъ,—такъ звали Карскаго,—подавилъ зѣвокъ. Ему не интересны были ни вечеръ Синеруковой, ни ея гости. Правда, Ольга Ивановна понравилась ему; но, во-первыхъ, она невѣста, а, во-вторыхъ, онъ просто усталъ сегодня:—утромъ ѣздилъ на дачу къ министру, затѣмъ обѣдалъ у Фелисьена, встрѣтился на стрѣлкѣ съ сенаторомъ Качай-Бережковымъ, который и напомнилъ ему о вечерѣ Синеруковой, а то, пожалуй, Карскій и забылъ бы.

Когда-то Гортензія Васильевна нравилась ему, и Карскій

былъ бурно увлеченъ ею. Но лишь только между ними установились близкія отношенія,—увлеченіе сразу испарилось съ рѣдкой быстротой. Тогда Карскому пришло на мысль сравненіе: Гортензія Васильевна—это театральная декорация, издали обаятельная, а вблизи—грубый холстъ и рѣзкіе скучные мазки.

Охладѣвъ, Карскій не хитрилъ, а прямо заявилъ Синеруковой, что пора имъ снова обратиться только въ добрыхъ знакомыхъ, и, по равнодушной улыбкѣ, по спокойному лицу Карскаго, Синерукова поняла, что она перестала быть для него женщиной. И ей даже понравилась эта прямота и отсутствіе скучныхъ банальныхъ пріемовъ позолотить пиллюлю. Она крѣпко пожала ему руку и сказала: «вы правы; когда свѣча догорѣла, ее надо потушить, — иначе будетъ чадъ». И, беззаботно разсмѣявшись, они разстались вполне дружески.

Заиграли маршъ.

— Виссаріонъ Львовичъ, вашу руку, — тронула за плечо Карскаго Гортензія Васильевна,—ведите меня къ столу.

ХV.

Въ продолговатой столовой, отдѣланной дубомъ, съ многочисленными по стѣнамъ полками, уставленными фарфоровыми и металлическими блюдами, вазами и кубками, бѣлѣлъ и сверкалъ роскошно сервированный столъ съ рядомъ бутылокъ, раздѣленныхъ жардиньерками, съ гиацентами, розами и серебряными вазами съ фруктами.

Гортензія Васильевна исполнила свое обѣщаніе, и рядомъ съ Карскимъ очутилась Ольга Ивановна, которую съ нѣкоторою торжественностью ввелъ подъ руку Лукошко.

Подъ звуки «Вильгельма Телля», смягченные разстояніемъ (оркестръ остался въ залѣ) гости могли свободно бесѣдовать, перебрасываясь интимными словечками. Высокую комнату наполнили смѣшанный говоръ, легкій смѣхъ, звяканье приборовъ и нѣжный звонъ хрусталя.

Близкое сосѣдство Карскаго какъ бы наэлектризовало Ольгу Ивановну. Въ душѣ она чувствовала даже нѣкоторое озлобленіе къ этому «кудеснику и чародѣю», какъ назвалъ его Лукошко; но ей по прежнему интересно было знать, почему его такъ называютъ, и въ чемъ заключается его волшебная сила?

«Онъ не красивъ, хотя въ немъ чувствуется присутствіе особой мужской силы,—думала Ольга Ивановна. — И, быть можетъ, она-то и заставляетъ теперь такъ учащенно биться мое сердце. Но развѣ это волшебство? Просто, Лукошко болтаетъ пустяки. Вотъ и сейчасъ онъ надрывается доказать, что женщина можетъ любить одновременно нѣсколькихъ мужчинъ, и онъ знаетъ тому много примѣровъ. Пустомеля!»

Карскій молчалъ, ѣлъ мало. Мысли его сначала были заняты своими домашними дѣлами; потомъ его вниманіе привлекъ забавный тонъ голоса Лукошки, занимавшаго Ольгу Ивановну. Какъ всѣ уроженцы юга, генераль говорилъ крайне неровно, взвизгивая, а подчасъ басилъ пономаремъ.

Карскій взглянулъ на Ольгу Ивановну. «Недурна и даже очень недурна», — подумалъ онъ, и глаза его, помимо воли, долго и пристально любовались чистымъ профилемъ молодой дѣвушки съ подвижными ноздрями и съ красивымъ очертаніемъ губъ и полного подбородка.

Карскій точно началъ пробуждаться; и взгляды его все смѣлѣе и смѣлѣе стали скользить по шеѣ и по талии его сосѣдки. Ольга Ивановна, чувствуя эти разгорающіеся взоры, краснѣла, но взглянуть въ сторону Карскаго не рѣшалась.

«Невѣста — очаровательна, а женихъ — какой-то добрякъ неопредѣленныхъ лѣтъ»... — припомнились Виссаріону Львовичу слова Синеруковой. И ему вдругъ пришло на мысль, что ему, Карскому, пожалуй, слѣдуетъ предупредить эту красивую и, вѣроятно, еще малоопытную провинціалку о томъ рискѣ, которому подвергаются люди, вступающіе въ бракъ «такъ себѣ», лишь бы выйти замужъ или жениться. «Вѣдь предупреждаемъ же мы незнакомаго намъ челоуѣка о скрытой на пути его опасности», старался подыскать себѣ оправданіе Карскій.

И, оживившись, онъ сказалъ Ольгѣ Ивановнѣ: — Pardon. Я слышалъ, вы выходите замужъ? — И, придавъ своему голосу серьезно-равнодушный тонъ, онъ продолжалъ: — Не осудите, но я позволю себѣ высказать свое мнѣніе. Рѣшившись на этотъ, — опять попрошу извиненія, — ужасный шагъ, надо быть твердо увѣреннымъ, что другаго исхода въ жизни нѣтъ. Да и этого мало; кромѣ того, необходимо, будущаго своего товарища по цѣпямъ знать, какъ самоё себя, любить стихійно, не прибѣгая къ помощи разума; иначе никакія ухищренія не помогутъ...

Ольга Ивановна мгновенно вспыхнула и со страхом взглянула на Карскаго, не зная, обидѣться ли ей, или отнестись съ насмѣшкой къ этому странному вмѣшательству въ ея интимныя дѣла.

— Да, наконецъ, Боже, Боже! Всѣ дѣвицы хотятъ замужъ, — какъ бы страдая за нихъ, добавилъ Карскій. — Но развѣ всѣ онѣ способны быть женами? О, далеко не всѣ. Истина, впрочемъ, старая. Тѣмъ не менѣе, по моему, каждой дѣвицѣ, въ силу простаго самосохраненія, надлежитъ прежде добросовѣстно изучить себя, и если она убѣдится, что обладаетъ натурой своеобразной, для семейной клѣтки непригодной, то должна имѣть смѣлость пренебречь широкой дорогой толпы и избирать себѣ особую, по своимъ ногамъ, тропинку, по которой и идти за поисками своего особеннаго счастья, потому что только эта тропинка и можетъ привести къ нему.

Карскій говорилъ вполголоса, чуть не шопотомъ, слегка наклонившись къ Ольгѣ Ивановнѣ, и въ тонѣ его голоса звучало столько искренней прямоты и даже ласковаго участія, что Ольга Ивановна могла лишь пожать плечемъ и сказать себѣ: «какой онъ кудесникъ, — онъ просто чудакъ».

Карскій замолчалъ. Ольга Ивановна уголкомъ глаза покосилась на него и увидѣла его рѣзко очерченный профиль со сжатыми губами. Густые вьющіяся усы и матовые черные волосы надъ большимъ покатымъ лбомъ рѣзко отдѣлялись отъ ровнаго, немного желтоватаго лица безъ признаковъ румянца. Ольгѣ Ивановнѣ лицо это показалось теперь болѣе приятнымъ, чѣмъ прежде.

Карскій задумался. Ольгѣ Ивановнѣ хотѣлось продолжать разговоръ, но она не смѣла; ей досадно стало, что, сказавъ нѣсколько словъ, Карскій какъ бы забылъ о ней. Откинувшись на спинку стула, онъ своею худощавой рукой разсѣянно трогалъ край тарелки, а его черные съ большими зрачками глаза, не отрываясь, смотрѣли на окно, гдѣ въ щель неплотно закрытой занавѣси пробивался синеватый свѣтъ облачной петербургской ночи.

Лукошко раза три порывался привлечь вниманіе Ольги Ивановны, но она точно потеряла слухъ. Генераль обидѣлся; приподнялъ къ ушамъ свои жирные генеральскіе эполеты и, густо побагровѣвъ, въ отместку своей сосѣдкѣ, сталъ шурить свои мышинные глазки на другихъ дамъ.

Послѣ ужина, къ Ольгѣ Ивановѣ торопливо подошла Синерукова и съ неизмѣнной своей улыбкой на полныхъ подкрашенныхъ губахъ, открывавшихъ слегка десны, заговорила быстро:

— А чтѣ, понравился вамъ Карскій? Не правда ли милъ? О, онъ въ васъ влюбленъ! Сейчасъ мнѣ признался.

— Какъ влюбленъ? — съ недоумѣніемъ возразила Ольга Ивановна:— да онъ со мною словъ десять сказалъ, не больше.

И ей вдругъ стало досадно, почему у нея такъ мало данныхъ повѣрить словамъ Синеруковой.

— Все это пустяки, пустяки, душечка! — горячо затараторила хозяйка: — онъ всегда скрытенъ. А только влюбленъ, это вѣрно. Да и всѣ въ васъ влюбились: Лукошко, Розенштейнъ, Крупицынъ и многіе, многіе! Говорила я вамъ что вы сегодня цѣлюю корзинку сердецъ наберете. Прелестная очаровательная!..—И Синерукова съ увлеченіемъ поцѣловала Ольгу Ивановну.—А вамъ извѣстно? — добавила она потомъ, лукаво подмигнувъ:—Карскій богатъ и даже очень. Поздравляю отъ души поздравляю. — И Гортензія Васильевна крѣпко пожимала Мурашевой руку и сладко заглядывала ей въ глаза.

Изъ сосѣдней комнаты выплыла Клавдія Ѳедоровна и напомнила дочери, что пора домой. Возвращаясь съ вечера, Ольга Ивановна забилась въ уголь кареты и молчала, а Клавдія Ѳедоровна, напротивъ, не переставала выражать удовольствіе по поводу столь чудеснаго приѣма.—И сама генеральша вполнѣ свѣтская, высокихъ качествъ особа, и гости у нея все аристократы. А такого множества генераловъ я никогда еще и не видывала. Чтѣ же касается до обстановки, то куда губернаторской!—Клавдія Ѳедоровна была какъ-то разъ въ квартирѣ мѣстнаго губернатора, подавая прошеніе. Вотъ только насчетъ провизіи не все одобрила Клавдія Ѳедоровна. — Положимъ, приготовлено расчудесно; видно, что поваръ большія деньги получаетъ, а только свѣжесть какъ будто того.. не перваго сорта.

Карета, не торопясь, катилась по пустыннымъ улицамъ города. Сонные дома съ темными окнами, пустые тротуары, грязно-сѣрый свѣтъ петербургской ночи наводили тоску. Изрѣдка мелькнетъ въ окнѣ кареты сонный извозчикъ, устало свѣсивъ свою волосатую голову чуть не на колѣни; обрисуетя

угрюмая фигура городского или дворника, даже лѣтомъ закутаннаго въ бараній тулупъ.

На душѣ у Ольги Ивановны было невесело. И почему бы, кажется? Она много танцевала и произвела впечатлѣніе, — значитъ, съ точки зрѣнія дѣвицъ, провела вечеръ весело. А, между тѣмъ, ей было не по себѣ. И Ольга Ивановна начала припоминать, съ какого именно момента начались ея недовольства. «Ахъ, да! Карскій сказалъ: «никакія ухищренія не помогутъ»... Впрочемъ, что онъ за пророкъ! Откуда знаетъ? И, наконецъ, что ему за дѣло, — буду ли я счастлива въ замужствѣ или нѣтъ?» И Ольга Ивановна почувствовала, что щоки ея пылали. «Не всякая дѣвица способна быть женою»... Опять пришли ей на мысль слова Карскаго. Тутъ Ольга Ивановна даже разсердилась. «Вотъ странное желаніе у этого господина отравить душу, заставить усомниться въ себѣ!» Ей стало душно.

Она сбросила съ головы косынку, а въ сердцѣ ея точно кто шепталъ: «Карскій правъ, правъ, и ты сердисься именно потому, что онъ правъ».

Карета остановилась. Было около 4 часовъ утра. Сонный дворникъ, лѣниво потягиваясь, отворилъ деревянную калитку, и Ольга Ивановна вступила опять въ сферу мелкой жизни Кошляковыхъ, столь далекой отъ роскоши и блеска хоромъ генеральши Синеруковой...

XVI.

Послѣ описаннаго вечера, Ольга Ивановна имѣла нѣсколько дней усталый видъ. Острое оживленіе, испытываемое ею прежде, въ первые дни знакомства съ Петербургомъ, улеглось. Его смѣнила разсѣянная томность. Петръ Семеновичъ, молчаливо слѣдившій за своей невѣстой, точно за больнымъ ребенкомъ, съ теплой радостью сталъ замѣчать, что Ольга Ивановна начала относиться къ нему лучше. Капризная жесткость исчезла, и не разъ въ глазахъ ея онъ улавливалъ если не сочувствіе, то что-то въ родѣ сожалѣнія къ нему, ея жениху. И это уже онъ считалъ большимъ шагомъ впередъ.

«Даль бы Господь! Ахъ, даль бы Господь!» — внутренне молился онъ, и сердце его сжималось отъ радостной надежды.

Съ инстинктивнымъ тактомъ челоѣка, котораго толькѣ выносятъ, но не любятъ, онъ не позволялъ себѣ никакихъ поползновеній, направленныхъ къ ограниченію свободы своей невѣсты. Онъ не разспрашивалъ Ольгу Ивановну ни о чемъ, пока она сама не заговаривала съ нимъ; не напоминалъ ей о свадьбѣ, даже старался порѣже показываться на глаза, зная, что одинъ видъ его,—по крайней мѣрѣ, такъ было въ первые дни пребыванія ихъ въ Петербургѣ,—уже раздражаетъ Ольгу Ивановну.

Въ то время какъ Зина и Люба отлично знали все, что было на вечерѣ у Синеруковой, Петру Семеновичу его невѣста не рассказала ничего, и только отъ Лидіи онъ узналъ стороною, что Ольга Ивановна произвела фуроръ, что за ней ухаживали генералы и другія высокопоставленныя особы, и что вообще на этомъ вечерѣ было «до крайности аристократично и весело».

Однако, эти вѣсти заставили только вздохнуть Петра Семеновича, ничуть не обрадовавъ его.

«И откуда взялась эта Синерукова, чтобъ ей пусто было!—возмущался онъ, конечно, про себя:—зачѣмъ ей понадобилась моя Ольга? Развѣ у нея мало разныхъ своихъ знакомыхъ? Не нравится мнѣ она, съ ея лживыми глазами, и если посмотрѣть повнимательнѣе, то она—просто ободранный цыпленокъ на высокихъ каблукахъ». И онъ проклиналъ всѣ эти столичные затѣи—балы лѣтомъ, когда добрые люди должны рано вставать и рано ложиться, дышать свѣжимъ воздухомъ, наслаждаться тѣнью деревъ, а не трепаться напролетъ всю ночь на паркетѣ душныхъ комнатъ.

«Господи! Когда же кончатся мои испытанія, когда мы вернемся въ наши милыя Калины?»—чуть не плакалъ Петръ Семеновичъ и не смѣлъ даже громко заявлять объ этомъ.

— Мама, сегодня чудная погода; поѣдемъ на «Стрѣлку»,—сказала, дня три спустя, Зинаида Павловна.

— Дружочекъ, ты знаешь, папа не любитъ, когда мы дѣлаемъ лишніе расходы. — Роза Игнатьевна нѣжно склонила голову на бокъ, но Зинаида Павловна отлично знала, что упоминаніе о папѣ было просто маневромъ. Въ домѣ никто не заботился: доволенъ ли Павелъ Ѡаддеевичъ, или нѣтъ.

— Да я и не прошу у васъ денегъ,—съ гримасой замѣ-

тила Зинаида Павловна.—У меня свои есть; поѣдемъ. Возьмемъ ландо,—ты, я, Ольга. Возьмемъ еще кого нибудь,—Лидію или Любу...

— Обо мнѣ не беспокойтесь, дѣтки,—слащаво произнесла Роза Игнатьевна, видимо довольная, что у Зины есть «свои деньги». — Мнѣ не хочется. Да къ тому же надо бы навѣстить...

— Нѣтъ, мама, безъ старшихъ нельзя, неприлично,—перебила ее рѣшительно дочь:—поѣдемъ.—И она поцѣловала руку матери. Роза Игнатьевна растаяла и согласилась.

— А вы, Оля, поѣдете на «Стрѣлку»?—обратилась Зинаида Павловна къ только что вошедшей Мурашевой.

— Право, не знаю. Такой странный сонъ я видѣла недавно. Будто вѣтеръ сорвалъ меня съ обрыва, и я полетѣла въ пропасть. Платье зацѣпилось за сукъ, и я повисла надъ бездною. Надо мной тучи, черныя, гнетущія, а внизу вода шумить...

— Вотъ вздоръ! — пожалала плечемъ Зинаида Павловна.— Кто же теперь вѣрить въ сны? Поѣдемъ. Кеттереръ и Сахаровичъ будутъ съ нами.

Часовъ около восьми вечера, довольно опрятное ландо стояло у подъѣзда квартиры Кошляковыхъ. Роза Игнатьевна хотѣла уступить свое мѣсто Клавдіи Ѳедоровнѣ, но та отказалась. Такимъ образомъ, поѣхали три Кошляковыхъ и Ольга Ивановна.

Свѣтло-лиловое вечернее небо казалось высокимъ и прозрачнымъ. Пунцовое солнце, пересѣченное двумя тонкими горизонтальными облачками, коснулось взморья, и его низкіе густые лучи покрыли багровымъ цвѣтомъ развѣсистыя ивы, лиственницы и липы Елагинскаго парка. Надъ спокойными водами Средней Невки темными штрихами торчали заросли камыша, а на томъ берегу, усыянномъ дачами, горѣли въ окнахъ стекла вишневыми огнями. Легкій вѣтерокъ шевелилъ взморье, подернутое розоватымъ туманомъ заката, и упруго натянулъ паруса, похожіе на кусочки бѣлой бумаги, разбросанные тамъ и сямъ по широкой, до горизонта уходящей, водной глади. Съ другой стороны, синимъ силуэтомъ вырѣзывалась на небѣ большая дача съ башней; доносились отчетливые удары весель на Большой Невкѣ и говоръ съ того берега.

Длинная вереница экипажей, сверкая въ послѣднихъ лучахъ заката своими металлическими частями,—шагомъ двигалась вокругъ гладкаго и блестящаго, какъ зеркало, пруда, съ поразительной ясностью отражавшаго склоненныя прибрежныя деревья съ вѣтвями, касавшимися воды. Сыроватый холодокъ болота чувствовался въ воздухѣ.

Ландо Кошляковыхъ вошло въ общую линію. Зина, съ большими брилліантами въ ухахъ (подарокъ Кеттерера), нарядная, веселая, съ чуть подведенными рѣсницами и бровями, смѣло оглядывала публику. Она знала многихъ, хотя не со всѣми была знакома. Съ хвастливой готовностью обо всемъ освѣдомленной жительницы столицы она поясняла Ольгѣ Ивановнѣ: «вонъ худошавая дама съ просѣдью, — это баронесса Гочкисонъ, а противъ нея полнолицый молодой человекъ съ жирной шеей—ея «другъ»; онъ—мелкій чиновникъ. А въ низенькой коляскѣ съ бѣлой обивкой развалился косоглазый милліонеръ; рядомъ съ нимъ расфранченная дама, бывшая его горничная...—А! и Петя Башко тутъ. Красивъ счастливецъ. Онъ недавно у князя Санъ-Джіовіани двѣсти тысячъ выигралъ въ карты».

Многіе изъ встрѣчныхъ кланялись Зинаидѣ Павловнѣ; но, какъ показалось Ольгѣ Ивановнѣ, не съ должнымъ почтеніемъ, а какъ-то особенно, съ лукавой улыбкой. Зинаида Павловна, однако, не смущалась и привѣтливо кивала имъ въ отвѣтъ.

Приблизились къ «Стрѣлкѣ»,—узкому песчаному берегу съ рядомъ скамеекъ. Кошляковы и Ольга Ивановна вышли изъ экипажа. Барышни, взявшись подъ руку, стали прохаживаться по площадкѣ, а Роза Игнатьевна, по своему обыкновенію, «не мѣшать дѣвочкамъ», скромно присѣла въ сторонѣ на дальней скамейкѣ. Публики было много; почти всѣ скамейки были заняты. Вдали показался Кеттереръ. Онъ съ нѣкоторымъ усиленіемъ пробрался сквозь толпу и подошелъ къ Зинаидѣ Павловнѣ.

— Отчего опоздали? Я давно жду, — сказалъ онъ:—даже глаза заболѣли высматриваться.

— А вы что жъ, solo? — спросила его Зинаида Павловна съ улыбкой:—безъ громоотвода?

— Нѣтъ. Сахаровичъ скоро будетъ. Впрочемъ, вотъ и онъ.

Сахаровичъ приближался, рѣшительно расталкивая локтями встрѣчныхъ. Онъ былъ въ новенькой фуражкѣ, — торчащей къ

верху, какъ коробка, фуражкѣ «прусскаго образца», но въ староватомъ пальто, выпвѣтшемъ на груди и воротникѣ. Почтительно согнувшись, онъ подошелъ къ дѣвицамъ, поклонился отдѣльно каждой изъ нихъ и осторожно пожалъ руки. Его лукавое лицо, съ бородкой и безпокойными глазами, ослабилось. Фуражку онъ снималъ на отлетъ и прищелкивалъ каблуками, сожалья, что не имѣетъ шпоръ.

Общество раздѣлилось. Сахаровичъ пошелъ съ Любой и Ольгой Ивановной, а Зинаида Павловна съ Кеттереромъ отошла въ сторону и о чемъ-то оживленно заговорила. Сахаровичъ сыпалъ дешевыми остротами, подтрунивалъ надъ встрѣчными гвардейскими офицерами, къ которымъ, какъ истый армеецъ, питалъ глубокую зависть. Люба хихикала, грозила ему пальцемъ и повторяла, закатывая глаза: «ахъ, злющій человекъ! Вотъ злющій человекъ! Да развѣ можно такъ?»

А Сахаровичъ, пребывая въ ударѣ и захлебываясь отъ собственныхъ остротъ, отчаянно «казнилъ» всѣхъ направо и налево.

— А вотъ и дамочка на рессорахъ. Посмотрите, посмотрите,—указалъ онъ пальцемъ.—Клянусь Зевесомъ, что сопутствующій ей юноша въ чудномъ котелкѣ—альфонсъ!

— Тсъ,—остановила его поспѣшно Ольга Ивановна...—Это моя знакомая, генеральша Синерукова.

Сахаровичъ струсилъ, а при словѣ «генеральша» даже съежился.

XVII.

Гортензія Васильевна уже замѣтила Мурашеву и быстро направилась къ ней, покачиваясь на своихъ высокихъ каблучкахъ, дѣйствительно, какъ бы на рессорахъ.

— Прелестъ, красавица моя, здравствуйте!—восторженно воскликнула она, пожимая обѣ руки Ольги Ивановны. — Сегодня мы еще очаровательнѣй, — оглядѣла она дѣвушку съ ногъ до головы.—И какая чудесная шляпка! Откуда? навѣрно отъ Брюно, да? Рублей 50, не меньше. Прелестъ. А вы со знакомыми? — понизила она голосъ и покосилась на Любу и Сахаровича. Ольгѣ Ивановнѣ пришлось представить ихъ.

Синерукова, въ свою очередь, отрекомендовала своего кавалера, назвавъ его просто кузеномъ.

— Впрочемъ, вы знакомы, — замѣтила она Ольгѣ Ивановнѣ:—помните, на пароходѣ?

Румяный кузень, съ деревяннымъ выраженіемъ лица и крошечными усиками, почтительно поклонился и не произнесъ ни слова.

— А вы знаете?—отвела Синерукова Ольгу Ивановну въ сторону!—онъ пріѣдетъ сюда?

— Кто?

— Ну, не притворяйтесь. Будто не догадываетесь? А, покраснѣли!.. Сердечко выдало. Что жъ, въ ваши годы это такъ естественно.

— Да увѣряю васъ... — смущенно оправдывалась Ольга Ивановна, хотя, конечно, догадывалась, что Синерукова говоритъ о Карскомъ.

— И, знаете, это очень кстати! — замахала въ восторгѣ руками Гортензія Васильевна.—Вы сегодня прелестнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и побѣда будетъ полная. Плѣнь на вѣчныя времена!

Большіе, съ блескомъ, глаза Гортензіи Васильевны лукаво сверкнули.

Подошли Кеттереръ и Зинаида Павловна. Ольга Ивановна представила ихъ; Синерукова такъ и впилась глазами въ Зинаиду Павловну. Та невольно потупилась; но, вскорѣ оправившись, стала развязно поддерживать разговоръ.

Стемнѣло. На западѣ скучились лиловыя облака. Зыблящая поверхность моря стала будто меньше, окутанная туманомъ. Потухли стекла на отдаленныхъ дачахъ, и громче зашумѣли деревья подъ напоромъ крѣпчавшаго вѣтра.

— Вы куда отсюда?—спросила Гортензія Васильевна Ольгу Ивановну, взявъ ее подъ руку.

— Мы? Конечно, домой. Поздно уже.

— Вотъ вздоръ! Кто же такъ рано уѣзжаетъ домой? Поѣдемъ съ нами, — превесело будетъ. Карскій пріѣдетъ. Мы условились ужинать въ Тиволи; это недалеко отсюда.

Но Ольга Ивановна рѣшительно отказалась, заявивъ, что она не одна, а со знакомыми.

— Ну, это мы устроимъ,—увѣренно кивнула головой Гор-

тензія Васильевна. — Не сомнѣваюсь что ваша... — она тонко улыбулась, — родственница, не знаю, или подруга, хорошенькая брюнетка, охотно присоединится къ намъ. — И, подозвавъ кузена, она шепнула ему что-то на ухо. Тотъ послушно поклонился и тотчасъ подошелъ къ Кеттереру, съ которымъ заговорилъ о чемъ-то серьезно и даже съ важнымъ видомъ.

— А... и Карскій, наконецъ, — воскликнула Гортензія Васильевна и замахала зонтикомъ показавшемуся вдали Виссаріону Львовичу.

Карскій, раскланиваясь и пожимая кое-кому руку по пути, торопливо приближался къ Синеруковой. На немъ красиво сидѣло короткое кофейнаго цвѣта пальто, а мягкая фетровая шляпа придавала его смуглому лицу особенный, — какъ говорятъ барышни, — «интересный» оттѣнокъ. Въ петлицѣ бѣлѣла камелія.

— Опоздалъ, нехорошій человѣкъ, опоздалъ! — воскликнула Гортензія Васильевна. — Слѣдовало бы наказать васъ, а, между тѣмъ, вотъ вамъ пріятный сюрпризъ, — указала она на Ольгу Ивановну.

Та быстро покраснѣла и потупилась. Карскій, молча и очень почтительно, поклонился Ольгѣ Ивановнѣ и съ чувствомъ пожалъ ей руку, точно за что-то извиняясь или прося прощенья. Вернувшійся кузеньъ заявилъ, что Кеттереръ и прочіе «messieurs et mesdames» согласны ужинать въ Тиволи.

Ольга Ивановна, смутилась, хотѣла уклониться, но Гортензія Васильевна опять взяла ее подъ руку и сказала:

— Ну, вотъ и прекрасно. Теперь мы васъ не пустимъ, душечка.

Приблизилась Роза Игнатьевна и, торжественно распустивъ ленты своей старомодной шляпы, сама представилась Синеруковой, рѣшивъ тотчасъ въ своемъ практическомъ умѣ, что не мѣшаетъ при первомъ же случаѣ воспользоваться протекціей богатой генеральши со связями. Когда зашла рѣчь объ ужинѣ въ Тиволи, она, добродушно простонавъ, произнесла: — Ахъ, молодежь, молодежь!.. затормозитъ она насъ, бѣдныхъ стариковъ. — Однако, ѣхать согласилась.

Два общества, соединившись, размѣстились въ экипажахъ и покатали въ Тиволи.

XVIII.

На берегу Невки возвышалось красивое двухъ-этажное зданіе, — ресторанъ съ садомъ. По вечерамъ тамъ собиралось порядочно публики, гремѣлъ военный оркестръ, пѣли цыгане. Тиволи славился хорошей кухней и дорогими цѣнами.

Кеттереръ, по обыкновенію, взялъ на себя хлопоты.

Со свойственной ему развязностью и способностью чувствовать себя, какъ дома, въ увеселительныхъ мѣстахъ, онъ занялъ лучшій кабинетъ, призвалъ повара, посоветовался съ нимъ насчетъ меню, официантамъ далъ указанія по части винъ, закусокъ и проч. Кузень Синеруковой хвостомъ торчалъ за нимъ, очевидно, питая глубокое уваженіе къ столь компетентному представителю «веселящагося Петербурга».

Кабинетъ выбрали обширный, порядочно мебелированный, съ турецкимъ диваномъ, кушеткой и піанино. Роза Игнатьевна, въ ожиданіи ужина, спокойно усѣлась на кушеткѣ, и ее занималъ Сахаровичъ, пояснявшій, какъ «выгодно кончить академію», и какія потомъ можно получать хорошія мѣста. Тутъ онъ опять, какъ бы вскользь, упомянулъ о Рубцовѣ. «Авось старая проболтается», — думалъ онъ. Но Роза Игнатьевна охала, вздыхала, а потомъ спросила его, не знаетъ ли онъ, гдѣ можно дешево заказать носки. Сахаровичъ поморщился, но знать, гдѣ что можно купить дешево — было его спеціальностью, и онъ, мало-по-малу увлекшись, — заговорилъ о носкахъ.

— Вы въ Петербургѣ долго пробудете? — спросилъ Карскій Ольгу Ивановну, когда она, подсѣвъ къ піанино, начала перелистывать истрепанныя ноты.

— Право, не знаю... Можетъ быть, мѣсяць; можетъ, и больше. — Ольгѣ Ивановнѣ хотѣлось быть спокойной и говорить ровно, но въ горлѣ у нея словно першило. Она ближе наклонилась къ нотамъ.

Карскій помолчалъ. Брови его сдвинулись; потомъ, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ произнесъ:

— Ольга Ивановна, простите, я опять со смѣлыми словами. Скажите откровенно: вамъ *такая* жизнь нравится?

— Мнѣ? какая жизнь? — обернулась молодая дѣвушка и

взглянула прямо на Карскаго. Лицо его было серьезно и какъ будто даже немного грустно.

— Да вотъ такая, веселая, холостая жизнь. Я васъ второй разъ вижу и—странно—все въ той же исключительной обстановкѣ. Конечно, Гортензія Васильевна милая дама, но, что грѣха таить, кто не знаетъ своеобразнаго характера ея вечеровъ... Наконецъ, здѣсь...

Ольга Ивановна нетерпѣливо пожала плечемъ и ничего не отвѣтила.

— Если мои вопросы кажутся вамъ обидными, смиренно прошу извиненія, — тѣмъ же задумчивымъ голосомъ добавилъ Карскій.

Молодой дѣвушкѣ стало досадно, отчего она не можетъ отдѣлаться отъ робости, всегда овладѣвавшей ею при разговорѣ съ Карскимъ. А ей такъ хотѣлось бы быть твердой, даже презрительно-спокойной съ этимъ «кудесникомъ». Сдѣлавъ надъ собою усиліе, она проговорила:—Я совѣмъ не въ претензіи на васъ. Что же касается до этой, какъ вы выразились, холостой жизни, то, пока, это меня занимаетъ. Наконецъ, что же тутъ дурнаго?

— А, что дурнаго? — подхватилъ Карскій: — это великій вопросъ. — И Ольгѣ Ивановнѣ показалось, что онъ вдругъ сталъ гораздо смѣлѣе глядѣть на нее.

— Конечно, «дурно и хорошо»—дѣло вкуса,—горячо заговорилъ Карскій,—но самое главное въ жизни это согласоваться со своимъ собственнымъ вкусомъ, не спрашивая со-сѣда. Ъшь, пей что нравится. Не правда ли?

— Конечно,—съ отгѣнкомъ ухарства отвѣтила Ольга Ивановна и засмѣялась.

Блѣдное лицо Карскаго дрогнуло. Онъ сѣлъ такъ, чтобы можно было смотрѣть прямо въ глаза своей собесѣдницѣ. А полныя губы Ольги Ивановны уже улыбались, чуткія ноздри расширились. Близость Карскаго опять вызвала въ ней, какъ и на вечерѣ у Синеруковой, безпокойно-пріятное ощущеніе. По тѣлу разлилась знойная истома. Ей стало весело.

— Вы говорите: своеобразное общество, холостая жизнь и прочее,—метнула она на Карскаго быстрымъ взглядомъ.—Положимъ, это—нѣкоторое отступленіе отъ правилъ, но развѣ вы, мужчины, не нарушаете такихъ же правилъ? Господи, по-

чему для насъ, бѣдныхъ женщинъ, все правила да правила?..— Ольга Ивановна нервно засмѣялась и начала разбирать на фортепьяно шансонетку.

Карскій ничего не отвѣтилъ. Онъ пристально смотрѣлъ на красивую фигуру молодой дѣвушки, на ея бѣлую шею, воздушные завитки волосъ на вискахъ, и Ольга Ивановна чувствовала этотъ взглядъ. Ей пришло на мысль, что Карскій, вѣроятно, смотреть на нее теперь не такъ уже, какъ на вечерѣ у Синеруковой, и, поддавшись любопытству, она быстро взглянула на него. Въ темныхъ глазахъ Карскаго горѣлъ новый, острый огонь, хотя лицо его по прежнему было серьезно.

Теперь эти глаза властно озирали ея бюстъ и талию; останавливались на маленькихъ ручкахъ, перебиравшихъ по клавишамъ, и Ольга удивилась, что ей совсѣмъ не стыдно, что малознакомый мужчина такъ безцеремонно разглядываетъ ее; только кровь горячими волнами приливала къ ея щекамъ и точно обжигала ихъ. Ресторанная атмосфера, звуки музыки, долетавшіе изъ сада, раздражающій электрическій свѣтъ, проникавшій въ окна, — все это казалось Ольгѣ Ивановнѣ особенно пріятнымъ, и она невольно повторяла себѣ слова, слышанныя ею такъ часто отъ Зинаиды Павловны: «надо жить, и жить!» Казалось, что и сердце Ольги съ каждымъ ударомъ шептало также: «да, надо жить, жить; молодость одна!»

И вотъ, съ огнемъ во взглядѣ, съ раздувающимися ноздрями, она съ наслажденіемъ слушала, какъ бряцала посуда, хлопали пробки, какъ отъ души хохотали какія-то женщины въ сосѣднемъ кабинетѣ, и ее, Ольгу, неудержимо тянуло окунуться въ этотъ одуряющій туманъ, въ безшабашную веселость холостой пирушки, съ глупостями, съ задоромъ молодой силы, рвущей всякія преграды.

А Карскій такъ и впился глазами въ свою собесѣдницу и оживленно говорилъ ей о «золотомъ періодѣ въ жизни каждой женщины», но уже безъ оттѣнка холоднаго резонерства. Въ рѣчахъ его Ольга Ивановна теперь улавливала новую, странную, будто нелѣпую, но соблазнительно пріятную логику. Карскій подсѣлъ къ ней ближе, и Ольга Ивановна находилась въ такомъ состояніи, что, кажется, возьми онъ ее за руку, она не удивилась бы.

Со смутной инстинктивной опасливостью она избѣгала только смотрѣть ему въ глаза, хотя чувствовала, что его черные зрачки такъ и ищутъ ея глазъ.

Наконецъ, будто ослабѣвъ и бессильно уступая морскому приливу, она медленно подняла глаза — и взгляды ихъ слились.

XIX.

Странную, почти физиологическую, общность почувствовала она съ этимъ человѣкомъ, и съ этой минуты ей вдругъ стало рѣшительно все равно: —негодяй ли Карскій, чудесникъ, или честный человѣкъ. Онъ *нуженъ* былъ ей. Ихъ организмы точно быстро перепутала тонкая, но крѣпкая нить.

Ужинъ прошелъ съ шумливымъ весельемъ. Кеттереръ былъ неистощимъ по части разныхъ анекдотовъ; Синерукова лихо пила бокаль за бокаломъ, и вскорѣ ея хорошенькое, со страстными глазами, личико приняло хищное выраженіе. Генеральша капризно хлопала кузена по рукамъ и болтала ему какой-то вздоръ. Зина шепталась съ Кеттереромъ. Даже Сахаровичъ заливался по временамъ долгимъ, пронзительнымъ смѣхомъ, подбодряемый втайнѣ радостной вѣстью, что за ужинъ платятъ Карскій и Кеттереръ. Склонивъ на бокъ свою черноволосую голову, онъ угодливо смотрѣлъ на Любу и точно облизывался, шевеля своими красными выпятившимися губами.

Карскій спокойнѣе другихъ, съ застывшей улыбкой, поглядывалъ на этихъ людей изъ общества, которыхъ обуяла жажда вульгарнаго, остраго ощущенія.

— *Cousine, ma belle, спойте что нибудь!* — воскликнулъ пьяноватымъ голосомъ кузень. — Да, да, пожалуйста, спойте! — раздалось со всѣхъ сторонъ, — и Синерукова не заставила себя упрашивать.

— Сцену и музыку! — крикнула она, быстро вскакивая. Кузень тотчасъ подсѣлъ къ піанино.

Гортензія Васильевна, торопливо снявъ туфли, вспрыгнула на широкую оттоманку и подъ рѣзухабистые звуки дребезжащаго фортепіано, подражая манерѣ шансонетныхъ пѣвицъ, спѣла двусмысленный куплетъ. Она шевелила юбкой, подергивала плечами, подмигивала глазами, въ которыхъ искрились

пьяноватые огоньки. Присутствующіе восторгались, аплодировали, находили все чрезвычайно прекраснымъ, а Сахаровичъ, взыгравъ, выхватилъ изъ вазы увядшій букетъ и, преклонивъ колѣно, поднесъ его Синеруковой.

Но та, какъ бы не замѣтивъ, заплѣла «Чертенка», подражая цыганскому выговору. Сконфуженный офицеръ согнулся и отошелъ со своимъ букетомъ; Синерукова же отчаянно трясла плечами, дѣлала «сумашедшіе» глаза; наконецъ, беззаботно разсмѣявшись, повалилась на оттоманку. Къ ней тотчасъ подбѣжалъ кузень и поднесъ стаканъ шампанскаго, а затѣмъ надѣлъ ей туфли.

Ольга Ивановна смотрѣла на все съ большимъ интересомъ и находила все чрезвычайно забавнымъ, хотя про себя не могла не удивиться, какъ это она, Синерукова, генеральша, у которой такая чудная дача, множество прислуги, такое почтенное знакомство—генералы, графы—и вдругъ, будто простая авантюристка, напивается и дѣлаетъ глупости... Значить, вездѣ одно: «наслажденіе и наслажденіе во чтѣ бы то ни стало»... И эти соображенія какъ будто утѣшили Ольгу Ивановну; заставили замолкнуть тотъ внутренній протестующій голосъ, который, помимо ея воли, вотъ ужъ нѣсколько дней беспокоилъ ее.

Кошляковы и Ольга Ивановна вернулись домой поздно, около двухъ часовъ ночи. Какъ во снѣ, помнила Ольга Ивановна, что ѣхала въ закрытомъ ландо съ Карскимъ; противъ нихъ торчала сонная фигура Сахаровича. Пьяный офицеръ клевалъ носомъ, а Карскій, пропустивъ руку сзади, держалъ Ольгу Ивановну за талію и что-то шепталъ ей...

Въ головѣ у нея шумѣло; но Ольга Ивановна хорошо запомнила послѣднія слова Карскаго, кѣгда онъ высаживалъ ее изъ экипажа у подъѣзда Кошляковыхъ. «Помните — вторникъ въ Александровскомъ саду, семь вечера».

Н. Длусскій.

(Окончаніе будетъ).

Изъ дневника.

Играй, мой другъ! Забывши муки,
Я буду грезить наяву,
И подъ волнующіе звуки
Былое вновь переживу.

Какъ люди ходятъ на кладбище,
Чтобъ тамъ у мертвыхъ погостить,
И на печальномъ пепелищѣ
О нихъ поплакать, погрузить,—

Такъ я теперь, въ мое ненастье,
Мечтой у радости гошу,
О невозвратномъ свѣтломъ счастьѣ—
Въ сердечномъ траурѣ—грущу.

Играй же, другъ! Забывши муки,
Я буду грезить наяву,
И подъ волнующіе звуки
Былое вновь переживу.

А. Кругловъ.

Докторскіе экзамены и диссертациі въ военно-медицинской академіи.

I.

Въ рѣчахъ, сказанныхъ на юбилейномъ празднованіи академіи, — какъ это почти всегда бываетъ на подобныхъ празднествахъ, — описывался тотъ прогрессъ, который совершила академія въ теченіе ста лѣтъ, и съ особеннымъ удареніемъ утверждалось, что въ настоящее время она не только сравнялась съ подобными же учрежденіями Европы, но даже и опередила нѣкоторыя изъ нихъ. Ту же самую мысль подтверждали отчасти въ своихъ рѣчахъ и иностранные ученые, прибывшіе на праздникъ въ качествѣ гостей и представителей отъ иностранныхъ медицинскихъ учрежденій.

Ко всѣмъ этимъ похваламъ, конечно, нужно относиться съ большою осторожностью, потому что уже исконно-вѣка установлено обычаемъ, что гости всегда хвалятъ и осыпаютъ комплиментами то учрежденіе, на юбилей котораго они прибыли. Еще менѣе можно ожидать отъ настоящихъ дѣятелей академіи, чтобы они въ своихъ рѣчахъ указали на ея пробѣлы и прорѣхи, если только послѣдніе существуютъ въ академіи. Все это приводитъ къ заключенію, что на основаніи юбилейныхъ рѣчей рѣшительно невозможно составить себѣ правильное понятіе о настоящемъ состояніи академіи, о направленіи ея дѣятельности и т. п.

Чтобы правильно судить о настоящемъ состояніи академіи, необходимо избрать какую нибудь сторону ея дѣятельности, остановиться на ней подольше и разобрать ее подробнѣе. Въ этомъ отношеніи поможетъ намъ краткій очеркъ исторіи императорской военно-медицинской академіи за 100 лѣтъ, составленный начальникомъ академіи и прочитанный на юбилей. Тамъ, между прочимъ, сказано, что за послѣднія 16 лѣтъ въ академіи сдѣлано 3,700 ученыхъ изслѣдованій, слѣдовательно по 231 въ годъ (въ очеркѣ ошибочно

сказано: по 220 въ годъ). Въ числѣ этихъ излѣдованій главное мѣсто принадлежитъ, конечно, докторскимъ диссертаціямъ; затѣмъ сюда же слѣдуетъ отнести работы профессоровъ, привать-доцентовъ, врачей институтскихъ и проч. Лѣтъ 30 назадъ, количество диссертацій едва ли превышало 30 въ годъ. Лѣтъ 10 назадъ, докторскихъ диссертацій выходило уже въ свѣтъ около 100. Но и затѣмъ число ихъ постоянно увеличивалось и въ нѣкоторые послѣдніе годы доходило *свыше 120*, о чемъ академическое начальство ежегодно возвѣщало публикѣ на академическихъ актахъ съ нѣкоторою гордостью и самодовольствомъ.

Мы останавливаемся пока, главнымъ образомъ, на докторскихъ диссертаціяхъ и экзаменахъ, такъ какъ въ нихъ лучше всего отражается научный прогрессъ академіи. Доктора медицины или пщущіе этой степени—люди самостоятельныя, не школьники, а если многіе изъ нихъ работаютъ подъ руководствомъ профессоровъ, то это вездѣ такъ дѣлается и даетъ намъ возможность измѣрить научный прогрессъ гг. профессоровъ.

Уже одно упомянутое выше количество докторовъ медицины возбуждаетъ подозрѣніе, что раздача ученыхъ степеней какъ будто производится съ усиленною противъ нормы скоростью, которая въ сорьезномъ дѣлѣ едва ли желательна и должна неизбѣжно отразиться на качествѣ фабрикуемыхъ докторовъ.

Что же означаетъ такое чрезмѣрное количество ежегодно выпускаемыхъ докторовъ? Если вы задумаете спросить объ этомъ, на-примѣръ, начальство военно-медицинской академіи, то оно, вѣроятно, отвѣтитъ вамъ, что упомянутый фактъ доказываетъ только, что медицинскія науки процвѣтаютъ въ академіи, а потому всѣ алчущіе и жаждущіе медицины стекаются въ академію и здѣсь находятъ полное удовлетвореніе своимъ научнымъ стремленіямъ... Однако, есть люди, и притомъ хорошо знакомые съ академическими диссертаціями и порядками, которые увѣряютъ, что никакого «процвѣтанія наукъ» въ упомянутомъ фактѣ нѣтъ, а есть нѣчто совсѣмъ другое, что и требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Дѣйствительно, если мы посмотримъ на русскіе медицинскіе факультеты, то въ большинствѣ изъ нихъ, кромѣ юрьевского, появляются 2—5 докторовъ въ годъ и въ самомъ многолюдномъ—московскомъ, — гдѣ слушателей болѣе, чѣмъ въ академіи, число врачей, получившихъ степень доктора, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, едва ли въ среднемъ числѣ превышаетъ 10.

Указанная громадная разниа становится нѣсколько понятнѣе, если взять во вниманіе, что врачи, чуть не со всей Россіи, стекаются въ академію для получения степени, доктора медицины. Что

военные врачи держатъ экзаменъ на степень доктора въ академіи, это понятно, такъ какъ многіе изъ нихъ прикомандировываются къ академіи для научныхъ занятій; но курьезнымъ представляется то, что въ академію ѣдутъ держать экзаменъ врачи земскіе и всякіе другіе, которые къ военному вѣдомству никакого отношенія не имѣютъ; ѣдутъ изъ Сибири, Крыма и т. д., проѣзжаютъ *мимо университетскихъ городовъ*: Казани, Харькова, Кіева, Москвы, чтобы только попасть въ военно-медицинскую академію; наконецъ, въ академію ѣдутъ врачи, окончившіе курсъ въ другихъ университетахъ.

Всѣ они ѣдутъ отчасти потому, что Петербургъ составляетъ центръ администраціи, гдѣ легче, чѣмъ въ другомъ городѣ, найти мѣсто и т. п., но главнымъ образомъ потому, что здѣсь, по общему мнѣнію, *легче, чѣмъ въ какомъ либо университетѣ, выдержать экзаменъ на доктора и сочинить докторскую диссертацию.*

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что само академическое начальство по временамъ какъ будто чувствуетъ ненормальную постановку докторскаго вопроса въ академіи и до нѣкоторой степени старается оправдать въ своихъ официальныхъ отчетахъ чрезмѣрную многочисленность докторовъ разными соображеніями. Такъ, иногда указывается, что образовательныя средства академіи гораздо больше, чѣмъ въ нашихъ медицинскихъ факультетахъ. Но справедливость этого предположенія въ настоящее время представляется весьма сомнительною. Можно было еще говорить о превосходствѣ академіи предъ университетскими факультетами въ 60-хъ годахъ, когда число студентовъ, оканчивавшихъ курсъ въ академіи, не доходило до 100 человекъ, когда второй сухопутный госпиталь, теперь клиническій, былъ устроенъ на 1,200 мѣстъ. Но въ 70-хъ годахъ госпиталь преобразовали и вмѣсто 1,200 оставили только 600 мѣстъ, и хотя выстроили клинику Виллье, но она располагаетъ только 120 бесплатными кроватями; количество же студентовъ съ тѣхъ поръ увеличилось, и теперь оканчиваетъ курсъ въ академіи ежегодно около 150 человекъ. Если къ этому прибавить еще 114 военныхъ врачей, ежегодно состоящихъ при академіи (прикомандировывается каждый годъ по 57 человекъ на два года) то становится для всякаго ясно, что академическія клиники стали положительно тѣсны и недостаточны для своихъ слушателей.

Если мы теперь припомнимъ, что министерство народнаго просвѣщенія въ послѣднее время во всѣхъ почти медицинскихъ факультетахъ расширило клиники или построило новыя, что учебныя ихъ средства увеличены,—то преимущество академіи предъ факультетами, въ образовательномъ смыслѣ, становится весьма и весьма сомнительнымъ.

Въ прежнее время сами больные гораздо охотѣе шли лечиться въ клиники, чѣмъ теперь; это происходило потому, что въ 60-хъ и 70-хъ годахъ академическія клиники были устроены гораздо лучше, чѣмъ всѣ остальные больницы въ Петербургѣ; содержаніе, бѣлье, платье, леченіе,—все въ клиникѣ было въ лучшемъ порядкѣ. Но съ тѣхъ поръ какъ городъ взялъ больницы въ свое вѣдѣніе, онъ быстро ихъ вычистилъ, улучшилъ содержаніе, устроилъ кабинеты, операционныя залы и т. д. И теперь всѣ городскія больницы далеко опередили академическія клиники, которыя въ главномъ остаются почти въ томъ же видѣ, какъ въ 60 и 70-хъ годахъ. Все улучшение клиническаго госпиталя въ послѣдніе годы ограничилось передѣлкой параднаго подъезда, устройствомъ въ нѣкоторыхъ клиникахъ операционныхъ комнатъ, амбулаторій, постановкой нѣкоторыхъ чахлахъ растеній въ пріемныхъ комнатахъ, да еще электрическимъ освѣщеніемъ. Бѣлье же, халаты, матрацы и прочее—все это остается въ томъ же печальномъ и невозможномъ видѣ, какъ 30—40 лѣтъ назадъ. И такъ какъ городскія больницы все продолжаютъ улучшаться, клиники же застыли въ прежнемъ положеніи, то разница между ними будетъ увеличиваться все болѣе и болѣе и, конечно, не въ пользу клиникъ. И простой даже народъ, который прежде какъ огня боялся больницъ, особенно Обуховской, теперь идетъ въ нихъ охотно, но начинаетъ бояться клиникъ... Теперь больные начинаютъ протестовать и упираться, когда ихъ хотятъ перевести изъ городскихъ больницъ въ клиники. И они правы, потому что въ хирургическихъ клиникахъ въ нѣкоторые годы оказывался громадный недостатокъ даже въ перевязочномъ матеріалѣ. Клиники,—если хотятъ, чтобы онѣ достигали своей цѣли,—должны быть устроены гораздо лучше и стоять выше въ смыслѣ чистоты, содержанія, леченія и проч., чѣмъ всѣ городскія больницы.

Впрочемъ, въ дѣлѣ устройства академическихъ клиникъ въ послѣднее время совершается что-то до крайности курьезное и непонятное. Восемь лѣтъ назадъ, потребовалось устроить новую клинику для горловыхъ и ушныхъ болѣзней, кажется, на 30 кроватей. Согласно представленію начальника академіи, военный совѣтъ далъ свое согласіе на устройство клиники и при этомъ, во избѣжаніе расходовъ, предложилъ у существующихъ въ клиническомъ госпиталѣ клиникъ отнять извѣстное количество мѣстъ (соотвѣтственно числу кроватей въ каждой клиникѣ) и изъ отнятыхъ такимъ образомъ мѣстъ образовать новую клинику. Затѣмъ это дѣло, по распоряженію высшаго начальства, было передано на разсмотрѣніе академической конференціи, которой предоставлялось устроить все ко взаимному удовольствію.

При обсужденіи этого дѣла въ конференціи, нѣкоторые профессора позволили себѣ въ очень осторожныхъ выраженіяхъ замѣтить, что подобный способъ устройства новой клиники едва ли можно признать цѣлесообразнымъ, что существующія клиники слѣдуетъ расширять, а не уменьшать и т. п. О тришкиномъ же кафтанѣ, съ которымъ всего удобнѣе было бы сравнить упомянутое распоряженіе, никто и не заикнулся... Не смотря на то, что замѣчанія профессоръ имѣли въ виду докладъ начальника академіи,—который, по видимому, представилъ военному совѣту не съ надлежащею полнотою все дѣло о потребностяхъ различныхъ клиникъ, — двумъ профессорамъ сдѣлано было отъ вышаго начальства замѣчаніе за то, что они будто бы позволили себѣ критиковать распоряженіе вышаго учрежденія, а одного дерзновеннаго даже хотѣли было, по слухамъ, выгнать со службы, но въ концѣ концовъ ограничились *строгимъ выговоромъ*. Вотъ какъ устраиваются новыя клиники въ академіи!

Затѣмъ потребовалось устроить клинику нервныхъ болѣзней (на 16 кроватей) и снова прибѣгли къ тому же рецепту, т. е. рѣшено отнять потребное количество мѣстъ отъ клиническаго госпиталя. Наконецъ, по тому же спасительному и испытанному рецепту, устроена еще клиника для заразныхъ болѣзней (кори, оспы, скарлатины, дифтерита и т. д.) на 52 кровати, причѣмъ отъ госпитальныхъ клиникъ отнято еще столько же мѣстъ. На официальномъ языкѣ академическаго начальства все это означаетъ, что образовательныя и учебныя средства академіи съ каждымъ годомъ *увеличиваются и расширяются*. Въ такомъ приблизительно смыслѣ появляются извѣстія объ открытіи клиникъ въ газетахъ, для чего, по видимому, имѣется и специальный бытописатель, который возвѣщаетъ публикѣ объ открытіи новыхъ клиникъ и при этомъ воспѣваетъ подвиги академическаго начальства...

Къ сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что для открытія каедръ заразныхъ болѣзней, которой по уставу вовсе не полагается, оказалось необходимымъ закрыть каедру накожныхъ болѣзней, которая была гораздо полезнѣе и нужнѣе, чѣмъ новая каедръ заразныхъ болѣзней. Хотя клиника накожныхъ болѣзней и осталась въ госпиталѣ, но она подчинена теперь профессору, завѣдывающему сифилитическою клинкою, и такимъ образомъ дѣятельность профессора неизбѣжно должна раздваиваться, что едва ли представляетъ особыя выгоды для преподаванія. Деньги же, затраченныя на клинику заразныхъ болѣзней, израсходованы почти неизвѣстительно, такъ какъ клиники эти, по слухамъ, чаще всего остаются пустыми. Для заразныхъ болѣзней было бы достаточно устроить одну

отдѣльный баракъ на 10 мѣстъ, изолированныхъ другъ отъ друга, и отъ прочихъ клиникъ, при терапевтическомъ отдѣленіи.

Наконецъ, въ самое послѣднее время рѣшено образовать еще *ортонедическую* клинику на 5 кроватей, отнявъ эти мѣста у другихъ клиникъ.

И это еще не все. Въ то самое время, какъ шла рѣчь объ устройствѣ клиники горловыхъ и ушныхъ болѣзней по указанному рецепту, на основаніи свѣдѣній изъ компетентнаго источника, предполагалось воздвигнуть отдѣльное и, повидимому, дорогое зданіе для патологическаго института ¹⁾, который въ настоящее время служитъ однимъ изъ видныхъ разсадниковъ для сочиненія докторскихъ диссертаций и который состоитъ подъ высшимъ руководствомъ начальника академіи. Зданіе это предназначается для опытовъ надъ различными животными: собаками, кроликами, кошками, крысами и т. п. Институтъ, по слухамъ, предполагается устроить со всѣми новѣйшими приспособленіями во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, такъ что каждому роду животныхъ будетъ, вѣроятно, дано соотвѣтственное помѣщеніе, освѣщеніе, столъ и пр. Какъ это будетъ мило и назидательно для потомства и современниковъ — поставить такой институтъ наряду съ клиниками для больныхъ людей, устроенными по описанному выше рецепту! Такимъ образомъ, получается неслыханный и изумительный результатъ: для содержанія и лѣченія людей у академіи нѣтъ денегъ; для животныхъ же денегъ оказывается сколько угодно.

II.

Объясненіе, которое академическое начальство даетъ относительно многочисленности докторовъ медицины, состоитъ въ томъ, что военное вѣдомство ежегодно прикомандировываетъ къ академіи 57 военныхъ врачей «для усовершенствованія въ хирургіи и въ другихъ медицинскихъ наукахъ», что изъ этихъ-то врачей и состоитъ главный контингентъ докторовъ медицины.

Но извѣстно, что изъ держащихъ экзамены на степень доктора, военные врачи составляютъ приблизительно около половины; слѣдовательно, вышеупомянутой отговоркой дѣло вполнѣ не объясняется. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что военное вѣдомство прикомандировываетъ врачей къ академіи преимущественно для усовершенствованія въ хирургіи и другихъ медицинскихъ специальностяхъ, такъ какъ оно нуждается въ различныхъ специалистахъ. Оно,

¹⁾ Постройка зданія для физиологическаго и патологическаго института официально разрѣшена.

сколько известно, никогда не просило и не рекомендовало академіи украшать степенью доктора медицины всякаго военнаго врача, какъ бы слабо онъ ни былъ подготовленъ; напротивъ, военное вѣдомство, вѣроятно, было бы довольно, еслибы академія была болѣе разборчива при раздачѣ ученыхъ степеней, такъ какъ тогда военное вѣдомство могло бы отличить врачей болѣе развитыхъ въ научномъ отношеніи отъ болѣе слабыхъ, и первымъ могло бы предоставлять лучшія мѣста, нежели вторымъ; теперь же, при раздачѣ ученыхъ степеней всѣмъ ищущимъ ихъ, все смѣшивается въ одну кучу, въ которой разобраться нѣтъ никакой возможности. Какъ это ни покажется страннымъ, но безусловно вѣрно то, что медицинская академія, состоящая въ военномъ вѣдомствѣ, въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ прямо въ ущербъ военному вѣдомству. Вмѣсто того чтобы, напр., заниматься въ клиникахъ, военные врачи въ теченіе своего двухлѣтняго прикомандированія къ академіи все время употребляютъ на то, чтобы на скорую руку зубрить различные краткіе и негодные учебники и записки, чтобы держать экзаменъ на степень доктора; а затѣмъ занимаются *сочиненіемъ* диссертациі; изучать же различныя спеціальности они не имѣютъ времени...

Не всѣ военные врачи, конечно, успѣваютъ достигнуть своей заветной цѣли—докторскаго диплома. Многіе только успѣваютъ выдержать экзаменъ на доктора, не успѣвая сочинить диссертациі; но за одно можно головой поручиться, что большая часть изъ нихъ успѣваетъ все время своего прикомандированія къ академіи убитъ самымъ непроизводительнымъ образомъ. Результатомъ докторскихъ вожделѣній является то, что военные врачи, прикомандированные для изученія хирургіи, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ академіи, не умѣютъ взять ножа въ руки, какъ это громогласно было заявлено на экзаменѣ врачей профессоромъ академіи, въ присутствіи членовъ военно-медицинскаго ученаго комитета.

Профессора академіи неоднократно заявляли и словесно, и письменно, что военнымъ врачамъ, прикомандированнымъ къ академіи для изученія хирургіи и другихъ спеціальностей, необходимо *запретить держать экзаменъ на степень доктора*, такъ какъ это представляетъ для нихъ непреодолимое препятствіе для занятія ихъ спеціальностью,—по примѣру Пруссіи, гдѣ военные врачи также прикомандировываются для занятій къ клиникамъ, но гдѣ они *не смѣютъ заниматься ничѣмъ другимъ, кромѣ известной спеціальности*. Въ результатѣ этихъ заявленій получилось пока то, что, приблизительно лѣтъ шесть назадъ, военнымъ врачамъ, прикомандированнымъ къ академіи для изученія хирургіи, запрещено было держать экзаменъ на степень доктора медицины.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ отчетахъ академіи указывается, что медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ прикомандировываетъ къ академіи много врачей для полученія ими степени доктора медицины. Вѣрно здѣсь то, что департаментъ, дѣйствительно, прикомандировываетъ врачей къ академіи, чтобы они могли освѣжить свои познанія; но едва ли вѣрно, что это дѣлается для полученія ими докторской степени. Но если даже вышеприведенное указаніе вѣрно, то и тогда академія вовсе не обязана раздавать докторскіе дипломы всѣмъ желающимъ.

Выше было уже упомянуто, что ежегодно докторовъ выпускается свыше 100, а держать экзамень на доктора гораздо болѣе. Уже одно количество экзаменующихся исключаетъ всякую мысль о серьезности этихъ экзаменовъ. И, дѣйствительно, на экзамень по извѣстному предмету они являются группами въ 20 — 30 человекъ, и профессоръ употребляетъ 1½ — 2 часа, рѣдко больше, чтобы проэкзаменовать всю явившуюся группу. Слѣдовательно, на баждаго человека среднимъ числомъ приходится по 6 минутъ, въ теченіе которыхъ профессоръ успѣетъ предложить 3—4 краткихъ шаблонныхъ вопроса и получить таковыя же отвѣты. О какомънибудь подробномъ и обстоятельномъ изложеніи предмета не можетъ быть и рѣчи. Даже переходные экзамены студентовъ съ курса на курсъ гораздо серьезнѣе «докторскихъ», такъ какъ тамъ, чтобы проэкзаменовать 30—35 студентовъ, профессоръ иногда употребляетъ 5—6 часовъ. Иначе, впрочемъ, устроить докторскіе экзамены весьма трудно, такъ какъ для студентовъ назначаются экзамены въ маѣ, когда лекцій не бываетъ и профессоръ экзаменуетъ ихъ отъ 10 часовъ утра до 3-хъ, даже до 4-хъ часовъ пополудни. Докторскіе же экзамены совершаются въ дни, когда читаются лекціи, обыкновенно по окончаніи ихъ, въ 3 часа пополудни. Представьте себѣ, что профессоръ явился въ академію въ 10 часовъ утра, прочелъ лекцію, осмотрѣлъ больныхъ и въ три часа является въ конференцію на докторскій экзамень,—отъ него нельзя и требовать, чтобы онъ экзаменовалъ болѣе 2 часовъ.

По отзывамъ профессоровъ академіи врачи, экзаменующіеся на степень доктора, въ среднемъ выводѣ отвѣчаютъ гораздо хуже посредственныхъ студентовъ. Дѣло въ томъ, что студенты,—конечно, съ исключеніями,—вообще добросовѣстнѣе относятся къ дѣлу, больше сознаютъ свою обязанность учиться и, если многіе изъ нихъ, къ сожалѣнію, слабо учатся, то все же крайне рѣдко вы услышите даже отъ послѣдняго изъ нихъ, что это такъ и должно быть. Такимъ образомъ, и нравственный, и умственный уровень студентовъ гораздо выше, чѣмъ врачей, держащихъ экзамень на степень доктора-

Послѣдніе открыто заявляютъ, что имъ нуженъ только докторскій дипломъ, который даетъ имъ права и преимущества по службѣ. Двое изъ врачей, г.г. Варавинъ и Завадскій имѣли мужество откровенно высказаться въ этомъ смыслѣ на одномъ съѣздѣ врачей въ Петербургѣ. Первый изъ нихъ заявилъ: «Я держалъ экзаменъ на доктора медицины и отъ этого ученіе не сдѣлался; между мною и лѣкаремъ нѣтъ никакой разницы». Второй же, засвидѣтельствовавъ безполезность докторской степени, выразился еще прямѣе: «Я служу военнымъ врачомъ, и докторская степень мнѣ необходима для дальнѣйшаго движенія по службѣ»¹⁾.

Если врачи позволили себѣ съ такою развязностью выражаться публично, зная, что ихъ заявленія будутъ всѣмъ извѣстны, то можно себѣ представить, какъ они выражаются между собою или въ разговорѣ съ профессоромъ, который хотѣлъ бы имъ поставить неудовлетворительную отмѣтку!

Всѣхъ этихъ разговоровъ передавать здѣсь не стоить. Но слѣдуетъ указать на то, что профессору, рѣшившемуся поставить слабо отыѣчающимъ докторамъ неудовлетворительныя отмѣтки, иногда просто нѣтъ проходу отъ этихъ господъ:— они ловятъ его въ кабинетѣ, коридорахъ, на улицѣ, прося переправить отмѣтку и приводя въ свое оправданіе — то болѣзнь жены, то сына и т. п., короче сказать, ведутъ себя, какъ малолѣтніе школьники, лишь бы выпросить себѣ удовлетворительный баллъ... Къ неподатливымъ профессорамъ нѣкоторые изъ врачей посылали своихъ женъ, которыя становились передъ профессорами на колѣни, умоляя переправить мужу неудовлетворительную отмѣтку, причемъ, въ доказательство справедливости претензіи, приводилась болѣзнь мужа, дѣтей, тещи и т. д.; угрожали, что въ случаѣ неисполненія просьбы, ихъ мужа непременно отравятъ или повѣсятъ и т. п. Когда подобныя средства оказываются мало дѣйствительными, то прибѣгаютъ и къ болѣе рѣшительнымъ, чтобы сдѣлать профессоровъ уступчивыми и сговорчивыми. Эти средства состоятъ въ *запугиваніи профессоровъ*, въ распространеніи о нихъ всевозможныхъ сплетенъ въ академіи и во всемъ городѣ, въ жалобахъ академическому начальству, которое, къ сожалѣнію, доступно для подобныхъ жалобъ. Иногда экзаменующіеся прибѣгали къ помощи газетъ и печати, гдѣ они жаловались, что ихъ-де, «тружениковъ науки», обижаютъ безвинно нѣкоторые профессора, и затѣмъ слѣдовали разныя инсинуаціи насчетъ тѣхъ профессоровъ, которыми они были недовольны...

Но иногда аспиранты на докторскій дипломъ не стѣсняются

¹⁾ См. въ «Новомъ Времени» (за 20-е сентября 1889 г.) въ № 4871 статью подъ заглавіемъ: «Докторскій дипломъ».

прибѣгать и къ болѣе энергическимъ средствамъ. Въ академіи хорошо извѣстны случаи, когда экзаменующіеся кричали на профессоровъ, говорили имъ дерзости, даже бросались на профессора, чтобы вырвать у него изъ рукъ экзаменаціонный листъ, если профессоръ хотѣлъ поставить дурную отмѣтку. Подобные факты были подтверждены официальнымъ дознаніемъ, но академическое начальство держитъ ихъ въ большомъ секретѣ и боится огласки, такъ какъ въ противномъ случаѣ могло бы быть назначено слѣдствіе, при которомъ и всплыли бы наружу еще болѣе пикантныя исторіи...

И нельзя сказать, чтобы описанныя выше средства не приносили экзаменующимся никакой пользы. Нѣкоторые профессора сами сознаются, что они пропускали на экзаменѣ завѣдомыхъ невѣждъ и совершенно бездарныхъ людей, чтобы только отвязаться, не нанести себѣ какой либо исторіи. Если врачъ и «проваливается» на экзаменѣ, что впрочемъ случается рѣдко, то онъ получаетъ удовлетворительную отмѣтку на переэкзаменовкѣ. Но крайне рѣдко случается, что экзаменующійся провалится на экзаменѣ окончательно и потеряетъ право продолжать экзамены въ академіи.

Изъ вышесказаннаго видно, что докторскіе экзамены въ академіи далеко не отвѣчаютъ ни ея значенію, какъ высшаго ученаго заведенія, ни тѣмъ требованіямъ, которыя должны предъявляться при испытаніи на высшую ученую степень. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что описанные экзамены производятся въ военно-медицинской академіи, которая состоитъ въ военномъ вѣдомствѣ. Слѣдовало бы ожидать, по крайней мѣрѣ, соблюденія наружной дисциплины; но вмѣсто того видимъ крайнюю степень развязности со стороны экзаменующихся и отсутствіе не только дисциплины, но даже нерѣдко простой благопристойности.

Что касается до умственного уровня экзаменующихся, то выше было уже сказано, что они отвѣчаютъ *гораздо хуже посредственныхъ студентовъ*. Такъ какъ экзамены продолжаются весьма короткое время и, въ большинствѣ случаевъ, состоятъ изъ краткихъ вопросовъ и такихъ же отвѣтовъ, причемъ одни и тѣ же вопросы весьма часто повторяются, — то экзаменующіеся *записываютъ эти вопросы и ответы*, и такимъ образомъ составляютъ для каждого предмета краткія руководства въ 20—40 страницъ, — рѣдко больше, — печатаютъ ихъ, и этими краткими «руководствами» пробаваются на экзаменахъ. Конечно, при этомъ не обходится безъ курьезовъ, такъ какъ въ записанныхъ на скорую руку отвѣтахъ находится много смѣшныхъ и грубыхъ ошибокъ, на которыхъ и попадаютъ экзаменующіеся. Другая бѣда состоитъ въ томъ, что профессоръ, не удовольствовавшись краткимъ отвѣтомъ, можетъ потребовать де-

тальнаго разъясненія; тутъ уже экзаменующійся нерѣдко становится втупикъ. Но въ большинствѣ случаевъ все оканчивается благополучно.

Изъ сказаннаго видно, что большинство экзаменующихся на степень доктора не только безъ всякой пользы для себя и для службы проводить въ академіи два года своего прикомандированія, но еще дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на другихъ, желающихъ учиться, напр., на студентовъ. Если послѣдніе видятъ, что на степень доктора выдерживаютъ экзамены по самымъ краткимъ тетрадамъ, то естественно, что у нихъ зарождается желаніе получить такимъ же путемъ степень лѣкаря. И они правы, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что степень лѣкаря ниже степени доктора...

Въ 1895 году академическое начальство устроило, наконецъ, комисіи изъ профессоровъ для производства докторскихъ экзаменовъ по теоретическимъ предметамъ. Но комисіи эти, къ сожалѣнію, главнымъ образомъ существуютъ только *на бумагѣ*, такъ какъ каждый изъ пришедшихъ въ комисію профессоровъ экзаменуетъ по своему предмету отдѣльно отъ другихъ, а не такъ, чтобы собравшіеся профессора *дѣйствительно образовали комисію*, въ которой и производился бы экзаменъ по каждому предмету. Такимъ образомъ, характеръ экзаменовъ остается прежнимъ. Если и есть нѣкоторая разница отъ прежнихъ экзаменовъ, то только въ томъ, что срокъ для докторскихъ экзаменовъ, вмѣсто прежняго одного года, увеличенъ еще на три мѣсяца, притомъ съ исключеніемъ изъ счета каникулярнаго времени, очевидно, съ цѣлю облегчить экзамены для слабо подготовленныхъ. Если сюда прибавить еще, что экзаменующіеся, повидимому, пугаются комисіей и многіе на экзаменъ не являются, то все же профессору приходится проэкзаменовывать 15 — 20 человекъ въ теченіе двухъ часовъ, а такихъ экзаменовъ ни въ какомъ случаѣ нельзя признать серьезными.

Что касается до экзаменовъ изъ клиническихъ предметовъ, въ которыхъ и заключается вся суть дѣла при докторскихъ экзаменахъ, то они по прежнему производятся въ клиникахъ, и тутъ, стало быть, все остается по прежнему.

III.

Теперь посмотримъ, какъ и о чемъ пишутся докторскія диссертации. Значительное количество ихъ ежегодно, лѣтъ 8—10 назадъ, посвящалось, — а, быть можетъ, посвящается и теперь, — дѣйствию *холодныхъ и теплыхъ ваннъ* на организмъ человѣка. Употребляются

ванны общія и мѣстныя, напр., ручныя, ножныя; употребляются обливанія, растиранія, компрессы, души на различныя части тѣла изъ холодной или горячей воды. А кто хочет блеснуть остроуміемъ и оригинальностью, тотъ пишетъ *о вліяніи почечуйнаго душа на чувство мѣста, на силу верхнихъ и нижнихъ конечностей, или изслѣдуетъ исчезновеніе отпечатковъ на кожу, рефлексы, кровяное давленіе, кривую пульса, температуру тѣла и кожи и внутри-брюшное давленіе у здороваго человѣка* (диссертація В—на въ 1889 г.). Всѣ подобныя диссертаціи на разные лады, но приблизительно съ одинаковымъ успѣхомъ, развиваютъ, подтверждаютъ и пережевываютъ ту основную мысль, что *холодныя ванны охлаждають человеческое тѣло, а горячія его согревають*. Эта основная мысль болѣе уже десяти лѣтъ, съ разными варіаціями, дополненіями и сокращеніями, доказывается въ академическихъ диссертаціяхъ съ переменнымъ успѣхомъ; но до конца, повидимому, еще далеко. Чтобы разнообразить содержаніе диссертацій, дабы онѣ не казались сколкомъ одна съ другой, авторы ихъ прибѣгаютъ къ различнымъ уловкамъ; одинъ начинаетъ обзоръ литературы съ французской и кончаетъ нѣмецкою, а другой поступаетъ наоборотъ; третій переиживаетъ французовъ съ нѣмцами, четвертый и пятый притянуть къ дѣлу англичанъ и итальянцевъ, и т. д. до безконечности. Съ тою же цѣлью достигнуть разнообразія, авторы къ основной мысли примѣшиваютъ побочныя: одинъ изслѣдуетъ вліяніе холодной или горячей воды на пульсъ и дыханіе, другой — вліяніе ея на силу верхнихъ и нижнихъ конечностей, на рефлексы, внутри-брюшное давленіе; а третій смѣшиваетъ все это въ одну кучу. Одинъ беретъ для изслѣдованія холодную воду въ 16 градусовъ, другой изслѣдователь понижаетъ температуру на 1 — 2 градуса, третій увеличиваетъ ее на одинъ градусъ, четвертый, пятый и шестой продѣлываютъ то же самое съ теплой или горячей водою и т. д. до безконечности. Если къ этому прибавить, что больнаго или здороваго человѣка можно держать въ холодной или горячей ваннѣ 5 — 20 минутъ и болѣе, то становится понятнымъ, что о дѣйствіи холодной и горячей воды можно писать безчисленное количество диссертацій. Короче сказать, отыскивается только благовидный предлогъ, чтобы опять завести рѣчь о томъ же предметѣ и написать то же самое, что много разъ было писано прежде.

Само собою разумѣется, что методы изслѣдованія при этомъ употребляются по возможности научныя и вполне соответствуютъ важности предмета; такъ напр., если рѣчь идетъ о ручныхъ ваннахъ, то въ воду погружается рука, а при ножныхъ ваннахъ — нога, а не наоборотъ. Если, вслѣдствіе поспѣшности, и встрѣчаются

ошибки, то онѣ въ большинствѣ случаевъ тотчасъ же исправляются. Равнымъ образомъ, при измѣреніи температуры, термометръ, смотря по обстоятельствамъ, вводится то подъ мышку, то въ ротъ, то въ прямую кишку. Требованиямъ гигиены, чистоты и опрятности также оказывается должное вниманіе. Если, напр., у автора одинъ термометръ, а вводить его надо и въ ротъ, и въ прямую кишку, то онъ вводитъ его сначала въ ротъ, а потомъ уже въ прямую кишку, а не наоборотъ. Путемъ такихъ-то и подобныхъ измѣреній, въ диссертацияхъ получаютъ ряды таблицъ съ цифрами, къ достоинству которыхъ нужно прибавить, что всѣ онѣ похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды. Если ко всѣмъ упомянутымъ измѣреніямъ присоединить нѣсколько страницъ праздныхъ разсужденій о предметахъ, въ большинствѣ случаевъ не стоящихъ выѣденнаго яйца, то диссертация готова, и авторъ ея украшается степенью доктора медицины...

Другая, еще болѣе многочисленная, серія диссертацийъ была посвящаема въ прежніе годы *азотистому обмѣну*, также обмѣну жировъ, различныхъ солей въ организмѣ и т. д. Здѣсь изслѣдуется вліяніе на азотистый обмѣнъ тѣхъ же холодныхъ, теплыхъ и горячихъ ваннъ, обливаній, растираній и т. д., а также вліяніе различныхъ лѣкарственныхъ и питательныхъ веществъ. Здѣсь дѣло гораздо сложнѣе, такъ какъ для того, чтобы опредѣлить количество азотистыхъ веществъ въ пищѣ и экскрементахъ челоѣка, необходимо основательное знаніе химіи, которую въ двѣ-три недѣли и даже въ три мѣсяца изучить нельзя. Но и здѣсь болѣе остроумные скоро нашлись, какъ пособить горю. Недалеко отъ академіи въ лѣсу есть химическая лабораторія, принадлежащая одному высшему учебному заведенію другаго вѣдомства, и тамъ ассистентъ или его помощникъ, за извѣстную плату, дѣлалъ анализъ экскрементовъ, привозимыхъ къ нему врачами, ищущими степени доктора медицины. Такимъ образомъ, вся ученая роль послѣднихъ, при сочиненіи диссертации, сводилась къ тому, чтобы отвезти экскременты въ указанное учрежденіе, заплатить деньги и получить цифры анализа. Сначала дѣло держалось въ большомъ секретѣ, такъ какъ сами авторы считали свое поведеніе скандальнымъ; съ этою цѣлью и была ими избрана химическая лабораторія въ другомъ заведеніи, стоящемъ въ глуши, а не въ медицинской академіи, чтобы не было свидѣтелей-очевидцевъ. Но какъ удержать секретъ, когда начали ѣздить туда чуть не цѣлыми толпами, когда объектъ для изслѣдованія весьма трудно было провезти въ секретѣ, и пассажиры, ѣздившіе въ ту сторону, должны были зажимать носъ отъ страшной вони въ вагонахъ, а иногда, по слухамъ, собирались куда-то подавать жалобу по этому поводу?

Для характеристики диссертаций и академических нравов, слѣдуетъ еще прибавить, что по слухамъ бывали случаи, когда два и три врача производили свои изслѣдованія надъ одними и тѣми же экскрементами; одинъ опредѣлялъ въ нихъ количество азотистыхъ веществъ, другой — количество жировъ, третій — количество солей. Послѣдній пріемъ имѣлъ несомнѣнныя удобства, такъ какъ пишущіе диссертацию вмѣсто трехъ больныхъ надѣдали только одному, а, кромѣ того, работающіе могли по очереди ѣздить въ упомянутую химическую лабораторію. Достоинство диссертаций упомянутой категории лучше всего характеризовали студенты академіи, которые увѣряли, что въ нихъ рѣчь идетъ вовсе не объ *азотистомъ обмѣнѣ*, а только объ *азотистомъ обманѣ*...

По мѣрѣ движенія науки впередъ, кругозоръ нашихъ изслѣдователей медицинской науки тоже все болѣе и болѣе расширялся. Покончивъ съ азотистымъ обмѣномъ, они нашли себѣ занятіе въ другой области. Дѣло въ томъ, что при современномъ развитіи химіи ежегодно являются почти сотни новыхъ лѣкарствъ, свойства которыхъ и вліяніе на организмъ обыкновенно изслѣдуются европейскими учеными. Но и наши академическіе ученые нашлись при этомъ и не ударили въ грязь лицомъ: они тоже начали изслѣдовать вліяніе теплыхъ и холодныхъ ваннъ, различныхъ обливаній, душей, растираній и т. д. на усвоеніе лѣкарствъ человѣческимъ организмомъ. Такъ какъ, съ одной стороны, новыя лѣкарства являются ежегодно почти сотнями, а съ другой — различными ванны, души и т. д. можно разнообразить до безконечности, то отсюда могутъ появиться не сотни, а цѣлыя тысячи новыхъ диссертаций, и есть полное основаніе надѣяться, что поступательное движеніе впередъ будетъ совершаться и далѣе въ томъ же духѣ.

Надо всѣми этими диссертациями смѣются профессора, врачи и студенты, которые прямо говорятъ, что въ академіи диссертации *пекутъ, какъ блины*. Но въ большинствѣ случаевъ молодые доктора довольны тѣмъ, что «диссертацию» можно приготовить въ 2—4 недѣли и въ крайнихъ только случаяхъ — въ 2—4 мѣсяца, причемъ не требуется ни подготовки, ни знаній, ни даже усидчивой работы. Степень доктора дается почти всегда, какъ бы ни была нелѣпа диссертация. За послѣдніе годы едва можно насчитать пять случаевъ, когда въ степени доктора было отказано или за безсодержательность диссертации, или за плохую ея защиту. Вслѣдствіе этого, къ немалому счастью и торжеству академическаго начальства, слава объ ученыхъ академическихъ диссертацияхъ пошла за предѣлы Петербурга и проникла въ университетскіе города. Изъ послѣднихъ начинали являться въ академію врачи для защиты диссертаций, которыхъ они, по ихъ

безсодержательности, не смѣютъ и представить въ медицинскій факультетъ. Академія, оставаясь вѣрною своимъ «научнымъ примамъ», часто украшала подобныя диссертациі степенью доктора медицины, иногда даже въ такомъ случаѣ, когда большинство оппонентовъ, назначенныхъ самою же академіею, признавали защиту такихъ диссертаций неудовлетворительною, чего, конечно, не могло бы случиться безъ вмѣшательства начальства въ пользу докторантовъ. Вслѣдствіе такой остроумной политики, академія мало-помалу превращалась въ складочное мѣсто для разныхъ «неудачниковъ».

При защитѣ диссертаций, встрѣчаются иногда исторіи весьма забавныя по виду, но крайне грустныя и печальныя по существу. Такъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, при защитѣ одной диссертациі, предметомъ которой было вліяніе сулемы на бактеріи, оппонирующій профессоръ почему-то усомнился въ правильности выводовъ и спросилъ докторанта: съ чистой ли сулемою онъ работалъ? Докторантъ отвѣчалъ, что съ чистой и въ доказательство ея чистоты приводилъ то, что содержатель склада, у котораго онъ покупалъ сулему, съ клятвою увѣрилъ, что сулема была самая лучшая. При дальнѣйшихъ разспросахъ оказалось, что докторантъ и понятія не имѣлъ о томъ, что такое чистая сулема и для чего она требуется при опытахъ съ бактеріями, и всѣ вопросы профессора наивно считалъ «придиркою» со стороны послѣдняго; короче, предъ всей публикой представилъ несомнѣнное доказательство своего абсолютнаго невѣжества; но тѣмъ не менѣе степень доктора получилъ...

Для полноты мы представимъ здѣсь исторію двухъ диссертаций, которыя привели въ изумленіе даже академію, привыкшую во всемъ, что касается диссертаций, ничему не удивляться. Въ 1891 году лѣкарь М. Д. защищалъ свою диссертацию подъ заглавіемъ: *«Попытка экспериментальнаго изслѣдованія терапевтическаго значенія франклинизации»*, изготовленную въ лабораторіи экспериментальной патологіи, состоящей подъ высшимъ руководствомъ самого начальника академіи, какъ бывшаго профессора патологіи. Въ диссертациі приводились цѣлыя таблицы и ряды цифръ. При защитѣ диссертациі, оказалось, что докторантъ свои цифры и таблицы *выдумалъ* и *сочинилъ*, такъ какъ электрическая машина, съ которою онъ работалъ и которую взялъ изъ одной клиники, — какъ заявилъ на диспутѣ приватъ-доцентъ Д—въ, — была испорчена, а потому никакихъ токовъ давать не могла, такъ какъ и возвращена она была въ томъ же испорченномъ видѣ; слѣдовательно, врачъ, работавшій съ нею, никакихъ цифръ получить не могъ.

Этот фактъ несомнѣнной фальсификаці цифръ и таблицъ диссертаци былъ констатированъ при многочисленныхъ слушателяхъ, профессорахъ академіи, въ присутствіи ученаго секретаря и начальника академіи. Что же было дальше? Быть можетъ, вы думаете, что предсѣдатель диспута лишилъ врача права продолжать диспутъ, когда оказалось, что всѣ цифры, имъ представленныя, были сочинены? Ничуть не бывало; напротивъ начальникъ академіи останавливалъ приватъ-доцента Д—ва и грозилъ «лишить его слова». Едва ли нужно прибавлять, что врачъ, уличенный въ фальсификаці цифръ, былъ удостоенъ степени доктора медицины...

Въ 1889 году, въ «Новомъ Времени» (№№ 4684 и 4740) г-номъ Варпаховскимъ былъ помѣщенъ разборъ диссертаци доктора П., сочиненной въ лабораторіи профессора Пашутина: «*О вліяніи нарушенной дѣятельности кожи на общія явленія въ тѣлѣ животныхъ*», гдѣ былъ подвергнутъ рѣзкой, но справедливой критикѣ бессмысленный способъ сдиранія кожи съ животныхъ, для того чтобы *изучить физиологическое значеніе кожи для организма* (?!). Въ этой своей диссертаци д-ръ П., между прочимъ, приводитъ мнѣніе Ланге, (стр. 23), что мочевины, состоящая, какъ извѣстно, изъ углерода, водорода, азота и кислорода, разлагаясь въ крови, производитъ *новое тѣло, содержащее фосфоръ и магнезію*, и приводитъ это мнѣніе, не только не указывая, но даже не замѣтивъ его колоссальной нелѣпости. Такимъ образомъ, въ результатѣ получается,—какъ это объяснено г. Варпаховскимъ,—невѣжество поразительное и едва ли слыханное въ лѣтописяхъ современной медицины, въ которомъ оказывается виноватымъ, конечно, не только д-ръ П., но и профессоръ, въ лабораторіи котораго производились опыты и сочинялась самая диссертация. Г-нъ Варпаховскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что за такое разложеніе въ любомъ университетѣ студентъ перваго курса провалился бы на экзаменѣ. Но не такъ дѣлается въ академіи. Д-ръ П. не только нигдѣ не провалился, но по ходатайству профессора, въ лабораторіи котораго онъ приобрѣлъ свои изумительныя химическія свѣдѣнія, какъ бы въ награду за свои успѣхи, командированъ былъ за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія и съ тѣхъ поръ уже неоднократно фигурировалъ въ качествѣ кандидата на професуру въ медицинской академіи.

Самая главная причина того, что вопросъ о докторской степени поставленъ въ академіи такъ, какъ онъ описанъ выше, а не иначе, заключается въ убѣжденіи начальства, что чѣмъ больше академія выпуститъ докторовъ и докторскихъ диссертаций въ теченіе года, тѣмъ болѣе увеличится ученый престижъ академіи.

Если московскій медицинскій факультетъ выпускаетъ, напримѣръ, только 10 диссертаций, а академія сто, то ясно, что наука процвѣтаетъ въ академіи въ 10 разъ больше, чѣмъ въ московскомъ медицинскомъ факультетѣ. Подобная логика, конечно, весьма наивна, но она—та же самая логика, которую мы находимъ у купцовъ, особенно стараго закала. Если изъ двухъ купцовъ, торгующихъ однимъ товаромъ, одинъ въ день продаетъ пудъ товару, а другой — десять пудовъ, то конечно, второй торгуетъ въ десять разъ успѣшнѣе, а если онъ при этомъ вмѣсто настоящаго товару отпускаетъ гнилой за ту же самую цѣну, какъ и хорошій, то выгоды его будутъ еще больше. Иначе, впрочемъ, выдающіеся дѣятели въ академіи и разсуждать не могутъ, такъ какъ всѣ эти лабораторіи и клиники, въ которыхъ изучается дѣйствіе холодной и горячей воды, азотистый обмѣнъ, и гдѣ производится сдираніе кожи съ собакъ—всѣ онѣ остались бы пустыми и роль руководителей ихъ была бы самая ничтожная, еслибы степень доктора медицины выдавалась съ надлежащею разборчивостію.

А вѣдь было время и не очень давно—лѣтъ 30 назадъ,—когда за работою надъ диссертациями *сидѣли по году и по два*, и нисколько не тяготились этимъ, считая это вполне нормальнымъ. Фальсификація же цифръ едва ли кому приходила въ голову; а еслибы что нибудь подобное и обнаружилось, то, конечно, фальсификаторы были бы вознаграждены не дипломомъ, а вѣроятнѣе—удаленіемъ изъ академіи.

IV.

Точно также и съ тою же цѣлью заботятся въ академіи объ увеличеніи числа приватъ-доцентовъ, которыхъ академія выпускаетъ каждый годъ десятками, хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣдовало бы, быть можетъ, отнять докторскій дипломъ, — до того слабы иногда ихъ свѣдѣнія въ избранной спеціальности! Поэтому въ официальныхъ отчетахъ говорится, что академія столько-то произвела де новыхъ приватъ-доцентовъ; что изъ такой-то лабораторіи вышло 10, а изъ другой — 40 работъ и т. д., забывая при этомъ, что ни одинъ европейскій ученый, никакая самая знаменитая лабораторія не выпускаетъ въ свѣтъ такого количества работъ, такъ какъ громадное число работъ неизбѣжно подрываетъ довѣріе къ ихъ содержанію.

По прежнимъ академическимъ правиламъ, врачи, держащіе экзаменъ на степень доктора, должны были сдать всѣ экзамены въ теченіе года. Эти правила, за исполненіемъ которыхъ должно

слѣдить начальство, на самомъ дѣлѣ далеко не исполнялись въ академіи. Если врачъ не успѣваетъ выдержать экзаменъ въ срокъ, то ему дается одна отсрочка, затѣмъ другая, третья и т. д. Поэтому, на дѣлѣ каждый экзаменующійся можетъ тянуть экзамены столько, сколько ему угодно. Отсрочки эти даются по медицинскимъ свидѣтельствамъ, въ которыхъ въ большинствѣ случаевъ фигурируетъ одна и та же болѣзнь—*nevgasthenia*,—а это выраженіе обозначаетъ только нервное утомленіе или расстройство. Эта болѣзнь не мѣшаетъ докторанту на виду у всѣхъ ходить всюду, и приводится въ свидѣтельствахъ единственно для того, чтобы соблюсти форму и дать начальству благовидный предлогъ для новой отсрочки. Если кто желаетъ провѣрить справедливость сказаннаго, пусть посмотритъ экзаменаціонные листки врачей за нѣсколько лѣтъ,—и тамъ онъ увидитъ, что многимъ изъ нихъ даются 2—3 и болѣе отсрочекъ, чтобы этой поблажкой искусственно увеличить количество выпускаемыхъ «докторовъ медицины». Можно съ увѣренностью утверждать, что изъ числа всѣхъ ежегодно выдерживающихъ экзаменъ на доктора $\frac{2}{3}$, а, можетъ быть, $\frac{3}{4}$ сами собою, не смотря на слабые до смѣшнаго экзамены, отказывались бы отъ продолженія экзаменовъ, еслибы имъ не давали отсрочекъ ради какой-то болѣзни, никому и ни въ чемъ не мѣшающей.

Упомянутая снисходительность къ врачамъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ далеко переходитъ предѣлы, дозволенные закономъ. Такъ, въ 1888 г. держалъ экзаменъ на доктора лѣкарь П., который по офталмологіи держалъ экзаменъ два раза, но каждый разъ получалъ неудовлетворительныя отмѣтки и черезъ это лишился права продолжать докторскіе экзамены въ академіи. Въ черновомъ свидѣтельствѣ, писанномъ рукою бывшаго начальника академіи, было написано, что лѣкарь П. выдержалъ всѣ экзамены, за исключеніемъ офталмологіи, *изъ которой держалъ экзаменъ два раза, но не выдержалъ*. Но затѣмъ подчеркнутыя слова были кѣмъ-то зачеркнуты и въ бѣловомъ свидѣтельствѣ, подписанномъ тогдашнимъ ученымъ секретаремъ, всему дѣлу данъ такой смыслъ, что П. выдержалъ въ академіи всѣ экзамены на доктора, а изъ офталмологіи не держалъ. Такой смыслъ былъ приданъ съ тою цѣлью, чтобы университетъ не принуждалъ П. держать снова экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ, а позволилъ бы ему держать экзаменъ изъ одной только офталмологіи. Подобные описанному случаи попустительства, даже болѣе гяжіе въ юридическомъ смыслѣ, повторялись неоднократно.

«Какая же роль конференціи въ дѣлѣ диссертаций?» — спросить ктонибудь. Роль ея пассивная и нельзя много винить ее во всѣхъ описанныхъ беспорядкахъ. Диссертацийъ въ году бываетъ

такъ много (болѣе ста), что читать ихъ всѣмъ членамъ конференціи рѣшительно невозможно. Обязательно читають—и то, впрочемъ, не всегда—три официальныхъ оппонента, изъ нихъ два профессора и одинъ приватъ-доцентъ; само собою разумѣется, что послѣдній въ своемъ мнѣніи сообразуется обыкновенно съ профессорами и самостоятельной роли не играетъ, а еслибы и вздумалъ имѣть свое мнѣніе, то ему могутъ приказать молчать, какъ это было съ приватъ-доцентомъ Д.-мъ.

Начальству, — если оно пожелаетъ, — весьма легко устроить дѣло такъ, что въ число оппонентовъ попадутъ тѣ, а не другіе профессора, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго количества диссертаций, многіе профессора тяготеютъ ролью оппонента и весьма охотно уступаютъ ее другимъ, болѣе податливымъ и стговорчивымъ, чѣмъ и можно пользоваться съ извѣстною цѣлью. Если въ чемъ можно упрекнуть членовъ конференціи, то только въ излишней пассивности, но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что главная преобладающая роль во всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію конференціи, принадлежитъ начальнику академіи; и всѣ профессора, отличавшіеся самостоятельностью, ушли изъ академіи такъ или иначе...

Результатомъ вышеописаннаго порядка вещей въ академіи является деморализація учащейся молодежи, которая, начавшись съ врачей, распространяется съ одной стороны къ верху—въ среду профессоровъ, а съ другой—къ низу, въ среду студентовъ. Въ средѣ профессоровъ она главнымъ образомъ выражается крайнею пассивностью и индифферентизмомъ ко всему тому, что дѣлается въ академіи. Какія бы остроумныя выдумки ни затѣвались,—даже лучшіе профессора молчатъ и только посмѣиваются про себя, какъ бы говоря: «ну, посмотримъ, что такое еще затѣвается», и ихъ въ этомъ случаѣ строго винить нельзя; сначала протесты были, но такъ какъ за нихъ многимъ пришлось заплатить выходомъ изъ академіи, то они и прекратились. До чего уже велика деморализація профессоровъ — это показываетъ безпримѣрный скандалъ, случившійся въ академіи въ маѣ мѣсяцѣ 1892 г. Въ то время, въ академіи происходили выборы на вакантную кафедру судебной медицины. Въ числѣ кандидатовъ былъ профессоръ харьковскаго университета К.—нъ, теперь умершій, который до этого никогда не занимался судебной медициной, и вскрытія труповъ, повидимому, никогда не производилъ, хотя вскрытіе труповъ составляетъ одно изъ главныхъ занятій профессора судебной медицины. Начальство академіи, оказывавшее ему всевозможную протекцію, зная крайнюю слабость кандидата, употребило всѣ мѣры, чтобы онъ не про-

валился въ конференціи, и при этомъ, къ сожалѣнію, нашло поддержку среди многихъ профессоровъ. Такъ, оно входило съ представленіемъ къ высшей военной власти, чтобы освободить его отъ чтенія пробныхъ лекцій, но получило категорическій отказъ. Потомъ оно допустило въ конференціи, черезъ близкихъ къ себѣ лицъ, возбудить вопросъ объ освобожденіи его отъ клиническаго испытанія, вопреки ясной статьѣ закона (см. примѣчаніе къ статьѣ 56 академическаго устава) и этимъ путемъ, дѣйствительно, освободило его отъ клиническаго испытанія, хотя другіе кандидаты подвергались стому испытанію. Но, не смотря на всю официальную поддержку, профессоръ К—нъ провалился изъ-за того, что принялъ склеившійся съ желудкомъ сальникъ за ранъ желудка!!! ¹⁾.

Какъ громомъ, поражены были члены конференціи, услышавъ такую изумительную новость, подобной которой никто не слыжалъ ни въ академіи, ни въ одномъ изъ университетовъ со дня ихъ основанія и до сего времени! Даже посредственный студентъ не сдѣлаетъ такой грубой ошибки, а тутъ профессоръ, кандидатъ на кафедру судебной медицины не умѣетъ отличить сальникъ отъ желудка, подвергшагося раковому перерожденію!

Что же сдѣлало начальство академіи? Послѣ упомянутой невозможной ошибки, оно должно было бы предложить конференціи лишить кандидата права на баллотировку; но оно этого не сдѣлало, а, напротивъ, постаралось замазать всю эту исторію, уговоривъ другихъ членовъ конференціи не вносить ея въ протоколъ, хотя, въ виду важности и исключительности событія, это слѣдовало сдѣлать. Добившись невнесенія въ протоколъ описаннаго событія, начальство академіи не постѣснилось даже въ официальныхъ бумагахъ выставить упомянутаго кандидата достойнымъ ученымъ мужемъ, опособнымъ занять кафедру судебной медицины въ академіи...

Впрочемъ, начальство академіи сумѣло заблаговременно обезопасить себя отъ возможныхъ протестовъ со стороны болѣе энергичныхъ профессоровъ. Оно мало-по-малу удалило изъ академіи всѣхъ тѣхъ профессоровъ, которые позволили себѣ противорѣчить ему. Увольненіе профессоровъ совершалось подъ разными предлогами, какъ-то: «за неуваженіе и недоувѣріе къ начальнику, за недисциплинарность» и т. п., и само собою разумѣется, что все это дѣлалось *безъ всякаго суда и слѣдствія, и даже безъ предварительнаго дознанія, а по вдохновенію*, т. е. просто однимъ администра-

¹⁾ Чтобы пояснить значеніе указанной ошибки для лицъ, не занимавшихся анатоміей, можно прибавить, что ошибка равносильна тому, какъ еслибы кто смѣшалъ печень съ селезенкой, легкія съ кишками, а сердце—съ мочевымъ пузыремъ.

тистимъ порядкомъ. Одному профессору было вѣнено въ вину даже то, что онъ, будучи ученымъ секретаремъ и предсѣдателемъ на докторскомъ диспутѣ, допустилъ и не прекратилъ студенческихъ аплодисментовъ возражавшему оппоненту, хотя до того само начальство, присутствуя на диспутахъ, никогда не стѣсняло въ этомъ студентовъ и не дѣлало никакихъ попытокъ удержать ихъ отъ аплодисментовъ.

Другой случай еще поучительнѣе. Въ 1893 г. профессоръ Д., въ частномъ разговорѣ съ начальникомъ академіи, заявилъ послѣдному, что ему, профессору, извѣстны злоупотребленія или подлоги, сдѣланные начальникомъ академіи. Послѣдній предписалъ профессору представить въ письменномъ рапортѣ свое заявленіе. Профессоръ представилъ свой рапортъ начальнику, а копию его сообщилъ высшей военной власти. При разслѣдованіи профессорскаго заявленія въ главномъ военно-судебномъ управленіи, четыре пункта профессорскихъ заявленій были найдены правильными, а остальные два легко могли быть подтверждены при формальномъ слѣдствіи, которое, однако, было найдено излишнимъ. Въ результатѣ профессоръ уволенъ отъ службы безъ прошенія...

Другіе профессора были уволены подъ предлогомъ выслуги срока (Соколовъ, Иностранцевъ, Мержеевскій, Е. Павловъ, Насиловъ, Полотебновъ, Поповъ), хотя лица удобныя начальству и не представляющія ему никакихъ запросовъ, оставались на службѣ, даже и сверхъ срока по особымъ ходатайствамъ. Само собою разумѣется, что уволенные профессора замѣщаются лицами удобными начальству, и на ихъ ученые достоинства смотрятъ весьма снисходительно, обращая, повидимому, главное вниманіе на характеръ, свободный отъ всякихъ лишнихъ претензій.

V.

Что касается степени научнаго развитія таковыхъ кандидатовъ, то въ этомъ отношеніи прежде всего бросается въ глаза то *характерное* и давно уже *небывалое* въ лѣтописяхъ академіи обстоятельство, что начальство позволяетъ себѣ назначать на каѳедры людей, до этого *вовсе не занимавшихся тѣмъ предметомъ, который они должны преподавать* въ академіи, а, слѣдовательно, почти совершенно незнакомыхъ съ нимъ. Выше уже было разсказано, какъ начальство хотѣло провести на каѳедру судебной медицины харьковскаго профессора К—на, который провалился только благодаря своему абсолютному невѣжеству въ анатоміи. Но вотъ, черезъ два или три года послѣ того, открывается каѳедра фармакологіи и на нее былъ назначенъ

тогда же профессоръ К—нъ, который, конечно, и фармакологіей до того времени занимался столько же, сколько и судебной медициной. Только на этотъ разъ,—чтобы избѣжать оппозиціи со стороны конференціи,—профессоръ К—нъ былъ назначенъ приказомъ высшей власти и при этомъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ, тогда какъ въ Харьковѣ онъ былъ только экстраординарнымъ. Можно указать и еще случай въ томъ же родѣ, когда въ 1892 г. на кафедре судебной медицины былъ переведенъ профессоръ той же академіи, также до своего назначенія не занимавшійся специально судебной медициной; сюда же слѣдуетъ отнести замѣщеніе кафедръ исторіи медицины лѣтъ шесть назадъ. Были и другіе примѣры въ томъ же родѣ.

При этомъ нужно сказать, что бываютъ случаи, когда на известную кафедру не находится кандидата-специалиста; въ такомъ случаѣ приходится назначать лицо, которое по своимъ занятіямъ ближе всего стоитъ къ свободной кафедрѣ. Но въ упомянутомъ выше случаѣ въ числѣ кандидатовъ на кафедру судебной медицины были лица, специально занимавшіеся судебной медициной; равно и на кафедре фармакологіи можно было найти кандидата, болѣе подготовленнаго.

Понятно, что отъ случаевъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, результаты для преподаванія получаются самые печальные. Вотъ, напр., одинъ изъ такихъ профессоровъ читалъ незнакомый ему предметъ по какому то краткому учебнику, написанному однимъ практическимъ врачомъ въ видѣ справочной книги; студенты смѣялись надъ учебникомъ, издѣвались надъ лекціями, и такъ какъ учебникъ этотъ во всемъ былъ извѣстенъ, то слушателямъ, понятно, не было расчета ходить на лекціи; они могли, еслибы захотѣли, прочитать его и дома, а потому и аудиторія, по слухамъ, оставалась чаще всего пустою.

Нужно имѣть въ виду, что даже при всемъ стараніи имѣть хорошо подготовленныхъ въ научномъ отношеніи и талантливыхъ профессоровъ, — выбирая ихъ, напр., изъ докторовъ, долго бывшихъ ассистентами при кафедрахъ у хорошихъ профессоровъ и затѣмъ побывавшихъ за границею для изученія специальности,—не всегда удастся сыскать хорошихъ преподавателей, такъ какъ иногда бываетъ такъ, что и человѣкъ, получившій хорошую научную подготовку, все таки оказывается плохимъ преподавателемъ, не можетъ заинтересовать своихъ слушателей, ясно и толково излагать свой предметъ, и аудиторія остается пустою. Если же, при замѣщеніи кафедръ, будутъ выбирать, съ одной стороны, преимущественно кандидатовъ, никогда не занимавшихся предметомъ своего преподава-

нія, а съ другой—кандидатовъ, учившихся чему нибудь и какъ нибудь, то въ результатѣ, въ теченіе 4—5 лѣтъ, высшее медицинское учрежденіе,—будетъ ли это академія, или медицинскій факультетъ, неизбѣжно потеряетъ характеръ высшаго учебнаго заведенія и будетъ приближаться къ *фельдшерской школѣ*, пока совсѣмъ не превратится въ нее... Вообще, нужно сказать, что въ періоды академіи, ближайшіе къ нашему времени, напр., при Дубовицкомъ, Козловѣ и Быковѣ, никогда не приходилось наблюдать такой безцеремонной развязности и такого непонятнаго произвола при замѣщеніи кафедръ людьми, нерѣдко вовсе не подготовленными для своей дѣятельности.

Не смотря на все вышесказанное, начальникъ академіи въ разговорѣ съ корреспондентомъ «Новаго Времени» (18 марта 1896 г., № 7023) весьма развязно увѣрялъ послѣдняго, что только теперь русскій врачъ получаетъ надлежащее образованіе, что въ академіи многія науки преподаются въ объемѣ, превышающимъ болѣе чѣмъ вдвое университетскіе курсы и т. д. Удивляться подобной гиперболѣ, сказанной человѣку некомпетентному, конечно, никто не будетъ; но слѣдовало бы спросить: ужь не тѣ ли профессора читаютъ по такимъ широкимъ программамъ, которые были назначены на кафедры, до этого никогда не занимавшихся тѣмъ предметомъ, который они должны были преподавать?!

Всякій согласится съ тѣмъ, что едва ли можно ожидать, чтобы профессоръ, никогда до того не занимавшійся предметомъ, вдругъ, какъ будто по вдохновенію, сталъ читать его по программѣ, болѣе чѣмъ вдвое обширной сравнительно съ университетскими программами. По вдохновенію можно, конечно, назначать профессоровъ; по вдохновенію можно ихъ и увольнять; но по вдохновенію нельзя читать лекцій по незнакомому предмету... Съ другой стороны, по слухамъ, нѣкоторые профессора не читали и не читаютъ своего курса даже и по обыкновеннымъ программамъ, или они читали назначенныя въ программѣ лекціи не всегда акуратно, иногда только въ теченіе перваго полугодія, до святокъ, а затѣмъ въ январѣ или февралѣ неофициально начинали и начинаютъ производить переходные экзамены. Начальству академіи должны быть извѣстны эти профессора, такъ какъ они принадлежали и принадлежать къ его приближеннымъ и довѣреннымъ лицамъ, которыхъ оно, повидимому, рекомендовало и высшему начальству, какъ усердныхъ преподавателей и исполнителей его воли.

Даже обиліе кафедръ въ академіи (въ академіи—34, а на медицинскихъ факультетахъ—24), на которые ссылался начальникъ академіи въ разговорѣ съ корреспондентомъ, не служитъ доказательствомъ того, что преподаваніе стоитъ на надлежащей высотѣ, такъ

какъ тутъ главную роль играетъ кѣмъ замѣщены каѳедры, а объ этомъ было говорено выше.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ описанные выше порядки отражаются на нравственности профессоровъ академіи. Лѣтъ шесть назадъ или около того, была открыта новая каѳедра, до того времени не существовавшая въ академіи. Назначенъ былъ на нее профессоръ, весьма мало или, лучше, нисколько не подготовленный къ предмету преподаванія. На первыхъ же порахъ оказалось, что читать лекціи по вдохновенію не такъ-то легко, а потому и аудиторія оставалась большею частью пустою. Но профессоръ оказался, по слухамъ, человѣкомъ весьма находчивымъ: онъ началъ рассказывать на лекціяхъ скоромные и скабрзные анекдоты, которыхъ въ медицинской литературѣ весьма много, и аудиторія его наполнилась слушателями. Насколько выигрываютъ отъ этого преподаваніе и учащіеся—оставимъ догадываться читателямъ.

Другой примѣръ будетъ, пожалуй, еще лучше. Со дня открытія академіи и до девяностыхъ годовъ не было даже и слуховъ о томъ, чтобы профессора академіи торговали тѣми бесплатными мѣстами, которыя военное вѣдомство предоставляетъ въ распоряженіе профессоровъ, чтобы увеличить ихъ клиническій матеріалъ. Но нѣсколько лѣтъ назадъ слухи, сначала темные, начали потомъ опредѣленно указывать на одного профессора, прославившагося и въ городѣ своимъ чрезмѣрнымъ денежнымъ аппетитомъ и торгашествомъ съ больными. Года три назадъ или около того, отъ одной больной, лежавшей въ клиникѣ, повидимому, для операціи, или отъ родныхъ, ее посѣщавшихъ, узнали студенты о торгашествѣ съ нею со стороны профессора, возмущались этимъ и устроили профессору «исторію», такъ что потребовалось официальное дознаніе, которое, впрочемъ, обѣлило профессора и которое, повидимому, было произведено однимъ «благонадежнымъ» профессоромъ.

Тѣхъ, кому были извѣстны весьма близкія отношенія профессора къ академическому начальству, отрицательный результатъ разслѣдованія нисколько не удивилъ. Вотъ еслибы дали знать объ этомъ прокурору и слѣдствіе произвелъ судебный слѣдователь, независимый отъ академическаго начальства, тогда и результатъ слѣдствія внушилъ бы болѣе довѣрія. Позднѣе появлялись такіе же слухи и о другихъ профессорахъ. Быть можетъ, эти слухи невѣрны или преувеличены; но важно то, что подобныя слухи дѣйствуютъ деморализующимъ образомъ на учащихся...

X. Z.

С в. П е т р ъ.

(Изъ Владис. Сырокомли).

Низки наши хаты,
Голы, босы дѣтки;
Бѣдны мы земелькой,
Урожай рѣдки.
Не родить пшеница,
Рожь—чуть по колѣно,
На лугахъ отъ зноя
Пропадаетъ сѣно.
Вмѣсто яроваго
Куколь вырастаетъ,
Голодно скотинкѣ,
Волкъ овецъ таскаетъ.
А придетъ гнѣвъ божій—
Градъ все выбьетъ съ поля...
Доля жъ наша, доля,
Черная ты доля!

Дѣлаемъ, что можемъ—
Все не видимъ свѣта,
Мы послушать рады
Всякаго совѣта:
Ужъ и пѣсни пѣли
На засѣвокъ хлѣбный
И поповъ мы звали
Въ поле на молебны,
По угламъ на мѣжи
Ставили кресты мы,
Чтобъ луга и пашни
Сдѣлались родимы,
Чтобъ трава не сохла,

Градъ не выбилъ поля,
А все, съ божьей воли.
Нѣтъ намъ лучшей доли!

Вотъ еще есть средство:
Староста нашъ старый
Видѣлъ сонъ предивный
Въ ночь святой Варвары,—
Петръ ему приснился,
Весь сия свѣтомъ,—
Самъ святыи апостолъ,—
И, сказавъ при этомъ:
«Мнѣ Господь довѣрилъ
Ключъ отъ двери неба,
Знаю ваши нужды,
Недостатокъ хлѣба.
Научу секрету—
Всею онъ въ вашей волѣ,
И не будетъ въ полѣ
Черной вашей доли.

Пусть домохозяинъ,
Всякій, кто имѣетъ
Двухъ воловъ для пашни
Иль конемъ владѣетъ,
А, за недостаткомъ,
Съ голыми руками—
Пусть весной выходятъ
Съ плугомъ, съ боронами
И запашутъ глубже,
Помоляся Богу,
Къ ближнему трактиру
Торную дорогу,
Бороной сравниютъ
И руками въ полѣ—
И, по божьей волѣ,
Ждите лучшей доли».

И. Толмачевъ.

ПСИХОПАТЫ.

Романъ Флоренцы Мэрриетъ.

(Переводъ съ англійскаго).

VII.

На слѣдующій день, къ вечеру, Гарольду Конингсберу подали желтый конвертъ. Телеграммы доктору были настолько обычнымъ явленіемъ, что любопытство было уже притуплено. Но на этотъ разъ, при чтеніи, Гарольдъ вспыхнулъ.

«Приходите сегодня въ семь часовъ къ статуѣ Charing-Cross. Очень нужно. *Гильда*».

«Что бы это могло значить? Конечно, приду; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія!—мысленно говорилъ Гарольдъ:—но почему свиданіе назначено внѣ дома и зачѣмъ депеша? Больна? тогда она не вышла бы изъ дому! Надѣюсь, что никакой неприятности не произошло съ Жанной»...

Ему пришло въ голову, что наивная Гильда проболталась сестрѣ о своемъ счастьѣ и въ отвѣтъ получила нѣсколько неприятныхъ словъ. Но почему же она не приглашаетъ его въ Руссель-сквэръ? Гильда не охотница до телеграммъ; онъ это зналъ и потому безпокоился. Произошло что-то особенное. Нетерпѣніе его удвоилось, благодаря неизвѣстности и разнымъ догадкамъ. Онъ позвалъ Гаукинса,—человѣка, которому поручень былъ ухаживать за Эдуардомъ,—и объявилъ ему, что важное дѣло отзываетъ его въ городъ на нѣсколько часовъ; напомнилъ, что больной ни подъ какимъ видомъ не долженъ удаляться изъ дому, а на ночь велѣлъ, въ случаѣ надобности, дать ему обычную дозу хлорала, какъ бывало и прежде при бессонницѣ.

— Скъляночка стоитъ на лѣвой полкѣ въ моемъ кабинетѣ,—объяснилъ докторъ:—лучше засвѣтло накапайте въ рюмку,

сколько надо, и поставьте гдѣ нибудь подъ рукой. Вы знаете дозу: десять капель на рюмку воды; но безъ нужды не давайте больному, а только въ случаѣ безпокойства или бессонницы.

— Слушаю-сь, сэръ; сейчасъ же все исполню въ точности.

Слуга пошелъ въ кабинетъ, но, не найдя подъ рукой воды, взявъ склянку съ хлораломъ къ себѣ въ спальню, смежную съ комнатою больнаго,—и поставилъ ее на комодъ.

Гарольдъ въ десятый разъ перечелъ телеграмму, мечтая о близкомъ свиданіи, когда служанка доложила ему о визитѣ доктора Олиндера.

— Докторъ Олиндеръ!—радостно воскликнулъ Кониингсберъ и поспѣшилъ навстрѣчу знаменитому врачу, считавшемуся свѣтиломъ современной медицины.

Имя доктора Олиндера пользовалось заслуженной славой и мнѣніе его признавалось рѣшающимъ на консилиумахъ. Онъ былъ специалистомъ душевныхъ болѣзней и считалъ Кониингсбера однимъ изъ своихъ лучшихъ и любимыхъ учениковъ; Гарольдъ по праву гордился вниманіемъ такого учителя и участіемъ, которое онъ принималъ въ его карьерѣ. Маститый профессоръ долго не былъ въ Англии, и Кониингсберъ искренно радовался его возвращенію.

— Дорогой другъ и учитель!—воскликнулъ онъ, пожимая руку гостя:—вотъ неожиданное удовольствіе! Когда вы вернулись? Я ужъ думалъ, что вы поселились въ Парижѣ. Позвольте предложить вамъ чашку кофе или стаканъ вина?..

— Нѣтъ, милый мой мальчикъ, минуты мнѣ дороги. Вчера ночью пріѣхалъ я въ Лондонъ—а черезъ два часа уѣзжаю въ Алжиръ. Я взялъ на себя серьезный ангажементъ и отказаться ужъ не могу, хоть мнѣ и хотѣлось бы отдохнуть подольше. Я ѣду съ лордомъ Форроуфомъ,—знаете, старшій сынъ маркиза Терретфорда? Безнадежный случай! но маркизъ такъ убѣдительно просилъ, возлагая на меня послѣднія надежды, что отказаться не хватило духу. И вотъ мы ѣдемъ съ больнымъ въ Дувръ черезъ нѣсколько часовъ.

— И все таки вы выбрали минутку, чтобы навѣстить меня? Какъ вы добры ко мнѣ, дорогой другъ!

— О, я очень люблю и цѣню васъ, Гарольдъ, дитя мое. Я

смотрю на васъ, какъ на преемника моей практики. Какъ идутъ ваши дѣлишки?

— Да недурно, докторъ, во всѣхъ отношеніяхъ!—съ улыбкой отвѣчалъ Конингсберъ.

— Не возьмете ли мѣсто?

— Какого рода?

— Ассистента въ Гайгэтской лѣчебницѣ. Меня просили рекомендовать молодаго врача, и я подумалъ о васъ. Не желаете ли?

— Благодарю; но, кажется, не слѣдуетъ; я потеряю практику здѣсь—а она не маловажна; кромѣ того, я взялъ къ себѣ пациента.

— Въ самомъ дѣлѣ? Душевная болѣзнь?

Конингсберъ утвердительно кивнулъ головой.

— Вотъ какъ! Я не зналъ, что вы имѣете разрѣшеніе держать у себя помѣшанныхъ.

— Разрѣшенія я не имѣю. Но моего больнаго едва ли можно назвать помѣшаннымъ. Онъ являетъ признаки наследственнаго расстройства, это правда, но я скорѣе причислю его къ разряду психопатовъ. За нимъ нуженъ присмотръ и извѣстное лѣченіе; я взялъ его къ себѣ по просьбѣ доктора Масаея до тѣхъ поръ, пока положеніе его или обострится, или пойдетъ на улучшеніе.

— Смотрите, будьте осторожны, дитя мое. Это дѣло нешуточное. Изъ-за него многіе попадали въ бѣду. Я знавалъ такіе случаи. Какъ только замѣтите признаки перехода изъ психопатіи въ настоящее помѣшательство,—не держите его у себя ни одного дня!

— Разумѣется; но, право, ему лучше! Я надѣюсь вернуть его къ роднымъ въ сносомъ положеніи.

— Дай Богъ! Желая успѣха. А теперь до свиданія: я только и зашелъ позвать вамъ руку.

— Повремените минутку, дорогой учитель. Вы оказали бы мнѣ неоцѣненную услугу, еслибъ согласились взглянуть на моего пациента и сказать ваше мнѣніе. Онъ кажется вполнѣ нормальнымъ, пока...

— Милый мой Гарольдъ, съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы это для васъ, но, честное слово, времени нѣтъ! По настоящему, не слѣдовало мнѣ терять и этихъ минутъ, чтобы повидаться съ ваму,—только не могъ утерпѣть!

— Жаль, что вамъ нельзя взглянуть на Эдуарда Маршэля!..

— Невозможно! Кромѣ того, я убѣжденъ, что вы смотрите на него также правильно, какъ и я. Физически онъ здоровъ?

— Вполнѣ. Ничѣмъ не страдаетъ, крѣпокъ и силенъ, какъ левъ!

— Поддерживайте его здоровье; рекомендую это. А пока— прощайте!

— Оставьте вашъ адресъ, по крайней мѣрѣ! Можетъ быть, соберусь написать вамъ.

— Никакого адреса не могу дать. Буду мыкаться по свѣту. Если усядусь гдѣ нибудь или направлюсь домой — тогда напишу вамъ.

— Тысячу разъ спасибо! Да хранить васъ Богъ. Возвращайтесь скорѣе.

Друзья разстались; Гарольдъ стоялъ на крыльцѣ, пока экипажъ доктора Олиндера не скрылся за угломъ, и рѣшилъ идти пѣшкомъ на свиданіе, такъ какъ времени впереди еще было много. Онъ вышелъ изъ дому веселый и довольный, польщенный расположеніемъ любимаго учителя, съ наслажденіемъ вспоминая о любви Гильды, — словомъ, считая себя счастливейшимъ человѣкомъ на землѣ.

Полчаса послѣ его ухода, Гаукинсъ задумалъ также доставить себѣ развлеченіе.

«Возможно ли, — раздумывалъ онъ про себя: — чтобы была необходимость лишить человѣка свободы изъ-за такого пустяжнаго больного, какъ мистеръ Маршэль? Съ какой стати безотлучно сидѣть возлѣ него, когда онъ преспокойно завалится спать, досыта нагулявшись за день? Для его больного мозга всего лучше спокойствіе и сонъ, — самъ докторъ твердитъ это. Дамъ я ему поскорѣе сонныхъ капель, да и отправлюсь въ трактиръ посидѣть съ Гетчинсомъ да выпить пивка. Если ненарокомъ вернется въ мое отсутствіе докторъ (а это почти невозможно, развѣ съ полдороги надумается повернуть назадъ!) — я скажу, что мистеръ Маршэль былъ такъ безпокоенъ, что я пошелъ ему за виномъ. Я его запроу въ спальнѣ, такъ что ничего съ нимъ не можетъ случиться — будетъ цѣль, какъ мышь въ мышеловкѣ. Глотни-ка, другъ любезный, да скорѣе засыпай, а здороваго человѣка отпусти на часокъ погулять!»

Эдуардъ началъ было препираться съ Гаукинсомъ, говоря, что спать еще рано, но хитрый слуга, льстивыми и сладкими словами, уговорилъ его принять капли (мысленно ругая его во всю мочь) и заботливо уложилъ въ постель. Обращаться съ больнымъ дурно или грубить ему Гаукинсъ не дерзалъ,— Эдуардъ былъ несовсѣмъ сумашедшій и могъ пожаловаться доктору; зато слуга отводилъ душу и вознаграждалъ себя за спиной больнаго. Какъ скоро онъ замѣтилъ, что сонныя капли начали дѣйствовать и Эдуардъ впалъ въ сонливое состояніе, предшествующее глубокому сну,—Гаукинсъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты, заперъ дверь съ другой стороны, положилъ ключъ къ себѣ на комодъ, а самъ спокойно ушелъ изъ дому.

Кто изъ насъ можетъ поручиться за наемныхъ слугъ? Чѣмъ привѣтливѣе и льстивѣе они въ глаза, тѣмъ скорѣе обмануть за нашей спиной и насмѣются надъ нашими приказаніями! Какъ часто подвергаются маленькія дѣти щипкамъ, подзатыльникамъ и колотушкамъ въ отсутствіи матери! Также жалка участь лошадей и собакъ, когда хозяева ихъ не могутъ ни слышать, ни видѣть обращенія съ ними. Изъ газетъ мы знаемъ, какую горькую участь приходится терпѣть многимъ душевно-больнымъ отъ приставленныхъ къ нимъ сторожей. Какъ развита способность лгать и обманывать въ низшихъ классахъ,— поразительно! И какъ легковѣрны обыкновенно хозяева. Ничего нѣтъ проще, какъ провести и обмануть ихъ. Но еслибы они могли видѣть, что эти «преданные, вѣрные слуги» дѣлаютъ въ ихъ отсутствіи?

Гарольдъ Конингсберъ былъ неглупый человѣкъ, но вѣрилъ въ добросовѣстность Гаукинса, основываясь на его громкихъ аттестатахъ, и ему въ голову не приходило, чтобы тотъ рѣшился оставить Эдуарда одного, заставивъ его принять нѣсколько ббольшую дозу хлорала-гидрата противъ назначенной докторомъ. Гарольдъ чистосердечно воображалъ, что Эдуардъ находится подъ надежнѣйшимъ присмотромъ; недаромъ же Гаукинсъ пользуется репутаціей опытнаго ухаживателя за помѣшанными! Въ лѣчебницѣ, гдѣ онъ служилъ прежде, имъ были такъ довольны. Но почему нибудь да сложилась пословица: повадилса кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить!.. Маленькое развлеченіе Гаукинса должно было повліять на всю его дальнѣйшую карьеру.

Не прошло получасу, как онъ ушелъ изъ дому,—когда у парадной двери позвонила Жанна. Прислуга, впустившая ее, не знала, что сказать. Доктора дома нѣтъ... Гаукинсъ же, проходя по кухнѣ, объяснилъ повару и горничной, что «помѣшанный» спитъ: беспокоить, молъ, его не надо... И вотъ служанка начала увѣрять Жанну, что «мистеръ Эдуардъ» крѣпко уснулъ, а докторъ строго-настрого запрещаетъ беспокоить его. Но гостья была не изъ таковскихъ, чтобы позволить заговорить себя и удовольствоваться убѣдительнымъ пустословіемъ.

— Пошлите мнѣ Гаукинса! — рѣзко приказала она служанкѣ.

— Извините, миссъ... но кажется... да, кажется, Гаукинсъ вышелъ погулять въ саду... у него голова заболѣла.

— Подите въ садъ и пошлите его сюда ко мнѣ,—повторила Жанна и прошла въ библіотеку.

Служанка сдѣлала видъ, что выглянула за дверь, посмотрѣла въ саду направо и налево,—и затѣмъ доложила Жаннѣ, что, по всей вѣроятности, Гаукинсъ вышелъ пройтись по дорогѣ, такъ какъ въ саду его не видно.

— Прекрасно!—воскликнула Жанна:—значить, какъ только докторъ Конингсберъ повернетъ спину, такъ братъ мой остается одинъ, безъ всякаго ухода и присмотра! Пустите меня на верхъ. Я буду сидѣть у брата до тѣхъ поръ, пока не вернется прогуливающийся Гаукинсъ. О поведеніи его будетъ сообщено доктору, какъ только я его увижу.

Она поспѣшила на верхъ къ брату, а служанка въ страхѣ побѣжала на кухню сообщить повару, какъ миссъ Маршэль разсердилась на отсутствіе Гаукинса и «заварить теперь кашу». Поваръ спокойно возразилъ, что ему рѣшительно все равно; подѣломъ даже достанется *этому* Гаукинсу: «больно фигуристъ, за обѣдомъ не потрафишь на него; пусть бы задали ему хорошую встряску»!

Тѣмъ временемъ Жанна дошла до комнаты брата и убѣдилась, что дверь заперта; сначала она потрясла ручку и постучала, но увидала ключъ на комодѣ и отперла дверь. Было около семи часовъ; Эдуардъ лежалъ въ полумракѣ, навзничъ, съ раскрытымъ ртомъ, и крѣпко спалъ; мухи безпрепятственно прогуливались по его лицу. Жанна пришла въ негодованіе и мысленно обвиняла доктора въ небрежности и циничности.

номъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ. Она готова была все свалить на доктора Конингсбера.

Вчерашнее открытіе мучило ее; она пришла въ надеждѣ застать Гильду у жениха, такъ какъ слышала, что сестра объявила уже и матери о своемъ намѣреніи «пойти погулять». Куда же больше, какъ не въ Айльворсъ? Со смутнымъ намѣреніемъ устроить имъ скандалъ и чѣмъ нибудь помѣшать обоимъ явилась сюда оскорбленная Жанна, но, къ своему удивленію, нашла домъ пустымъ. Теперь ей стало ясно, что Гарольдъ убѣжалъ навстрѣчу невѣстѣ, что теперь они занимаются флиртомъ, а докторъ забылъ и пациента, и свои обязанности изъ-за этой «дѣвчонки».. Жанна тутъ же рѣшила про себя, что непременно возьметъ Эдуарда и помѣститъ его къ другому специалисту, — пусть тогда вспомнить Конингсберъ! Матеріальный ущербъ будетъ чувствительнѣй для самонадѣяннаго доктора и, пожалуй, ему придется отложить пресловутую свадьбу... Теперь она воочію убѣдилась, что «онъ неспособенъ ухаживать за душевно-больными, недостойнъ довѣрія и, вѣроятно, не имѣетъ ни достаточныхъ познаній, ни опытности»!..

Она сѣла около кровати Эдуарда, но, видя, что онъ все не просыпается, потрогала его и назвала по имени.

— Тэдъ, Тэдъ, другъ мой, проснись! Жанна пришла навѣстить тебя. Я возмущена, что тебя бросили одного! Какимъ образомъ могло это случиться, милый? Почему этотъ Гаукинсъ ушелъ, оставивъ тебя одного? Тебѣ могутъ понадобится его услуги. Или онъ ушелъ безъ спроса? Если такъ, я попрошу доктора Конингсбера прогнать его. О, какой ты соня, лѣнивый мальчикъ! Спишь съ шести часовъ. Проснись, поговори со мной.

Эдуардъ принудилъ себя приподняться, но вѣки его отяжелѣли, языкъ ворочался съ трудомъ, а голова такъ и падала внизъ.

— Чтò это ты явилась среди ночи?—лепеталъ онъ невнятнымъ голосомъ: — чего тебѣ надо, Жанна? Что за фантазія будить меня? Спать, спать хочу!..—И онъ упалъ на подушки.

— Но, Тэдъ, — настаивала Жанна, не зная, что онъ принялъ снотворныя капли: — встань, ради бога, будь умницей! Мнѣ надо поговорить съ тобой. Докторъ Конингсберъ возму-

тительно поступилъ относительно меня! Виновата во всемъ Гильда. Она изъ кожи лѣзла, чтобы завлечь его, кокетничала — и теперь они помолвлены и вѣрно скоро женятся. А при Гильдѣ какво тебѣ будетъ жить здѣсь? Ты вѣдь никогда не любила этой хитрой дѣвчонки, не правда ли? Я хочу увезти тебя въ другое мѣсто, другъ мой, гдѣ тебѣ будетъ лучше, къ другому доктору, тоже куда нибудь въ деревню... Обстановка тутъ плохая и присмотрѣ за тобой худой; мы найдемъ что нибудь лучшее за наши деньги...

— Зачѣмъ мнѣ уѣзжать отсюда? — спросилъ Эдуардъ, окончательно просыпаясь и садясь на кровати: — Конингсбера я люблю. Мы съ нимъ друзья. Онъ чудесный рыболовъ, найди-ка еще такого! Нѣтъ, я не уѣду отсюда. У меня все есть, я доволенъ. Что мнѣ за дѣло до Гильды? Конингсберъ не позволить ей вмѣшиваться въ наши дѣла.

— Но, Тэдъ, тебѣ плохо служить здѣсь! — попробовала внушить ему Жанна: — негодяй Гаукинсъ бросилъ тебя одного, когда доктора дома нѣтъ. Ты могъ проснуться, позвать его за чѣмъ нибудь, — и никого нѣтъ. Стыдъ и срамъ доктору! Онъ немалую сумму получаетъ за твое содержаніе. Лучше бы ты привезъ своего камердинера. Джонсонъ радъ былъ бы снова служить тебѣ. Онъ на дняхъ присылалъ ко мнѣ съ предложеніемъ поступить на прежнее мѣсто. Если хочешь, я напишу ему.

— Нѣтъ, нѣтъ! — съ содроганіемъ возразилъ Эдуардъ: — только не Джонсона. Гаукинсъ служить исправно. Онъ пошелъ прогуляться — не велика важность. Мнѣ ничего не нужно. Пожалуйста, Жанна, оставь всѣ эти заботы Конингсберу. Онъ лучше тебя понимаетъ, что надо. Жаль что ты меня разбудила для такихъ глупостей. Теперь я не засну безъ сонныхъ капель. А я такъ усталъ... такъ усталъ...

Онъ бессильно закрылъ глаза, а Жанна стала искать въ комнатѣ его снотворныя капли, зная, что братъ часто принимаетъ ихъ.

— Невѣроятно, непростительно, — ворчала она, шаря на столахъ и полкахъ: — оставить его одного! Онъ самъ принужденъ принимать лѣкарство... разыскивать его... возмутительно! И даже питья не приготовлено, — ни лимонаду, ни воды. Я сдѣлаю серьезное замѣчаніе доктору Конингсберу и попрошу

Масея и Темпля прискать другаго доктора для Эдуарда. Получать пятьсотъ фунтовъ—и такъ относиться къ больному... Ужасно! Вотъ результатъ его глупыхъ флиртовъ съ недотрогой Гильдой; онъ ни объ чемъ неспособенъ больше думать и весь поглощенъ ея сомнительными очарованіями. Мой бѣдный Тэдъ въ пренебреженіи, въ загонѣ! Дольше такъ продолжаться не будетъ!

Не найдя лѣкарства въ спальнѣ брата, она прошла въ смежную комнату слуги и нашла на комодѣ пузырьекъ съ хлораломъ. Жидкость была безцвѣтная; Жанна откупорила склянку и понюхала.

— Не знаю, то ли это! — она вернулась къ Эдуарду и спросила у него: это твои сонныя капли, дорогой? Странно пахнетъ. Такого лѣкарства я еще никогда не видала.

— Это онѣ и есть! — нетерпѣливо сказалъ Эдуардъ: — я всякій вечеръ принимаю ихъ, особенно, когда голова моя вспухнетъ болѣе обыкновеннаго.

— Я думала, родной мой, что голова твоя перестала пухнуть!—нѣжно замѣтила Жанна. Исключительная привязанность къ брату дѣлала ея голосъ и манеры ласковыми; но даже ея любовь къ Конингсберу,—еслибъ предположить взаимность,—напоминала бы тигрицу съ дѣтенышами, а не влюбленную дѣвушку; она несомнѣнно любила бы его сильно, съ ревнивой страстностью и подозрительностью, но скорѣе убила бы его собственными руками, чѣмъ уступила бы соперницѣ. Только для Эдуарда она была способна на всякое самоотверженіе, на всякую жертву. Привязанность къ брату была единственной свѣтлой точкой въ ея мрачной душѣ.

— Да, такъ было,—съ убѣжденіемъ отвѣтилъ Эдуардъ на послѣднее замѣчаніе сестры:—но сегодня опять хуже. Потому-то, вѣрно, я и легъ спать раньше обыкновеннаго. Гаукинсъ хорошо сдѣлалъ, что оставилъ меня одного. Мнѣ надо было спокойно уснуть, а ты меня потревожила и теперь голова моя надувается, какъ воздушный шаръ.

— Ахъ, какъ мнѣ жаль, голубчикъ! — сказала сестра:— вотъ изволь твое лѣкарство, выпей, успокойся! Снова заснешь; я больше не стану мѣшать тебѣ. Сколько ты принимаешь обыкновенно?—она показала ему склянку.

— Полную рюмку!—отвѣчалъ Эдуардъ.

— Вѣрно такъ, вотъ и рюмка стойтъ возлѣ склянки!— Она пошла въ сосѣднюю комнату и, взявъ съ комода рюмку, налила ее до краевъ изъ склянки съ бѣлой жидкостью.

— Какое горькое! — сказала она, дотронувшись губами:— чѣмъ бы тебѣ закусить это, Тэдъ?

— Ничего не надо!— Эдуардъ залпомъ проглотилъ лѣкарство, сморщился и сказалъ:— Дай воды. Какая сильная доза! Я еще такой никогда не принималъ.

Жанна побѣжала въ другую комнату, отыскала графинъ съ водою и подала брату стаканъ. Онъ съ жадностью выпилъ, и въ изнеможеніи упалъ на подушки, закрывая глаза.

— Надо бы заѣдать чѣмънибудь такую горечь, Тэдъ!— съ улыбкой замѣтила Жанна; но братъ, казалось, уже дремалъ и ничего не отвѣтилъ.

— Ну, спи, дорогой! — сказала она и нѣжно поцѣловала его:— я мѣшать тебѣ не буду, но не уйду домой до тѣхъ поръ, пока не вернется Гаукинсъ. Тебѣ можетъ чтонибудь понадобится. Я пойду въ садъ; если ты позовешь, — услышу. Прощай!— Вторично поцѣловавъ его, она вышла.

Не смотря на снисходительное отношеніе Эдуарда къ поведенію Гаукинса, Жанна кипѣла негодованіемъ и твердо рѣшилась дожидаться возвращенія слуги и задать ему хорошую головомойку. Она нетерпѣливо стала ходить взадъ и впередъ по маленькому садику, раздумывая о судьбѣ, которая за послѣднее время начала ее преслѣдовать. Братъ ея, дорогой Эдуардъ, попалъ точно въ тюрьму; съ нимъ обращаются, какъ съ неодушевленной вещью! Любовь ея къ Конингсберу встрѣтила оскорбительное пренебреженіе, почти прямой отпоръ. А главное, — капля переполнившая чашу, — это сознаніе, что Гильдѣ досталось безо всякихъ усилій то, за что Жанна отдала бы свою душу. Горькій урокъ! Но Жанна не могла примириться съ силой обстоятельствъ. Ея страстная натура жаждала мести; любовь къ Гарольду перешла въ ненависть; ей хотѣлось заставить и его, и Гильду, страдать также, какъ страдала она. Такъ раздумывала она, когда калитка сада отворилась и въ нее проскользнулъ Гаукинсъ, надѣясь пройти въ домъ незамѣченнымъ. Но Жанна бросилась къ нему, какъ хищная птица на свою жертву.

— Я здѣсь съ семи часовъ, Гаукинсъ! — строго начала

она, вынимая свои часы: — а теперь ровно восемь! Мистеръ Эдуардъ былъ бы все время одинъ, еслибъ я не пришла, благодаря случайности; кромѣ того, онъ былъ запертъ на ключъ у себя въ комнатѣ. Я желаю знать, произошло ли все это по распоряженію доктора Конингсбера, или вы сами поступаете такъ по собственному усмотрѣнію?

— По собственному усмотрѣнію, миссъ!—дерзко отвѣтилъ слуга: — прошлой ночью мистеру Маршэлю нездоровилось, и онъ желалъ выпить воды съ виномъ; а такъ какъ докторъ отлучился по важному дѣлу и забылъ оставить мнѣ ключи отъ погреба, то я и пошелъ купить вина, пользуясь сномъ мистера Маршэля. Думалъ, не понадобится ли ему ночью.

— А его оставили одного, безъ воды для питья подъ рукой, не посадивъ никого въ вашей комнатѣ? Вы странно относитесь къ своимъ обязанностямъ, я пожалуюсь доктору.

Гаукинсъ совсѣмъ разсердился; вся прислуга въ Айльворсѣ терпѣть не могла Жанну.

— Не за первымъ помѣшаннымъ ухаживаю, слава тебѣ Господи!—грубо возразилъ онъ:—никто не бранилъ меня. Барышни въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаютъ. Больной мой крѣпко уснулъ и проспалъ бы вѣрно до утра, еслибъ вы не потревожили его. Лимонадъ я ставлю ему къ кровати, когда самъ иду спать. Сейчасъ бы вотъ и приготовилъ. Въ слѣдующій разъ, когда найду нужнымъ отлучиться, буду брать ключъ съ собой. Вамъ нечего вмѣшиваться въ эти дѣла, миссъ; прямо говорю вамъ!

Онъ прошелъ мимо, не обращая на нее вниманія; а Жанна, мысленно давая себѣ слово непременно перевезти Эдуарда къ другому доктору, вышла черезъ калитку на большую дорогу и, дойдя до своего экипажа, приказала везти себя домой.

Тѣмъ временемъ, Гарольдъ Конингсберъ съ легкимъ сердцемъ шелъ по дорогѣ къ мѣсту свиданія, назначенному Гильдой. Всѣ тревоги и другія соображенія отодвинулись на задній планъ: онъ чувствовалъ себя счастливымъ, потому что любимая дѣвушка отвѣчала ему взаимностью. Чѣмъ можетъ повредить имъ Жанна? Будетъ браниться, завидовать, говорить непріятности; но ихъ счастье не въ ея рукахъ. Только трудно будетъ уговорить мать поспѣшить со свадьбой, — а какъ бы хорошо

поскорѣе уѣхать отъ всѣхъ неприятностей и зажить своимъ домкомъ!

Когда онъ дошелъ до Charing-Cross'a, то увидѣлъ Гильду, которая съ очевиднымъ нетерпѣніемъ поджидала его. Онъ поспѣшно подошелъ и пожалъ ея руку.

— Дорогая моя, какой пріятный сюрпризъ ваша телеграмма! Я только что сталъ думать, когда бы можно, не нарушая приличій, показаться въ Руссель-сквэрѣ! Но почему выбрали вы это мѣсто для свиданія? Можно бы поискать что нибудь поэтичнѣе!

— Гарольдъ, — серьезно сказала Гильда: — я не знаю что дѣлать! Дома остаться вдвоемъ — невозможно; Жанна глядитъ на меня во всѣ глаза и прислушивается... А мнѣ необходимо поговорить съ вами... Хотѣла пойти къ вамъ, но она навѣрно побѣжала бы за мной!

— Почему же, милочка? Все это для меня какая-то тайна. Или вы рассказали ей о нашей помолвкѣ?

— Нѣтъ, она сама провѣдала и пришла въ неописанную ярость! Случился такой ужасъ, что я неспокойна, пока не расскажу вамъ... Мамѣ я не могу сказать... она умерла бы отъ ужаса.

И дѣвушка рассказала жениху исторію съ письмомъ, объясненіе съ Жанной и ея нападеніе. Гарольдъ дѣлался все озабоченнѣе и озабоченнѣе.

— Исторія весьма серьезнаго свойства, Гильда — сказалъ онъ, выслушавъ ея рассказъ: — надо положить этому конецъ разъ навсегда. Такая несдержанность сестры можетъ причинить вамъ серьезный вредъ. Это — дикій врагъ. Бѣдная моя пташка! Надо быть злодѣемъ безъ сердца, чтобы сдѣлать такое нападеніе на васъ.

— Посмотрите, даже знаки остались, Гарольдъ! — Гильда отвернула высокій воротникъ съ шеи и показала слѣды пальцевъ бѣшеной сестры. Лицо Конингсбера вспыхнуло отъ негодованія.

— Боже! Она могла задушить васъ. Она еще безумнѣе своего брата. Гильда, не почувте больше одиѣ! Общайте мнѣ, милая, спать въ комнатѣ вашей мамы, — все время, пока вы будете жить въ Руссель-сквэрѣ. Общайте? Я не буду имѣть ни минуты покоя, если вы не общаете.

*

— Конечно, общаю, если вамъ такъ хочется, Гарольдъ; но чтó я скажу мамѣ? Не могу же я объяснить ей въ чемъ дѣло.

— Почему же нѣтъ? Она будетъ насторожѣ. Кромѣ того, Гильда, когда мама узнаетъ про неистовства Жанны, она вѣроятно, согласится поскорѣе назначить срокъ нашей свадьбы. Я не спокоенъ, пока не возьму васъ къ себѣ. Гдѣ же теперь Жанна?

— Не знаю. Я оставила ее дома, когда пошла сюда. Но вѣдь она не имѣетъ привычки сообщать намъ о своихъ планахъ и никогда не спрашиваетъ нашего совѣта. Она постоянно даетъ намъ чувствовать, кто—хозяйка въ домѣ. Мы съ мамой часто говоримъ: какъ бы хорошо жить отдѣльно отъ нея, подальше отъ Лондона. Мнѣ больно видѣть маму оттертою на задній планъ въ домѣ, гдѣ она царила на первомъ мѣстѣ. И какъ она кротка, не смотря ни на что, моя милая старушка!

— Мы скоро все это измѣнимъ, — сказала Гарольдъ:—я мечтаю перевезти вашу маму въ Айльворсъ, чтобы она освоилась и встрѣтила насъ, какъ хозяйка, когда мы вернемся изъ свадебнаго путешествія. Мы будемъ покойны на ея счетъ во время нашего отсутствія.

— Но, Гарольдъ, какъ же вы уѣдете отъ Эдуарда?

— Скажу вамъ правду, дорогая: я рѣшилъ отказаться отъ наблюдения за нимъ до нашей свадьбы. Намъ не надо Жанны, а отъ нея покоя не будетъ при Эдуардѣ, — невозможно же запретить ей навѣщать брата. Да и послѣ ужаснаго случая сегодня ночью, я бы желалъ прекратить всякія отношенія со взбалмошной и несдержанной дѣвушкой. Она несовсѣмъ въ здоровомъ разсудкѣ, — это очевидно. Вамъ жаль будетъ разойтись съ ней, Гильда?

— Нѣтъ, Гарольдъ, скажу откровенно. Поступайте, какъ знаете. Вы поймете, что особенной дружбы у меня съ ней не можетъ быть. Дурнаго чувства я къ ней не имѣю; желаю ей всякаго счастья, — пусть устроитъ свою жизнь вдвоемъ съ Тэдомъ, безъ насъ,—я буду рада... Но...—Гильда смутилась и нерѣшительно прибавила:—скажите мнѣ правду, Гарольдъ,—вѣрно ли то, что она сказала?.. Будто вы любили ее прежде, будто я отняла васъ у нея и что-то сдѣлала, отчего вы измѣ-

нились къ ней и обратили вниманіе на меня?.. Если это такъ... я не желаю... не хочу...

Гарольдъ посмотрѣлъ невѣстѣ прямо въ глаза.

— Клянусь вамъ, Гильда, ни одной минуты не любилъ я вашей старшей сестры! Съ перваго знакомства она показалась мнѣ заносчивой и вздорной, — совсѣмъ не въ моемъ вкусѣ. Вѣрите ли вы мнѣ?

— Вѣрю, Гарольдъ, — отвѣтила дѣвушка, протягивая ему руку и съ чувствомъ прибавила: — и всегда буду вѣрить!

VIII.

Гарольдъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи проводить возлюбленную до дому.

— А вдругъ Жанна увидитъ насъ? — спросила Гильда боязливо.

— Гильда, перестаньте бояться сестры! — серьезно сказалъ Гарольдъ: — чѣмъ скорѣе мы съ ней объяснимся, тѣмъ будетъ лучше. Я не позволю больше ни запугивать васъ, ни душить, ни обманывать. За ночное нападеніе мы оба вправѣ перестать уважать ее; если она не можетъ вести себя прилично, то я приму болѣе энергическія мѣры. Я думаю, вы напрасно хотите скрыть это происшествіе отъ вашей мамы.

— Но, Гарольдъ, вы представить себѣ не можете, какъ мама пуглива и застѣнчива. Она такая нервная! Узнавъ про эту исторію, она не будетъ имѣть ни минуты покоя, воображая, что всякіе ужасы угрожаютъ мнѣ. Сказала ли я вамъ, что она снова видѣла отца? Объ этомъ я и сообщала вамъ въ письмѣ, которое Жанна распечатала и прочла. Я просила васъ пріѣхать къ намъ сегодня, взглянуть на маму и сказать мнѣ ваше мнѣніе объ ея здоровьѣ...

— Почему же мнѣ не зайти сейчасъ? Жаннѣ уже извѣстна наша помолвка — мы еще разъ, официально, объявимъ ей. Можетъ быть, она успокоится и ревность ея уgomонится.

— Дѣлайте, какъ хотите, Гарольдъ. А я послушаюсь васъ и буду спать въ одной комнатѣ съ мамой.

— Непремѣнно, и тщательно запирайтесь на ночь. Я не на шутку перепуганъ нападеніемъ Жанны. Не забывайте,

что она подвержена такой же наследственной болѣзни, какъ и Эдуардъ, и не всегда отвѣтственна за свои поступки.

— Какое ужасное положеніе! Я понимаю теперь, почему бѣдный папа всегда старался оправдать неприятный характеръ Жанны. Тѣдъ никогда не проявлялъ такихъ бѣшеныхъ порывовъ. Онъ только имѣлъ привычку дуться по нѣскольку дней. А Жанна всегда была такая. Мама рассказываетъ, что разъ, когда я была крошечнымъ ребенкомъ, Жанна пыталась убить меня, — до того рѣвновала къ отцу! Хорошо, что кормилица во-время подоспѣла и отняла меня — она намѣревалась бросить меня въ колодезь! Но отецъ никогда не говорилъ мамѣ, отъ чего умерла его первая жена. Я думаю, онъ былъ не правъ. Онъ долженъ былъ предостеречь ее. Только мнѣ кажется, что ему ужъ очень тяжело было говорить объ этомъ. Знаете, Гарольдъ, мнѣ начинаетъ казаться, что если, дѣйствительно, отецъ возвращается съ того свѣта для свиданій съ мамой, то это ради того, чтобы предупредить ее объ опасности, грозящей или мнѣ, или ей!

Разговаривая такимъ образомъ, молодые люди дошли до подъѣзда дома Маршелей и, не подозрѣвая, что на балконѣ втораго этажа сидитъ Жанна и слышитъ каждое ихъ слово, продолжали громко обмѣниваться мыслями.

— Не думайте о необъяснимыхъ вещахъ, Гильда!—сказалъ Гарольдъ, въ отвѣтъ на послѣднее предположеніе дѣвушки:— не задавайтесь такими вопросами. Это дѣло психiatровъ— проникнуть во тьму душевныхъ страданій бѣднаго человѣчества. Однако, и я думаю, что вслѣдствіе подобныхъ соображеній отецъ вашъ сдѣлалъ извѣстное завѣщаніе.

— Вы хотите сказать, что онъ назначилъ меня наследницей Жанны и Эдуарда? Если сказать правду, вѣдь состояніе не было ихъ собственностью. Ихъ мать принесла его въ приданое отцу и завѣщала все въ полное его распоряженіе. Я знаю Жанна не можетъ переварить того факта, что я оказываюсь ихъ наследницей; но, какъ ни говорите, вѣдь и я такая же дочь отцу, какъ и она, и нѣкоторые находятъ даже, что справедливо было бы раздѣлить намъ всѣмъ состояніе поровну. Но я довольна и тѣмъ, какъ онъ распорядился. Если бѣдному Тѣду не суждено поправиться, мы съ вами станемъ богачами, Гарольдъ, не такъ ли?

— Да, если ему не суждено поправиться. Но не думайте этого, Гильда, не надо! Братъ вашъ тѣлесно здоровъ и можетъ дожить до глубокой старости, какъ большинство людей, страдающихъ головою,—хоть я, лично, не знаю, можно ли желать имъ долговѣчности. Но, разумѣется, если Эдуардъ долго не проживетъ, мы съ вами, дорогая, волею судебъ сдѣлаемся богатыми людьми. Только въ мои планы не входитъ жить на средства жены. Поэтому я желаю Эдуарду много лѣтъ здравствовать, а мы проживемъ, богъ дастъ, безъ его наслѣдства—и будемъ счастливы. Однако, становится поздно, дорогая. Надо повидать вашу маму и спѣшить домой—мнѣ нельзя отлучаться надолго. Ну, чего же вы дрожите, моя голубка? Возьмите мою руку и пойдемте къ мамѣ. Посмотрите, какъ умненько я улажу всѣ затрудненія.

Они вмѣстѣ вошли въ гостинную, гдѣ нашли вдову съ падчерицей.

— Добрый вечеръ, мистрисъ Маршэль! Какъ видите, я пользуюсь привелегіей моего новаго положенія. Мы съ Гильдой совершили маленькую прогулку. Добрый вечеръ, миссъ Жанна! Радъ сообщить вамъ, что братъ вашъ вполне хорошо себя чувствуетъ сегодня. Полагаю, вамъ уже извѣстно, что я буду имѣть честь вступить въ вашу семью въ непродолжительномъ времени,—и смѣю надѣяться, что вы поздравите вашу сестру и меня.

— Если вступленіе въ бракъ есть достаточная причина для поздравленій,—презрительно отозвалась Жанна:—но я не знала, что средства позволяютъ вамъ обзаводиться женой. Конечно, вамъ лучше извѣстны ваши обязанности!..

— Совершенно вѣрно. Отлично извѣстны, думаю такъ. Какъ бы то ни было, но мы съ Гильдой порѣшили совершить жизненный путь вдвоемъ и надѣмся на счастье.

— Я удивлена, — замѣтила смущенно вдова: — я думала, Жанна не знаетъ о вашей помолвкѣ!..

— О, сестра такъ проникательна, что ничто не можетъ укрыться отъ нея!—сказала Гильда:—ночью она приходила ко мнѣ въ комнату и повѣдала мнѣ, что знаетъ мою тайну. Такъ вѣдь, Жанна?

— Гильда только что рассказывала мнѣ о вашемъ ночномъ посѣщеніи, миссъ Жанна!—произнесъ Конингсберъ, пристально глядя на сестру невѣсты.

Жанна опустила голову, дѣлая видъ, что ищетъ мотокъ шолка на полу; а Гарольдъ обратилъ все свое вниманіе на вдову, стараясь заставить ее говорить, чтобы судить о симптомахъ ея нервнаго разстройства. Однако, ему не удалось подмѣтить ничего ненормальнаго въ объясненіи ея галлюцинацій; сужденія ея были вполне здравы, зрѣніе хорошо, и въ наружномъ сложеніи не замѣчалось никакихъ аномалій. Оставалась надежда распознать суть дѣла при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нею. Поговоривъ еще четверть часа съ дамами, Кониингсбергъ откланялся и отправился домой.

Было около одиннадцати часовъ; Кониингсбергъ, вѣрный своему обыкновенію, прежде чѣмъ уйти къ себѣ спать, зашелъ къ Эдуарду,—не смотря на увѣренія служанки, что все, слава богу, благополучно, и «Гаукинсъ съ больнымъ баринномъ давно улеглись спать».

Взявъ свѣчу, Гарольдъ прошелъ по комнатѣ Гаукинса, который безмятежно храпѣлъ съ раскрытымъ ртомъ; затѣмъ вышелъ къ Эдуарду,—тоже повидимому спавшему въ спокойной позѣ, съ подложенной подъ щоку рукой и отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Поверхностный наблюдатель удовольствовался бы такимъ безмятежнымъ зрѣлищемъ; но что-то неуловимое привлекло вниманіе докторскаго глаза, и Гарольдъ тревожно приблизился къ пациенту и осторожно приподнял закрытую вѣку спящаго. Въ испугѣ приложилъ онъ руку къ его сердцу и воскликнулъ такъ, что разбудилъ Гаукинса въ сосѣдней комнатѣ.

— Идите сюда, Гаукинсъ! Чтò это значитъ? Мистеръ Маршэль умеръ! Часа три или четыре тому назадъ... Когда говорили вы съ нимъ въ послѣдній разъ? Чтò вы дали ему?

— Говорилъ, сударь? Далъ?..—бормоталъ спросонья Гаукинсъ:—ничего, ровнешенько ничего, кромѣ капель, которыя вы приказали, сэръ. Это невозможно! Когда я ложился, онъ былъ здоровъ, и нельзя быть болѣе здоровымъ!

— Когда легли вы спать?

— Въ половинѣ десятаго, приблизительно, сэръ.

— Врете, Гаукинсъ. Чтò-то не такъ! Въ половинѣ десятаго мистера Эдуарда не было уже въ живыхъ. Онъ умеръ часа три—четыре тому назадъ.

— Онъ глядѣлъ живымъ, сэръ, клянусь вамъ! Лежалъ

спокойно и тихо, какъ уснувшій ребенокъ. Разумѣется, я не будиль его; за грѣхъ бы почелъ беспокоить! Но я былъ убѣжденъ, что онъ уснулъ. Вы не подумайте, сэръ, что я ушелъ спать раньше...

Такъ говорилъ Гаукинсъ и дрожалъ, какъ осинový листь.

— Можетъ быть, все это такъ; но вещь вышла крайне серьезная, какъ для васъ, такъ и для меня. Смерть не естественная. Онъ что нибудь да принялъ. Гдѣ капли, которыя вы ему давали?

— Въ моей комнатѣ, сэръ. Я накапалъ въ воду, какъ вы приказывали, сэръ,—десять капель на рюмку воды,—и далъ ему принять часовъ въ семь, какъ онъ самъ попросилъ... «Голова, говоритъ, у меня что-то болитъ, Гаукинсъ, заснуть бы поскорѣй; дайте-ка капель»... Ну я и далъ, сэръ, не видя въ этомъ вреда.

— Отъ этого и не могло произойти вреда. Гдѣ же пузырекъ съ каплями?

Гаукинсъ дрожа пошелъ за лѣкарствомъ; пузырекъ былъ почти пустъ.

— Боже мой! Что это значить?—воскликнулъ Гарольдъ:—утромъ еще онъ былъ полонъ! Я самъ налилъ. Вы все дали ему принять? Да вы убили человѣка!

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, сэръ, что вы? Помилуйте! Не говорите такъ. Вы меня погубите. Я далъ только десять капель!.. Отмѣрилъ капельникомъ. Не могу понять, куда дѣвалось остальное. Не самъ ли онъ хватилъ весь пузырекъ, сэръ?

— И вы меня спрашиваете? Вы, на котораго я оставилъ больного! Вы, который не должны бы ни на шагъ отходить отъ него. Во-первыхъ, вы ослушались въ томъ, что принесли склянку съ лекарствомъ въ свою комнату. Я отлично помню, что велѣлъ вамъ накапать десять капель въ рюмку и дать больному, а вовсе не приказывалъ всю склянку тащить сюда. Еслибы вы пунктуально исполняли мои приказанія, несчастья не могло бы случиться. Можно предположить, что онъ всталъ съ постели во время вашего отсутствія — и выпилъ всю склянку. Говорите, гдѣ вы были, пока я уходилъ изъ дому?

— Нигдѣ, ни гдѣ, сэръ, честное слово! Какъ собака сторожилъ вашего пациента.

— Еслибы это было такъ, то вы видѣли бы, какъ онъ вставалъ и принималъ лѣкарство. Вы лжете, Гаукинсъ. Не первый разъ вы ослушиваетесь моихъ приказаній... И вотъ результатъ: пациентъ мой умеръ; по всей вѣроятности, самъ отравился, — а вы, его сторожъ, довѣренное лицо при немъ, не можете дать мнѣ никакого удовлетворительнаго объясненія. Кажется, вамъ придется перемѣнить профессію. Такъ или иначе, вы обманули мое довѣріе. Все, что вамъ осталось теперь, это чистосердечно признаться мнѣ во всемъ. Не приходилъ ли кто нибудь безъ меня къ мистеру Маршэлю? Съ кѣмъ онъ видѣлся вечеромъ? Не приводили ли вы кого нибудь изъ вашихъ пріятелей сюда? Не оставили ли его съ кѣмъ нибудь, въ то время какъ убѣгали по своимъ дѣламъ?

— Ни, ни, сэръ, сохрани Богъ! — упирался Гаукинсъ, застигнутый врасплохъ и не зная, какъ защищаться. — Если мистеръ Маршэль отравился лѣкарствомъ, то это, должно быть, произошло во время моего сна. Я днемъ немало повозился съ нимъ, сэръ, усталъ до полусмерти, сознаюсь... Но знай я, какая бѣда случится, я бы до разсвѣта сидѣлъ около него. Будь я проклять, сэръ, если говорю неправду!

— Такъ увѣряютъ обыкновенно, когда бѣда уже случится. Еслибъ вы слушались меня и не брали слянки съ каплями изъ кабинета, вы могли бы спать себѣ хоть двѣнадцать часовъ — ничего бы не случилось. Теперь же намъ не миновать слѣдствія. Ваше непослушаніе должно обнаружиться... Да ужъ сколько ни дрожите, а будетъ трудненько замазать глаза слѣдователю и судьямъ. Встряхнитесь и скорѣе наймите кэбъ. Поѣзжайте за докторомъ Масеемъ. И мнѣ вся эта исторія принесетъ несчастье. Прежде всего спрошу его мнѣнія и посоветуюсь съ нимъ.

Гаукинсъ не безъ труда попалъ въ рукава своего пальто и побѣжалъ исполнять приказаніе. Часа черезъ два, предупреденный уже докторъ Масей вошелъ въ комнату, гдѣ Кониингсберъ въ полномъ уныніи сидѣлъ около мертваго тѣла своего пациента.

— Плохо дѣло, дорогой мой. Большая неприятность! — сказалъ старикъ, пожимая руку Гарольда: — но никому, кто въ здоровомъ разсудкѣ, не придетъ въ голову осудить васъ за недостаточный присмотръ. Увѣрены ли вы, что бѣдняга умеръ

отъ отравленія наркотическимъ лѣкарствомъ? Не отъ разрыва ли сердца, или изліянія крови въ мозгу? Все бы лучше, чѣмъ несчастный случай.

— Безъ сомнѣнія!—согласился Гарольдъ:—но, къ сожалѣнію, причина ясна. Идіотъ Гаукинсъ, противъ моего приказанія, взялъ въ свою комнату склянку съ каплями хлорала; надо полагать, что Эдуардъ всталъ, когда слуга уже уснулъ, и выпилъ всю склянку. Разумѣется, онъ отравился и осуждать будутъ меня.

— Не вижу, почему! Такіе случаи не рѣдки съ душевно-больными. Главный виновникъ—Гаукинсъ, его небрежность и непослушаніе. А, между тѣмъ, онъ пользуется репутаціей надежнаго и бдительнаго сторожа. Какой у него аттестатъ изъ лѣчебницы! Ни за кого изъ этихъ наемниковъ нельзя ругаться.

— Происшествіе особенно прискорбно для меня въ настоящую минуту! — сказалъ горестно Гарольдъ: — не далѣе какъ вчера я сдѣлалъ предложеніе Гильдѣ и получилъ согласіе.

— Гильдѣ? Я радъ, очень радъ, и сердечно поздравляю васъ!—воскликнулъ старикъ:—именно такую дѣвушку я и желалъ для васъ. Отличная выдетъ парочка. Одобряю, одобряю!

— Случившееся несчастье можетъ перевернуть всѣ наши планы... Пожалуй, семья осудитъ меня за небрежное отношеніе къ пациенту и тогда...

— Вздоръ, вздоръ! И слушать не хочу такой чепухи. Ни одинъ человѣкъ въ здоровомъ разсудкѣ не можетъ взвалить вину на васъ. Конечно, безумная Жанна начнетъ шумѣть, но вѣдь она всегда и изъ-за всего подымаетъ шумъ.

— О, я такъ жалѣю ее: она такъ была привязана къ брату! Катастрофа разобьетъ ей сердце. Я думаю, она никогда больше не будетъ говорить со мной.

— Не велика потеря, мой милый Гарольдъ. Скажу вамъ дружески: чѣмъ меньше вы съ Гильдой будете имѣть сношеній, съ Жанной, — тѣмъ лучше будетъ для васъ. Зловредная особа! знаю я ее. Присматривайте за ней пока въ оба,—вотъ мой совѣтъ.

Сначала она, конечно, будетъ глубоко страдать; но такія бѣшенныя натуры печалятся недолго; мало-по-малу она успокоится и придетъ къ заключенію, что все случилось къ луч-

шему. Бѣдный Эдуардъ выздоровѣть не могъ, и ему предстояло, вѣроятно, страдать многіе годы — и себѣ, и другимъ въ тягость. По моему, смерть для него явилась избавленіемъ.

— Можетъ быть, и такъ; но нельзя ожидать, что родные согласятся съ такимъ взглядомъ. Сознайсь, меня морозъ по кожѣ подираетъ при мысли, что надо сообщать имъ о случившемся. Не избавите ли вы меня отъ этой обязанности, добрый другъ? Вы, давнишній ихъ пріятель, лучше меня съумѣете сказать что надо.

— Хорошо. Завтра утромъ сообщу имъ. А вы дайте знать въ полицію, Конингсберъ. Конечно, произведено будетъ слѣдствіе; но я и докторъ Олиндеръ стоимъ за васъ въ случаѣ нужды. Да, вѣдь все слѣдствіе—пустая формальность; будьте спокойны.

— Боюсь, плохо кончится для Гаукинса. Нельзя повѣрить, чтобы онъ не видалъ, какъ пациентъ вставалъ, входилъ къ нему, бралъ лѣкарство! Надо допустить, что онъ оставилъ его одного, хоть онъ и клянется въ противномъ... Я убѣжденъ, что онъ лжетъ, Масей. Ходилъ куда нибудь по своимъ дѣламъ, а больной тутъ распоряжался одинъ. Не признается только.

— Лгунъ, обманщикъ! Добьются правды на допросѣ, не сомнѣвайтесь. А вы, дружище, ободритесь и не бойтесь. Никого не допускайте къ тѣлу, пока не пріѣдутъ власти. А я ужъ берусь сообщить роднымъ. Увѣдомили ли вы доктора Олиндера?

— Нѣтъ. Прежде всего я подумалъ о васъ. Доктора Олиндера нѣтъ въ Англій, онъ, должно быть, уѣхалъ; онъ заѣзжалъ ко мнѣ на полчаса и сказалъ, что черезъ два часа уѣзжаетъ съ сыномъ лорда Тетерефорда въ Алжиръ. Мы съ нимъ попрощались. Я было просилъ его взглянуть на Эдуарда, желая знать его мнѣніе; но онъ возразилъ, что не имѣетъ лишней минуты и долженъ спѣшить.

— Жаль! Его показаніе имѣло бы громадное значеніе въ пользу того, что вы заботились о пациентѣ. Нельзя ли написать ему?

— Онъ не могъ дать мнѣ адреса. Сказалъ, что, вѣроятно, будетъ странствовать со своимъ пациентомъ, не останавливаясь

подолгу нигдѣ; слѣдовательно, писать, въ ожиданіи его отвѣта, бесполезно.

Пусть будетъ, что будетъ. Совѣсть моя чиста, и это сознание должно поддержать меня въ неудачѣ.

— Отравился, бѣдняга,—разумѣется, отравился! — задумчиво проговорилъ Масей:—и по всей вѣроятности безъ намѣренія покончить съ собой. Смотрите, Конингсберъ, не выпускайте никуда Гаукинса. Не спускайте съ него глазъ; онъ обязанъ отвѣчать слѣдователю.

— Я скажу ему, что если онъ сбѣжитъ, то докажетъ этимъ, что гораздо виновнѣе въ бѣдѣ, чѣмъ мы теперь полагаемъ. Да онъ это и самъ навѣрно понимаетъ.

— Ну, не говорите. Некультурный умъ рѣдко видитъ послѣдствія, а внушаетъ поступить подъ вліяніемъ минуты. Ему, конечно, хочется прежде всего бѣжать, скрыться.

— Присмотримъ за нимъ. Будьте вполне добры и участливы ко мнѣ, дорогой другъ: вернитесь ко мнѣ оттуда... и сообщите, какъ семья отнеслась къ катастрофѣ... въ особенности осуждаетъ ли меня въ чемъ нибудь моя Гильда.

— За Гильду я могу и сейчасъ вамъ отвѣтить,—сказалъ старикъ: — у нея нѣжное и вѣрное сердце: разъ она отдала его вамъ, то ни при какихъ обстоятельствахъ добровольно его не отниметъ. Катастрофа никоимъ образомъ не повліяетъ на ея чувства къ вамъ, увѣряю васъ. Я знаю ее съ самаго дня рожденія и ошибиться въ ней не могу.

— Спасибо, дорогой другъ. Ваша увѣренность ободряетъ меня!— Гарольдъ съ чувствомъ пожалъ руку старика.

Пріѣхавъ въ Руссель-сквэръ, докторъ Масей изъявилъ желаніе поговорить прежде со вдовой; но случившаяся тутъ Жанна рѣшительно отказалась выйти изъ гостиной.

— Вы пріѣхали къ мамѣ, какъ докторъ, ради ея болѣзни?—рѣзко спросила она.

— Нѣтъ!—долженъ былъ сознаться Масей.

— Въ такомъ случаѣ я не вижу причины для моего изгнанія. Еслибы вы пріѣхали специально ради здоровья мамы, я бы, конечно, не протестовала и оставила бы васъ вдвоемъ съ ней, или попросила бы ее увести васъ въ другую комнату. Но теперь я не понимаю, зачѣмъ должна я уходить изъ своей собственной гостиной!

— Не лучше ли мнѣ уйти?—спросила Гильда.

— Нѣтъ, дитя мое, останьтесь и вы, если сестра ваша непремѣнно желаетъ присутствовать. Дѣло въ томъ, что я явился вѣстникомъ грустныхъ новостей и думалъ сообщить ихъ первоначально вашей мамѣ; но, все равно, скажу и при всѣхъ.

— Грустныя новости?—пугливо спросила мистрисъ Маршэль.

— Къ сожалѣнію, очень грустныя!.. Не столько, конечно, для васъ, сколько для вашей падчерицы. Я долженъ сообщить вамъ, что Эдуардъ...

При этомъ имени, Жанна вскочила съ мѣста и, широко раскрытыми глазами глядя на доктора, вскрикнула, какъ раненое животное; рукой она судорожно схватилась за сердце.

— Помните, миссъ Жанна, что на все воля божья и что всѣ мы въ его власти. Судьбы Его неисповѣдимы!—Старикъ подошелъ къ Жаннѣ и положилъ руку ей на плечо:

— Я думаю, вы догадались въ чемъ дѣло?—съ участіемъ продолжалъ онъ: Богу угодно было взять вашего брата къ себѣ. Онъ умеръ сегодня ночью.

— Эдуардъ? О, бѣдный!—воскликнула мистрисъ Маршэль.

— Бѣдный Тэдъ! — огорченно проговорила и Гильда. Жанна ничего не сказала.

— Миссъ Жанна, я понимаю насколько это извѣстіе поразило васъ; знаю, чѣмъ былъ для васъ покойный братъ; но вы должны помнить, что онъ лично ничего не потерялъ. Жизнь его не могла быть счастливою; его душевное здоровье никогда не могло бы вполне восстановиться. Скорѣе надо думать, что болѣзнь перешла бы въ худшій и безнадежный фазисъ. Когда первое жгучее горе ваше успокоится, вы, вѣроятно, поблагодарите Бога, что Онъ заблаговременно призвалъ къ себѣ Эдуарда и избавилъ его отъ горькой участи—кончить дни свои въ сумашедшемъ домѣ. Знайте также, что онъ умеръ безъ страданій и борьбы, и что въ настоящее время онъ счастливѣе, чѣмъ былъ бы на землѣ, не смотря на всю вашу любовь и преданность.

— Отъ чего онъ умеръ?—спросила Жанна съ неестественнымъ спокойствіемъ, отъ котораго слушатели содрогнулись.

*

Доктору Масею ничего болѣе не оставалось, какъ разсказать все, какъ было на самомъ дѣлѣ.

— Онъ умеръ отъ слишкомъ сильной дозы хлорала; надо полагать, что, пока слуга крѣпко спалъ, Эдуардъ всталъ и самъ принялъ наркотическое лѣкарство, не зная дозы.

— Слишкомъ сильная доза!..—какъ автоматъ повторила Жанна и до того поблѣднѣла, что сама стала похожей на мертвеца.

— Да, онъ принялъ слишкомъ сильную дозу, конечно, конечно!—объяснялъ Масей, не обращая вниманія на крикъ ужаса, который одновременно испустили вдова и ея дочь, а обезпокоенный трагическимъ выраженіемъ глазъ Жанны и ея смертельной блѣдностью.—Другъ мой Конингсберъ давалъ ему нѣсколько капель хлорала на ночь въ случаѣ безпокойства или бессонницы; вчера Гаукинсъ далъ ему обычную дозу въ водѣ и, по невниманію, оставилъ склянку съ лѣкарствомъ у себя на комодѣ; вы знаете, его комната—смежная со спальней Эдуарда. Конингсберъ предполагаетъ, что больной всталъ во время сна Гаукинса, и самовольно выпилъ всю склянку—т. е. принялъ такую дозу, которая могла убить десять человѣкъ. Такимъ образомъ, Конингсберъ, навѣстившій его по обыкновенію, прежде чѣмъ лечь спать, нашелъ уже его мертвымъ, въ спокойной позѣ спящаго человѣка, съ рукой, подложенной подъ щеку,—что доказываетъ, что онъ умеръ безъ страданій и борьбы. Бѣдный Конингсберъ страшно огорченъ. Онъ въ ту же минуту послалъ за мной; — а я обѣщала сообщить вамъ. Онъ просилъ передать всѣмъ вамъ его искреннее сожалѣніе, самъ же не въ состояніи теперь пріѣхать. Нелегко и мнѣ было сообщать вамъ грустную новость; но я пожалѣлъ его! Онъ просто не рѣшается глазъ показать сюда, особенно послѣ того, какъ его приняли въ члены семьи...

— Немудрено, что не рѣшается! — съ прежнимъ страшнымъ спокойствіемъ замѣтила Жанна: — немудрено. Развѣ убійца можетъ смотрѣть въ глаза родственникамъ своей жертвы? Рѣшится ли онъ взять холодную руку убитаго или сидѣть около трупа? Побойтся, что мертвый очнется, чтобы указать на своего убійцу.

— Жанна, Жанна, что ты говоришь?! Ты съ ума сошла!—крикнула Гильда, перенуганная какъ словами, такъ и видомъ сестры.

— Съ ума сошла?—продолжала Жанна:—нѣтъ, я въ полномъ разсудкѣ, какъ любой изъ васъ, — только я одна знаю горькую истину. И говорю прямо: Конингсберъ—убійца моего брата! Онъ недобросовѣстно относился къ своимъ обязанностямъ. Вчера вечеромъ онъ оставилъ его одного, а самъ ушелъ флиртовать съ Гильдой. По его собственному показанію, Эдуардъ былъ въ то время живъ и здоровъ. Возвратясь домой, онъ находитъ его мертвымъ, предполагая печальное самоотравленіе. Но какъ это доказать? Кто можетъ съ увѣренностью сказать, что Эдуардъ самъ принялъ лѣкарство, а что ему не дали его? Лѣкарство отравило его на тотъ свѣтъ, а состояніе его, вслѣдствіе этого, безпрепятственно перейдетъ къ убійцѣ? да, да, повторяю громко: къ его убійцѣ!

— Какъ смѣешь ты говорить такія слова? — крикнула въ ужасѣ Гильда:—докторъ Масей, вѣдь вы знаете, что это неправда? Что это не можетъ быть правдой? Гарольдъ не способенъ на такую визость, въ которой она обвиняетъ его?

— Знаю, дитя мое, — сказала докторъ: — успокойтесь! Такое несправедливое обвиненіе не можетъ имѣть никакого вѣса. Эдуардъ, безъ сомнѣнія, самъ отравился. Единственное лицо, заслуживающее порицанія — это слуга, оставившій пузырекъ съ каплями на виду. Обвиненіе Конингсбера не имѣетъ смысла. Никто изъ знающихъ его доброе, участливое, великодушное сердце ни минуты не усомнится въ немъ. Миссъ Жанна, вы сами не понимаете, что говорите. Ударъ, поразившій васъ, такъ силенъ и неожиданъ, что вы потеряли способность разсуждать. Только вы, говорю, не пособите, если будете несправедливо осуждать лучшаго и честнѣйшаго изъ людей. Профессоръ Олиндеръ такъ высоко цѣнитъ его, что не далѣе, какъ вчера, предлагалъ ему мѣсто ассистента въ лѣчебницѣ для душевно больныхъ.

— Да, да,—съ живостью подтвердила Гильда: — онъ мнѣ говорилъ объ этомъ вчера вечеромъ.

— Вѣроятно, въ то время какъ вы стояли у крыльца, а я сидѣла на балконѣ и невольно слышала кое-что изъ вашихъ занятныхъ разговоровъ! — съ ехидствомъ подхватила Жанна. — Вы говорили объ бѣдномъ Эдуардѣ, о его возможной смерти и о томъ благополучіи, которое эта смерть при-

несла бы вамъ. Выгодная афера, что и говорить! Докторъ Кониингсберъ, твой достойный женихъ, сказалъ, что вы стали бы богатыми людьми, хотя онъ и не рассчитываетъ, будто, жить на средства жены... Не притворяйся! Оба вы лицемеры, и знали, что близокъ часъ вашего торжества, — хотя теперь и разыгрываете изумленіе. Умеръ мѣшавшій вамъ человекъ, какъ разъ передъ вашимъ бракомъ; развѣ это не такъ? Но знайте: не бывать вашей свадьбѣ. Не бывать, не бывать! Священникъ откажется вѣнчать дѣвушку съ убійцей ея брата.

— О, Жанна, Жанна! Опомнись! Ты заблуждаешься. Мы не говорили о смерти Эдуарда въ такомъ смыслѣ... Напротивъ, Гарольдъ сказалъ, что люди... поврежденные разсудкомъ... психопаты... дольше живутъ...

Старикъ Масей съ удивленіемъ поглядывалъ то на Гильду, то на Жанну.

— Такъ, значить, вы съ Гарольдомъ говорили на эту тему?—спросилъ онъ младшую сестру.

— Да, но вовсе не такъ...

Но Жанна перебила ее.

— Говорили, говорили, и именно такъ! — крикнула она, приходя въ бѣшенство; Гильда всегда возлагала большія надежды на наслѣдство отъ кого нибудь изъ насъ... согласно непостижимому завѣщанію отца! А теперь представился подходящій случай: они, съ благороднѣйшимъ докторомъ Кониингсберомъ, затѣяли жениться, но средствъ у нихъ нѣтъ... Бѣдный братъ мой стоялъ на ихъ дорогѣ... и они перешагнули. Очень просто! Вы говорите: Эдуардъ самъ отравился; а я утверждаю: его отравили... Кониингсберъ или кто другой—не все ли равно? Во всякомъ случаѣ, по винѣ Кониингсбера. И наслѣдство получится очень кстати. О, еслибъ отецъ могъ это предвидѣть!

— Миссъ Маршэль, я не могу допустить такихъ нелѣпыхъ обвиненій. Вы вѣрно не понимаете, что говорите. Получаетъ или не получаетъ Гильда наслѣдство вслѣдствіе этой катастрофы, — но мой другъ Кониингсберъ тутъ рѣшительно непричемъ. Какая дикая фантазія! Вы бы ужъ лучше вообразили, что сами отравили Эдуарда.

— Я? Я? Сама!.. отравила... брата?..—задыхаясь, произнесла Жанна съ безумнымъ взглядомъ и мѣняясь въ лицѣ. Она

взмахнула руками и, вскрикнувъ дикимъ нечеловѣческимъ голосомъ, рухнула безъ сознанія на полъ.

IX.

Мистрисъ Маршаль и Гильда страшно перепугались какъ обморокомъ, такъ и обвиненіями Жанны; но докторъ Масей постарался ихъ успокоить и ободрить, говоря, что ничего другаго и не ожидалъ отъ несдержаннаго и бѣшенаго темперамента дѣвушки.

— Намъ всѣмъ извѣстно, — сказала она, — что она привязана была къ брату, болѣе чѣмъ къ кому либо на свѣтѣ, и я знала, какъ должно было поразить ее извѣстіе объ его скоростижной смерти; она какъ бы помѣшалась съ горя. Мистрисъ Маршаль, не поднимайте ей голову! Гильда, принесите мнѣ стаканъ воды. Какъ только она очнется, мы перенесемъ ее въ спальню и уложимъ въ постель — пусть она отдохнетъ и успокоится.

Такъ и сдѣлали; докторъ далъ ей успокоительнаго лѣкарства и велѣлъ оставить ее одну.

— Говоря по правдѣ, — сказала она потомъ вдовѣ: — это все къ лучшему. Пусть ее полежитъ, пока кончится слѣдствіе. И такъ достаточно будетъ непріятностей и нареканій на бѣднаго Конингсбера, а она бы еще явилась, чтобы подбавить яду своими показаніями и обвиненіями!

— Когда будетъ слѣдствіе?

— Завтра утромъ, надѣюсь. А затѣмъ вы вѣрно пожелаете, чтобы тѣло было перевезено сюда и похороны будутъ уже отсюда. Хотите, я приму на себя хлопоты и распоряженія?

— Ахъ, докторъ, какъ вы добры! — отвѣчала мистрисъ Маршаль: — но на слѣдствіи, конечно, мы не будемъ. Да и Жаннѣ врядъ ли это пришло бы въ голову. Конечно, это простая формальность?

— Думаю, что такъ. Но за Жанну я бы не отвѣтилъ. Пусть лучше она не знаетъ; не говорите ей ни слова о слѣдствіи и удержите ее въ постели денекъ-другой. И для ея здоровья будетъ полезнѣе.

Пока докторъ говорилъ, Гильда значительно переглянулась

съ матерью; обѣимъ пришла одна и та же мысль въ голову «Если Жанна захочетъ присутствовать на слѣдствіи, то никто и ничто не удержитъ ея!»

Гильда выразила эту мысль вслухъ.

— Сегодня она слишкомъ слаба, — возразила мать. — Бѣдный Эдуардъ! Какой неожиданный конецъ! Наша необузданная Жанна рѣшилась обвинить доктора Конингсбера... Должно быть, дѣйствительно, горе затемнило ея разсудокъ.

— Я инаго мнѣнія! — съ негодованіемъ сказала Гильда: — скорѣе Жанна ревнуетъ, завидуетъ нашему счастью и готова все сдѣлать, чтобы разлучить насъ. Позоръ! Выговорить такое гнусное обвиненіе на Гарольда... заподозрить его въ корыстныхъ цѣляхъ! О, какая проклятая вещь — деньги! Гарольдъ, честный, деликатный, великодушный — попалъ въ убійцы, въ предатели, въ грабители. Никогда не забуду и не прощу этого...

— Не говори такъ, милая Гильда — остановила ее мать: — понимаю, какъ тебѣ тяжело слышать такія чудовищныя обвиненія, но не забывай, подъ вліяніемъ какого потрясенія это было сказано! Если прибавить къ смерти брата еще то обстоятельство, что ей... кажется... нравился Гарольдъ и она, вѣроятно, рассчитывала на его взаимность... то становится понятнымъ ея ожесточеніе. Вѣдь она все, все потеряла на свѣгѣ. Всѣ надежды ея на счастье рухнули! Конечно, она не права, обвиняя его и тебя въ корыстолюбіи и всякихъ ужасахъ; а все таки жаль и ее, бѣдняжку.

— Знаемъ, знаемъ, мама, что у васъ всегда сердце было вѣжливѣе и чувствительнѣе, чѣмъ у меня!.. Я не могу съ такой точки зрѣнія смотрѣть на вещи, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту... Я также огорчена смертью Эдуарда... Но слышать, какъ подозреваютъ... обвиняютъ Гарольда...

Тутъ Гильда не выдержала и разрыдалась. Мать употребила всѣ усилія, чтобы успокоить ее и, съ общаго совѣта, молодая дѣвушка написала жениху нѣсколько теплыхъ словъ, говоря, что глубоко сочувствуетъ постигшей его неудачѣ и безусловно вѣрить въ честное исполненіе имъ принятыхъ обязанностей. Поручивъ доктору Масею передать письмо, Гильда пошла въ комнату сестры; рѣшено было дежурить около спальни Жанны поочередно съ мистрисъ Маршэль.

Жанна не располагала къ сочувствію и ухаживаніямъ. Она ни слова не отвѣчала на вопросы сестры объ ея здоровьѣ и не выразила никакой благодарности за желаніе Гильды услужить ей. Она лежала неподвижно, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, упорно молчала и отталкивала ѣду и питье.

Мистрисъ Маршаль продолжала утверждать, что разсудокъ Жанны временно потрясенъ и что она едва ли помнитъ и сознаётъ дѣйствительность; но Гильда, еще не справившаяся съ чувствомъ негодованія за жениха, думала, что все это происходитъ отъ злобнаго характера и зависти. Обѣ, однако, пришли къ заключенію, что Жанна не намѣрена явиться лично въ Айльворсъ и ничего не знаетъ о слѣдствіи. Между тѣмъ, оно назначено было на слѣдующее утро, а затѣмъ Масей распорядился, чтобы тѣло покойнаго перевезли въ Руссель-сквэръ, и заказалъ великолѣпный гробъ.

Въ назначенный часъ явились прокуроръ и слѣдователь и, послѣ обычныхъ формальностей, выяснившихъ причину скоропостижной смерти, прѣступили къ допросу. Первымъ свидѣтелемъ являлся докторъ Конингсберъ.

— Надо полагать, докторъ, — началъ прокуроръ: — что вы взяли на себя обязанность лѣчить покойнаго? Онъ былъ слабоумный?

— Да.

— Не угодно ли вамъ рассказать, чтѣ произошло вечеромъ четвертаго іюня?

— У меня было дѣло въ городѣ; я оставилъ больнаго подъ присмотромъ слуги Гаукинса, спеціально нанятаго мною для ухода за мистеромъ Маршалемъ. Я ушелъ изъ дому около шести часовъ и вернулся въ одиннадцать. Зайдя по обыкновенію къ моему пациенту, я нашелъ его мертвымъ. Онъ долженъ былъ умереть часа три-четыре тому назадъ. Причина вамъ уже извѣстна: онъ умеръ отъ слишкомъ сильной дозы хлорала-гидрата. Но какимъ образомъ было принято лѣкарство — я совершенно не знаю.

— Вы часто имѣли обыкновеніе оставлять пациента на такой долгій срокъ?

— Нѣтъ, весьма редко. Я имѣлъ право полагаться на честность Гаукинса, имѣющаго аттестатъ изъ лѣчебницы.

— И вы убѣдились, что онъ, дѣйствительно, честенъ и опытенъ?

— Да, я до сихъ поръ ни въ чемъ дурномъ не замѣчалъ его.

— Надо думать, что вы сами опыты въ лѣченіи сумашедшихъ?

— Это моя спеціальность; практика при душевно-больныхъ у меня значительная. Профессоръ Олиндеръ считаетъ меня однимъ изъ своихъ учениковъ.

— Конечно, у васъ есть формальное разрѣшеніе держать у себя сумашедшихъ паціентовъ?

Конингсберъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ. Я не считалъ этого нужнымъ. Мистеръ Маршэль жилъ у меня скорѣе на правахъ друга; докторъ Масей предложилъ мнѣ взять его, на нѣкоторое время, на испытаніе. Да онъ и не былъ сумашедшимъ, а только психопатомъ. Въ строгомъ смыслѣ слова, его нельзя былъ назвать моимъ «паціентомъ».

— Однако, не даромъ же вы взялись присматривать за нимъ?

— Разумѣется, не даромъ; я былъ бы не въ состояніи взять на себя такіе расходы!

— Нельзя ли узнать, сколько вы получали?

— Условлено было около пятисотъ фунтовъ въ годъ.

— И послѣ этого вы не считаете его паціентомъ? Цифра краснорѣчиво доказываетъ противное! Какъ долго пробылъ онъ у васъ?

— Около трехъ мѣсяцевъ.

— И за все это время былъ здоровъ?

— Вполнѣ; и припадки душевнаго расстройства стали появляться гораздо рѣже. Я надѣялся въ скоромъ времени вернуть его роднымъ.

— Вы считаете себя вправѣ довѣрять лѣкарства слугѣ, а не отливать самому подобающую дозу?

— Обыкновенно отмѣривалъ капли я самъ; но часто Гаукинсъ дѣлалъ это весьма акуратно при мнѣ, такъ что я не затруднялся довѣрять ему. Въ тотъ день мнѣ необходимо было отлучиться изъ дому, и я поручилъ ему отмѣрить десять капель.

— И вотъ результатъ. Вашъ паціентъ или другъ, или— какъ тамъ хотите называйте—оказался отравленнымъ!

— Да, но я твердо увѣренъ, что онъ самъ нечаянно отравился.

— Хорошо, докторъ; пока достаточно. Впослѣдствіи вернемся къ тому факту, что умалишенный пациентъ жилъ въ вашемъ домѣ, а разрѣшенія у васъ на это не имѣется.

Гарольдъ, ощущая тревогу и униженіе, удалился; мѣсто его занялъ докторъ Масей. Его искреннія старанія оправдать Гарольда отъ всякихъ нареканій скорѣе вредили молодому врачу; въ особенности, когда старикъ горячо распространялся о дружбѣ семьи покойнаго къ Конингсберу и о полномъ довѣріи, которое оказывали ему.

— И которое онъ такъ блистательно оправдалъ! — иронически воскликнулъ слѣдователь, а затѣмъ, обращаясь снова къ вызванному Гарольду, сказалъ: — потрудитесь объяснить, докторъ Конингсберъ, какого рода дѣло вызывало васъ въ городъ въ тотъ вечеръ? Почему явилась такая необходимость оставить вашего пациента одного на пять часовъ?

Молодой человекъ снова покраснѣлъ.

— Бѣольшую часть времени я провелъ въ семьѣ моего пациента въ Руссель-сквэрѣ. Я помолвленъ съ одной изъ его сестеръ. Я думалъ, что могу вполне положиться на Гаукинса...

— Позовите Гаукинса.

Вошелъ дрожавшій отъ страха Гаукинсъ. Онъ не преминулъ заключить предварительно условіе съ поваромъ и горничной Нелли, чтобы не разойтись съ ними въ показаніяхъ: главнымъ образомъ оставалось бояться Жанны Маршэль, явившейся къ брату въ то время, какъ онъ былъ оставленъ слугою. Гаукинсъ не могъ знать, придетъ ли она, какъ свидѣтельница, и дрожалъ отъ неизвѣстности.

— Если спросятъ васъ объ миссъ Маршэль, скажите, что она приходила вечеромъ къ брату, — училъ онъ горничную, но ничего, кромѣ этого, вамъ не извѣстно. Я ужъ самъ придумаю чтонибудь половчѣе. Главный виновникъ — хозяинъ дома, баринъ, а мы чтѣ? слуги, люди подчиненные!

— Ну-съ, Гаукинсъ, прошу васъ говорить правду, одну только правду! — напомнилъ слѣдователь: — скажите, чтѣ было вечеромъ четвертаго числа?

— Слушаю-съ, сэръ. Мой баринъ, докторъ Конингсберъ, приказалъ мнѣ накапать десять капель хлорала въ рюмку воды

и дать это на ночь мистеру Маршэлю. Въ кабинетѣ не оказалось воды и рюмки, и я взялъ пузырекъ съ каплями къ себѣ въ спальню.

— А ваша спальня помѣщалась рядомъ съ комнатою покойнаго?

— Да, сэръ; я поставилъ склянку на мой комодъ, думая, что здѣсь она будетъ въ полной безопасности, такъ какъ мистеръ Маршэль никогда не входилъ въ мою комнату. Потомъ я далъ ему принять капли, такъ какъ онъ началъ приходить въ безпокойство, — и уложилъ его спать.

— И бросили его одного, разумѣется. Убѣжали по своимъ дѣламъ, не думая о больномъ.

— Ахъ, какъ можно, сэръ! Я никуда не отлучался, ни на секунду. Только къ себѣ въ комнату ушелъ, конечно, и сидѣлъ все время; потомъ легъ и все прислушивался, не понадобится ли чего больному, — пока самъ не заснулъ.

— Какимъ же образомъ досталъ покойный склянку съ хлораломъ?

— Вотъ ужъ чего не знаю, такъ не знаю! И сказать вамъ не могу и самъ, хоть убейте меня, — понять не въ состояніи. Сначала я все сидѣлъ у открытаго окна и, грѣшнымъ дѣломъ, курилъ. Потомъ, такъ въ половинѣ десятаго, легъ спать. Въ этотъ часъ бѣдный больной нашъ спалъ сномъ невинности, — спокойно, сладко спалъ! Въ этомъ могу поклясться.

— Докторъ Конингсберъ утверждаетъ, однако, что въ одиннадцать часовъ онъ уже нашелъ его окоченѣвшимъ; смерть произошла часа три-четыре тому назадъ! Какъ согласовать съ этимъ ваше показаніе? Какъ могъ онъ ухитриться принять лѣкарство безъ вашего вѣдома, если вы все время были въ своей комнатѣ?

— Не могу знать, сэръ. Ума не приложу! А все таки я говорю сущую правду, сэръ... Въ половинѣ десятаго, когда я ложился спать, — мистеръ Маршэль безмятежно спалъ. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, показалось. Такъ я сказалъ и доктору, какъ только онъ сообщилъ мнѣ ужасную вѣсть.

— А вы развѣ не проснулись, когда докторъ вошелъ къ пациенту въ одиннадцать часовъ?

— Нѣтъ, сэръ; я проснулся, когда г. докторъ крикнулъ и позвалъ меня. Я очень крѣпко сплю, сэръ, — что дѣлать? Такая

ужь природа моя! Господинъ докторъ какъ закричить благимъ матомъ; гляжу—умеръ, точно умеръ, бѣдненькій. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, сэръ.

— Итакъ, вы ни на минуту не отлучались изъ дому?

— Ни, ни!.. Какъ на цѣпи собака, вотъ какъ! Спросите остальную прислугу, сэръ.

— Во всякомъ случаѣ, правду ли вы говорите, или нѣтъ, но вы заслуживаете строгаго порицанія за то, что взяли склянку съ хлораломъ къ себѣ, вопреки приказанію доктора. Отъ вашего непослушанія и произошла вся бѣда. Пошлите служанку Елену Стаунъ.

Вошла хорошенькая Нелли, вся розовая отъ волненія, но твердо рѣшившись слѣдовать инструкціямъ своего пріятеля Гаукинса.

— Вы затворяли дверь за вашимъ бариномъ, вечеромъ четвертаго іюня?

— Нѣтъ, сэръ. Баринъ проводилъ доктора Олиндера, а затѣмъ надѣлъ шляпу и самъ вышелъ изъ дому со своимъ ключемъ.

— Въ какое время приблизительно?

— Около шести часовъ.

— Потомъ, что было? расскажите! Выходилъ куданибудь Гаукинсъ?

— Нѣтъ, сэръ,—я, по крайней мѣрѣ, не видала.

— Гдѣ же вы были?

— Все время на кухнѣ съ поваромъ.

— Не приходилъ ли ктонибудь вечеромъ? Помните, что вы должны показывать всю правду!

— Да, приходила миссъ Маршэль. Она прошла къ брату въ комнату.

— И долго тамъ пробыла?

— Не могу сказать, сэръ; не знаю.

— Не вы выпускали ее?

— Нѣтъ, сэръ.

— Гаукинсъ?

— Не знаю, сэръ.

— Что за чепуха?—сердито воскликнулъ прокуроръ:—почему лакей умолчалъ о посѣщеніи миссъ Маршэль? Не могла же она пройти въ комнату брата безъ его вѣдома? Почему не

вызвали ее, какъ свидѣтельницу? Что-то странное кроется тутъ! Позовите сюда Гаукинса.

Когда вторично появился Гаукинсъ, прокуроръ спросилъ:

— Почему не сообщили вы намъ, что сестра покойнаго была у него вечеромъ, четвертаго числа, и сидѣла въ его комнатѣ нѣкоторое время?

— Никто не спросилъ меня объ этомъ! Развѣ посмѣлъ бы я лѣзть со своими собственными разказами! Когда не спрашиваютъ—значить молчи.

— Вотъ теперь васъ спрашиваютъ. Долго ли пробыла у брата миссъ Маршэль?

— Не знаю, сэръ. Я былъ у себя, и дверь въ ихъ комнату была затворена.

— Такъ что вы не знаете: ни когда она пришла, ни когда ушла отъ него?

— Не знаю. Слышалъ ея голосъ въ спальнѣ больнаго,— но подслушивать разговоры господъ не считаю похвальнымъ дѣломъ. Я курилъ, читалъ, — время-то незамѣтно и летѣло. Знаю только, что такъ, въ половинѣ десятаго, стало меня клонить ко сну; тогда барышни уже не было у брата.

— Хорошо, ступайте.

Показанія повара были незначительны. Рука руку моетъ. Извѣстное дѣло—прислуга всегда горой стоитъ другъ за друга, и въ минуту опасности всѣ мелкія ссоры блѣднѣютъ и ступовываются передъ желаніемъ помочь выпутаться собрату. Поваръ, казалось, совершенно позабылъ, что было четвертаго числа вечеромъ.

Послѣ допроса всѣхъ свидѣтелей, прокуроръ снова позвалъ Масея и Конингсбера, и спросилъ: почему не вызвали миссъ Маршэль? Ея показанія имѣли громадное значеніе. Если ее нельзя вызвать сегодня, то допросъ должно отложить до другаго дня.

— Въ первый разъ слышу, что миссъ Маршэль была здѣсь четвертаго числа!—воскликнулъ изумленный Гарольдъ:— она бывала почти черезъ день, это правда; но меня удивляетъ именно ея визитъ четвертаго числа, потому что я былъ вечеромъ у ея махики, на Руссель-сквэрѣ, видѣлъ тамъ и ее саму,—и она ни словомъ не обмолвилась, что видѣла брата.

— Она врядъ ли въ состояніи явиться сегодня!—приба-

вилъ докторъ Масей;—я велѣлъ уложить ее и беречь отъ всякаго волненія. Смерть брата страшно повліяла на ея нервы; потрясеніе кончилось обморокомъ. Она и не подозрѣваетъ о слѣдствіи,—я ничего ей не сказалъ объ этомъ, боясь за ея нервы. Не думаю, чтобы она была въ состояніи перенести такое испытаніе.

— Тѣмъ не менѣе, ея показаніе настолько важно, — возразилъ слѣдователь, — что придется отложить окончаніе допроса до того дня, какъ она поправится.

Старый докторъ только что сталъ было доказывать, что показаніе Жанны немного прибавить къ слѣдствію, и едва ли больше выяснитъ дѣло, какъ вдругъ высокая фигура въ черной одеждѣ стремительно вбѣжала въ комнату. То была Жанна Маршэль,—страшно блѣдная, съ горящими, какъ уголья, глазами и едва державшаяся на ногахъ.

— Я Жанна Маршэль!—крикнула она:—я пришла свидѣтельствовать о смерти моего бѣднаго брата. Всѣ они лгали и обманывали правосудіе! Я одна могу сказать вамъ всю правду.

Докторъ Масей хотѣлъ было удержать ее, опасаясь за ея здоровье; но прокуроръ вмѣшался:

— Извините, докторъ,—не прерывайте свидѣтельница. Постарайтесь продолжать, миссъ Маршэль.

— Но она больна и духомъ, и тѣломъ,—настаивалъ докторъ:—относитесь къ ея показаніямъ съ величайшей осторожностью. Должно быть, она встала съ постели, чтобы бѣжать сюда.

— Встала! Съ тысячи постелей встала бы я, ради торжества справедливости — внѣ себя сказала Жанна: — оставьте меня одну съ прокуроромъ и его товарищемъ. Я имъ объясню всю подноготную подлой исторіи. Всѣ свидѣтели стакнулись, чтобы прикрыть другъ друга... Но я пролью истинный свѣтъ на это темное дѣло!

— Ваше показаніе будетъ имѣть огромное значеніе для правосудія,—заявилъ прокуроръ:—однако, не увлекайтесь, говорите осмотрительно и сдержанно одну правду! Мы васъ слушаемъ, миссъ Маршэль.

Докторъ Масей и Кониингсберъ вышли изъ комнаты; оба были неспокойны и взволнованы.

— Чтò за цѣль ея появленія?—прошепталъ Гарольдъ.

— Во всякомъ случаѣ не добрая! — также тихо отвѣтилъ Масей:— не постигаю, какъ могли отпустить ее мать и сестра. Она въ припадкѣ, стѣдитъ только взглянуть на нее. Вчера она пережила настоящій истерическій припадокъ, который окончился обморокомъ. Я велѣлъ держать ее въ постели въ теченіе нѣсколькихъ дней.

— Но вѣдь вы ее знаете,—возразилъ Конингсберъ: — ни мачиха, ни сестра не имѣютъ на нее ни малѣйшаго вліянія. Какимъ образомъ дошли до нея слухи о слѣдствіи и что она намѣрена говорить прокурору? Богъ знаетъ. Одно вѣрно, что она здѣсь, а намъ остается ждать, чѣмъ все это кончится.

Въ кухнѣ также произошелъ переполохъ, вслѣдствіе неожиданнаго появленія миссъ Маршалъ.

— Она перевернетъ вверхъ дномъ всѣ наши показанія, Нелли!—въ страхѣ говорилъ Гаукинсъ: — не попасть бы еще подъ судъ изъ-за нея. Еслибъ докторъ Масей не сказалъ, что она больна и лежитъ въ постели, я бы далъ другаго рода объясненія. Но сдѣланнаго не передѣлаешь. Будь что будетъ.

— Но мы показывали одну правду, мистеръ Гаукинсъ!— жеманничала Нелли: — только немножко умолчали о вашей отлучкѣ изъ дому. Не беспокойтесь, я буду крѣпко стоять на своемъ и за васъ.

Между тѣмъ, Жанна твердо давала слѣдующія показанія:

— Вечеромъ того дня, я пріѣхала навѣстить брата и нашла его совершенно одного. Ни доктора Конингсбера, ни приставленнаго къ брату слуги Гаукинса не было дома. Горничная Елена отворила мнѣ дверь. Она показала мнѣ такой смущенной, что я рѣшила пробыть съ братомъ до возвращенія слуги и пошла въ его спальню. Братъ спалъ и я разбудила его, а Елену послала посмотреть, не въ саду ли Гаукинсъ; но его по близости нигдѣ не оказалось. Наконецъ, въ девять часовъ онъ вернулся, и на мои замѣчанія отвѣчалъ дерзостями. Тогда я отправилась домой, куда вскорѣ прибыли и докторъ Конингсберъ, и сестра моя, Гильда. Они помолвлены. Я сидѣла въ сумеркахъ на балконѣ и они меня не замѣтили, когда остановились у подъѣзда, разговаривая. Они

разсуждали о возможной смерти моего несчастнаго Эдуарда и о наслѣдствѣ, которое имъ достанется послѣ него. Я отчетливо разслышала, какъ докторъ Конингсберъ сказалъ, что *тогда* они сдѣлаются богатыми людьми!.. И прибавилъ, что долгая жизнь не принесетъ счастья человѣку съ такой болѣзнию, какъ у Эдуарда. Потомъ докторъ зашелъ къ намъ надошло въ домъ и въ десять часовъ отправился къ себѣ.

— Изъ вашихъ словъ, миссъ Маршэль, я понялъ, что смерть вашего брата принесла матерьяльную выгоду доктору Конингсберу?—спросилъ слѣдователь.

— Огромную выгоду!—подхватила Жанна:—сестра—моя наслѣдница по завѣщанію отца, и будетъ теперь получать пять тысячъ фунтовъ въ годъ. Доктору Конингсберу было это извѣстно раньше, чѣмъ онъ сдѣлалъ предложеніе сестрѣ.

Представители правосудія значительно переглянулись, а Жанна продолжала:

— На слѣдующій день намъ сообщили, что Конингсберъ, возвратясь къ себѣ, нашелъ моего брата мертвымъ; явилось предположеніе, что больной всталъ во время сна Гаукинса и принялъ слишкомъ большую дозу наркотическаго лѣкарства. Но гдѣ же былъ тщательный уходъ и надзоръ за братомъ? За что платили мы доктору пятьсотъ фунтовъ въ годъ? Какъ допустилъ Конингсберъ такое неряшливое отношеніе къ опасному лѣкарству, оставленному подъ рукой пациента? На какомъ основаніи нашелъ онъ возможнымъ въ продолженіе пяти часовъ прогуливаться гдѣ-то и нѣжничать съ моей сестрой, вмѣсто того чтобы заботиться о принятыхъ имъ на себя обязанностяхъ относительно больнаго? Почему приставилъ онъ къ нему такого человѣка, какъ Гаукинсъ, недостойнаго довѣрія, который засыпалъ, какъ убитый, нисколько не заботясь о моемъ братѣ? Да и почему знать, самъ ли братъ принялъ роковое лѣкарство, или докторъ далъ ему принять такую дозу, возвратясь отъ насъ къ себѣ и пользуясь крѣпкимъ сномъ слуги?

— Сударыня, подумайте о значеніи вашихъ словъ! — напомнилъ прокуроръ:—вы почти обвиняете доктора въ умышенномъ убійствѣ?!

— Прямо обвиняю!—вѣкъ себя крикнула изступленная дѣвушка:—открыто и громко обвиняю. Онъ, во всякомъ случаѣ,

убійца брата. Умышленно или неумышленно,—но убилъ его онъ. Онъ даромъ получалъ съ насъ вознагражденіе. Теперь онъ сваливаетъ вину на слугу, но самъ виноватъ гораздо болѣе. Его дѣло было убѣдиться: добросовѣстно ли исполняетъ Гаукинсъ свои обязанности; а не такъ, какъ онъ самъ показывалъ ему примѣръ. Смерть по нечаянности! Легко сказать. Хороша отговорка. Мой братъ умеръ жертвой наглаго пренебреженія,—такъ я говорю и буду говорить до моего послѣдняго вздоха. Конечно, свидѣтели наговорили вамъ кучу лжи; всѣ напуганы послѣдствіями, и правды вы едва ли отъ нихъ добьетесь; но позовите ихъ сюда на очную ставку со мной,—Елену и Гаукинса,—и они не посмѣютъ опровергнуть мои показанія. Брата моего бросили одного на нѣсколько часовъ.

Дѣло принимало серьезный оборотъ. Тотъ фактъ, что смерть пациента приносила большую выгоду доктору, придавалъ событію скверную окраску. Кромѣ того, докторъ держалъ его у себя безъ офиціальнаго разрѣшенія, получалъ солидное вознагражденіе и давно зналъ, что теперешняя невѣста его—наслѣдница психопата. Все складывалось неблагопріятно для Гарольда Кониингсбера. Призванные для вторичнаго показанія, Гаукинсъ и Елена Стаунъ подтвердили, что видѣли миссъ Маршэль четвертаго числа вечеромъ, но не помнятъ, долго ли она пробыла у брата. Гаукинсъ, прижатый къ стѣнѣ, долженъ былъ сознаться, что сказалъ несовсѣмъ правду, увѣряя вначалѣ, что ни на минуту не оставлялъ больного одного; теперь онъ припомнилъ, что выходилъ въ садъ покурить, но не терялъ изъ виду окна спавшаго барина; припомнилъ также, что миссъ Маршэль побранила его за что-то, грозя пожаловаться доктору; но за чтѣ именно—онъ до сихъ поръ въ толкъ взять не можетъ, такъ какъ онъ усердно исполнялъ свои обязанности и ни чѣмъ не виноватъ. Судьи, однако, не сошлись съ нимъ въ этомъ мнѣніи, а нашли, что онъ не долженъ впредь брать на себя уходъ за душевно-больными; что несчастье случилось главнымъ образомъ по его винѣ. Доктору Кониингсберу офиціально сдѣланъ былъ строгій выговоръ за небрежность, а главнымъ образомъ за то, что онъ брался за лѣченіе у себя на дому сумашедшихъ безъ надлежащаго на то разрѣшенія.

Гарольдъ былъ пораженъ и уничтоженъ. Докторъ Масей нашелъ нужнымъ шепнуть ему слово ободренія, сказавъ, что ни-

кто не придасть значенія такому нелѣпому выводу изъ слѣдствія—и что все это перемѣнится.

— Вы ужасно заблуждаетесь!—обратился старикъ къ представителямъ правосудія: — этотъ молодой докторъ—любимый ученикъ профессора Олиндера, который навѣстилъ его какъ разъ четвертаго іюня. Онъ оцѣнилъ доброту и опытность Конингсбера въ ухаживаніи за душевно-больными, а мнѣніе профессора—не пустыя слова. Онъ предлагалъ ему мѣсто ассистента въ лѣчебницѣ и охотно поручилъ бы ему любого изъ своихъ собственныхъ пациентовъ. Онъ смотритъ на него, какъ на человѣка съ блестящей будущностью, какъ на восходящее свѣтило науки.

— Гдѣ же теперь профессоръ Олиндеръ?—спросилъ прокуроръ: — почему не вызвали его для показаній по этому дѣлу?

— Онъ уѣхалъ въ Алжиръ, въ Индію—богъ вѣсть куда!—отвѣчалъ уныло Гарольдъ:—Масей, дорогой другъ, не старайтесь больше говорить въ мою пользу. Я долженъ пережить это испытаніе, хотя чувствую, что карьера моя погибла!

X.

Ни мистрисъ Маршэль, ни Гильда не виноваты были въ появленіи Жанны на слѣдствіи. Съ такой больной нелегко было справиться. Придя въ себя послѣ обморока, она упрямо лежала лицомъ къ стѣнѣ, отталкивая питье и ѣду, и ни слова не отвѣчала ухаживавшимъ за ней роднымъ. Гильда, не смотря на страшное обвиненіе сестры относительно ея жениха, принудила себя быть съ ней кроткой и терпѣливой, такъ какъ жалѣла ее въ глубинѣ души; но Жанна съ отвращеніемъ отталкивала ее, и Гильда рѣшила, что лучше уйти, чѣмъ раздражать больную непрошенымъ присутствіемъ.

— Она въ насъ не нуждается, мама, — сказала она матери:—лучше оставимъ ее одну. Сойдемте внизъ.

— Ахъ, нѣтъ, Гильда! Масей велѣлъ присматривать за ней. Голова ея такъ потрясена, что ее опасно предоставить самой себѣ. На ея манеры не обращай вниманія—намъ не привывать, дитя мое! Но мы должны быть по близости, на случай, если она позоветъ.

— Такъ съдемъ въ ея будуарѣ. Мнѣ, право, тяжело получить каждый разъ злобный толчекъ, какъ только я подхожу къ ея кровати. Я бы позвала къ ней горничную, но Жанна прогнала ее такимъ тономъ, что не стоить идти наперекорь. Да, надо признаться, что великое испытаніе послалъ намъ Богъ въ лицѣ Жанны!

Мать и дочь ушли въ будуаръ, оставивъ дверь полуоткрытой, на случай, еслибъ Жаннѣ что нибудь понадобилось.

— Она совсѣмъ, совсѣмъ съума спятила — продолжала Гильда: — обвинять Гарольда въ преступленіи! О, мама, мнѣ иногда кажется, что я способна возненавидѣть ее за это! Добрый, честный Гарольдъ, такъ жалѣвшій Тэда, заботившійся о немъ, только и мечтавшій поскорѣе возратить его намъ здоровымъ и духомъ, и тѣломъ! Жанна увѣряетъ, что мы вчера говорили съ Гарольдомъ о смерти Тэда, словно желали ея, мечтали о будущемъ наслѣдствѣ... Ничего подобнаго не было, мама: я просто упомянула о томъ, что могу получить наслѣдство, если братъ умретъ раньше меня; а Гарольдъ остановилъ меня и совѣтовалъ никогда не думать объ этомъ; онъ прибавилъ, что предпочитаетъ жить на свой заработокъ и не рассчитываетъ на средства жены. А она вообразила... о, злая, злая! Никто, никогда не повѣритъ ей.

— Милая Гильда, забудь объ этомъ. Старайся отнести это на счетъ безумныхъ выходокъ Жанны, когда она сама не вѣритъ тому, чтѣ срывается съ ея языка. Надо намъ о многомъ подумать и позаботиться помимо этого. Напиши въ магазинъ Джея прислать портниху — снять съ насъ мѣрки для траура. Послѣ слѣдствія, тѣло перевезутъ сюда, предстоитъ приготовить его комнату.

— Неужели нельзя обойтись безъ слѣдствія, мама? Ужасно подумать, что нагрянутъ посторонніе люди въ домъ, гдѣ умеръ человекъ, и примутся толковать о причинахъ его смерти!

— При данныхъ обстоятельствахъ, это неизбежно, Гильда. Эдуардъ, вѣроятно, умеръ отъ самоотравленія; но вѣдь его могли бы и другіе отравить или умышленно, или по несправедливости.

Дѣло правосудія — разобрать всѣ подробности случившагося и рѣшить, кто правъ, кто виноватъ. Допросятъ свидѣтелей, вызовутъ эксперта-доктора. Всякая скоропостижная и неесте-

ственная смерть вызываетъ неизбежное слѣдствіе и, если падаетъ на кого нибудь подозрѣніе, его задерживаютъ, сажаютъ въ тюрьму и судятъ.

— Впрочемъ, это къ лучшему! — замѣтила Гильда: — выяснится, что Тэдъ самъ себя нечаянно отравилъ и тогда даже Жанна не посмѣетъ обвинять моего Гарольда.

— Сегодня докторъ Масей увѣдомилъ меня, что слѣдствіе будетъ завтра въ 12 часовъ; онъ прійдетъ къ намъ послѣ и расскажетъ подробно, — какъ все произошло. Добрый онъ чело-вѣкъ, и преданъ намъ, какъ истинный другъ. Мы должны очень цѣнить его.

Хотя онъ разговаривали между собою не особенно громко, но въ сосѣдней комнатѣ, благодаря абсолютной тишинѣ, всякое слово доходило до ушей прислушивавшейся Жанны. Голова ея горѣла, какъ въ огнѣ, мысли прыгали и путались, всѣ нервы были напряжены и чувства обострились до боли. Свѣдѣнія о назначенномъ слѣдствіи засѣли въ больномъ мозгу, и дѣвушка твердо рѣшила во что бы то ни стало присутствовать и дать свои показанія, хотя бы только для того, чтобы *они* не догадались, какимъ образомъ принялъ Эдуардъ роковую дозу лѣкарства! О, Жанна сама не сомнѣвалась, что никто иной, какъ она, убила своего единственного обожаемаго брата! Она переживала настоящую пытку, вспоминая, какъ бѣдняга попросилъ своихъ капель и она, слѣдуя его указаніямъ, налила ему полную рюмку... Она и убила его: сомнѣнія быть не можетъ. Не смотря на все это, она не хотѣла допустить мысли, что ненавистные Гарольдъ и Гильда воспользуются ея страшной ошибкой, что она сама неволью сдѣлала ихъ богатыми людьми, а себя — несчастнѣйшей сиротой въ свѣтѣ! Она съ безумнымъ отчаяніемъ припоминала всякое слово Гарольда въ отвѣтъ на ея предложенія любви и брака... Онъ любилъ Гильду и отвергъ старшую сестру, пренебрегъ ея богатымъ приданымъ. Препятствіемъ имъ служила бѣдность, и Жанна — какая глупая иронія! — сама устранила это препятствіе. И вотъ она рѣшила, что не допустить ихъ счастья, исправить свою ошибку и, по крайней мѣрѣ, не одна будетъ страдать. Пусть отвѣтственность падетъ на плечи Конингсбера... Обдумывая всевозможные планы, она, наконецъ, намѣтила себѣ способъ привести задуманное въ исполненіе. Она продолжала

лежать неподвижно, словно мертвая, и едва ли можно было заподозрить, что она видит, слышит и сознаёт действительность. Когда мачиха или сестра изрёдка рѣшались спрашивать, не надо ли ей чегонибудь,—она просила неизмѣнно оставить ее въ покоѣ. На ночь горничную положили спать въ ея будуарѣ; но утромъ она объяснила, что барышня всю ночь не шевельнулась, не сказала ни слова, но, кажется, и не спала, хоть лежала съ закрытыми глазами.

— Докторъ Масей навѣститъ ее сегодня, — со вздохомъ сказала мистрисъ Маршаль:—боюсь не было бы у нея воспаленія мозга! Слышала я, что нерѣдко близнецы не могутъ пережить одинъ другаго. Одного Тэда она только и любила, бѣдняжка.

— Миссъ Жанна желаетъ остаться одной, сударыня! — заключила горничная:—я подала ей на ночной столикъ чашку чаю и лимонаду, но она весь подносъ швырнула на полъ. Я, право, не знаю, чтѣ и дѣлать!

— Не лучше ли оставить ее одну? Можетъ быть, она скорѣе успокоится. Уйдите пока къ себѣ, Алиса. Она сильно страдаетъ; утѣшенія, хоть и искреннія, только раздражатъ ее. Подите позавтракайте и оставьте ее въ покоѣ. Гильда будетъ прислушиваться, не позоветъ ли она.

Служанка ушла въ кухню, а Гильда занялась завтракомъ матери, когда Жанна, тихонько вскочивъ съ постели, бросилась къ своему гардеробу, нашла тамъ черное платье, лихорадочно одѣлась и кое-какъ поправила волосы; зеркало отразило желтое восковое лицо, горящія глаза со страшнымъ выраженіемъ; но врядъ ли она и замѣтила свое отраженіе. Ноги ея тряслись, когда она, крадучись, спускалась съ лѣстницы и выбралась на улицу. Ея появленіе въ Айльворсѣ и показанія были уже описаны. Но когда докторъ Масей, послѣ слѣдствія, объявилъ судьямъ, что Жанна такая же сумашедшая, какъ былъ покойный братъ ея, и кинулся искать—ея уже и слѣдъ простылъ. Она, также крадучись и безшумно, исчезла изъ Айльворса, какъ и изъ собственнаго дома.

Однако, дома хватились ее: Гильда вошла въ пустую спальню и подняла тревогу. Но чтѣ могли сдѣлать двѣ несчастныя женщины въ такомъ случаѣ? Ахали, метались, — но не по Лондону же пуститься искать бѣглянку! Наконецъ,

Гильда догадалась послать телеграмму доктору Масею, съ извѣщеніемъ о непостижимомъ исчезновеніи Жанны изъ дому. Но пока кончилось слѣдствіе, и докторъ получилъ телеграмму—бѣглянка успѣла куда-то исчезнуть. Старикъ Масей такъ негодовалъ на нее за данныя ею показанія, что въ первую минуту ему рѣшительно было все равно, гдѣ она и что съ нею,—и онъ энергично выругался.

— Ядовитая змѣя!—ворчалъ онъ себѣ подъ носъ:—надѣлала гадостей и успокоилась на одинъ день. Пусть сама о себѣ заботится—не маленькая!

Тогда онъ обратился къ Конингсберу, который казался совсѣмъ подавленнымъ и несчастнымъ.

— Гарольдъ, дитя мое, опомнитесь, ободритесь! Что ужаснаго случилось? Два дурака, въ официальныхъ выраженіяхъ, выразили свое нелѣпое мнѣніе, а вы и носъ повѣсили? Встряхнитесь, что вы? Мы возьмемъ такой реваншъ, что всѣ изумятся! Всѣ ваши старые учителя и друзья возстанутъ на вашу защиту, и тогда посмотримъ, чья возьметъ.

— Ахъ, что толковать о будущемъ, дорогой другъ? Будущее мое погибло! Скандалъ непоправимъ. Позора не смоешь никакимъ реваншемъ. Все это хорошо было извѣстно миссъ Маршэль, когда она пришла сюда обвинять меня. Не утѣшайте меня. Поставимъ крестъ надъ моей карьерой. Умышленная небрежность... Боже! Дожить до такого обвиненія! Еслибы мертвые могли говорить, Эдуардъ снялъ бы съ меня всѣ гнусныя нареканія.

— Къ чему говорить это, Гарольдъ? Мы всѣ знаемъ, что обвиненіе ложно, ни на чемъ не основано. Только вы-то не падайте духомъ! Все перемелется. Общественное мнѣніе будетъ за васъ,—или я перестану называться докторомъ Масеемъ.

— Милый, старый другъ, — сказалъ Конингсберъ съ печальной улыбкой:—еслибъ это зависѣло только отъ васъ! Но мнѣ осталось лишь преклонить голову подъ ударами судьбы. Повидайтесь, прошу васъ, съ мистрисъ Маршэль и Гильдой, и попросите ихъ не вѣрить въ мою виновность. Скажите имъ, что совѣсть моя чиста, что я неповиненъ...

— Ничего подобнаго не скажу, — разгорячился Масей:—недоставало только оправдываться! Имъ и такъ извѣстно, что вы дѣлали все для Эдуарда, что только во власти человѣка. И я это знаю...

— Вы всегда были мнѣ другомъ,—съ чувствомъ произнесъ Конингсберъ, пожимая ему руку, — а теперь ступайте туда, умоляю васъ! Утѣшите мою бѣдную Гильду въ горѣ.

— Почему бы намъ не пойти туда вмѣстѣ?

— По многимъ причинамъ. Во-первыхъ, нога моя не должна болѣе переступить порога дома, принадлежащаго Жаннѣ Маршаль; во-вторыхъ, я хочу побыть около моего умершаго пациента. Прощайте и скажите Гильдѣ, что если она проститъ мнѣ невольное причиненное ей горе,—то я буду отчасти утѣшенъ!

— Скоро будете имѣть отвѣтъ,—замѣтилъ съ увѣренностью Масей, пожимая на прощанье руку Гарольда.

Въ домѣ на Руссель-сквэрѣ всѣ были въ недоумѣніи и тревогѣ: Жанна не возвратилась. Въ немногихъ словахъ старикъ-докторъ рассказалъ вдовѣ и Гильдѣ всѣ подробности слѣдствія, и сочувствіе обѣихъ женщинъ къ Конингсберу не могло подлежать никакому сомнѣнію. Понятно было и негодование на поступокъ Жанны.

— Одно можно сказать,—заклучилъ Масей:—напрасно не взялъ Конингсберъ заблаговременно разрѣшенія на приемъ сумашедшихъ. Это оплошность, также какъ и излишняя довѣрчивость къ Гаукинсу, относительно отмѣриванья сильныхъ лѣкарствъ, которыя находились не подъ ключемъ. Но ни то, ни другое не есть преступленіе! Жанна не прочь бы назвать его умысленнымъ убійцей съ корыстной цѣлью. Гарольдъ въ страшной тревогѣ: слѣдствіе опубликуется и повредитъ его профессиональной репутаціи. Чтѣ дѣлать? Пройдетъ нѣкоторое время—все забудется и сгладится... А если и не такъ, то я надѣюсь, Гильда, что вы поможете ему прожить счастливо и безъ профессіи. Неудача не порокъ.

— О, мое мнѣніе о немъ вамъ извѣстно!—пылко отозвалась молодая дѣвушка:—я всегда буду считать его лучшимъ и честнѣйшимъ изъ людей. Но скажите мнѣ ваше мнѣніе, докторъ: какъ думаете вы, почему умеръ Эдуардъ?

— Думаю также, какъ и Конингсберъ, что онъ нечаянно отравился. Нѣтъ причинъ подозрѣвать Гаукинса, хотя онъ и отлучался куда-то изъ дому; но особенной бѣды тутъ не предвидѣлось—вѣдь больной спалъ! Надо полагать, что во время отсутствія Гаукинса Эдуардъ проснулся и, боясь бессонницы,

хватить несоразмѣрную дозу хлорала. Конечно, вся суть въ склянкѣ съ каплями, которую не слѣдовало оставлять на виду. Ну, что сдѣлано—того не вернешь. Нечего пережевывать это на всѣ лады, — все равно не поможешь. Вы, дитя мое, напишите-ка нѣсколько теплыхъ словъ Гарольду и пошлите немедленно. Онъ не заснетъ спокойно. А мы съ мамой потодкуемъ насчетъ перевоза тѣла Эдуарда.

— Какъ Жанна беспокоитъ меня, докторъ! — сказала мистрисъ Маршэль, когда они остались вдвоемъ: — она такъ странно вела себя вчера, и почему ея до сихъ поръ нѣтъ? Давно могла бы ужъ вернуться. Не гуляетъ же она по улицамъ, пока ея брата еще не похоронили.

— Найти логичность въ поступкахъ Жанны — для меня непосильный трудъ! — сердито буркнулъ старикъ: — рѣшить, что она можетъ и чего не можетъ сдѣлать — я отказываюсь. Да и говорить много объ ней не стоить. Она сыграла невеликодушную роль въ послѣднихъ событіяхъ; горе не оправдываетъ и не объясняетъ ея злобы. Она все сдѣлала, чтобы погубить репутацію Конингсбера. Слава богу, что правосудіе не придало значенія ея гнуснымъ инсинуаціямъ насчетъ умышленнаго убійства Эдуарда! Гарольдъ справедливо говоритъ, что ему не подобаетъ переступать порогъ ея дома послѣ такихъ обвиненій. Чѣмъ скорѣе вы пожените нашу милую парочку, тѣмъ будетъ лучше.

— Врядъ ли можно скоро. Но мы рѣшили съ Гильдой, какъ только Жанна поправится, оставить ее тутъ, а самимъ уѣхать на море или на дачу и жить отдѣльно, пока можно будетъ сыграть свадьбу. Я не должна подвергать мою дѣвочку безъ крайней надобности ужасному обращенію Жанны. Гильда всегда была добра и ласкова съ ней и не заслуживаетъ такого рѣзкаго недружелюбія.

— Знаю, знаю. Съ пеленокъ знаю обѣихъ! Ревность толкаетъ безумную дѣвушку на самые неприглядные поступки.

— Зачѣмъ бы ей ревновать Гильду? — недоумѣвала старушка: — чего онѣ могли не подѣлать?

— Сердца Конингсбера не могли подѣлать, — откровенно сказалъ старый докторъ.

— Не хотите ли вы сказать, что Жанна имѣла серьезные виды на Гарольда?

— Хочу именно это сказать. Я давно замѣтилъ. Видѣлъ безуміе, которое овладѣло ею при извѣстїи о помолвкѣ Гильды... А тутъ случилась какъ нарочно катастрофа—и Гильда наследуетъ состояніе покойнаго брата!.. Часъ отъ часу не легче для шаткаго разсудка нашей психопатки — ну, и свихнулась. Будемъ надѣяться, что временно... Этимъ я до извѣстной степени объясняю ея бѣшеные поступки, но не оправдываю ихъ.

— Бѣдная Жанна!—съ участіемъ воскликнула вдова:—съ наследственнымъ предрасположеніемъ къ сумашествію. Какъ страшно за нее! Она росла дикимъ, необузданнымъ ребенкомъ; Гильду всегда обижала, возстановляла противъ нея Эдуарда. Брата же боготворила, какъ идола, а затѣмъ любила отца... и ревновала насъ къ нему! Едва ли она способна влюбиться въ когонибудь.

— А я вамъ говорю, что она уже не разъ влюблялась—сказалъ съ увѣренностью докторъ: — и убѣжденъ, что, не получая взаимности за свое чувство, сильно страдала. При ея врожденной заносчивости, при дурномъ нравѣ и необузданности—переносить такія разочарованія вдвое тяжелѣе! Смирненіе облегчаетъ человѣку жизненные толчки и неудачи, а у Жанны это качество отсутствуетъ. Однако, вернемся къ дѣлу. Сегодня вечеромъ сюда перевезутъ тѣло Эдуарда. Распорядитесь насчетъ комнаты для его приѣма. Похороны, полагаю, придется назначить дня черезъ три-четыре?

— Да, но я предпочла бы поступить въ этомъ случаѣ согласно желаніямъ самой Жанны. Надѣюсь, что она скоро вернется домой. Понять не могу—гдѣ она? Чтѣ съ ней? Пускай бы сама распорядилась относительно похоронъ!

— Хорошо, — сказалъ старый докторъ, вставая: — теперь прощайте, а завтра я заѣду опять. Поговорю съ Жанной. Боюсь, что она до того разстроитъ себѣ нервы и утомится, что не въ состояніи будетъ связать двухъ мыслей. До свиданія.

По уходѣ старика, мистрисъ Маршэль передала Гильдѣ все, чтѣ онъ говорилъ. Обѣ напряженно и тревожно прождали Жанну до сумерекъ; но солнце сѣло, бранные останки Эдуарда привезли домой и гробъ поставили въ бывшей спальнѣ покойнаго, а той, которая оплакивала его больше всѣхъ, все еще не было.

Тѣмъ временемъ, Гарольдъ Конингсберъ сидѣлъ у себя въ библіотекѣ и предавался самымъ безотраднѣйшимъ думамъ. Не смотря на ободрительныя утѣшенія доктора Маса, онъ видѣлъ, что катастрофа повліяетъ на всю его будущность и, что всего хуже, разлучитъ его съ любимой дѣвушкой. Правда, совѣсть его не упрекала, — но мистрисъ Маршэлъ, вѣроятно, придастъ значеніе общественному мнѣнію и пожелаетъ для дочери жениха съ болѣе безупречной репутаціей. Не странно ли будетъ выдать дочь за человѣка, по небрежности котораго умеръ порученный ему больной пасынокъ? Не скажетъ ли общественное мнѣніе, что это верхъ неприличія? Да, видно и карьера, и счастье его погибли безвозвратно! На слѣдующій день появится въ газетахъ подробный разсказъ о смерти Эдуарда Маршэля и отчетливо запомнится читателями... «Гарольдъ Конингсберъ!» «Помните, тотъ, который уморилъ своего пациента, небрежно смотрѣлъ за нимъ!».. Какой ужасъ! Захочетъ ли кто нибудь лѣчиться у такого врача? Развѣ станутъ входить въ подробный разборъ дѣла, вникать въ обстоятельства темнаго происшествія? Кто сдѣлаетъ различіе между несчастной случайностью и преступной небрежностью?

Къ Гаукинсу докторъ отнесся безъ злобы и, на вопросъ слуги: оставаться ему въ домѣ, или уходить? отвѣтилъ грустнѣйшимъ голосомъ:

— Зачѣмъ мнѣ держать васъ больше? И куда вы годны послѣ всего, что случилось по вашей винѣ? Вы не только недостойны довѣрія, какъ сторожъ больнаго, но еще и лжете на каждомъ шагѣ. Какъ могъ бы я поручить вамъ другаго больного? Никогда бы я не рѣшился и не имѣлъ бы права на это. Смерть мистера Маршэля—дѣло вашихъ рукъ. Вы хотъ и непредназначенно, но убили человѣка. Самое лучшее, что вы можете сдѣлать—это уйти долой съ глазъ моихъ, чтобы я забылъ о вашемъ существованіи. Если меня спросятъ о васъ—я дамъ правдивый отзывъ. Я не имѣю привычки лгать подобно вамъ.

— Вы все таки могли бы сказать, сэръ, что я не воръ и не пьяница...—возразилъ Гаукинсъ.

— Этого слишкомъ мало для слуги, которому довѣряютъ жизнь больнаго человѣка! — сурово сказала Конингсберъ:— скажу про васъ одну только правду. Полагаю, что рекомендаціей она вамъ не послужитъ.

Гаукинсъ ушелъ, а Гарольдъ, чтобы забыть свою тоску, попробовалъ читать. Вдругъ служанка доложила о желаніи миссъ Маршалъ видѣть его.

Первая мысль доктора была о Гильдѣ; онъ вообразилъ, что она явилась утѣшить, ободрить его.

— Миссъ Гильда Маршалъ?—переспросилъ онъ.

— Нѣтъ, сэръ, миссъ Маршалъ старшая, — та, которая была здѣсь утромъ. Она ходила на верхъ посмотрѣть на покойника, а теперь желаетъ поговорить съ вами, прежде чѣмъ уйти.

— Это невѣроятно, невозможно! Я не хочу видѣть ее. Скажите, что я никого не принимаю, — раздражительно проговорилъ Гарольдъ и всѣ оскорбительныя обвиненія Жанны пробѣжали въ его воспоминаніи.

— Я недолго задержу васъ!—произнесъ голосъ тихонько вошедшей въ комнату Жанны.

Служанка удалилась. Конингсберъ всталъ съ мѣста и вопросительно уставился глазами на посѣтительницу.

XI.

Жанна подошла ближе.

— У меня ключъ къ раскрытію тайны!—возбужденно начала она: — но я открою ее только при извѣстныхъ условіяхъ.

— Какія же эти условія?—освѣдомился докторъ:

— Если Гильда выдетъ за васъ замужъ,—задыхаясь, продолжала Жанна:—пусть выходитъ на свой рискъ. Я ничего не скажу, вы ничего не узнаете... Всѣ осудятъ ее... Скажутъ: вышла за убійцу своего брата... На обоихъ васъ останется несмываемое пятно до самой смерти!

— Но какое отношеніе имѣетъ это къ сообщенію о тайнѣ?—нетерпѣливо спросилъ Гарольдъ.

— Имѣетъ, и большое! Вы можете жениться на особѣ, которая все знаетъ, которая имѣетъ возможность все разъяснить, оправдать васъ передъ общественнымъ мнѣніемъ... Иная будущность предстояла бы вамъ. Свѣтъ сказалъ бы, что особа эта вышла за васъ, понимая, что вы не вповны, желая восстано-

вить вашу профессиональную честь... Что этим самымъ доказывается несчастный случай, повлекшій за собою смерть Эдуарда... что вы тутъ непричемъ... не намѣревались получить его наслѣдства черезъ женитьбу на Гильдѣ...

— Кто же осмѣлится предположить это?—крикнулъ блѣдный отъ гнѣва Гарольдъ.

— Многіе, весьма многіе. И теперь ужь предполагають! Если вы не откажетесь отъ Гильды и женитесь на ней, — то погубите и ее. Часть нареканій ляжетъ и на ея долю.

— Никогда не откажусь я отъ Гильды, — вызывающимъ тономъ заявилъ Гарольдъ.

— Ну, такъ я постараюсь, чтобы вамъ отказали. Всѣмъ роднымъ и знакомымъ безъ устали я буду твердить и повторять, что, не довольствуясь убійствомъ Эдуарда, вы хотите еще опозорить нашу семью, женившись на Гильдѣ, и получить за ней въ приданое состояніе покойнаго брата. Кончится тѣмъ, что мачиха испугается и откажетъ вамъ.

— Вѣрю, что вы способны на всякую гадость, миссъ Маршэль, но Гильда не повѣритъ вамъ. А для меня это главное. Однако, интересно знать, что было бы, еслибъ я отказался отъ вашей сестры?

— Тогда я открою вамъ всю тайну. Всѣ, всѣ узнають ее и я вознагражу васъ за все, что вы претерпѣли, за все, что потеряете. Гильда не одна на свѣтѣ! Я люблю васъ. Я богата... Я въ состояніи окружить васъ почетомъ, всѣми удобствами. Отвѣтите на мое чувство. Я такъ нуждаюсь въ нѣжной, теплой любви... въ семейныхъ привязанностяхъ! Развѣ я хуже Гильды? Многіе находятъ меня гораздо лучше. Развѣ я неспособна любить также пылко, какъ она? О, я люблю васъ больше, чѣмъ можетъ любить эта дѣвочка! Я сдѣлаю васъ счастливымъ. И тогда... тогда открою вамъ тайну... Скажу вамъ имя особы, отравившей бѣднаго Эдуарда... И вы будете оправданы... внѣ всякихъ подозрѣній. Общество вернетъ вамъ свое довѣріе и уваженіе. Гарольдъ, я съ первой встрѣчи полюбила васъ... Согласитесь на мое предложеніе, — оно повлечетъ за собою ваше счастье, богатство, почетъ; забудьте о Гильдѣ развѣ навсегда. Клянусь вамъ: если вы откажетесь жениться на мнѣ, то не бывать и ей вашей женой. Клянусь!

— И вы рѣшились предложить мнѣ такой выходъ, миссъ

Маршаль? Рѣшились бы выйти за человѣка, сердце котораго несвободно? За 'человѣка, презирающаго васъ... которому нѣтъ выбора: погибель или женитьба на васъ. Какой позоръ! Да я бы и самъ себя презиралъ послѣ этого. Нѣтъ, нѣтъ, я откажусь. Ничуть не польщенъ вашимъ предложеніемъ. Не продамъ себя. Лучше всю жизнь останусь вѣрнымъ моей любви къ Гильдѣ, хотя бы судьба и разлучила насъ. Буду утѣшаться мыслью, что она любить и вѣрить въ меня, не смотря ни на что! Ни на комъ, кромѣ нея, не женюсь... откажусь отъ руки наслѣдницы англійскаго престола. Вотъ вамъ мой отвѣтъ. Разговоръ нашъ конченъ.

— Но начнется другой! — изступленно крикнула Жанна, сверкая черными глазами:—въ моей власти или доказать вашу невиновность, или обезславить васъ, такъ что пациенты со страхомъ побѣгутъ прочь отъ такого врача.

— Довольно, довольно, миссъ Маршаль. Что въ вашей власти, и что нѣтъ—не желаю знать. Сохраните это про себя. Относительно Эдуарда совѣсть моя спокойна. Преступной небрежности съ моей стороны не было, — и еслибъ онъ въ состояніи былъ говорить, то самъ подтвердилъ бы это. Мы съ нимъ были все время пріятелями.

— Да!—вспомнила Жанна, внезапно укрощаясь:—онъ часто говорилъ мнѣ это. Онъ любилъ васъ, Гарольдъ. Въ послѣднія минуты, когда я его видѣла, онъ съ нѣжностью вспоминалъ о васъ... увѣрялъ, что провелъ счастливое время въ вашемъ домѣ. Что можетъ быть естественнѣе моего расположенія къ вамъ? У близнецовъ и симпатіи бывають одинаковы. Мы съ вами должны быть счастливы... Мой Эдуардъ обоихъ насъ любилъ при жизни. Я очень удручена, потерявъ самое дорогое существо. Постарайтесь хоть отчасти вознаградить меня, утѣшить... Попробуйте сдѣлать меня по возможности счастливой... Мнѣ недостаетъ любви, теплаго участія... Иначе я умру... чувствую, что умру... если никто не замѣнитъ мнѣ Эдуарда... Вы, Гарольдъ, можете замѣнить его. О, согласитесь! Скажите доброе слово... Сердце мое готово разорваться отъ боли.

Конингсбергъ тронулся ея страстной мольбой.

— Дорогая миссъ Маршаль, — ласково сказалъ онъ ей:— я жалѣю, что не въ моей власти исполнить ваше желаніе. Многое готовъ я сдѣлать для васъ, —но не въ этомъ направленіи.

Ободритесь, прежде всего. Вы потрясены катастрофой. Исполните мой совѣтъ: ступайте домой и поищите утѣшенія у своихъ родныхъ....

Но тутъ Жанна вскочила, какъ ужаленная, и, стоя посреди комнаты, залилась дикимъ нервнымъ хохотомъ.

— Домой? Идти домой? Гдѣ мой домъ, когда онъ, дорогой мой Эдуардъ, лежитъ въ гробу? О, да, я уйду, не безпокойтесь... И не замедлю разгласить по всей столицѣ о вашемъ доблестномъ поведеніи! Честный, безкорыстный врачъ, бравшій пятьсотъ фунтовъ за присмотръ за больнымъ Эдуардомъ... и бросившій его одного на рукахъ подлаго наемника, пока самъ забавлялся флиртомъ съ моей сестрицей! Всѣ узнаютъ объ этомъ, не сомнѣвайтесь, докторъ Конингсберъ. Мой братъ убитъ по вашей винѣ. Попробуйте жениться на Гильдѣ... Сама церковь откажется освятить вашъ преступный союзъ. Прощайте, благородный докторъ, спекулирующій на наслѣдство своихъ пациентовъ! Весь Лондонъ узнаетъ, не бойтесь! — И съ безумнымъ смѣхомъ, Жанна выбѣжала въ садикъ и скрылась за калиткой.

*Любовно,
любовно
Анни
ду эфф. доч.
ку с тт-
качку.
антена
чтн*

Конингсберъ долго сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, закрывъ лицо руками. Много бы онъ далъ, чтобы Гильда не была наслѣдницей послѣ брата! Съ какой радостью взялъ бы онъ ее безо всякаго приданого, надѣясь на свои силы и способность къ труду, — а роковое состояніе Эдуарда предоставилъ бы Жаннѣ! Но теперь отказаться невозможно — скажутъ: не удалось, такъ и играетъ комедію; представляется безкорыстнымъ... Злоязычная психопатка Жанна не преминетъ обратить его отказъ въ эту сторону. Нѣжная, ободрительная записка Гильды, которую онъ получилъ въ этотъ несчастный день, нѣсколько утѣшила его, но грозные факты безпощадно надвигались, и поддержка Гильды не въ состояніи была предотвратить ихъ.

Между тѣмъ, Жанна, въ своемъ отчаяніи и бѣшенствѣ, плохо сознавая, чтò дѣлаетъ, безцѣльно шла по дорогѣ, не обращая вниманія на направленіе и очутилась среди полей. Настали сумерки; тщетно прождали исчезнувшую Жанну махиха и сестра; привезли тѣло Эдуарда, — а ея все не было. Покойника положили въ его бывшую комнату, которую Гильда убрала цвѣтами и задрапировала бѣлой кисеей; но мистрисъ Маршалъ и Гильда не столько думали объ умершемъ, душа ко-

того навѣрно парила въ лучшемъ мірѣ, сколько объ отсутствовавшей Жаннѣ.

— Мама, подумай только, гдѣ можетъ она теперь находиться, полубезумная отъ горя? Хотя мнѣ и трудно простить ей всѣ упреки по адресу Гарольда, однако, да хранить ее Богъ отъ всякой напасти. Бѣдная сестра! Она должна ужасно страдать. Эдуардъ былъ ей также дорогъ, какъ мнѣ Гарольдъ; что было бы со мной, еслибъ я его лишилась? Я желала бы видѣть Жанну здоровой и невредимой дома.

— И я также, конечно! — согласилась мистрисъ Маршаль: — къ несчастью, Жанна никогда не думаетъ о другихъ. Тревожимся ли мы за нее, или нѣтъ, — ей и въ голову не приходитъ. Впрочемъ, она уже не въ состояніи заботиться сама о себѣ. Ея манера держать себя на слѣдствіи доказала это.

Кроткая старушка не могла еще побѣдить негодованія на Жанну за ея злобное отношеніе къ Гильдѣ и жениху; поэтому въ словахъ ея слышалась непривычная горечь. Гильда уговорила разстроенную мать пораньше лечь спать, а сама сѣла въ кресло въ комнатѣ, смежной со спальней Эдуарда. На разсвѣтъ она задремала, когда услышала тихіе стоны и рыданія, доносившіеся изъ сосѣдней комнаты.

«Это Жанна вернулась!» — подумала Гильда и на цыпочкахъ подошла къ неплотно притворенной двери.

— Дорогой, милый, неоцѣненный! — тоскливо говорилъ голосъ Жанны: — Я, я всему виновой. Я тебя убила! По моей винѣ лежишь ты, холодный и бездыханный, тогда какъ я не знаю, что дѣлать съ моей проклятой жизнью! Но я нечаянно сдѣлала это, ты знаешь, Тэдъ. По ошибкѣ... Виной всему все таки *его* небрежность. Онъ оставилъ тебя на попеченіе дряннаго чело-вѣка, а самъ ушелъ на нѣсколько часовъ изъ дому. О, родной мой, единственный братъ! Слышишь-ли ты меня? Прощаешь ли? Жалѣешь ли меня, несчастную?

«Она его убила? думала Гильда, отчетливо выслушивая весь странный монологъ сестры: — что бы это могло значить? Причемъ она въ самоотравленіи бѣднаго Эдуарда? Ужь не сошла ли она совсѣмъ съ ума отъ горя? Попробую войти и поговорить съ нею».

Разсуждая такъ про себя, Гильда толкнула дверь и вошла въ комнату. Но, взглянувъ на Жанну, она обомлѣла: вся одежда

ея была мокра и грязна, словно она только что выгбала из болота; сбитые и также мокрые волосы беспорядочными прядями висбли по плечамъ и спинб; опухше глаза, съ покраснбвшими вбками, смотрбли дико и бессмысленно. Злобный огонь блеснулъ въ нихъ, когда она взглянула на Гильду.

— Чего тебб здбсь надо? Пришла полюбоваться на дбло твоихъ рукъ?—накинулась она на младшую сестру:—видишь, онъ умеръ. Уббдись и радуйся. Онъ былъ бы живъ и теперь, еслибъ твой благородный женихъ честно исполнялъ взятыя на себя обязанности, а не таскался съ тобой по всбмъ улидамъ Лондона. И вотъ онъ умеръ, благодаря вамъ, и вы получите его наслбдство. Очень ловко! Рады вы будете получать по пяти тысячъ фунтовъ въ годъ? Съ какимъ удовольствбемъ извели бы вы и меня, чтобы захватить мое состоянб! Ненавижу я васъ, проклятыя лицембры, ненавижу ваши подпольные пути! Уйди съ глазъ моихъ. Я не отвбчаю за себя! Убью тебя, какъ вы убили моего Тэда.

Гильда въ ужасб отшатнулась, когда Жанна подступила къ ней съ угрожающими жестами; однако, врожденная доброта молодой дбвушки взяла верхъ и она рбшила отвбтить добрымъ словомъ на злобную рбчь сестры.

— Жанна, ты сама не знаешь, чтб говоришь! — тихо и сдержанно возразила она:—некого винить за смерть ббднаго Тэда. Я понимаю, какъ тебб тяжело, дорогая. Знаю, чбмъ онъ былъ для тебя. Но прошу тебя, не закрывай своего сердца отъ насъ! Я тебб сестра, хоть ты и не считала меня за родную... Позволь мнб отнестись къ тебб, какъ къ сестрб, въ тяжелую минуту испытанб. Не гони меня. Я ни слова не буду говорить, если ты не хочешь этого, но позволь мнб принести тебб чего нибудь подкрбниться и перембнить твое мокрое платье на сухое.

— Нбтъ, нбтъ! — воскликнула Жанна, хоть и въ менбе изступленномъ тонб:—ни тебя, и никого мнб не нужно. Оставь меня съ Тэдомъ. Мнб недолго осталось побыть съ нимъ!

Она настойчиво указала сестрб на дверь, и Гильда подумала, что лучше будетъ исполнить ея желанб.

— Я буду тутъ, близко,—сказала она, уходя:—если тебб чтб понадобится, Жанна, позови меня. Мы такъ безпокоились о тебб, дорогая, цблый день ждали тебя. Слава богу, что ты вернулась, наконецъ, домой!

Съ минуту постояла Гильда на порогѣ, выжидая, не скажетъ ли чего нибудь Жанна; но та прислонилась головою къ гробу и Гильда безшумно вышла изъ комнаты.

Спальня Эдуарда освѣщена была ярко свѣчами; но, когда Жанна подняла голову, ей показалось, что пламя свѣчей значительно померкло, словно на нихъ внезапно набросили газовое покрывало. Необъяснимое внутреннее чувство подсказало ей, что она не одна въ комнатѣ; напряженно взглянула она кругомъ и увидала по ту сторону гроба своего покойнаго отца. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, опершись локтями о колѣни. Въ фигурѣ его не было ничего похожаго на привидѣніе, никакого сверхъестественнаго атрибута загробнаго духа:—отецъ Жанны просто сидѣлъ, какъ сиживалъ, бывало, живой; сѣдые волосы его лежали привычными локонами, лицо не утратило своего прежняго цвѣта и выраженія, одежда была сѣраго цвѣта, а на пальцѣ правой руки виднѣлось кольцо, которое послѣ смерти отца перешло къ Жаннѣ, — но теперь надѣто было на его пальцѣ, какъ и при жизни. Виднѣній Жанна до тѣхъ поръ никогда не видала и всегда осмѣивала подобные рассказы, называя ихъ «вымысломъ старыхъ кумушекъ». Однако, сомнѣваться въ очевидности ей и въ голову не пришло въ данную минуту: передъ ней сидѣлъ никто иной, какъ ея отецъ, и она съ замираніемъ сердца не сводила съ него глазъ.

— Папа!—прошептала она съ мольбой:—зачѣмъ ты пришелъ? Чтò заставило тебя покинуть могилу? Можетъ быть, изъ-за Тэда? Хочешь сказать мнѣ что нибудь? Говори, говори! Не смотри на меня такими глазами... Ты ли это, дѣйствительно, отвѣть мнѣ?

Широко раскрытыми глазами продолжала она смотрѣть на отца и отчетливо увидала какъ губы его зашевелились и она угадала произнесенное беззвучно слово: «сознайся»!

Жанна задрожала. Если кто на свѣтѣ когда либо имѣлъ вліяніе на нее и могъ усмирить ея строптивый духъ, такъ это былъ покойный отецъ: его она любила и боялась разсердить или огорчить, увѣщанія же и совѣты другихъ людей обыкновенно вызывали въ ней упрямое раздраженіе и приводили къ обратнымъ результатамъ. Попявъ произнесенное отцомъ слово, она упала на колѣни и заплакала.

— Въ чемъ, въ чемъ мнѣ сознаться? Чѣмъ я провинилась?

Я ошиблась—и вѣкъ буду терзаться и страдать за эту ошибку!—я все, все дорогое утратила со смертью брата. Неужели мнѣ унижаться передъ тѣмъ человѣкомъ и Гильдой? Вина его. Не оставь онъ Тэда одного, не пришлось бы мнѣ давать ему лѣкарство. Чѣмъ помогу я теперь, если расскажу все какъ было? Кому въ этомъ надобность?

Она съ трепетомъ подняла снова глаза, втайнѣ надѣясь, что видѣніе исчезло, — но отецъ продолжалъ сидѣть на томъ же мѣстѣ и губы его беззвучно шептали: «сознайся»!!

Жанна растерянно перевела глаза на мертвый обликъ брата Эдуарда, и вдругъ ея сознание озарилось новымъ свѣтомъ: ея собственные поступки предстали передъ ней во всей своей неприглядной наготѣ! Она замарала свою совѣсть клеветой, ложью, подтасовкой фактовъ изъ эгоизма, личной злобы и зависти... Она ненавидѣла сестру, которая ничѣмъ, никогда не провинилась передъ ней! Невѣдомое до той поры чувство смиренія и раскаянія смягчило гордую души Жанны и она воскликнула:

— Сознаюсь, папа! Скажи, что ты любишь меня по прежнему! Я виновата, каюсь. Вы оба съ Эдуардомъ покинули меня—никого у меня не осталось на землѣ. О, я несчастная!

Лицо отца озарилось улыбкой, но губы снова прошептали: «сознайся же»!

— Обѣщаю тебѣ, клянусь! Я письменно расскажу обо всемъ, а затѣмъ уйду далеко... чтобы никто изъ нихъ не могъ ненавидѣть и презирать меня.. и буду ждать, когда соединюсь съ тобой и Эдуардомъ.

Фигура отца начала блѣднѣть и исчезать, какъ дымъ, а въ ухахъ Жанны отчетливо раздались слова: «сознайся и будь счастлива»!

Дѣвушка, вставъ съ колѣнъ, прямо направилась къ письменному столу Эдуарда и дрожащей рукой написала письмо, вложила его въ конвертъ, запечатала и надписала адресъ Гарольда Кониингсбера. Затѣмъ, оставивъ письмо на столѣ, сама тихонько сошла внизъ по лѣстницѣ и вышла изъ дому.

Утомленная и измученная Гильда поддалась въ это время дремотѣ и ничего не слыхала. Когда она проснулась, солнце было уже высоко и лучи его яркимъ снопомъ врывались черезъ окно; молодая дѣвушка, упрекая себя, вскочила съ кресла

и бросилась въ сосѣдную комнату: но ни тамъ и нигдѣ въ домѣ Жанны не оказалось. Нечаянно взглянувъ на письменный столъ въ спальнѣ Эдуарда, Гильда замѣтила запечатанное письмо, написанное почеркомъ Жанны и адресованное Гарольду, и повертѣла его въ рукахъ, спрашивая себя: — что такое могла писать сестра ея жениху послѣ своихъ показаній, позорившихъ его честь на слѣдствіи? Вѣрно снова упреки и проклятія! Но теперь было не до того: вторичное исчезновеніе Жанны казалось Гильдѣ фактомъ подозрительнымъ и важнымъ; надо было немедленно дѣйствовать. Посовѣтовавшись съ матерью, Гильда посѣщила увѣдомить обо всемъ Конингсбера и попросила его немедленно пріѣхать къ нимъ, чтобы прочесть таинственное письмо, которое, быть можетъ, прольетъ нѣкоторый свѣтъ на необъяснимое поведеніе Жанны.

Около одиннадцати часовъ пріѣхалъ Конингсберъ. Онъ казался несчастнымъ и убитымъ, и ни за что самъ не рѣшился бы пріѣхать, еслибъ Гильда не сообщила ему объ исчезновеніи Жанны и не просила бы его помочь въ затрудненіи. Молодые люди встрѣтились задушевно, — Гильда старалась ободрить жениха и поддержать его угнетенную энергію, дать ему понять, что еслибъ весь свѣтъ возсталъ противъ него, то это не можетъ измѣнить ея чувствъ къ нему. Она рассказала ему подробно о всѣхъ поступкахъ Жанны и попросила его поскорѣе прочесть таинственное письмо. Гарольдъ вскрылъ конвертъ и началъ читать письмо; по мѣрѣ чтенія, лицо его прояснялось.

— Она объяснила катастрофу самымъ неожиданнымъ образомъ! — воскликнулъ онъ — и прочелъ вслухъ слѣдующія строки:

«Любезный докторъ! Я чувствую потребность сказать вамъ правду. Эдуардъ призываетъ меня къ себѣ, но я не могу покинуть этотъ міръ раньше, чѣмъ не покаюсь въ своемъ невольномъ грѣхѣ. Я убила брата. Онъ казался нервнымъ и безпокойнымъ въ вечеръ четвертаго іюня и попросилъ меня дать ему сонныхъ капель. Я отыскала ихъ на комодѣ въ комнатѣ Гаукинса и спросила брата — по сколько капель онъ принимаетъ это лѣкарство. Узнавъ, что ему даютъ по полной рюмкѣ, я налила изъ склянки столько же и дала ему выпить. Когда я узнала, что бѣдняга умеръ, я страдала невыразимо! Думаю,

что во время пытки человекъ долженъ такъ страдать. Я, я,— которая любила его больше всего на свѣтѣ, — я же и убила его! Но я взбѣшена была вашимъ поведеніемъ, докторъ, и поклялась отомстить вамъ. Вотъ почему я обвинила васъ въ небрежности и въ преступномъ корыстолюбіи—въ чемъ теперь искренно раскаиваюсь. Надѣюсь, что мои показанія не слишкомъ повредили вамъ; — но разрѣшаю вамъ опубликовать это письмо. Скажите мамѣ, что покойный отецъ являлся мнѣ и приказалъ сообщить вамъ всю правду; скажите, что съ отцомъ и Эдуардомъ я буду счастливѣе, чѣмъ на землѣ. Привѣтствую всѣхъ васъ. Жалѣю, что не оставлю по себѣ лучшей памяти. Правосудіе божіе все разъяснитъ. Когда будете вспоминать обо мнѣ—думайте, что я искренно раскаялась во всемъ. Преданная вамъ *Жанна Маршэль*».

— Надо бѣжать, не теряя минуты! — тревожно заявилъ дамамъ Конингсберъ.

— Куда? Зачѣмъ?—спросила вдова:—какія мысли пришли вамъ въ голову?

— Боюсь за безумную дѣвушку! — отвѣчалъ Гарольдъ:— хочу попытаться спасти ее. Въ случаѣ крайности, подыму на ноги полицію. Необходимо отыскать ее сейчасъ же!

— Гарольдъ,—встревожилась Гильда:—не думаете ли вы, что Жанна рѣшилась покончить съ собой?

— Инаго значенія ея словамъ я придать не могу. Мозгъ ея и такъ не крѣпокъ, а при послѣднемъ горѣ совсѣмъ можетъ свихнуться. Не тревожьтесь, однако, раньше времени. Постараюсь отыскать ее и помѣшать ея планамъ. Надѣюсь привезти ее домой невредимой. До свиданія.

Четверть часа спустя, онъ сдѣлалъ сообщеніе полиціи, и во всѣ стороны полетѣли телеграммы съ примѣтами Жанны, а черезъ часъ выяснилось, что ее видѣли на дорогѣ въ Айльворсъ. Нельзя не замѣтить, что это извѣстіе тронуло сердце Конингсбера. Какой мужчина не пожалѣетъ женщину, безумствующую вслѣдствіе любви къ нему?..

«Она вѣрно надѣялась еще разъ увидеть меня!—подумалъ онъ: — бѣдная дѣвушка! При всемъ своемъ отчаяніи, она еще думаетъ о своей любви ко мнѣ. Пишетъ, что искренно раскаивается въ своихъ поступкахъ... Если я, за эту любовь, спасу ее теперь отъ самой себя,—то сдѣлаю съ большимъ удоволь-

ствіемъ. Поѣду со слѣдующимъ поѣздомъ въ Айльворсъ—авось перехвачу ее на дорогѣ»...

Такъ онъ и сдѣлалъ. На станціи, близь своей дачи, Гарольдъ разспросилъ полицейскаго, видѣвшаго Жанну рано утромъ.

— Молодая особа въ черномъ испачканномъ платьѣ?— объяснялъ полицейскій на разспросы Гарольда:— видѣлъ я такую особу въ десять часовъ, сэръ. Она шла, какъ потерянная, разговаривая тихонько сама съ собой. Я спросилъ: не надо ли ей чего?—а она отвѣтила, что это ни до кого не касается, что она спѣшитъ къ отцу и къ брату, и что никто не долженъ задерживать ее. Я больше не вмѣшивался, она и пошла верхней дорогой, сэръ—при этомъ полицейскій указалъ на поля,—и я потерялъ ее изъ виду. Шла она тихо и едва ли успѣла далеко уйти. Благодарю васъ, сэръ,—закончилъ онъ, опуская данную Гарольдомъ монету въ карманъ:—разсчитывайте на меня, если встрѣтится надобность.

Конингсберъ, не теряя времени, быстрыми шагами направился въ сторону, указанную полицейскимъ, въ надеждѣ догнать Жанну, и уговорить ее вернуться домой. Вскорѣ онъ, дѣйствительно, узналъ ея фигуру на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень впереди. Умѣривъ шаги, онъ сталъ слѣдовать за нею, не теряя ее изъ виду.

Несчастливая дѣвушка шла тихо, понуривъ голову, пока не достигла группы деревьевъ, окружавшихъ небольшое болото, не пересыхавшее даже въ жаркую погоду; здѣсь она остановилась, зашла за деревья и вдругъ исчезла. Гарольдъ опрометью кинулся къ ней и подоспѣлъ какъ разъ во время, чтобы вытащить ее изъ воды, куда она бросилась, желая покончить съ собою. Утопиться въ неглубокомъ, грязномъ болотѣ, было, разумѣется, не такъ легко, но при настойчивомъ желаніи можно было захлебнуться и ужъ во всякомъ случаѣ простудиться, ложась въ тину. Гарольдъ, вытащивъ ее, посадилъ на сухое мѣсто поодаль. Дѣвушка съ непріязненнымъ удивленіемъ осмотрѣла неожиданнаго спасителя и проговорила усталымъ голосомъ:

— Вы поклялись не давать мнѣ покою? Рѣшились безъ конца преслѣдовать меня? Я ищу успокоенія, хочу соединиться съ отцомъ и дорогимъ братомъ, а вы мѣшаете мнѣ? Какое

вамъ дѣло? О, вы жестокой человѣкъ! Не довольно вамъ того, что я во всемъ созналась и васъ оправдала? Мало вамъ моей исповѣди, моего покаянiя? Хотите снова заставить меня страдать?

— Нѣтъ, Жанна! Не дѣлайте этого. Напротивъ, я хочу вернуть вамъ спокойствiе и счастье, — убѣдительно возразилъ Конингсберъ. — Выслушайте меня. Соединившись преждевременно и самовольно съ вашими отцомъ и братомъ, вы не найдете спокойствiя. Надо подчиниться божьей волѣ и смиренно нести свой крестъ до конца. Не берите грѣха самоубiйства на душу. Подумайте немножко о насъ: о вашей мачихѣ, сестрѣ и обо мнѣ также! Каково было бы намъ, еслибъ вамъ удалось умереть насильственной смертью?...

— О васъ также? — повторила Жанна, глядя на Гарольда грустными глазами: — но вѣдь вы не любите меня! Вы сами сказали... Вы меня навѣрно презираете за мое признанiе и за мои показанiя слѣдователю... Смерть моя послужить только въ пользу вамъ и Гильдѣ... я не буду больше стоять вамъ поперекъ дороги... не буду въ состоянiи больше вредить вамъ...

— Жанна, бѣдная, какъ вы ошибаетесь! Какъ вы дурно судите обо мнѣ! — горестно воскликнулъ Гарольдъ: — я признателенъ за вашу любовь, — надо быть извергомъ, чтобы презирать за это! — не моя вина, что я уже раньше отдалъ сердце другой. Я жалѣлъ васъ, дорогая, жалѣлъ, что не могу отвѣтить вамъ взаимностью. И ваша мачиха, и сестра Гильда — любятъ васъ и жалѣютъ, вѣрьте мнѣ; удѣлите только имъ мѣстечко въ вашемъ сердцѣ — и вы поймете это! Вы напугали ихъ, Жанна, онѣ не смѣютъ сдѣлать перваго шага, не говорятъ о своей любви къ вамъ, зная, что встрѣтятъ отпоръ и недружелюбiе. Онѣ знали, что Эдуардъ одинъ занималъ все ваше сердце, что имъ нѣтъ тамъ мѣста. Еслибы вы знали, какъ онѣ беспокоятся теперь о васъ! Чего — чего только онѣ не передумали!...

— Беспокоятся?.. обо мнѣ?.. — недовѣрчиво спросила Жанна.

— Мы всѣ трое страшно беспокоились и воображали всякiя несчастья! И случилось бы несчастье, еслибъ я случайно не подоспѣлъ во-время... Зачѣмъ бросили вы насъ? Почему не попробовали выплакаться на груди вашей смиренной и доброй мачихи? Или вы думаете, что она не отнесется сочувственно къ вашему большому горю?

— Для нихъ Эдуардъ былъ постороннимъ человѣкомъ!— упрямо возразила дѣвушка:— живъ онъ или умеръ, имъ все равно.

— Не правда, Жанна. Это все ваши фантазіи. Онѣ очень огорчены его смертью. А, главное, въ тревогѣ за васъ. Вѣрите вы мнѣ? Послушаетесь ли вы моего совѣта?

— Какого совѣта?—прошептала она.

— Вы сдѣлали мнѣ великую честь, Жанна, признаніемъ въ любви. Сдѣлайте еще большую: повѣрьте, что я преданъ вамъ, желаю вашего счастья, хочу спасти васъ отъ самой себя!.. Послѣдуйте же моему совѣту... исполните мою просьбу...

— Хорошо... — чуть слышно отвѣтила она дрогнувшимъ голосомъ. Строптивая и полубезумная дѣвушка была покорена. Чувства ея, не знавшія ни въ чемъ мѣры, начинали уравновѣшиваться; въ сознаніе проникъ неожиданный лучъ свѣта.

— Такъ слушайте! — твердо и новеллетельно сказалъ Гарольдъ, дружески повертывая сумрачное лицо Жанны къ себѣ:— отнынѣ вы моя сестра и я, какъ старшій братъ, приказываю вамъ немедленно вернуться со мною домой.

XII.

— Домой? Не могу!..—вдрогнула Жанна:—онъ тамъ! Мой дорогой, незабвенный Эдуардъ тамъ, а я убила его. Вы вѣдь знаете теперь, что я, я его убійца. Какъ мнѣ взглянуть на него? Какъ жить съ такимъ сознаніемъ? О, Эдуардъ, братъ мой!— Закрывъ лицо руками, Жанна неутѣшно зарыдала. Также твердо и властно продолжалъ говорить Гарольдъ.

— Вы заблуждаетесь, Жанна: вы не убили его.

Она съ изумленіемъ подняла голову.

— Какъ не убила? Или вы не прочли моего письма? Или не поняли? Онъ попросилъ меня дать ему сонныхъ капель, а я, проклятая, налила ему изъ пузырька полную рюмку, воображая, что такъ и слѣдуетъ!

— Знаю. Я прочелъ ваше письмо. Но все таки вы не должны обвинять себя въ убійствѣ. Вы сдѣлали роковую ошибку—и только. Это несчастье, но не преступленіе. Ни вы, ни я не убивали бѣднягу. Господь рѣшилъ призвать къ себѣ Эдуарда, а васъ выбралъ для этого орудіемъ. Можетъ быть,

этимъ путемъ онъ желалъ спасти и брата, и сестру... какъ знать? Велико ваше горе, вѣрно, но въ будущемъ вы можете еще испытать много счастливыхъ дней.

— Я? Могу быть счастлива? О, никогда, никогда!

— Счастливыхъ людей вообще мало на землѣ, Жанна. Но если мы постараемся находить утѣшеніе въ счастіѣ близкихъ, то не будетъ ли и это подобіемъ личнаго счастья? Въ самоотверженіи есть доля высшаго блаженства, испытывать которое дано не всѣмъ.

— Кто мои близкіе на землѣ, когда Эдуарда нѣтъ больше?!— съ отчаяніемъ произнесла Жанна.

— Какъ кто? — строго и внушительно продолжалъ Гарольдъ: — у васъ есть сестра и мачиха. Вы шли по ложному пути въ жизни, Жанна; вы съ предубѣжденіемъ и злобой относились къ двухъ хорошимъ и неповиннымъ личностямъ. Можеть быть, Провидѣніе отняло у васъ Эдуарда, чтобы сблизить васъ съ обиженными вами родственниками. Онѣ ждутъ только вашего знака, чтобы раскрыть вамъ любящія объятія я знаю это! Вѣдь вы любили вашего отца; подумайте, каково ему смотрѣть на ваше отношеніе къ его вдовѣ и дочери? Когда послѣ дорогаго покойника остается собака, то и ее мы ласкаемъ и бережемъ въ память о немъ!.. Неужели вы не можете также относиться ко вдовѣ вашего отца и къ Гильдѣ, которую онъ любилъ наравнѣ со своими старшими дѣтьми?

— Да, отецъ сердится на меня, я знаю!— съ убѣжденіемъ отозвалась Жанна: — кабы вы видѣли его прошлой ночью... Такой онъ былъ печальный, строгій, важный! Я никогда не думала, что мертвые возвращаются на землю—но собственными глазами видѣла его. Сомнѣнія не можеть быть. Я создалась въ своемъ грѣхѣ,—какъ онъ мнѣ приказалъ,—но видѣть его вторично не дай Богъ.

— Не говорите такъ. Въ другой разъ онъ съ улыбкой благословилъ бы васъ, не сомнѣвайтесь. Итакъ, исполните мою просьбу, пойдите со мной домой!

— Чтобы выслушивать упреки мамы и Гильды? Нѣтъ, ужъ избавьте. Этого я не вынесу. Пойдемте куда нибудь, только не домой. Мало ли куда можно идти?

— Только и можно идти домой!—рѣшительно сказалъ Гарольдъ:—во-первыхъ тѣло Эдуарда лежитъ еще тамъ и ждетъ

вашего прощальнаго привѣта передъ погребеніемъ. Какъ знать, гдѣ теперь витаетъ его душа и не поражена ли вашимъ отсутствіемъ изъ роднаго дома? Гильда убрала комнату Эдуарда, а вы, родная сестра его, пропали безъ вести, словно вамъ и дѣлать ни до чего. Во-вторыхъ, ваша мачиха и сестра въ ужасной тревогѣ за васъ. Чтѣ скажете вы отцу, — когда Господь допуститъ ваше свиданіе съ нимъ, — относительно вашего обращенія съ тѣми, кого онъ любилъ и кто любитъ васъ въ память о немъ? Вы упрямо отталкиваете ихъ. Онѣ готовы любить васъ; стѣдитъ только вамъ захотѣть этого! Онѣ запуганы вашимъ обращеніемъ, повторяю. Въ-третьихъ, вы обѣщали исполнить мою просьбу, принять мой братскій совѣтъ, вѣрить мнѣ... Встаньте! Пойдемте со мной!

Онъ говорилъ авторитетно, хотя и ласково — и Жанна покорно встала, оперлась о твердую руку новаго друга, и оба пошли по дорогѣ въ городъ. Нанявъ первый попавшійся кабъ, Гарольдъ благополучно привезъ Жанну домой. Тамъ онъ передалъ ее на попеченіе Гильды со словами:

— Вотъ ваша сестра, Гильда. Позаботьтесь о ней; я скоро навѣщу ее. Лишнее говорить, что она сильно нуждается въ нашихъ заботахъ и попеченіяхъ.

Входя по лѣстницѣ вверхъ, Жанна опиралась на Гильду, кака безпомощный ребенокъ. Въ это время мистрисъ Маршэлъ въ удивленіи говорила своему будущему зятю:

— Какъ благодарить васъ за Жанну, Гарольдъ? Не могу постичь, какимъ чудомъ удалось вамъ привезти ее. Впрочемъ, — увы! — полагаю, что это ненадолго: если она забрала въ голову убѣжать изъ дому, то исполнить свою волю такъ или иначе.

— Этого я больше не боюсь, — сказалъ Гарольдъ, — она мало-по-малу приходитъ въ себя и безуміе въ ней побѣждено. Боюсь только, не простудилась ли она. Шутка сказать, сколько времени не смѣняетъ сыраго платья и мокрой обуви! Пожалуй, это не пройдетъ даромъ. Больше всего я опасуюсь коллапса послѣ такого страшнаго нервнаго возбужденія.

— Ахъ, Боже мой! Помогите ей, Гарольдъ. Бѣдная Жанна! — съ неподдѣльнымъ участіемъ воскликнула вдова.

— Съ вашего позволенія, я останусь здѣсь ночевать; по-

смотрю, что будет на утро. Мы съ Жанной заключили союзъ дружбы: нѣтъ худа безъ добра!

Между тѣмъ, Жанна съ трудомъ взбиралась по лѣстницѣ, опираясь на Гильду, и печально проговорила;

— Полагаю, что ты не слишкомъ рада моему возвращенію, Гильда...

— О, милая Жанна, какъ можешь ты думать это?—возразила Гильда. И я, и мама рады, что ты вернулась, и благодаримъ Бога, что ничего худаго не случилось съ тобой. А теперь будь умницей: лягъ въ постель и не вставай, пока хорошенько не отдохнешь. Ты очень утомлена. Опирайся крѣпче: — я сильна, не бойся, — а то упадешь; видишь, какъ ты ослабѣла!

На самомъ дѣлѣ хрупкой Гильдѣ нелегко было поддерживать и тащить высокую и полную Жанну; но она и виду не показала, что ей тяжело, и довела ее до верху. Тутъ Жанна сама направилась въ комнату Эдуарда и вдругъ удивилась:

— Онъ... все еще здѣсь?..

— Конечно, дорогая! Неужели мы похоронили бы его безъ тебя? Какъ же это можно? Посмотри, какое у него спокойное и красивое лицо! Онъ покончилъ съ земными бѣдствіями и горестями. Ему теперь хорошо.

— Ахъ, я не могу смотрѣть на него. Я вѣдь убила его, Гильда. Онъ упрекнетъ меня. Отъ этого я и обезумѣла, отъ этого и убѣжала изъ дому... Сердце мое болитъ, Гильда! Лучше бы я и себя убила...

— Слава богу, что не убила! Мы бы оплакивали двухъ вмѣсто одного,—со слезами въ голосъ отвѣчала младшая сестра.

— Неужели и меня оплакивали бы? — спросила Жанна, машинально проходя къ себѣ въ комнату и позволяя сестрѣ раздѣть себя. Успокоивая и лаская ее, Гильда уложила ее въ постель и понесла добрыя вѣсти матери и Гарольду.

Гарольдъ навѣстилъ Жанну съ вечера и остался доволенъ состояніемъ ея здоровья: пульсъ бился ровнѣе и спокойнѣе; можно было надѣяться, что послѣдствій простуды не будетъ и слишкомъ большого упадка нервной дѣятельности не предвидѣлось. День она пролежала по настоянію доктора—погребеніе тѣла отложили еще на сутки. Утромъ, въ назначенный день, Жанна спросила Гильду:—закрытъ ли уже гробъ?

— Нѣтъ еще, дорогая!

— Помоги мнѣ одѣться, — я хочу пребыть съ нимъ послѣдніе часы.

Съ неожиданнымъ возбужденіемъ она одѣлась и быстро прошла въ комнату брата, въ то время какъ Гильда послѣдно телеграфировала Конингсберу, опасаясь новаго потрясенія не окрѣпшимъ еще нервамъ сестры. Немедленно пріѣхавшій Гарольдъ успокоилъ ее, объяснивъ, что волненіе для Жанны неизбежно, пока время мало-по-малу не успокоитъ ея окончательно. Возврата безумныхъ поступковъ, по его мнѣнію, нечего было опасаться. Онъ былъ правъ. Жанна простилась съ братомъ, проводила его до могилы вмѣстѣ съ мачихой и сестрой, горевала и страдала, но разумъ больше не покидалъ ея. Гарольдъ пріобрѣлъ надъ ней сильное, непостижимое вліяніе; она покорялась его предписаніямъ и совѣтамъ, какъ послушное дитя, и позволила послѣ похоронъ снова уложить себя въ постель на нѣсколько дней. Какая работа происходила въ это время въ ея головѣ — трудно сказать и прослѣдить; но фактъ останется фактомъ: Жанна за эти дни окончательно переродилась нравственно.

Рѣшено было, что какъ только она поправится и окрѣпнетъ, то мачиха, Гильда и Жанна поѣдутъ втроемъ — совершить путешествіе и пробудутъ на континентѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Гарольдъ совѣтовалъ проѣхать въ Италію или Испанію, надѣясь на благотворное вліяніе полной перемѣны обстановки для возстановленія нервной системы Жанны.

Итакъ, дамы дѣятельно готовились къ дорогѣ, когда разъ Жанна сказала Гильдѣ:

— Гильда, неужели вы съ мамой серьезно рѣшили сопутствовать мнѣ за границу?

— Чтѣ за вопросъ, Жанна? Совершенно серьезно и, видишь, уже укладываемся. Гарольдъ говоритъ, что это необходимо для твоего здоровья.

— Какъ же разстанешься ты съ Гарольдомъ на такой долгій срокъ?

Гильда смутилась. Между сестрами ни разу еще не затрогивался этотъ вопросъ послѣ похоронъ брата. Однако, невѣста доктора отвѣчала откровенно:

— Мнѣ будетъ грустно, сознаюсь; но твое здоровье прежде всего.

— Ты нисколько не хитришь, не притворяешься, дѣвочка?— съ остаткомъ подозрительности спросила Жанна; но тотчасъ же превозмогла себя и съ чувствомъ продолжала: — не увѣрай. Знаю, что ты добра и искренна. Я виновата передъ мамой и тобой, а вы меня любите, какъ родную! Я не стою этого. Ради меня ты разстанешься на неопредѣленное время съ женихомъ... Понимаю, дитя, что это жертва немалая... Значить, ты любишь меня немножко?

— Не немножко, а очень! Не сестра ли ты мнѣ, Жанна? Зачѣмъ вспоминать прошлое? Ты ошибалась и сама страдала,— теперь мы всѣ трое любимъ другъ друга. Я тебѣ нужна и ѣду съ тобой. Мои личные дѣла откладываются.

— Да, ты мнѣ нужна, дѣвочка. Но жертвы съ твоей стороны я все таки не стою.

— Жертвы и нѣтъ. Мы съ мамой охотно поѣдемъ съ тобой. А стоишь ли ты, или нѣтъ—это ужь предоставь судить намъ.

Нѣжный поцѣлуй подкрѣпилъ слова Гильды и Жанна ласково отвѣчала на него.

— Гарольдъ будетъ скучать безъ тебя...—продолжала настойчиво Жанна.

— Мы будемъ переписываться. Кромѣ того, ему надо позаботиться завести себѣ практику...—Гильда осѣклась.

— Которая очень убавилась, благодаря мнѣ?—храбро закончила Жанна.—Гильда, я постараюсь поправить мою вину. Когда пріѣдетъ Гарольдъ, приведи его ко мнѣ. Я хочу переимѣнить лѣкарство... поговорить съ нимъ насчетъ моего здоровья...

— Тебѣ хуже, дорогая?—встревожилась Гильда.

— Нѣтъ, не бойся. Только слаба я, дѣтка, и физически, и нравственно разбита. Гарольдъ поможетъ мнѣ, я не сомнѣваюсь.

Какъ только явился Кониингсберъ, Гильда немедленно послала его въ комнату Жанны. Докторъ предпочелъ бы повидать Жанну въ присутствіи своей невѣсты; щекотливое объясненіе было ему памятно, и онъ немного побаивался своенравной дѣвушки; но настаивать на этомъ находилъ неловкимъ и, скрѣпя сердце, поднялся въ спальню старшей сестры.

— Я хочу поговорить съ вами о предполагаемомъ путе-

шествіи, — начала Жанна послѣ обмѣна привѣтствій, — мнѣ непріятно увозить Гильду надолго изъ Англіи.

— Какой вздоръ! Главное дѣло—ваше здоровье. Путешествіе несомнѣнно принесетъ вамъ пользу. Теперь вы убѣдились, что мама и Гильда любятъ васъ?

— О, да! Оттого я и хочу подумать о нихъ... не стѣснять ихъ по возможности. Я готова путешествовать, но... съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ? Если возможно, все будетъ исполнено по вашему желанію.

— Мое условіе вотъ какое: прежде вы обвиняетесь съ Гильдой и мы поѣдемъ всѣ вмѣстѣ!

На всѣ доводы Гарольда у Жанны нашелся отвѣтъ, и Кюнингсберу пришлось уступить.

— Еще одна просьба... — въ заключеніе сказала Жанна, смущенно опуская глаза:—общайте мнѣ, Гарольдъ, дорогой братъ мой, никогда не рассказывать Гильдѣ... знаете... о томъ объясненіи между нами...

— Обѣщаю, Жанна. Эта тайна останется между вами и мной!—Онъ нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ:—я горжусь этой тайной... сознаюсь, что польщенъ былъ и тогда.. и навѣрно отвѣтилъ бы взаимностью, еслибы...

— Хорошо, что было «еслибы» и что вы не отвѣтили!—весело сказала Жанна:—пожалуй, въ настоящую минуту, я бы пожалѣла, что поспѣшила признаніемъ...

— Можетъ быть. Однимъ словомъ: что ни дѣлаетъ Богъ, все къ лучшему! А тайну я сохраню свято, будьте увѣрены.

Изъ подъ вѣнца молодые, въ сопровожденіи мистрисъ Маршэль и Жанны, отправились за границу на неопредѣленное время.

Падчерица кроткой старушки не измѣнила своимъ благимъ намѣреніямъ и такъ ласково обращается съ мачихой, что Гильда, шутя, говоритъ мужу:

— Жанна заняла мое мѣсто возлѣ мамы. Мама и не замѣтитъ, вернувшись въ Англію, что ей подмѣнили дочку.

— Да, мама согласилась жить съ Жанной: обѣимъ будетъ хорошо. Я думаю навести Жанну на мысль—устроить пріютъ для бѣдныхъ сиротъ. Это займетъ ее умъ и дастъ пищу ея одинокому сердцу.

— Отлично придумано, — одобрила Гильда. — Но подумай, Гарольдъ, какая удивительная переменна произошла въ нашей Жаннѣ! Кто бы узналъ въ ней прежнюю злопамятную, сумасбродную психопатку?

— Да, бываетъ!.. — задумчиво отвѣчалъ Конингсберъ: — припадки острой психопатіи иногда проходятъ послѣ рѣзкаго переворота въ жизни. Да и какъ съ точностью опредѣлить границу между вполне здоровымъ человѣкомъ и психопатомъ? Всѣ мы подчасъ бываемъ психопатами. Проживетъ наша Жанна не хуже другихъ. Благодаря Бога, настоящее помѣшательство не передалось ей по наслѣдству. Для насъ съ тобой, дорогая, тяжкія испытанія кончились благополучно. Забудемъ прошлое и будемъ наслаждаться счастьемъ настоящаго!

Конецъ.

Весною.

И хмурыя, черныя, влажныя тучи,
И громъ надо мною,
И вѣтра порывъ, молодой и могучій,—
Люблю я весною.

И небо, что послѣ грозы синевою
Блится, ликуя,
И дышетъ отвагой и лаской живою,—
Весною люблю я.

И говоръ ручья, что прозрачной, игривой
И звонкой струею
Бѣжитъ по корнямъ зеленѣющей ивы,—
Люблю я весною.

И пѣніе птицъ—все смѣлѣй и смѣлѣе,—
И звукъ подѣлуя,
Подъ вечеръ, въ глубокой и темной аллеѣ,—
Весною люблю я.

И свѣтлыя, чистыя, нѣжныя краски
Стыдливой зарею,
И въ воздухъ лепетъ чарующей ласки
Люблю я весною...

Г. Арищенко.

НА ИСТОРИЧЕСКІЕ МОТИВЫ.

Фантазія.

I.

Величественно-широкая рѣка тихо катитъ свои мутныя волны. Воздухъ, еще сильно нагрѣтый знойнымъ солнцемъ, дрожитъ и струится; но уже начинаетъ чувствоваться живительная прохлада, которая какъ бы пробуждаетъ къ жизни все живое, притаившееся днемъ отъ раскаленныхъ лучей бога Ра, которые, какъ стрѣлы, впиваются и въ эту чудную, царственную рѣку, и въ окружающія поля, живущія ея влагой и богатыя жатвой, и въ храмъ съ его колоссальными статуями, сфинксами и обелисками, которые ужъ много лѣтъ безстрастно глядятъ на смѣняющія другъ друга поколѣнія, и въ городъ на другомъ берегу рѣки, гдѣ жгутъ одинаково и хижину рыбака, пріютившуюся около каменной пристани, и роскошный царскій дворецъ, окруженный чуднымъ садомъ съ искусственными прудами и спрятавшимися между пальмъ бесѣдками. Всѣ равны передъ его божественными лучами.

Вотъ на террасу главнаго дворцоваго корпуса вышли три человѣка подышать вечерней прохладой; то были: царь съ верховнымъ жрецомъ Амона-Ра, бога боговъ, и съ другимъ сановникомъ—«ближнимъ другомъ царя». Царь еще молодъ, въ немъ нѣтъ еще той увѣренности, которая необходима для управленія великимъ царствомъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ своего отца; лицо его грустно и озабочено, тогда какъ лица его спутниковъ скорѣе дышатъ ненавистью и злобой, чѣмъ грустью. При видѣ пышныхъ полей, окружавшихъ городъ, и громадныхъ стадъ, которыя гнали къ вечеру съ пастбищъ, во взорѣ верховнаго

жреца молніей сверкнула злоба, и онъ опустилъ глаза, какъ бы не желая смотрѣть на что-то слишкомъ для него тяжелое.

— Владыка и господинъ, — обратился къ царю сановникъ, какъ бы продолжая начатый раньше разговоръ, — согласись на просьбу нашу; уста наши передаютъ тебѣ, могучему покровителю, не наши мысли, а вопль всѣхъ сыновъ страны Кеми. Посмотри на царство твое: великій богъ, отецъ твой, посылаетъ урожай и богатство странѣ нашей, но развѣ сыны ея богатѣютъ отъ этого? Оглянись на эти поля, на эти стада, — чьими были они, чьими должны онѣ быть и кто владѣетъ ими? Сказать стыдно — бродяги, жадные, безжалостные пастухи-евреи, которыхъ мы же отогрѣли на своей груди, когда они были нищими и бездомными, и которые, пользуясь иноземнымъ владычествомъ, тяготѣвшимъ столько лѣтъ надъ страпою, оплатили намъ тѣмъ, что впились въ насъ, какъ ржавчина впиивается въ желѣзо, какъ хищный паукъ впиивается въ беззащитную муху! Они забрали въ залогъ всю лучшую землю; лучшія стада принадлежатъ имъ сундуки ихъ ломаются отъ нашихъ драгоценностей, а истинные сыны Кеми бѣдѣютъ, все болѣе и болѣе запутываясь въ сѣтяхъ жадныхъ, презрѣнныхъ пришельцевъ. Царь, услышь народъ свой, прикажи изгнать ихъ! — Мало того — раздался пріятный металлическій голосъ верховнаго жреца: — они не довольствуются властью богатства, имъ хочется власти духовной надъ нашей страной, и для достиженія этихъ цѣлей нѣтъ преступленія, котораго бы они не совершили. Воспитанный вмѣстѣ съ тобой, царь, и обласканный твоею милостью еврей до того зазнался, что требуетъ назначенія его жрецомъ! Ты отказалъ, царь, но они хотятъ запугать тебя: они убиваютъ потихоньку первенцовъ нашихъ, и ихъ святотатственная рука поднялась и на сына твоего. Ты не вѣришь намъ, ты думаешь — что это богъ поразилъ дѣтей нашихъ, но убійца царевича я разыскалъ, и они заперты въ подземельяхъ храма. Царь, ты колеблешься, ты хочешь уступить этимъ презрѣннымъ, но не забудь, что передъ богомъ ты отвѣчаешь за свой народъ. Царь! Аманъ-Ра, богъ боговъ, хочетъ изгнанія нечестивыхъ!

— Велика отвѣтственность моя передъ богомъ, — тихимъ груднымъ голосомъ отвѣтилъ царь. — Я вѣрю вамъ, мои ближайшіе совѣтники, но я хочу вѣрить также и тѣмъ, кого я люблю, съ кѣмъ я выросъ и къ кому привыкъ. Хорошо, пусть

свершится воля отца моего, Амона-Ра; я даю повелѣніе объ изгнаніи этого племени, но тотъ, съ кѣмъ я выросъ, равенъ намъ по образованію и по воспитанію; я люблю его и вѣрю ему, и онъ одинъ останется у насъ!—Злая усмѣшка искривила ротъ стараго жреца. — «Онъ самъ не останется одинъ», — прошепталъ старикъ; но царь уже не слышалъ его; онъ задумался, глядя на заходившее солнце.

Черезъ три дня, по направленію къ пустынѣ, двигалась толпа, — громадная толпа, съ повозками и стадами, съ женами и дѣтьми. Лица этихъ людей были мрачны; шумъ, говоръ и брань раздавались отовсюду; сзади двигался военный отрядъ; полный порядокъ царилъ въ немъ и на смуглыхъ лицахъ играла улыбка удовлетворенія, а жители городовъ и деревень, попадавшихся на пути, съ бранью и хохотомъ встрѣчали кочующую толпу и обмѣнивались криками радости съ шедшими сзади воинами.

А впереди изгнанниковъ, на великолѣпномъ верблюдѣ, ѣхалъ мужчина съ пронзительными умными глазами, метавшими искры ненависти на встрѣчныхъ жителей, — и человекъ этотъ былъ другъ дѣтства царя...

II.

Чудное синее небо и чудное синее море, окаймленное, какъ бордюромъ, изумруднымъ берегомъ; а изъ этой зелени, какъ стыдливая купальщица, выглядываетъ бѣлоснѣжная мраморная вилла. Солнце уже взшло и ласковой улыбкой мягко охватило весь идиллически-спокойный ландшафтъ. Изъ этойвиллы, такой мирной на видъ, исходятъ и милость, и гнѣвъ почти на весь міръ. Въ просторной комнатѣ, украшенной фресками и живописью, на золоченомъ креслѣ сидитъ императоръ. Вотъ уже около часу выслушиваетъ онъ докладъ патриція въ окаймленной пурпуромъ тогѣ. Глаза патриція бѣгаютъ; онъ не смотритъ на своего повелителя, но голосъ его звучитъ страстностью и надеждой: до сихъ поръ просьбы его исполнялись, да и что за дѣло кесарю до бѣднаго, жалкаго народа, затеряннаго гдѣ-то тамъ далеко, въ Палестинѣ?

Но брови кесаря хмурятся; онъ уже почти не слушаетъ доклада; въ головѣ его слагается рѣшеніе, а по лицу видно,

что онъ умѣеть повелѣвать. — Довольно! — заговорилъ кесарь, — тебя околдовали эти хитрые посланцы, я не узнаю тебя сегодня. Напрасно ты просишь за этотъ жалкій, алчный и преступный народъ. Я былъ въ ихъ странѣ, знаю ихъ. Я знаю ихъ хитрость, ихъ алчность, ихъ ненависть ко всѣмъ, кто не принадлежитъ къ ихъ племени. Это — вредное, заразное гнѣздо въ моей имперіи, и я вырву его, уничтожу это племя пауковъ и преступниковъ. Сегодня же мой гонецъ поѣдетъ къ сирійскимъ легионамъ, а черезъ мѣсяцъ отъ ихъ города останется только груда пепла. Недаромъ я прозванъ милосерднымъ; я долженъ спасти своихъ подданныхъ отъ этой заразы. — Кесарь махнулъ рукой; патрицій низко склонился передъ нимъ и вышелъ изъ виллы. Но вотъ изъ кустовъ къ нему тихо подошелъ человѣкъ; черные волосы, рѣзко очерченный носъ и особый складъ губъ съ перваго взгляда изобличали семита. Патрицій остановился, сказалъ ему нѣсколько словъ и, сѣвъ въ колесницу, уѣхалъ. Глаза семита сверкнули, и онъ также быстро исчезъ, какъ появился.

Вечеромъ, на пиру съ друзьями, патрицій вдругъ поблѣднѣлъ; легкая судорога исказила его лицо и холодная смерть увлекла его въ царство тѣней.

А черезъ мѣсяцъ, въ далекой, жаркой Палестинѣ дымились и пылали обогранные кровью развалины города.

III.

Горделивъ, величественъ, но мраченъ готическій храмъ. Еще мрачнѣе его подземелья. Мракъ не разсѣивается двумя-тремя факелами, воткнутыми тамъ и сямъ въ стѣну, а только на небольшое пространство освѣщается эта стѣна какимъ-то багровымъ, мигающимъ свѣтомъ и этимъ еще болѣе усиливаетъ наполняющій своды мракъ. Близъ одного изъ факеловъ, за столомъ на деревянныхъ креслахъ съ высокими спинками, сидятъ двѣ фигуры въ черныхъ рясахъ, съ лицами, закрытыми капюшонами. Трудно разглядѣть что нибудь еще; но, кажется, что въ дверь, находящуюся въ глубинѣ комнаты, выходитъ цѣлая кучка людей, закованныхъ въ цѣпи; оттуда слышатся стоны и плачь, и грубые окрики стражи. Въ воздухѣ носится тяжелый запахъ горѣлаго мяса.

Вотъ захлопнулась дверь и оба сидящіе за столомъ только тогда откинули свои капюшоны. Одинъ былъ уже пожилой человѣкъ; тощее, худощавое лицо его, сильно посѣдѣвшая борода и глубоко-впалые, но живые и пронизательные глаза придавали ему какой-то суровый аскетическій видъ. Другой былъ еще молодъ; взглядъ его полонъ задумчивости и, отчасти, какой-то грусти.— Отецъ мой, — заговорилъ молодой монахъ, — имѣемъ ли мы право съ такой жестокостью произносить приговоры ужасной смерти, убивать цѣлыми десятками себѣ подобныхъ за то только, что ихъ обвиняють въ преступленіи, которому мы сами плохо вѣримъ. Развѣ эта рыдавшая молодая дѣвушка можетъ быть колдуньей? Сколько жажды жизни проглядываетъ въ каждомъ ея движеніи! Какъ хороша была она въ своемъ ужасномъ горѣ за старика-отца, когда палачъ надѣлъ на него раскаленные башмаки. Не виноваты ли мы передъ Богомъ за такія истязанія несчастныхъ, беззащитныхъ людей?—Глаза старика строго блеснули въ темнотѣ.

— Ты еще очень молодъ, — отвѣчалъ онъ, — и чувство беретъ перевѣсъ въ твоихъ сужденіяхъ. Но не забудь, что мы хоть косвенно, но все же управляемъ государствомъ, и не имѣемъ права быть близорукими. Ты говоришь, что многіе изъ осужденныхъ невинны — и ты правъ; я знаю, также какъ и ты, что дѣвушка эта не колдунья; но знай, что эти люди принадлежатъ къ народу, который, какъ змѣя, не знаетъ благодарности; племя это способно на все ради своихъ выгодъ; это страшный азіатскій пришелецъ, безъ отечества, разсѣянный по всѣмъ странамъ. Если не держать его въ вѣчномъ страхѣ и трепетѣ за существованіе, онъ поработитъ насъ, давшихъ ему пріютъ, поработитъ лукавой скрытой силой; они проберутся всюду, эти злые, алчные люди, они ни передъ чѣмъ не останутся, чтобы добыть свою выгоду; они будутъ продавать и покупать все самое святое для насъ: нашу родину, наши обычаи, нашу вѣру и нашу свободу.... Мы, стоящіе во главѣ, мы должны предвидѣть, что сдѣлали бы эти несчастные, беззащитные люди, если дать имъ свободу и права. Нѣтъ, ради блага нашей народности, мы должны въ этомъ случаѣ слушаться разсудка, а не сердца; пусть завтра умрутъ на кострѣ невинные въ колдовствѣ люди, ибо только страхомъ спасемъ мы себя отъ этого ужаснаго проклятаго племени...

IV.

Чудная страна! Чего только она не перенесла за свое существованіе? Она почти всегда шла во главѣ народовъ. Она первая отправляла своихъ рыцарей биться вдали отъ родины за святыхъ мѣста; въ ней процвѣтали науки и искусства; храбрость и великодушіе были ея добродѣтелями. Но прошли вѣка; какъ буря, пронесся надъ ней конецъ одного вѣка: все старое поломалъ онъ на своемъ пути; но то новое, чтó онъ внесъ, было еще слишкомъ молодо, маложизненно,—и вотъ этотъ новый порядокъ началъ мало-по-малу мѣняться и, не желая сохранять мудрыхъ завѣтовъ стараго, къ концу другаго вѣка исказилъ жизнь народа и измучилъ страну...

Въ огромномъ городѣ, въ чудномъ дворцѣ, по большому кабинету ходилъ тотъ, который избранъ быть представителемъ народа этой страны, защитникомъ ея чести и достойнымъ носителемъ имени «перваго гражданина». — Какіе шумные и беспокойные безумцы есть между людьми,—думаетъ онъ,—какъ не хотятъ они понять, что эти громкія слова: честь народа, честь арміи, отечество, все это устарѣлыя, отжившія понятія, которыя годны только для газетныхъ столбцовъ. Власть, сила,—отчего онѣ зависятъ? Кто обладаетъ ими? Только одинъ отвѣтъ можно на это дать: деньги! Деньги — теперь все; съ деньгами государство будетъ благоденствовать, деньгами оно будетъ защищаться отъ своихъ враговъ, съ деньгами будутъ процвѣтать науки, искусства, промышленность! Развѣ можно пренебрегать тѣми, кто обладаетъ деньгами, т. е. силой и властью? Вотъ почему я долженъ, ради блага страны, стать на сторону тѣхъ, которые защищаютъ измѣнника, предавшаго нашу страну. Отъ его измѣны мы не погибнемъ, но если мы возстановимъ противъ себя племя, къ которому онъ принадлежитъ и въ рукахъ котораго находится современная сила и власть,—то мы погибнемъ: они сотрутъ насъ съ лица земли.

Бѣдный потомокъ гордыхъ галловъ! Ты укушенъ ядовитой змѣей, которую страна твоя столько лѣтъ носила на груди своей.

Бѣдная, чудная страна! Если не задавишь ты этого гада, четыре тысячи лѣтъ назадъ оплатившаго черной неблагодар-

ностью той странѣ, которая пріютила его, если не сломишь его жадности къ чужому добру и къ власти; если не заставишь его смириться — онъ заставитъ, онъ поглотитъ тебя своей подлостью и безсердечіемъ. Черезъ четыре тысячи лѣтъ онъ все еще мечтаетъ достигнуть, наконецъ, власти и матеріальной, и духовной, на горе и разореніе другимъ народамъ...

Е. П.

НАШЕ ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Городское управление до 1870 г.

I.

Города въ Россіи, по свидѣтельству византійскихъ и другихъ писателей VI—X вв., существовали задолго до появленія варяжскихъ князей, т. е. до IX в. Такіе города воздвигались главнымъ образомъ для военныхъ цѣлей, въ видѣ укрѣпленій, вокругъ которыхъ возникали поселенія—посады. Послѣднія, въ свою очередь, мало-по-малу входили въ составъ прежняго укрѣпленія, т. е. города, образуя большой городъ-посадъ; такимъ образомъ, возникли почти всѣ города къ XVII вѣку. Ясно, что населеніе города первоначально не могло рѣзко отличаться отъ остальнаго населенія, и самый городъ былъ тѣмъ же селомъ или деревней, но только снабженной укрѣпленіемъ. Занятія и промыслы населенія также сначала носили общій всей Руси земледѣльческій характеръ. Дружины князей, поселенныя въ городахъ, внесли въ нихъ новый элементъ, но не настолько сильный, чтобы отдѣлить городъ отъ остальной «земли», надѣлать его особыми городскими интересами и правами. Напротивъ, городъ былъ тѣсно связанъ съ «землей», являясь по своему положенію ея «центромъ», въ извѣстной зависимости отъ котораго и находилась земля. Въ городъ собиралось «вѣче», и значеніе города за весь земскій періодъ заключается въ томъ, что, будучи «срединой» земли, онъ былъ городомъ-государствомъ и олицетворялъ собою, такъ сказать, «вѣчевое», «земское» начало, съ которымъ, какъ извѣстно, вступила въ борьбу княжеская власть. Результатомъ этой борьбы было паденіе «города-государства», съ которымъ пало и то небольшое значеніе, которое городъ могъ имѣть, какъ мѣстная единица.

Характеръ того-го города-государства можно ясно видѣть изъ исторіи Новгорода и Пскова, которые въ этомъ отношеніи достигли полнаго развитія, но также не развили въ себѣ мѣстныхъ, чисто

городскихъ интересовъ, которые и въ Новгородѣ, и въ Псковѣ были неотдѣлимы отъ интересовъ всей новгородской или псковской земель. Всѣ учрежденія данныхъ городовъ были учрежденіями государственными. Новгородъ былъ политическимъ центромъ своей земли; въ его рукахъ была верховная власть, которая въ то же время для самого Новгорода являлась и мѣстной; но государственный характеръ являлся преобладающимъ.

Разница же между Новгородомъ и Псковомъ и другими городами удѣльнаго періода,—по справедливому замѣчанію И. Дитятина,—заключалась лишь въ томъ, что первые просуществовали самостоятельно нѣсколько дольше другихъ и развили въ себѣ тѣ зародыши, которые только носили другіе. Такимъ образомъ, нашъ городъ въ домосковскій періодъ носить несомнѣнные признаки государственнаго организма.

Въ московскій же періодъ замѣтны слѣдующіе моменты. Лишившись своей самостоятельности, городъ распадается на свои составныя части—мелкія отдѣльныя общины, связующимъ звеномъ которыхъ было одно только вѣче, теперь уничтоженное. Всѣ политическіе, государственные интересы переходятъ въ Москву, а мѣстныхъ нуждъ и интересовъ, — какъ мы уже замѣтили, — городъ не успѣлъ еще выработать. Единая же власть московскаго князя-царя не могла слить въ одно цѣлое отдѣльныхъ общинъ городского населенія, такъ какъ всѣ правительственныя мѣста этого періода, да и нѣкоторой части петербургскаго, — какъ мы увидимъ впоследствии, — стремились обратить эти общины, каждую въ отдѣльности, въ административно-тяглыя единицы. Вообще, о городѣ правительство заботилось со своей исключительно-узкой, фискальной точки зрѣнія, нуждаясь, какъ извѣстно, въ громаднхъ средствахъ для веденія жестокой борьбы за самое существованіе молодаго московскаго государства. Эта борьба тяжелымъ гнетомъ лежала на всемъ населеніи Руси. Государство нуждалось не только въ деньгахъ, но и въ людяхъ; поэтому всѣ силы отвлекались отъ мѣстныхъ общинныхъ интересовъ и закрѣпощались на службу государству. Извѣстно, въ какомъ разореніи находились населенія городовъ и самые города; извѣстно также, какую грустную картину представляли изъ себя торговля и промышленность. Нужды и потребности городовъ не находили поддержки; все шло на службу чисто государственнымъ интересамъ; государство же не признавало интересовъ мѣстныхъ, общинныхъ. «Смутное время» сильно повліяло, въ смыслѣ разоренія, на положеніе городовъ, большинство которыхъ, даже по вышнему виду, мало чѣмъ отличалось отъ деревень и селъ.

Даже въ административномъ отношеніи, за этотъ періодъ, го-

родъ не представляетъ изъ себя чего либо отдѣльнаго, цѣлаго. Намѣстники, посадники, волостели, воеводы, наконецъ, губные старосты—не были исключительно городской администраціей; напротивъ, это была администрація, только жившая въ городѣ, но власть которой распространялась далеко за предѣлы его, на весь уѣздъ—губу. Всѣ же выборныя лица того времени были лишь подчиненными воеводы и вѣдали или только сословныя и территоріальныя части города, или власть ихъ простиралась также за предѣлы города. Такимъ образомъ, собственно городской администраціи не было.

Впрочемъ, иначе и не могло быть, если вспомнимъ, что это было время закрѣпощенія и раздробленія населенія на обособленные классы для службы государству. И относительно города власть стремилась создать особый классъ посадскихъ, строго слѣдя за невыходомъ изъ него въ другіе классы. «Но,—говоритъ И. Дитятинъ,—образование городского посадскаго тяглаго сословія, соединяя все торгово - промышленное населеніе Руси въ одно тяглое сословіе, тѣмъ самымъ образуеетъ изъ посадскаго населенія каждого города совершенно особую отъ остальнаго населенія группу, уничтожая этимъ всякую возможность объединенія всего городского населенія въ одну самостоятельную общину, въ юридическое лицо».

Совокупность этихъ условій дѣлала то, что за московскій періодъ городъ не развился въ единый, цѣльный организмъ, а представлялъ изъ себя чисто территоріальную единицу, совокупность расчлененныхъ общинъ, тянувшихъ каждая свое особое тягло. Объединить ихъ предстояло послѣдующему времени.

Изъ этихъ краткихъ данныхъ можно сдѣлать весьма важный выводъ—именно, что, за весь допетровскій періодъ нашей исторіи, самоуправленія, какъ свободнаго участія народа въ мѣстной администраціи, мы не находимъ. Было то, что встрѣчается на первыхъ шагахъ почти каждого государства, т. е. города-государства: политическая самостоятельность, затѣмъ паденіе этой самостоятельности и возложеніе со стороны власти на городъ особаго служебнаго тягла, въ видѣ особыхъ выборныхъ органовъ. Все участіе народа, слѣдовательно, получаетъ не свободный, а тяглый, принудительный характеръ, который не входитъ въ понятіе самоуправления.

II.

Изъ вышеназложеннаго видно, что нашему великому преобразователю городъ былъ оставленъ въ видѣ «безответной пассивной

массы посадскаго населенія». Эта «масса» находилась въ крайне плачевномъ положеніи, будучи разрозненной, обираемой воеводами и разными приказными, отъ которыхъ не отставали и выборные. Торговля и ремесла не только не развивались, но, вслѣдствіе конкуренціи иностранцевъ, даже падали. Это глубокое разореніе посадскаго населенія давно беспокоило правительство. Вспомнимъ земскій соборъ по поводу занятія Азова, и мы увидимъ, что уже тогда передъ властью раскрылась безотрадная картина нищеты и безсилія городовъ. Уже и тогда намѣчались двѣ цѣли городскихъ реформъ:—сплотить городъ воедино и обезопасить его отъ хищенія администраціи, въ чемъ, главнымъ образомъ, по мнѣнію какъ городовъ, такъ и правительства, и заключался «корень зла». При вступленіи на престолъ Петра I, положеніе государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльныхъ городовъ, становится еще болѣе критическимъ. Войны требовали денегъ; приходилось увеличивать налоги, а населеніе уже не могло платить исправно и прежнихъ. Необходимо было озаботиться, чтобы никто не могъ избѣгнуть тягла, чтобы не было недоимокъ. И вотъ, въ виду этого, царь, а вслѣдствіемъ императоръ, пошелъ по намѣченному его предками пути, только съ болѣею твердостью и прямолинейностью. Окончательно закрѣпощаются отдѣльныя сословія на службу государству и, наконецъ, создается учрежденіе, долженствующее объединить городъ и уничтожить неисправность платежей, путемъ прекращенія лихоимства воеводъ и приказныхъ. Эта узко финансовая причина, побудившая Петра къ реформѣ, въ значительной степени обусловила ея характеръ и неудачу. Въ 1699 году, двумя указами были учреждены: «бурмистерская палата» въ Москвѣ и «земскія избы» по другимъ городамъ. Палата явилась общегосударственнымъ, притомъ сословнымъ учрежденіемъ, которое, черезъ посредство мѣстныхъ «избъ», вѣдало все городское населеніе государства; но, въ то же время, оно имѣло значеніе чисто мѣстное и вѣдало дѣла московскихъ торгово-промышленныхъ и купецкихъ людей. Компетенція палаты, или ратуши (какъ она стала вскорѣ называться), опредѣляется словами указа, что она имѣла дѣло съ «расправными», «челобитными» и «купецкими» дѣлами, и со сборами доходовъ съ посадскаго населенія всего государства. Но вѣдала все это ратуша черезъ земскія избы съ ихъ выборными бурмистрами. Главною задачею этихъ учреждений, какъ и слѣдовало ожидать, явилась дѣятельность исключительно государственная, а именно вѣдѣніе «всякихъ денежныхъ сборовъ», въ понятіе которыхъ входило завѣдываніе: горнымъ и монетнымъ дѣлами, тяглою, податями и другими поборами съ «гостей, гостинныхъ и суконныхъ сотенъ, и

мастеровъ серебрянныхъ дѣлъ въ Москвѣ, и торговыхъ людей многихъ городовъ». Затѣмъ ратуша вѣдала московской таможенной, мѣрной и мытной избами, городовыми таможными, кружечными дворами, кабаками, конскими площадками, торговыми банями, харчевнями и харчевенными рядами, т. е. — по словамъ Неволіна, — «всѣми доходами, которые могли поступать въ государственную казну отъ сихъ заведеній». При этомъ, передача сборовъ въ руки сословныхъ выборныхъ была обусловлена исключительно, какъ уже замѣчено выше, фискальнымъ стремленіемъ правительства: устранить «недоимки» и «недоборы», причемъ за нерадивую службу бурмистрамъ грозило лишеніе «животовъ» и «батоги нещадные». Такимъ образомъ, и служба бурмистровъ была ничѣмъ инымъ, какъ новымъ и тяжелымъ сословнымъ тягломъ. Среди всѣхъ ихъ обязанностей Дитятинъ находитъ два рода мѣстныхъ сословно-общинныхъ правъ. Именно: право раскладывать подати и налоги, и право «отдавать всякія статьи съ торгу»; но тутъ же прибавляетъ, что и въ этомъ отношеніи «земскіе бурмистры являлись скорѣе простыми агентами центральной власти, чѣмъ органами общины».

Не распространяясь о составѣ этихъ учреждений, отмѣтимъ только слѣдующіе факты. Руководствуясь своей исключительно фискальной цѣлью, законодатель не принималъ во вниманіе интересовъ общины, а далъ своимъ учреждениямъ строго іерархическій характеръ, такъ что отношеніе земскихъ бурмистровъ къ бурмистерской палатѣ, по своей сущности, было аналогично съ отношеніемъ воеводѣ къ приказу, вѣдавшему городъ. Земскіе бурмистры должны быть ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ ратуши, причемъ они были отвѣтственны не передъ общиной, ихъ избравшей, а передъ государствомъ. Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго мы ясно видимъ, что весь, такъ сказать, механизмъ избѣ и палаты, ихъ взаимныя отношенія и отвѣтственность, — все это носило яркіе слѣды учреждений государственныхъ и сословно-тяглыхъ. Этимъ характеромъ опредѣляются и дальнѣйшія слѣдствія. Именно, данныя учрежденія, вѣдая не городъ, а торгово-промышленное сословіе государства, — которое не исключительно населяло города, — поэтому самому вѣдали, съ одной стороны, только части города, а съ другой распределяли свою власть и за предѣлы города.

Принимая все сказанное во вниманіе, не удивительна будетъ неудача данныхъ учреждений: они не достигли ни одной изъ намѣченныхъ цѣлей — лихоимство приказныхъ смѣнилось хищеніями выборныхъ; городъ нисколько не объединился; даже недостаточность его и та не уменьшилась. И вотъ съ земскихъ избѣ и ратуши начинается постепенное сложеніе ихъ обязанностей по сбору

податей и повинностей и отдача ихъ въ вѣдѣніе стараго приказнаго начала. Наконецъ, учреждается особая должность «инспектора ратуши съ товарищи», долженствовавшего надзирать, «осмотрѣть»,—по словамъ указа,—«ратушу московскую со всеми ея околичностями». Кромѣ того, царь рѣшился даже поощрять доносъ, общая доносителямъ о воровствахъ земскихъ выборныхъ — имущественное вознагражденіе. Но подобныя мѣропріятія,—очевидно, деморализуя общество, — дѣлу не помогали. Въмѣстѣ съ тѣмъ, во второй половинѣ 1703 года издается указъ, идущій въ разрѣзъ со всеми начинаніями царя и въ послѣдствіи приведшій къ окончательному крушенію палаты. Именно цѣлый рядъ городовъ дается—«приписывается» въ полное вѣдѣніе Меншикову, завѣдывавшему постройкой кораблей, съ тѣмъ чтобы воеводы этихъ городовъ были Меншикову «во всемъ послушны».

Затѣмъ, черезъ 16 лѣтъ, начинается систематическое «приписываніе разныхъ городовъ къ разнымъ дѣламъ, завершившееся раздѣленіемъ имперіи на губерніи, каждая въ вѣдѣніи отдѣльных лицъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу цѣлый рядъ городовъ ускользаетъ изъ-подъ вліянія палаты, которая, потерявъ значеніе центрального учрежденія, нисходитъ на степень мѣстнаго московскаго и, наряду съ другими аналогичными учрежденіями другихъ городовъ, вѣдается губернаторами или воеводами, низойдя на степень исполнительныхъ органовъ.

Въ какое положеніе стали города, послѣ раздѣленія имперіи на губерніи въ 1708 году, видно изъ слѣдующаго. Во главѣ губерніи стоялъ губернаторъ, который долженъ былъ въ районѣ своей губерніи «все въ городѣ въ порядкѣ содержать» и о состояніи послѣдняго доносить въ сенатъ и опредѣленную коллегію. Конечно, губернаторъ вѣдалъ городъ не лично, а черезъ избранныхъ имъ и утвержденныхъ сенатомъ оберъ-комендантовъ, комендантовъ и ландратовъ, а въ вѣдѣніи послѣднихъ стояли прежніе выборные бурмистры. Такимъ образомъ, города опять попали въ вѣдѣніе цѣлага ряда лицъ, причѣмъ ничего опредѣленнаго, цѣльнаго не получилось. Территориально городъ не выдѣлился, не получивъ особаго органа администраціи; по отношенію къ своему населенію онъ, какъ прежде, представляетъ изъ себя конгломератъ отдѣльных, ничѣмъ между собою не связанныхъ, исключительно тяглыхъ группъ. Это запутанное положеніе еще болѣе затрудняется учрежденіемъ новыхъ должностей, какъ-то земскихъ комисаровъ и камерировъ и др., назначеніе которыхъ имѣло все ту же цѣль—именно возможность получать исправно государственные доходы. Съ той же цѣлью учреждается въ 1711 году особая «купецкая палата» для завѣды-

ванія «денежнымъ дѣломъ», которая состоитъ опять таки изъ выборныхъ посадскихъ и которая, поэтому, ложится новымъ тягломъ на города. Это обложеніе городовъ все новыми и новыми службами, конечно, не давало имъ и тѣни самоуправленія и, наконецъ заставило само правительство, сознавшись въ неудачѣ своихъ реформъ, съязнова заняться устройствомъ города.

III.

Въ февралѣ 1720 года былъ открытъ главный магистратъ, а черезъ четыре года и по остальнымъ городамъ были введены городскіе магистраты.

Что же представляютъ изъ себя эти новыя учрежденія? Цѣль ихъ остается прежней: царь стремится поставить все торгово-промышленное населеніе въ вѣдѣніе одного центрального учрежденія, которое въ свою очередь стояло бы въ тѣсной зависимости отъ верховной власти. Значить, мы имѣемъ опять таки дѣло съ государственно - административнымъ механизмомъ, долженствующимъ управлять опредѣленною частью имперіи. Учреждая главный магистратъ, Петръ снабдилъ его регламентомъ, которымъ и опредѣлился характеръ и вѣдомство даннаго учрежденія. Этотъ магистратъ состоялъ изъ оберъ-президента, его товарища и нѣсколькихъ бурмистровъ-ратсгеровъ. Всѣ остальные города были раздѣлены на пять разрядовъ по количеству жителей и, смотря по этому, магистраты или состояли изъ нѣсколькихъ членовъ, или вовсе не имѣли коллегіального состава, а замѣнялись однимъ бурмистромъ. Этотъ составъ городскихъ магистратовъ опредѣлялся главнымъ магистратомъ, который посылалъ губернаторамъ или вообще представителямъ администраціи указы о производствѣ выборовъ. Послѣдніе опять происходили по приказу этихъ представителей власти, которые, собравъ бурмистровъ и мірскихъ людей, «велятъ» выбрать членовъ магистрата изъ гостей, гостинной сотни и гостинныхъ людей. Выборные члены посылаются въ Петербургъ на утвержденіе ихъ главнымъ магистратомъ, именно его оберъ-президентомъ съ товарищемъ, которые занимаютъ свои мѣста по назначенію отъ правительства. Такимъ образомъ, мы видимъ, что выборы членовъ магистратовъ являются далеко не свободными, а, наоборотъ, поставлены подъ сильное давленіе администраціи. Такое положеніе выборовъ дѣлало изъ магистратовъ учрежденія не общинныя, а правительственныя, что еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что членъ магистрата являлся пожизненнымъ чиновникомъ, облеченнымъ въ мундиръ и получающимъ за «честную» службу «шляхетское достоинство». Такимъ

образомъ, въ этой организаціи, какъ мы видимъ, было сдѣлано все, чтобы оторвать выборныхъ отъ выбравшаго ихъ общества, развѣдинить ихъ интересы, т. е. все, что такъ противоположно задачамъ самоуправленія.

Обращаясь теперь къ кругу вѣдѣнія магистратовъ, мы увидимъ, что онъ былъ весьма обширенъ; магистратъ, по предположеніямъ Петра, долженъ былъ быть, «яко начальство города», и вѣдать его во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая полиціи. Но для подобной дѣятельности магистратъ былъ неспособенъ уже потому, что онъ не былъ надѣленъ никакими правами. Магистратъ былъ «тягломъ» для населенія; на немъ самомъ лежали лишь обязанности. При этомъ, самый характеръ обязанностей былъ по преимуществу финансовый, и среди этихъ обязанностей можно только указать на право раскладки податей и повинностей, какъ на нѣчто такое, что придастъ магистрату хотя слабое подобіе органа самоуправленія. Этимъ правомъ магистраты пользовались черезъ старостъ и старшинъ. Но это право простиралось лишь на государственныя подати и повинности; сами же магистраты не пользовались правомъ «обложения», слѣдовательно своихъ особыхъ городскихъ средствъ не имѣли, причѣмъ это было прямо оговорено въ законѣ, за нарушеніе котораго грозилъ штрафъ.

Отношеніе городскихъ магистратовъ къ главному, а послѣдняго къ сенату убѣдить насъ еще болѣе въ томъ, какъ мало могло называться это учрежденіе органомъ самоуправленія. Между всѣми названными учрежденіями существовала строгая іерархическая связь:—каждый магистратъ долженъ былъ ежегодно высылать главному магистрату отчеты о своей дѣятельности и представлять свои мнѣнія и предположенія о какихъ либо измѣненіяхъ и улучшеніяхъ, и на основаніи этихъ свѣдѣній главный магистратъ руководилъ дѣятельностью городскихъ магистратовъ, которые являлись простыми его исполнительными органами. Но и главный магистратъ не дѣйствовалъ самостоятельно:—во-первыхъ, онъ долженъ былъ «совѣтоваться» съ коллегіями; а, во-вторыхъ, вся его дѣятельность нуждалась въ «аппробаціи» сената. Кромѣ того, какъ учрежденіе административное, главный магистратъ подлежалъ прокурорскому надзору, наравнѣ съ коллегіями. Но въ отношеніи къ послѣднимъ онъ играетъ двойственную роль: съ одной стороны, онъ только «совѣтуется» съ ними, а съ другой онъ былъ обязанъ слѣдить за исполненіемъ въ городахъ распоряженій коллегій и «доносить» о неисполненіи. Городовые же магистраты прямо стояли въ зависимости отъ коллегій, получая отъ нихъ указы. Вообще же отношеніе было самое неопредѣленное, а на практикѣ магистраты оказались прямо въ уни-

зительномъ положеніи. Будучи лишнимъ тяглою, магистраты заставляли населеніе городовъ сожалѣть о воеводахъ; промышленное сословіе, на которое презрительно смотрѣли другія сословія, не давало никакой опоры своимъ выборнымъ, которыхъ могъ «бить смертнымъ боемъ» всякій заѣзжій офицеръ... Въ такомъ положеніи находилось «начальство» города. Впрочемъ, и послѣднимъ оно было лишь по имени: все вѣдѣніе магистратовъ распространялось лишь на часть городского населенія—торгово-промышленное сословіе—и, такимъ образомъ, магистратъ является даже не обще-городскимъ учрежденіемъ, а исключительно сословнымъ.

Всѣ эти условія привели къ курьезному выводу. Было найдено, что «магистратъ смѣлости въ защитѣ своей не имѣеть»,—въ виду чего ему и былъ данъ въ защитники полковникъ... Таковы были результаты новой попытки Петра I организовать городское управленіе, и причины этого лежали въ томъ, что интересы самаго города заслонялись финансовыми интересами государства, и въ стремленіи провести строгій принципъ сословности.

IV.

Окончательное паденіе магистратовъ произошло при преемникахъ Петра I. Въ своемъ стремленіи сократить расходы и увеличить доходы правительства, послѣ Петра ввели опять по всѣмъ городамъ воеводъ, которые и должны были завѣдывать ими черезъ магистратовъ—теперь ратушь. Главный магистратъ былъ уничтоженъ.

Собственно вѣдѣнію ратушь, какъ и прежде, принадлежало все финансовое хозяйство города. Но, кромѣ того, на нее стали опять возлагать цѣлый рядъ новыхъ службъ: — такъ онѣ обязаны были производить сборы не только въ городѣ, но и въ уѣздѣ, и губерніи; затѣмъ должны были поставлять опредѣленное число счетчиковъ въ коллегіи и пробирную палату. Затѣмъ указывается губернаторомъ и воеводамъ вѣдать полицію черезъ ратуши. Только одинъ фактъ шелъ въ разрѣзъ съ этимъ обремененіемъ и подчиненіемъ ратушь власти воеводъ — именно теперь правительство стремилось поставить выборъ членовъ ратуши въ вѣдѣніе воеводъ и губернаторовъ. Но подобныя мѣры нисколько не улучшали положенія города: слишкомъ извѣстны факты «воеводскаго управленія», чтобы ихъ нужно было повторять здѣсь;—замѣтимъ только, что правительство сознавало недостатки городского положенія и озабочивалось ихъ устраненіемъ. Уже въ 1727 г. утверждается задуманная еще ранѣе «комисія о комерціи» съ цѣлью лучшаго устройства «купечества», причемъ купеческіе люди и города получили право пода-

вать въ эту комисію свои мнѣнія о всякаго рода улучшеніяхъ, ихъ касающихся. Затѣмъ воеводы смѣняются черезъ каждые два года и обязаны давать отчеты сенату; наконецъ, въ 1732 году приходятъ къ мысли—вновь учинить въ Петербургѣ магистратъ «по примѣру рижскаго». Анна Іоанновна повелѣла «сочинить регламентъ», но, вмѣсто Петербурга, магистратское устройство было даровано черезъ два года Оренбургу. Этотъ единичный случай заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Собственно говоря, организація оренбургскаго магистрата лишь въ немногомъ отличалась отъ таковой же организаціи петровскихъ учреждений. Именно, кромѣ трехъ бурмистровъ, въ составъ его входило еще шесть ратсгеровъ. Особенно же важно было совершенно новое положеніе, въ которое ставится данное учрежденіе. Ему подчиняется весь городъ въ полицейско-хозяйственномъ отношеніи, причѣмъ магистратъ стоитъ независимо отъ «командира города», который обязуется «решпектовать» его. И, дѣйствительно, будучи по составу все таки сословнымъ, данное учрежденіе являлось на самомъ дѣлѣ правительствомъ города, надѣленнымъ извѣстными правами: именно оно по своему усмотрѣнію распоряжалось городской собственностью (замѣтимъ—это первый примѣръ, что у города является особая собственность), состоявшей изъ капитала и недвижимостей. Затѣмъ ему принадлежало право, которое, по мнѣнію кн. Васильчикова, заходитъ за предѣлы самоуправленія,—именно право самостоятельнаго обложенія горожанъ податями. Все городское хозяйство, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, находилось въ вѣдѣніи этого учрежденія, обнимая собой полицію безопасности, строительную и санитарную.

Къ сожалѣнію, этотъ магистратъ такъ и остался единичнымъ фактомъ въ исторіи нашего города, такъ какъ съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны были восстановлены старые петровскіе магистраты, однако, съ нѣкоторыми измѣненіями.

Дочь великаго Петра, почти тотчасъ же по вступленіи на престолъ, приказала сенату «разсужденіе имѣть» объ учрежденіи главнаго магистрата, результатомъ чего и явилось восстановленіе петровскихъ учреждений. Теперь, однако, между магистратами устанавливается еще болѣе строгая іерархическая связь. Магистраты «приписныхъ» городовъ должны быть «подъ апелляціею» провинціальныхъ, а эти стояли въ такомъ же отношеніи къ губернскимъ, которые зависѣли отъ главнаго; послѣдній же, вѣдая магистраты всѣхъ городовъ, стоялъ подъ контролемъ сената. Кромѣ того, въ «приписныхъ» городахъ магистрату не полагалось имѣть президента. Подъ выраженіемъ: быть «подъ апелляціей», кажется, слѣдуетъ разумѣть, что магистраты городовъ низшаго, такъ сказать, ранга зависѣли во

всѣхъ отношеніяхъ отъ магистратовъ высшаго города. Такимъ образомъ, послѣдніе заслоняли совершенно первыхъ въ отношеніяхъ къ главному магистрату. Усиливая іерархическую связь магистратовъ, правительство въ то же время поставило ихъ въ большую зависимость отъ губернаторовъ и воеводъ. «Магистратамъ и ратушамъ быть послушнымъ губернаторамъ и воеводамъ», говоритъ указъ 1750 года, причемъ послѣдніе получаютъ право «арестовать» и «держатъ подъ карауломъ» бурмистровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, магистраты не получаютъ никакихъ правъ, въ сравненіи съ прежними. Городъ по прежнему не имѣетъ своего капитала, и не можетъ расходовать никакихъ суммъ безъ особаго указа. Кромѣ того, правительство находитъ возможнымъ передвигать нужныя суммы изъ кассы одного магистрата въ кассу другаго и т. д. Однако, мы имѣемъ одинъ указъ,—касающійся, положимъ, только купечества,—который говоритъ, что «если по совѣту старшины съ гражданами, на необходимые гражданъ расходы, сверхъ подушныхъ и прочихъ по указу сборовъ, общимъ согласіемъ собрать определено будетъ», то довести объ этомъ до свѣдѣнія ратуши. Но, признавая, что этимъ указомъ дается громадное право купечеству,—«право самообложенія»,—мы должны замѣтить, что, въ виду того, что права расходования общественныхъ суммъ по собственному усмотрѣнію, магистратамъ предоставлено не было—нельзя и придавать этому праву большаго значенія. Такова была организація возстановленныхъ магистратовъ. Петръ III, въ свое недолгое царствованіе, издалъ всего нѣсколько указовъ относительно комисіи, да уничтожилъ привилегію Кіева, и уже Екатерина II опять взялась за полное переустройство городского управленія. Поэтому, теперь не лишнимъ будетъ посмотреть, въ какомъ положеніи находились города при елизаветинскихъ магистратахъ.

Обремененный одними тяжелыми обязанностями, поставленный въ зависимость отъ произвола воеводъ и губернаторовъ, магистратъ являлся тяжелымъ тягломъ для городского населенія. Горожане всячески старались избѣжать выборовъ въ бурмистры; если же это не удавалось, то они вознаграждали себя различными хищеніями, причемъ наиболѣе рѣшительные, «проискавъ кредитъ» въ главномъ магистратѣ, распорядились въ ратушѣ единолично, а другихъ членовъ и «до дѣлъ не допускали». Конечно, интересы города не могли находить себѣ защитниковъ въ такихъ лицахъ, которыя прямо «вымучивали» векселя, открыто «разграбляли» лавки, а за сопротивление драли «батошьемъ» и рѣзали уши!

Но не только магистратъ лежалъ всею своею тягостью на городѣ. Городъ долженъ былъ поставлять выборныхъ къ «суконной бра-

ковѣ въ комисаріатскую контору и «другія команды»; къ «питейнымъ и кабачнымъ» сборамъ, къ «соляной продажѣ», приче́мъ всѣ эти обязанности несутся не только въ районѣ города, но на пространствахъ всего государства. Такія «службы» страшно разоряли и города, отнимая у нихъ лучшія силы, и все государство, такъ какъ выборные грабили немилосердно. Поверхъ всего этого, воеводы и губернаторы сплошь и рядомъ занимались тѣмъ, что съ «полицейскими командами» дѣлали форменныя нападенія на торговцевъ, разрушая и лавки, и зданія, построенныя нерѣдко по ихъ же приказу.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что развитіе города не сдѣлало ни шагу впередъ; наоборотъ стремленія Петра I снять съ города хоть нѣкоторую часть тягла были забыты, и закрѣпощенные горожане по прежнему изнывали подъ тяжестью безправія и произвола. О самоуправленіи, очевидно, говорить не приходится. Въ этомъ отношеніи былъ только одинъ свѣтлый моментъ, — именно учрежденіе оренбургскаго магистрата, но примѣръ этотъ остался безплоднымъ.

V.

Мы видѣли, въ какомъ грустномъ положеніи находился городъ въ административномъ отношеніи до Екатерины II; не лучше было и экономическое состояніе его. Новгородскій намѣстникъ графъ Сиверсъ такъ описываетъ городъ Островъ: «соборъ походить на часовню, присутственныя мѣста и магистратъ представляютъ изъ себя развалившіяся хижины подъ соломенными крышами; всѣхъ домовъ въ городѣ 150; нѣтъ ни рынка, ни лавокъ; регулярныхъ гражданъ всего 120, остальные—все разночинцы. Очевидно, что о благосостояніи такого города говорить не приходится, а такихъ городовъ было большинство. Императрица, придававшая большое значеніе торгово-промышленному населенію городовъ, стремилась съ самаго начала своего царствованія какъ увеличивать число городовъ, такъ и улучшать ихъ положеніе. Но коренное преобразование совершилось лишь въ 1775 г.; до того же времени магистраты и ратуши продолжаютъ играть ту же роль, чтò и при Елизаветѣ Петровнѣ, приче́мъ они, однако, отдаются совершенно въ «вѣдѣніе» губернаторовъ, — этихъ «опекуновъ» губерніи. Теперь и на губернаторахъ лежатъ заботы «о пользахъ торговли и промысловъ», приче́мъ о всемъ сколько нибудь важномъ они обязаны доносить въ сенатъ и императрицѣ. Но здѣсь надо замѣтить, что, будучи подчинены губернаторамъ, магистраты и ратуши были вполнѣ независимы отъ воеводъ. Изъ всего этого мы видимъ, что главный

магистратъ опять теряетъ все свое бывшее значеніе; губернаторы, стоящіе надъ магистратами и ратушами, обходятъ его и прямо сносятся съ сенатомъ и императрицею.

Въ 1767 году, Екатерина II созвала свою знаменитую комисію по составленію новаго уложенія. Для выбора депутатовъ отъ городовъ была учреждена особая должность «городскаго головы». Эта должность, однако, сдѣлалась постоянной и голова избирался черезъ каждые два года, причѣмъ по своей сущности она была настолько случайна, что не внесла ничего новаго въ городское устройство и управленіе. Именно городской голова избирается на тотъ случай, «если даны будутъ отъ верховной власти какія особыя повелѣнія»... Но рядомъ съ этимъ, въ помощь выборщикамъ, изданъ особый «обрядъ выбора жителямъ городскимъ», и этотъ документъ является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи образованія понятія о городѣ.

До сихъ поръ всѣ учрежденія, въ родѣ земскихъ избъ и магистратовъ,—были учрежденіями исключительно сословными и вѣдали только извѣстные слои городского населенія. Теперь же «обрядъ» не дѣлаетъ различія между послѣдними и говоритъ вообще о всѣхъ *городскихъ жителяхъ*, образуя такимъ образомъ понятіе города, какъ *цѣлаго*, причѣмъ жители его, городскіе обыватели, дѣлятся лишь на два разряда *полноправныхъ* и *неполноправныхъ* гражданъ. Первые—это всѣ домовладѣльцы, причѣмъ занятіе промысломъ, ремесломъ или торговлей не является необходимымъ условіемъ. Такимъ образомъ, какъ городской голова, такъ и депутаты являлись, дѣйствительно, представителями «города», какъ извѣстныя единицы, а не сословными представителями только одной части городского населенія. Въ этомъ нельзя не видѣть громаднаго шага впередъ.

Къ сожалѣнію, это новое понятіе не скоро вошло въ жизнь. Въ «Учрежденіи о губерніяхъ» 1775 г. мы видимъ устройство городского управленія опять на старыхъ началахъ сословности и административнаго тягла. Теперь главный магистратъ окончательно исчезаетъ, распадаясь на рядъ губернскихъ магистратовъ, которые по отношенію къ ратушамъ и городovýmъ магистратамъ играли въ своей губерніи ту же роль, чтѣ и главный магистратъ для всей Россіи. Важнымъ преобразованіемъ этого учрежденія надо признать желаніе законодательницы оставить за ратушами и магистратами одно судебное значеніе; административная же сторона ихъ дѣятельности если несовсѣмъ отмѣняется, то вполнѣ игнорируется. Мы уже сказали, что эти учрежденія были чисто сословными, и, дѣйствительно, члены ихъ избираются исключительно только изъ мѣстнаго купечества и мѣщанства, а никакъ не изо всего городского населенія, какъ было съ депутатами и го-

родскимъ головой 1767 года. Компетенція ихъ была также строго ограничена этими сословіями, и такимъ образомъ эти выборные находятся въ томъ же положеніи, что и при Петрѣ I. Это были не выборные *представители* сословнаго городского общества, а только выборные отъ этого общества правительственные *чиновники*. Не исчезли также и другія казенныя службы, которыя ложились тягломъ на городское населеніе.

Но все это было лишь переходнымъ моментомъ. Императрица давно уже готовила коренную реформу, въ которой должны были выразиться всѣ ея взгляды, почерпнутые у Монтеस्कѣ насчетъ города. Къ сожалѣнію, во взглядахъ Екатерины на города и на «средній родъ людей» не было опредѣленности. Въ своемъ «Наказѣ» императрица старалась изложить эти взгляды, причемъ оказалось, что въ опредѣленіи городского населенія она стояла на точкѣ зрѣнія своихъ предшественниковъ. «Средній родъ людей» — это не всѣ обыватели города, а лишь та часть ихъ, которая занимается тѣмъ или инымъ промысломъ; это только представители торгово-промышленнаго сословія. Дополняя это опредѣленіе, императрица впадаетъ въ противорѣчіе съ только что сказаннымъ. Именно, она говоритъ далѣе, что членомъ городского общества можетъ быть лишь «собственникъ, платящій разныя подати».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, только что образовавшееся понятіе города, — какъ единой земской единицы, совокупности всего городского населенія, — не могло вытѣснить стараго понятія города, какъ совокупности тяглыхъ сословно-государственныхъ единицъ. Эти противорѣчія не могли не отозваться вредно на характеръ предполагаемыхъ реформъ, выяснить который должна была, между прочимъ, и комисія 1767 года. Однако, депутаты отъ городовъ были *de facto* представителями одного тяглаго торгово-промышленнаго сословія, всѣ желанія котораго направлялись къ облегченію его отъ непосильныхъ казенныхъ службъ и тяглы, которыми оно было обременено. Мысли же о какихъ либо политическихъ правахъ городского населенія, объ его самоуправленіи не зарождалось еще въ немъ. Въ виду этого, комисія и не дала ничего положительнаго въ смыслѣ выясненія желаній города. Дальнѣйшія реформы были дѣломъ исключительно императрицы.

Въ апрѣлѣ 1785 года было издано новое положеніе о городахъ, а затѣмъ знаменитая «жалованная грамота» на права и выгоды городамъ російской имперіи.

Имѣя въ виду вышеизложенныя замѣчанія, мы находимъ здѣсь слѣдующія положенія. Выражаясь словами Неволіна: города, по опредѣленію грамоты, «сдѣлались средоточіемъ духовной и веще-

ственной жизни въ государствѣ», т. е. окончательно образовалось новое понятіе города, городского общества, какъ одного цѣлаго юридическаго лица. Затѣмъ городскимъ обывателемъ является теперь не членъ только того или другаго сословія, а всякій живущій въ чертѣ города, независимо отъ того, чѣмъ онъ занимается и какимъ видомъ собственности владѣеть. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ указанной выше двойственностью. Именно грамота говоритъ о «среднемъ родѣ людей», т. е. городскихъ обывателяхъ, исключительно какъ о торгово-промышленномъ сословіи; это опредѣленіе очевидно покрывается первымъ. Совокупность городскихъ обывателей въ первомъ смыслѣ и составляетъ городское общество. Однако, внутренній составъ этого общества является опять таки сословнымъ; всѣ городскіе обыватели должны были вноситься въ особыя «обывательскія книги», причѣмъ различіе этихъ классовъ городского населенія проведено очень далеко. Каждая изъ этихъ шести группъ образуетъ отдѣльное общество, имѣетъ особыя собранія и право представительства въ общегородскихъ учрежденіяхъ. Грамота различаетъ даже, въ какихъ экипажахъ могутъ ѣздить члены этихъ группъ.

Независимо отъ этого значенія, всѣ классы городского населенія въ ихъ совокупности составляли городское общество. Законодатель «жалуетъ» имъ «дозволеніе» собираться въ ихъ городѣ и «составить общество», причѣмъ собраніе этого общества составлялось не изъ представителей отдѣльных описанныхъ группъ, а изъ всѣхъ городскихъ обывателей 25-лѣтняго возраста и обладающихъ капиталомъ, доходъ съ котораго не менѣе 50 руб. ассигнаціями. Въ этомъ собраніи олицетворяется городъ, какъ юридическое лицо, и, какъ таковое, онъ получаетъ право имѣть движимую и недвижимую собственность, состоящую или добровольными «складками», или же особыми взносами, которые дѣлались всякимъ вновь поступающимъ въ среду городского общества.

Недвижимость города состояла изъ всякаго рода земель, угодій, промышленныхъ заведеній и т. п. ¹⁾). Но всего этого было настолько мало, что правительство нашло нужнымъ отчислить по одному проценту съ питейнаго сбора, шедшаго въ казну въ пользу города, а также въ городахъ, гдѣ были таможи, по два процента съ ввозныхъ и по одному—съ вывозныхъ пошлинъ.

Такое собраніе полноправныхъ гражданъ имѣло мѣсто разъ въ

¹⁾ Недвижимая городская собственность встрѣчается со временъ Алексѣя Михайловича, но тогда она была крайне незначительна и рассматривалась, какъ принадлежащая государству и находящаяся лишь въ пользованіи не города, какъ юридическаго лица, а горожанъ: каждый обыватель имѣлъ право на это пользованіе. Теперь все это измѣнилось.

три года—въ «зимнее время», причѣмъ собраніе созывалось генералъ-губернаторомъ или губернаторомъ. Грамота ничего не говоритъ о дальнѣйшей организаціи этого собранія и только замѣчаетъ, что ему «дозволено было» представлять губернатору «о своихъ общественныхъ пользахъ и нуждахъ», выслушивать «предложенія» генералъ-губернатора и губернатора относительно тѣхъ же нуждъ города, провѣрять обывательскую книгу и, наконецъ, избирать должностныхъ лицъ. Послѣдніе должны были занимать административно-городскія мѣста, — какъ напр., городской голова и члены депутатскаго собранія, — и судебно-сословныя должности, каковы бурмистры, ратманы, засѣдатели, старосты и судьи совѣстнаго суда. Но всѣ эти лица являются, въ виду разныхъ льготъ дворянамъ, военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, представителями исключительно только торгово-промышленнаго сословія, такъ какъ могутъ избираться лишь изъ именитыхъ гражданъ, купцовъ и ремесленниковъ, включая сюда и посадскихъ. Но среди ихъ все таки городской голова, представляя собою все городское населеніе, какъ юридическое лицо, которое, однако, не представлялось только единоличною должностію. Городъ для непосредственнаго управленія своимъ хозяйствомъ имѣлъ два коллективныхъ учрежденія—именно «общую» и «шести-гласную» думу.

Члены общей думы, собирающейся разъ въ три года, являются представителями извѣстныхъ 6-ти слоевъ городского населенія, которые посылаютъ туда по нѣсколько «гласныхъ», выборы которыхъ производятся поэтому не въ общемъ собраніи городского общества, а каждымъ сословіемъ въ отдѣльности, причѣмъ еще нѣкоторыя сословія разбиваются на отдѣльныя подраздѣленія, и это дѣлается съ такимъ расчетомъ, чтобы дать преобладаніе въ управленіи городомъ представителямъ высшаго имущественнаго и умственнаго ценза. Предсѣдательствовалъ въ этой думѣ городской голова, причѣмъ, однако, созывъ и распушеніе думы зависѣли отъ начальника губерніи. Голосованія въ думѣ, вѣроятно, происходили по сословіямъ. Собственно говоря, кругъ дѣятельности этого учрежденія, не смотря на то, что грамота подробно перечисляетъ его, ограничивался однимъ дѣломъ, послѣ совершенія котораго дума расходилась, — именно выборомъ гласныхъ въ постоянное учрежденіе, къ которому отходила вся администрація, т. е. въ шести-гласную думу. Члены этого учрежденія избирались общей городской думой по одному отъ cadaго сословія; избравъ ихъ, общая дума расходилась, собираясь снова въ теченіе трехлѣтняго промежутка лишь въ случаяхъ чрезвычайныхъ, «когда нужда и польза городская требуетъ».

Шестигласная дума, подъ предсѣдательствомъ городского головы, вѣдаетъ все городское хозяйство, собираясь для этой цѣли одинъ разъ каждую недѣлю. Грамота ничего не говоритъ о внутреннемъ распорядкѣ и дѣлопроизводствѣ даннаго учрежденія, вслѣдствіе чего мы остановимся только на ея компетенціи. Всѣ судебныя дѣла отходить теперь къ ратушамъ и магистратамъ; дума не знаетъ также никакихъ государственныхъ службъ и сборовъ государственныхъ доходовъ. Въ вѣдѣніе думы входило хозяйство города въ самомъ широкомъ смыслѣ—какъ полиція благосостоянія, такъ и полиція безопасности, причѣмъ благосостояніе города понималось очень широко: именно дума заботится, чтобы «доставить жителямъ города нужное пособіе къ ихъ прокормленію и содержанію», т. е. поощряетъ «привозъ въ городъ и продажу всего того, что можетъ служить ко благу и выгодамъ жителей»; заботится объ общественныхъ зданіяхъ, амбарахъ, магазинахъ, пристаняхъ, площадяхъ и построеніи «всего потребнаго»; она должна стараться «о приращеніи городскихъ доходовъ». Кромѣ всего этого, дума должна «сохранять между жителями города миръ, тишину и доброе согласіе», и «возбранять все, что противно доброму порядку и благочинію». Затѣмъ думѣ присвоивается роль высшаго надзирающаго учрежденія надъ гильдіями и цехами,—учрежденія, на которомъ лежитъ обязанность охранять точное примѣненіе городского и ремесленнаго уставовъ, а слѣдовательно и толкованіе ихъ.

Но всѣ эти постановленія грамоты очень неопредѣленны, такъ что нѣтъ никакой возможности опредѣлить точно самое понятіе «охраненія» устава. Вообще, смутность и неясность—отличительные признаки опредѣленій грамоты, касающихся объема дѣятельности шестигласной думы. Но, не смотря на это, дума за всякія «представленія и положенія, противныя городскому или ремесленному положенію и другимъ государственнымъ узаконеніямъ» подвергается штрафу въ 200 руб., причѣмъ она обязана была отчетностью губернаторамъ и казенной палатѣ. Эта власть губернатора имѣла для думы громадное значеніе, въ виду того, что обо всѣхъ доходахъ и расходахъ она должна была представлять ему вѣдомости, и если дума усмотритъ что либо необходимое для города, то она должна снестись съ губернаторомъ и ждать его «дозволенія», такъ что правительство не только провѣряетъ расходы города, но и хочетъ знать заранее, на что будутъ сдѣланы эти расходы.

Выше было уже указано, что за городскими магистратами и ратушами осталось преимущественно одно судебное значеніе; однако, было и другое, плохо мирящееся съ правами и положеніемъ шестигласной думы. Замѣтивъ, что «городовые магистраты и прочія

мѣста «города» должны исполнять «законныя требованія» думы, грамота продолжаетъ: «городовой магистратъ докладываетъ о нуждахъ и недостаткахъ города губернскому магистрату и правленію» и тотъ магистратъ имѣеть право жаловаться на противозаконныя требованія властей, по части податей, сенату и губернскому магистрату; послѣднему же можетъ жаловаться на городскую думу всякій недовольный ею. Наконецъ, раздѣленіе ремеслъ на «цехи или управы» предоставляется городовому магистрату и ратушѣ. Очевидно, что всѣ эти положенія стоятъ если не въ совершенно непримиримомъ, то во всякомъ случаѣ въ весьма трудно примиримомъ противорѣчій съ вышеизложенными правами думы.

Г. Дятлягинъ старается объяснить эти противорѣчія неудовлетворительностью редакціи и тѣмъ, что всѣ дѣла, идущія въ губернской магистратъ,—спорныя, судныя, а жаловаться на думу можно было лишь по поводу нарушенія послѣднею какихъ либо частныхъ правъ.

Изъ всего сказаннаго о екатерининской реформѣ мы можемъ вывести заключеніе, что она должна быть признана первою попыткой — ввести у насъ самоуправленіе, хотя и съ очень скромной степенью самостоятельности. Въ жизни же органы самоуправленія потеряли ее окончательно, почему и самыя учрежденія не имѣли того значенія, на которое были рассчитаны. На выясненіи этихъ вопросовъ мы и должны остановиться.

Проф. Свѣшниковъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «подобно петровской эпохѣ, и въ царствованіе Екатерины классы, составлявшіе мѣстное общество, не были достаточно сильны, чтобы каждый по себѣ,—подобно классамъ западной Европы,—могъ составить прочное цѣлое. Съ другой стороны, правительство старалось всячески провести между ними нѣкоторую рознь и, такимъ образомъ, мѣшало людямъ разныхъ классовъ, связанныхъ интересами мѣстной жизни, соединиться въ одно цѣлое. Такимъ образомъ, у насъ не было ни крѣпко организованныхъ сословій, ни солидарныхъ всесословныхъ единицъ. Результатъ не замедлилъ обнаружиться,—и городскія учрежденія Екатерины потерпѣли полное фіаско.

Къ такимъ же безотраднымъ выводамъ приходитъ и проф. Градовскій въ своихъ сужденіяхъ о дворянскомъ самоуправленіи екатерининскихъ уѣзда и губерній. Какъ ни хорошо было задумано все это учрежденіе губерній, все таки въ немъ не было самаго важнаго: не было того, что создаетъ прочное мѣстное самоуправленіе — не было обезпеченія личности. Благодаря этому, мы замѣчаемъ, что служба по выборамъ,—эта почетная и важная служба,—

превращается въ какое-то униженное состояніе. Все это, взятое вмѣстѣ, приводило къ тому, что дворянское самоуправленіе, городское самоуправленіе и тѣ учрежденія, которыя были построены на смѣшеніи сословнаго начала съ началомъ короннымъ, являли собою самый печальный, самый жалкій видъ. Получилось почти то же, что въ московской Руси: городскія общества поставляли чиновниковъ и, такимъ образомъ, лишь облегчали администрацію въ назначеніи отъ себя разныхъ должностныхъ лицъ.

VI.

Императоръ Павелъ I, относившійся вообще недоброжелательно ко всей дѣятельности своей великой предшественницы, явился и противникомъ порядковъ, заведенныхъ ею въ городскомъ управленіи. Тѣ слабыя намеки на самоуправленіе, которые ввела Екатерина въ свою реформу, встрѣтили въ немъ принципиальнаго врага. Направленіе дѣятельности императора можно видѣть изъ того, что уже во второй годъ своего царствованія онъ далъ особую организацію Гатчинѣ и Павловску. Въ этихъ городахъ екатерининскія ратуши не были уничтожены, но поставлены въ зависимое положеніе отъ «городскаго правленія», во главѣ котораго стоялъ назначаемый самимъ государемъ «управляющій городомъ». Это правленіе распалось на двѣ «экспедиціи», состоявшія изъ правительственныхъ чиновниковъ. Отсюда ясно видно, что о городскомъ самоуправленіи не могло быть и рѣчи, и что вообще выборный элементъ въ глазахъ императора являлся чѣмъ-то совершенно непригоднымъ къ дѣлу. Павелъ Петровичъ не остановился на этомъ, а произвелъ и дальше ломку екатерининскихъ учрежденій. По всѣмъ городамъ стали сокращать число выборныхъ; учреждалась особая правительственная «комисія о снабженіи резиденціи припасами», привлекался къ управленію Петербурга даже сенатъ; наконецъ, именнымъ указомъ 1800 года повелѣно «во всѣхъ городахъ губернскихъ... вмѣсто магистратовъ учредить ратгаузы, на томъ же основаніи, какъ въ столицахъ», и эти ратгаузы становятся «подъ сенатомъ», а подъ «ихъ апелляціею»—магистраты и ратуши уѣздныхъ городовъ. Такимъ образомъ, имѣлось въ виду совершенно новое устройство городовъ, на началахъ прямо противоположныхъ существовавшимъ. Но въ разсмотрѣніе этого вопроса мы не входимъ, въ виду того, что смерть Павла Петровича, 11-го марта 1801 года, помѣшала привести въ исполненіе его планы.

На престолъ вступилъ императоръ Александръ I, сильно чтившій, какъ извѣстно, память Екатерины II. И вотъ отминаятся

установленія Павла I и во всей полнотѣ возстановляется положеніе 1785 года. Но такого общаго возстановленія оказалось недостаточно въ виду того, что цѣлый рядъ отдѣльныхъ положеній, не будучи отмѣнены, оказывался существенно измѣненнымъ. Согласно этому, и по докладу сената 1801 года, было возстановлено до дюжины нарушенныхъ при Павлѣ статей екатерининскаго положенія. Вмѣстѣ съ этимъ, Александръ I полагалъ необходимымъ выработать на основахъ екатерининскаго уложенія, — давашаго, собственно только общіе принципы, — новое положеніе. Однако, если изъ этого не вышло много полезнаго за весь промежутокъ его царствованія, то все же были сдѣланы частичныя дополненія и измѣненія екатерининскихъ порядковъ. Такъ, былъ учрежденъ особый «комитетъ для управленія городскихъ повинностей», имѣвшій цѣлью урегулировать постоянную повинность. Такимъ образомъ, отъ городской думы отходилъ одинъ изъ предметовъ ея вѣдѣнія; кромѣ того, этотъ комитетъ соединялъ въ себѣ какъ выборное, такъ и правительственное начала, причемъ послѣднее, не смотря на численное равенство, преобладало надъ первымъ. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть существеннаго отступленія отъ идеи самоуправленія. Мало-по-малу компетенція этихъ комитетовъ расширилась настолько, что уже въ 1804 году они занимались всѣми городскими повинностями, какъ денежными, такъ и натуральными, не только по вопросу о раскладкѣ, но и объ отправленіи ихъ. Наконецъ, комитеты могли «изыскивать средства» для покрытія расходовъ, т. е. стали пользоваться правомъ обложенія горожанъ новыми налогами и вѣдали все городское управленіе вообще. Эти комитеты учреждались по всѣмъ губернскимъ и даже нѣкоторымъ уѣзднымъ городамъ, разнясь въ числѣ своихъ членовъ. Еще больше урѣзало значеніе думы учрежденіе въ 1820 году комитетовъ «для лучшаго устройства доходовъ и расходовъ». Организациія ихъ похожа на вышеизложенную, т. е. то же смѣшеніе выборныхъ отъ дворянъ и купечества съ правительственными чиновниками.

Прямымъ слѣдствіемъ учрежденія этихъ комитетовъ было то, что дума потеряла все свое значеніе, обратясь въ простой исполнительный органъ комитета въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Она обращается въ учрежденіе, отъ котораго отняли существеннѣйшій предметъ ея вѣдѣнія. Императоръ Александръ, впрочемъ, вводилъ этотъ порядокъ лишь какъ временный, и во все свое царствованіе думалъ объ улучшеніи городского строя. Однако, ни ему, ни его преемнику не пришлось этого сдѣлать.

При императорѣ Николаѣ I мы замѣчаемъ то же отношеніе къ городскимъ учрежденіямъ, то же стремленіе пересоздать эти учреж-

денія въ духѣ, иногда совершенно не согласующемся съ принципами 1785 года. Въ это царствованіе городское уложеніе было издано вновь и вошло въ Сводъ законовъ въ 1842 и 57 годахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, была учреждена особая организація городовъ Петербурга, Москвы, Одессы и Тифлиса. Къ самому бѣглому обзору этихъ вопросовъ мы теперь и обратимся.

VII.

Какъ мы замѣтили, положеніе 1785 года вошло въ Сводъ законовъ 1857 г., въ новой—последней—своей редакціи. Поэтому ничего существенно новаго мы въ ней не найдемъ; въ виду этого мы и ограничимъ наше изложеніе только наиболѣе рѣзкими отступленіями отъ началъ екатерининскаго уложенія, нашедшими себѣ мѣсто въ Сводѣ 1857 года. Сводъ законовъ трактуеть о городскихъ учрежденіяхъ, прямо опредѣляетъ ихъ, какъ учрежденія сословныя, существующія ради управленія «городскими сословіями», причеиъ законъ различаетъ городскихъ обывателей вообще, въ число которыхъ входятъ все постоянныя жители города, отъ «городскихъ обывателей въ особенности», подъ которыми разумѣется все торгово-промышленное населеніе города и которые составляютъ то, что именуется «городскимъ обществомъ». Но въ это общество, однако, не входитъ послѣдній классъ «городскихъ обывателей въ особенности»—рабочіе люди. Затѣмъ жидаы, не смотря на то, что по закону 1804 года, они имѣли право вписываться въ цехи и гильдіи, не принадлежали къ купеческому и ремесленному сословіямъ и стояли въ сторонѣ отъ городского общества, находясь въ вѣдѣніи полиціи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ составъ городского общества входили лица, вовсе не принадлежавшія къ торгово-промышленнымъ классамъ, какъ напримѣръ, дворяне и духовенство. Въ 1832 г., петербургскіе дворяне просятъ, чтобы ихъ представители участвовали въ петербургской думѣ вмѣстѣ съ городскимъ головой и другими уполномоченными въ наблюденіи за оброчными статьями и вообще за всеми расходами и доходами города. Хотя дума и возстала противъ желанія дворянъ, но сенатъ разъяснилъ, что дворяне обязаны нести городскія повинности. Точно также духовныя лица, владѣвшія въ городѣ недвижимостью, входили въ составъ городского общества. (Замѣтимъ, что непремѣннымъ условіемъ пользованія активнымъ и пассивнымъ правомъ избранія, было владѣніе капиталомъ, причеиъ доходъ опредѣленъ въ 15 рублей, а для небольшихъ городовъ и меньше).

Согласно положенію 1785 года, «городскимъ обществамъ пре-

доставляется, для совѣщанія по общественнымъ ихъ дѣламъ, составлять собраніе,—разъ въ три года.

Задача этого учрежденія, по словамъ г. Дитятина, заключается въ составленіи и храненіи обывательской книги. При этомъ, въ составъ собранія, кромѣ городского головы и сословныхъ старостъ, входятъ и «депутаты отъ каждой части города»... отъ всѣхъ тѣхъ сословій (не исключая и дворянъ), которые подлежатъ запискѣ въ городскую обывательскую книгу». «Нельзя не замѣтить,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—въ этомъ составѣ депутатскаго собранія противорѣчія, совершенно непримиримаго, съ опредѣленіями состава другихъ городскихъ учрежденій».

Затѣмъ слѣдуютъ, какъ извѣстно, думы общая и шестигласная, причемъ только послѣдняя является представительницею города «городской» думой; дума же общая существуетъ лишь одинъ моментъ, когда «собирается для выбора гражданъ и для подобныхъ тому дѣлъ временныхъ». Никакой роли она не играла, являясь какимъ-то придаткомъ думы шестигласной и часто попадая въ зависящее положеніе отъ послѣдней. Относительно выборовъ въ гласные думы, законъ остается прежнимъ; однако, надо замѣтить, что составъ шестигласной думы существеннымъ образомъ измѣнился. Именно, число гласныхъ иногда падало до двухъ, или же, какъ было въ 40-хъ годахъ въ Петербургѣ, 4 гласныхъ было отъ купечества, а двое остальныхъ — отъ мѣщанъ и ремесленниковъ. Слѣдовательно, названіе этой думы потеряло всякій, или, по крайней мѣрѣ, первоначальный смыслъ. Да и вообще составъ этой думы не могъ соответствовать ея наименованію въ виду того, что нести службу гласнаго считалось унизительнымъ для дворянъ, а послѣ 1827 года (время новаго постановленія о гильдіяхъ) то же понятіе распространилось и на купцовъ первой и второй гильдій. Затѣмъ молokane и евреи были лишены этого права (послѣдніе не-вполнѣ).

Такія положенія закона, очевидно, не могутъ быть объяснимы ничѣмъ инымъ, какъ его недоувѣрчивымъ отношеніемъ къ самоуправленію, которое такимъ образомъ еще болѣе суживалось.

Интересенъ также вопросъ о томъ, какъ избиралась шестигласная дума. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ положеніемъ 1785 года (см. выше), но въ виду измѣнившихся обстоятельствъ онъ поставленъ былъ такъ неопредѣленно, что въ 1832 году восходилъ до сената, который освятилъ установившійся порядокъ, заключавшійся въ слѣдующемъ. Представителей въ шестигласную думу избирала не общая дума, а сословныя общественныя собранія, которые, по уложенію 1785 года, избираютъ лишь гильдейскихъ и мѣщанскихъ.

старость. Этотъ порядокъ, ставшій въ рѣзкое противорѣчiе съ началами 1785 года, по которымъ шестигласную думу избирала дума общая, вѣроятно, установился первоначально въ тѣхъ городахъ, гдѣ послѣдней думы не существовало. Сенатъ, какъ сказано, утвердилъ этотъ порядокъ.

Составленная такимъ образомъ дума, подъ предѣлательствомъ городского головы, собиралась разъ въ недѣлю (или болѣе въ случаѣ нужды) для завѣдыванія дѣлами города.

Городской голова избирается всѣмъ городскимъ обществомъ въ совокупности, которое собирается «по приказанію начальника губерніи» въ одно время съ дворянскими выборами. Должность городского головы считалась унизительною для дворянъ и слишкомъ высокою для мѣщанъ и купцовъ ниже второй гильдіи. Такимъ образомъ, на эту должность *de facto* избирались только купцы двухъ первыхъ гильдіи. Избранный голова утверждался губернаторомъ.

Таковы были главнѣйшія городскія учрежденія, около которыхъ состояли въ вѣдѣніи шестигласной думы разнаго рода депутаты, затѣмъ торговые смотрители и торговые и рядскіе старосты, установленные для «наблюденія за правильнымъ производствомъ торговли и промысловъ»; и, кромѣ того, смотрители и комиссары, непосредственно наблюдавшіе за городской собственностью.

Компетенція этихъ учреждений въ существенныхъ чертахъ оставалась та же, но они еще болѣе потеряли свою самостоятельность, которой *de facto* было очень немного и при Екатеринѣ II. Теперь же тѣнь самостоятельности оставалась лишь въ сферѣ раскладки и сбора податей и составленія ревизскихъ сказокъ. Въ ущербъ этой самостоятельности сильно расширились права губернаторовъ по отношенію къ городамъ. Начальникъ губерніи «обязанъ наблюдать за правильнымъ употребленіемъ суммъ и за исправностью въ производствѣ вообще по сей части дѣлъ». Ежегодныя смѣты думъ и ратушъ идутъ на разсмотрѣніе его; онъ утверждаетъ всѣ торги по подрядамъ и поставкамъ на сумму до пяти тысячъ. Губернаторъ же «бдительно наблюдаетъ и за общимъ благоустройствомъ и безопасностью въ городахъ... имѣеть тщательное попеченіе о хорошемъ устройствѣ пожарной части». Вообще на губернаторѣ лежатъ забота о «благоустройствѣ внутренняго управленія въ городахъ».

За упущенія, а—главное—за неправильность въ расходахъ, могущую оказаться при повѣркѣ смѣтъ и отчетовъ губернаторомъ и казенной палатой, а также въ случаѣ частныхъ жалобъ, «дѣлается немедленное распоряженіе о преслѣдованіи виновныхъ», выражающееся въ преданіи ихъ губернскимъ начальствомъ суду уголовной палаты.

Принявъ во вниманіе все изложенное, мы видимъ, что городская дума, или ратуша, подлежить надзору только губернатора и губернскаго начальства, и своею отчетностью обязана только передъ ними одними. Городское общество лишено, такимъ образомъ, права контролировать своихъ выборныхъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что было одно учрежденіе, состоявшее изъ депутатовъ отъ каждаго сословія, подъ предсѣдательствомъ городскаго головы, которому «предлагались для надлежащаго учета» ежегодные расходы, представляемые потомъ губернатору. Но это учрежденіе было въ сущности совершенно фиктивнымъ, такъ какъ оно, во-первыхъ, должно было провѣрять своего президента,—городскаго голову,—а затѣмъ не имѣло никакой возможности провѣрять дѣйствительно, такъ какъ ей предлагались для разсмотрѣнія лишь окончательные документы. Зависимость городскихъ учреждений отъ губернскаго начальства была такъ велика, что даже отпуски членовъ этихъ учреждений разрѣшались не иначе, какъ съ дозволенія послѣдняго. Очевидно, правительство смотрѣло на выборныхъ не какъ на представителей мѣстнаго общества и его интересовъ, а какъ на простыхъ чиновниковъ, только поставляемыхъ этимъ обществомъ, съ которыми они ничего не имѣли общаго... Подъ влияніемъ такого отношенія, якобы-выборныя учрежденія обратились, дѣйствительно, въ какія-то канцеляріи, ожидавшія только наградъ и орденовъ сверху и не имѣвшія никакой связи съ городомъ. Положеніе этихъ выборныхъ было настолько не завидно, что они всячески стремились ускользнуть отъ службы городу. Такъ, въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ государственному совѣту въ 1858 году говорится, что «горожане, для уклоненія отъ должностей, жертвуютъ значительныя суммы въ благотворительныя заведенія; сами указываютъ на бытность свою въ прежнее время подъ судомъ, нанимаютъ вмѣсто себя другихъ изъ своего же общества, не являются на службу по цѣлымъ годамъ и «высылаются иногда на оную полицію». Иногда же горожане,—все для избѣжанія службы,—перечислялись передъ выборами изъ одного города въ другой. Конечно, при такомъ положеніи, городскія дѣла не могли идти успѣшно. Городскіе бюджеты были обременены долгами; не было никакого инвентаря; на городахъ лежали недоимки; статьи дохода иногда приносили одинъ убытокъ; города не имѣли ни школъ, ни мостовыхъ, ни освѣщенія и т. д. Сознаніе неудовлетворительности такого порядка было настолько сильно, что уже въ 1821 году министерство внутреннихъ дѣлъ считало нужнымъ измѣнить управленіе хотя одного только Петербурга. Послѣ этого учреждались разнообразныя комисіи по этому вопросу, но лишь въ 1846 году вышло

новое городское положеніе для Петербурга, распространенное съ нѣкоторыми измѣненіями на Москву и Одессу. Но насколько это положеніе осуществляло идеи самоуправленія, будетъ видно ниже.

VIII.

Останавливаясь вкратцѣ на городскомъ положеніи 1846 года для г. Петербурга, мы укажемъ только на его характерныя черты. Во-первыхъ, этотъ законъ совершенно не знаетъ городского общества, какъ цѣлаго, какъ единицу. Это общество представляется законодателью совокупностью пяти отдѣльныхъ сословій: 1) потомственныхъ дворянъ, владѣющихъ въ городѣ недвижимостью; 2) личныхъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и разночинцевъ, при томъ же условіи; 3) купцовъ всѣхъ гильдій; 4) не записанныхъ въ цехи мѣщанъ; 5) входящихъ въ вѣчные цехи. Изъ этого видно, по какимъ двумъ основаніямъ городскіе обыватели причислялись къ городскому обществу, въ составъ котораго, поэтому, не вошли такія лица, какъ духовенство, иногородные купцы, торгующіе крестьяне, иногородные ремесленники, временно цеховыя сельскія состоянія; также не входили въ составъ его тѣ изъ мѣщанъ и другихъ осѣдлыхъ городскихъ обывателей «свободнаго податнаго состоянія» которые «промышляютъ въ столицѣ работами или услугами по найму». Въ такомъ составѣ городское общество имѣло особыя учрежденія для завѣдыванія своимъ хозяйствомъ,—именно, городского голову, думу общую и распорядительную съ особыми при нихъ учрежденіями и чинами. Общая дума, въ силу дробности городского общества, состоитъ изъ представителей пяти отдѣльныхъ сословій, причемъ для активнаго права избранія требуется возрастъ 21 года, доходъ съ собственности не менѣе 100 рублей и два года приписки къ городу. Кромѣ того,—неопороченность по суду, состоятельность (объявленные банкротами не имѣли права избранія); затѣмъ требовалось отсутствіе порочнаго поведенія. Женщины передавали свое право избранія по довѣренности, мужьямъ или родственникамъ. Совсѣмъ не имѣли права избранія нѣкоторыя должностныя лица (губернаторъ, полицмейстеръ и т. д.). Списки этихъ избирателей ведутся особымъ порядкомъ (депутатскимъ собраніемъ) и направляются къ городскому головѣ, который, по полученіи ихъ, и созываетъ избирателей. Последніе собираются не въ одно общее собраніе, а по сословіямъ, или даже разбиваются на болѣе мелкія группы, причемъ съ 1862 года они избираютъ особыхъ выборщиковъ, которые уже и избираютъ членовъ думы. Время выборовъ назначается начальникомъ губерніи; городской же голова только предсѣдательствуетъ въ собраніи, а

такъ какъ послѣднихъ нѣсколько, то только въ одномъ изъ нихъ, а въ другихъ, по его назначенію, сословные старшины съ ихъ товарищами. Пассивнымъ правомъ избранія пользовались тѣ же лица, что и активнымъ, но при условіи достиженія 25 лѣтъ, причемъ рекомендовалось избирать лицъ, уже служившихъ; никто, кромѣ дворянъ, отъ избранія отказываться не могъ. Всѣ выборы оканчиваются въ пятнадцать дней и результаты ихъ посылаются начальнику губерніи, который, — если не усмотритъ какихъ либо неправильностей, — утверждаетъ избранныхъ.

Избранныя такимъ образомъ лица, въ числѣ 500—750 человекъ составляютъ главное представительное учрежденіе города — общую думу. Однако, въ 1862 году численный составъ думы былъ сокращенъ до 250 человекъ (по 50 отъ cadaго сословія). Кромѣ того, въ составъ думы входятъ 5 сословныхъ старшинъ, избираемыхъ особымъ порядкомъ изъ гласныхъ, обладающихъ собственностью въ 6000 рублей.

Предсѣдателемъ думы является городской голова, назначаемый самимъ государемъ императоромъ изъ двухъ кандидатовъ, выбранныхъ общей думой изъ своей среды. Въ этомъ назначеніи городского головы нельзя не видѣть рѣзкаго выраженія общей тенденции законодательства, идущаго вразрѣзъ со свободными началами 1785 года. Кандидатами на должность головы являлись лица изъ числа только дворянъ или купцовъ первой гильдіи, 30 лѣтъ отъ роду, и владѣвшихъ собственностью не менѣе 15,000 рублей. Назначались головы до 1862 года на шесть лѣтъ, а впослѣдствіи — на 4 года.

Общая дума созывается городскимъ головой, но съ разрѣшенія военнаго генераль-губернатора (въ Петербургѣ); открывается и закрывается по его же распоряженію. Засѣданіе считается состоявшимся при наличности $\frac{1}{3}$ общаго числа гласныхъ, причемъ надо особенно замѣтить характеръ рѣшенія дѣлъ. Именно засѣданія проходили посословно, причемъ каждое сословіе рѣшало касающіяся его дѣла; въ случаѣ общихъ дѣлъ, извѣстныя сословія соединялись; однако, общій счетъ голосамъ, для общаго рѣшенія, производился по всѣмъ сословіямъ, причемъ, чтобы дать перевѣсъ дворянамъ и купцамъ, — т. е. наиболѣе состоятельнымъ и поэтому «консервативнымъ» членамъ думы, — законодатель ввелъ такой порядокъ. Сперва рѣшаютъ вопросъ «старшія сословія» и ихъ сужденіе предсѣдатель предлагаетъ «младшимъ», прежде чѣмъ приступать къ голосованію, причемъ послѣднимъ предлагается принять одно изъ мнѣній старшихъ единогласно. Конечно, такая постановка вопроса ведетъ къ тому, что дѣла рѣшаютъ только «старшіе», такъ какъ «младшіе»

никогда не пользовались своимъ правомъ: отвергнувъ предложеніе старшихъ, выставить свое рѣшеніе, которое и должно было подвергнуться общему голосованію. Чтобы закончить съ организаціей общей думы, надо указать, что при ней состояли особыя комисіи и особая канцелярія съ выборнымъ секретаремъ.

Эта общая дума не дѣлаетъ отъ себя никакихъ распоряженій, будучи учрежденіемъ только совѣщательнымъ; рядомъ съ ней стоитъ особое учрежденіе — распорядительная дума. Предсѣдателемъ ея является городской голова; въ составъ ея входятъ 12 выборныхъ членовъ ¹⁾ и одинъ — по назначенію отъ короны. Кроме того, сословія представлены въ этой думѣ слѣдующимъ образомъ. Первые три — девятью гласными (по три отъ каждаго), а мѣщане и ремесленники вмѣстѣ — только тремя. «Членъ отъ короны» назначался по указанію военнаго генераль-губернатора министромъ внутреннихъ дѣлъ на 3 года. Въ 1865 году эта должность уничтожена.

Такимъ образомъ, и въ организаціи этой думы мы видимъ тенденцію законодателя — провести начала, подрывающія самоуправленіе, именно, введеніе правительственнаго элемента и стремленіе дать наибольшее значеніе въ городскомъ хозяйствѣ немногочисленному классу лицъ наиболѣе состоятельныхъ.

Всѣ дѣла въ распорядительной думѣ вѣдались отдѣльными ея членами, хотя существуютъ и общія собранія для обсужденія дѣлъ, требующихъ этого. Кроме того, въ вѣдѣніи думы состоитъ торговая и хозяйственная полиція. Главная задача распорядительной думы состояла въ томъ, чтобы приводить въ исполненіе приговоры общей думы, причемъ, въ случаѣ «разномыслія» или «несогласія», она могла ихъ не исполнить, причемъ она или доводитъ черезъ городского голову о причинахъ этого до свѣдѣнія общей думы, или же сообщаетъ начальнику губерніи, который, если не можетъ согласить обѣ думы, доводитъ дѣло до военнаго генераль-губернатора. Законъ 1862 года измѣнилъ это очень неопредѣленное положеніе, въ виду неизвѣстности правъ въ этомъ отношеніи генераль-губернатора и губернатора, въ томъ смыслѣ, что неисполненный приговоръ идетъ обратно въ общую думу и, если послѣдняя не найдетъ возможнымъ измѣнить его, то онъ получаетъ законную силу. Такимъ образомъ, несогласіе распорядительной думы нѣсколько ограничивается. Вообще же распорядительная дума стоитъ

¹⁾ Выборы производились изъ всѣхъ горожанъ, обладавшихъ активнымъ правомъ избранія, общей думой по отдѣленіямъ — сословіямъ. Съ 1862 года выборы производились особыми «собраніями выборныхъ отъ сословій».

совсѣмъ особнякомъ отъ думы общей, подчиняясь губернатору, главному начальнику губерніи и сенату. Своей годовой отчетностью она обязана не передъ общей думой, а передъ казенной палатой.

Послѣднее городское учрежденіе, въ которомъ предсѣдательствуетъ городской голова и о которомъ надо сказать два слова,—было уже извѣстное намъ «депутатское собраніе», функціи котораго исчерпываются составленіемъ обывательской книги и списка избирателей. Это собраніе, по положенію 1785 г., было безусловнымъ; теперь же и здѣсь введено сословное начало. Всѣхъ членовъ депутатскаго собранія—25 (по 5 отъ каждаго сословія); кромѣ того, — сословные старшины съ товарищами и городской голова. Дѣла рѣшаются по-сословно, исключая важныхъ случаевъ, когда происходитъ общее собраніе.

Относительно круга вѣдѣній думъ, не приходится говорить много. Распорядительная дума вѣдала тѣ самые предметы, «которые въ общемъ порядкѣ предоставлены ей думой шестигласной». Другое дѣло—дума общая, составлявшая *de jure* цѣлый рядъ приговоровъ, когда «законъ требуетъ» этихъ приговоровъ, или общественныя постановленія. Говоримъ: только «*de jure*», ибо, — какъ увидимъ,—общая дума совершенно не собиралась, почему и приговоры составлять не могла. Гораздо интереснѣе этого—вопросъ о правительственномъ надзорѣ за городскими учрежденіями. Зная общую тенденцію законодателя, мы не удивимся, что надзоръ этотъ являлся настоящей *оменкой*, связывая по рукамъ и ногамъ городъ и не давая ему ни шагу ступить свободно. Приходы и расходы города опредѣлялись «высочайше подтвержденными штатами», переступать которые нельзя было ни на одну іоту, безъ новаго «высочайше подтвержденнаго положенія»...

Всѣ дѣйствія исполнительной думы точно опредѣлялись инструкціями министерства внутреннихъ дѣлъ. Все вообще «общественное управленіе С.-Петербурга состоитъ подъ главнымъ наблюденіемъ и вѣдѣніемъ военнаго генералъ-губернатора», по соглашенію съ которымъ составляется министромъ внутреннихъ дѣлъ «особая инструкція» члену отъ короны въ распорядительной думѣ. Обязанность послѣдняго состояла въ наблюденіи за «правильностью канцелярскаго порядка и счетоводства и за отчетностью вообще по думѣ; въ надзорѣ за успѣшнымъ веденіемъ дѣлъ и за экзекуторскою частью, и въ контролѣ всего дѣлопроизводства. Затѣмъ военный генералъ-губернаторъ утверждаетъ одного изъ двухъ выбранныхъ кандидатовъ секретаремъ думы. Цѣлый рядъ рѣшеній думы идетъ на утвержденіе генералъ-губернатора. Наконецъ, распорядительная дума находилась въ непосредственномъ вѣдѣніи губернатора, который могъ, по лич-

ному усмотрѣнiю, предсѣдательствовать въ ней. Затѣмъ надзоръ правительства переходилъ прямо во вмѣшательство въ городскiя дѣла, когда «высшее начальство» предписывало «порядокъ» хозяйственнаго распоряженiя думѣ или требовало «немедленнаго разсмотрѣнiя» того или другаго дѣла. Кромѣ всего этого, городскiя учрежденiя оказывались подчиненными еще прокурорскому надзору.

Въ виду всего сказаннаго, думы не имѣли никакой самостоятельности: онѣ обратились въ какiя-то канцелярiи, сносившiяся «рапортами» съ губернскими мѣстами и получавшiя жалованье отъ правительства. Послѣднее нововведенiе совершенно обращало выборныхъ въ чиновниковъ. Но, не смотря на весь этотъ надзоръ, управление Петербургомъ нисколько не улучшилось. Общая дума, за 14 лѣтъ существованiя, собиралась всего 17 разъ! Дворяне почти не являлись на выборы, какъ и наиболѣе значительные купцы и граждане—и все управление сосредоточивалось въ рукахъ невѣжественнаго торгово-промышленнаго класса. Такимъ образомъ, попытка дать перевѣсъ въ городахъ дворянству и правительственному влiянiю не привела ни къ чему. Въ 1859 и слѣдующихъ годахъ это положенiе было примѣнено къ Москвѣ и Одессѣ съ нѣкоторыми измѣненiями, однако, не столь значительными, чтобы преобразовать весь характеръ положенiя,

Въ виду этого, мы и не станемъ разсматривать этого вопроса, а укажемъ только на то, что Тифлисъ имѣлъ особое учрежденiе въ 1840 и 1866 годахъ, причеиъ оно внесло нѣчто незнакомое разсмотрѣннымъ нами до сихъ поръ городовымъ положенiямъ. Именно: имъ устанавливается извѣстное отношенiе городскихъ выборныхъ учреждений къ выбравшему ихъ обществу—общему городскому собранiю, которое, по разсмотрѣнiи дѣйствии должностныхъ выборныхъ лицъ, въ случаѣ злоупотребленiй, удаляетъ ихъ отъ должности и передаетъ суду. Въ общемъ же организацiя тифлискаго управленiя та же, что и разсмотрѣнная нами.

Что же можемъ мы вывести изъ изученiя управленiя и устройства нашихъ городовъ?

Выводъ получается краткiй, хотя и опредѣленный: во все продолженiе русской исторiи до 1870-хъ годовъ мы вовсе не находимъ «самоуправленiя» въ строгомъ смыслѣ слова. Впрочемъ, иначе и быть не можетъ, такъ какъ самоуправленiе необходимо предполагаетъ свободное въ немъ участiе народа и общества. Для этого, очевидно, нужно, чтобы и народъ, и общество сами были свободны.

Не могло быть самоуправленiя въ московской Руси, гдѣ все ва-

селеніе несло государственное тягло; не могло быть самоуправленія и въ петровское время, когда населеніе еще сильнѣе закрѣпощалось, и только когда Екатерина II начала эпоху «раскрѣпощенія» съ верхнихъ слоевъ общества, — тогда только и могли появиться первые слабыя проблески самоуправленія. Но до тѣхъ поръ, пока основная масса народа не имѣла никакихъ правъ и не могла понять своихъ обязанностей, никакое самоуправленіе было немыслимо, и всякія попытки ввести его должны были окончиться неудачей.

Только съ эпохой освобожденія крестьянъ является у насъ самоуправленіе.

А. З. Б.

(Окончаніе будетъ.)

Памяти Ф. И. Тютчева.

Года безжалостно хоронять
Величье близкихъ намъ именъ...
Ты былъ кошунственно непонять
И на забвенье осужденъ!

Полеть мечты и силу чувства
Ты повѣрялъ напрасно намъ...
Но будетъ созданъ для искусства
Неразрушимый новый храмъ.

И стихъ твой смѣлый, вдохновенный,—
Безсмертнымъ дышущій огнемъ,—
Онъ осѣнитъ тотъ храмъ священный
Своимъ заоблачнымъ крыломъ!

А. Мейснеръ.

ГОРДИЧА.

О черкъ.

I.

Скучные дни удивительно походили одинъ на другой. Александръ Федоровичъ Звягинъ обыкновенно обѣдалъ дома въ своей маленькой квартиркѣ и затѣмъ тотчасъ же садился за чтеніе или писанье, рѣдко допуская отдыхъ. Въ гости и въ театръ онъ почти не ходилъ. Все это требовало лишнихъ расходовъ, а онъ еле-еле перебивался, такъ какъ институтское воспитаніе дочери стоило ему немало. Съ женой онъ давно разошелся и уже нѣсколько лѣтъ не получалъ отъ нея никакихъ извѣстій. Такимъ образомъ, Звягинъ жилъ старымъ бобылемъ, уйдя въ самого себя, и, кажется, совершенно не думалъ о возможности скрасить чѣмъ нибудь свое одинокое существованіе. Дѣлая маленькія дѣла, онъ не заботился о томъ, чтобы скорѣе выдвинуться и завоевать извѣстное положеніе, которое сразу придаетъ человѣку увѣренность въ своихъ силахъ и необходимый апломбъ въ житейскихъ отношеніяхъ. Этого нерѣдко достигаютъ люди съ несравненно меньшимъ запасомъ свѣдѣній, но съ большимъ талантомъ,—показать товаръ лицомъ. Звягинъ былъ не таковъ; тщеславіемъ не обладалъ и жилъ, какъ тысячи тружениковъ, точно маленькое зубчатое колесо, приводящее въ движеніе цѣлую систему другихъ колесъ, еще меньшихъ, чѣмъ оно само.

Нынче онъ пришелъ домой позже обыкновеннаго, такъ какъ обѣдалъ съ компаніей у Дюна. Онъ рѣдко позволялъ себѣ такую роскошь и всегда потому старался наверстать утраченное сверхъ опредѣленнаго ресурса. Въ голубѣ у него шу-

мѣло отъ выпитаго вина. Онъ машинально отперъ дверь американскимъ ключемъ и засталъ у себя непривычное освѣщеніе.

Слегка пошатываясь, вошелъ онъ въ гостинную, представляющую вмѣстѣ и кабинетъ, и вдругъ остановился, пораженный неожиданностью. У открытаго альбома сидѣла молодая дѣвушка со строгими чертами блѣднаго лица и смотрѣла на него прямо въ упоръ большими карими глазами, сверкающими какимъ-то трагическимъ блескомъ. Она какъ будто выжидала чего-то и оставалась неподвижной; наконецъ, на губахъ у нея промелькнула грустная улыбка.

— Не узнаешь, Саша?..— сказала она тихо, и въ ея грудномъ бархатномъ голосѣ зазвучала нотка обиды. Что-то далекое, далекое вдругъ проснулось и поднялось въ душѣ Звягина. Онъ протянулъ впередъ руки и нерѣшительнымъ взглядомъ окинулъ говорившую.

— Сестра?.. Оля?..

Они крѣпко, по братски, поцѣловались. Звягину было неловко, что отъ него пахло виномъ. Она замѣтила это, и по ея лицу пробѣжала тѣнь разочарованія.

Братъ и сестра не видѣлись въ продолженіе десяти лѣтъ. Жизненная волна совершенно разъединила ихъ. Женитьба Александра Ѳедоровича и разныя недоразумѣнія чисто семейнаго и денежнаго характера отдалили его отъ матери (отецъ давно умеръ), а, слѣдовательно, и отъ Оли. Они не переписывались и не искали встрѣчъ. Разыгралась та маленькая незамѣтная драма, которая разрушаетъ семью и создаетъ тысячи мелкихъ непріятностей, подтачивающихъ здоровье и нравственное спокойствіе. Звягинъ зналъ только, что мать и сестра живутъ бѣдно, что Оля даетъ уроки, но за помощью къ нему онъ никогда не обращались.

— Откуда ты? Гдѣ была? Чтò привело тебя въ эту холодную столичную сутолоку? Это— и тюрьма, и широкое раздолье... Гдѣ же, однако, твои вещи? Ты, конечно, остановилась у менѣ?..

Онъ засыпалъ ее градомъ лихорадочныхъ вопросовъ, въ тѣ же время не давая ей говорить и стараясь быть любезнымъ; но чувствовалъ, что между нимъ и этой странной дѣвушкой давно порваны всѣ родственныя связи. Необозримая пропасть

стояла препятствіемъ къ ихъ сближенію. На всѣ вопросы она отвѣчала спокойно и послѣдовательно, съ методической пунктуальностью, какъ женщина, привыкшая къ порядку. Лишь по временамъ матово-блѣдныя щеки покрывались легкимъ румянцемъ, когда разговоръ касался предметовъ, особенно волнующихъ ее по той или другой причинѣ.

— Мой другъ,—говорила она ровнымъ, пріятнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ Звягинъ сидѣлъ рядомъ на диванѣ съ напряженнымъ выраженіемъ лица:—прежде всего отложимъ въ сторону церемоніи. Я поселилась съ подругой и тебя не обременю. Ты даже не приходи ко мнѣ: мы живемъ бѣдно и скучно. Я уже тутъ съ недѣлю... захотѣлось поучиться умуразуму. Видишь ли, занимаясь съ дѣтьми, странствуя по различнымъ городамъ, приходилось и сталкиваться съ разными людьми. Мнѣ подали мысль поступить на бестужевскіе курсы. Отчего жъ и не попробовать счастья?..

Сестра Александра Ѳедоровича засмѣялась сухимъ, неестественнымъ смѣхомъ.

— Что же, съ Богомъ! — отвѣчалъ братъ: — я не имѣю права давать тебѣ какіе нибудь совѣты... Но къ чему же это приведетъ?.. Счастье заключается въ самихъ насъ, а не во внѣшнихъ формахъ...

Она перебила его съ видимымъ волненіемъ.

— Человѣкъ живетъ надеждами и, если можетъ надѣяться, значитъ, недалекъ и отъ счастья... Ты — слишкомъ большой матеріалистъ. Петербургъ лишилъ тебя тѣхъ иллюзій, которыя однѣ, въ сущности, украшаютъ нашу жалкую будничную жизнь... Такова я, вѣчная мечтательница!.. Посуди самъ: я едва собрала себѣ средства на дорогу, и въ карманѣ осталось всего нѣсколько рублей, а, между тѣмъ, вѣдь надо же чѣмъ нибудь и жить, и платить за право ученія..

«Вотъ оно когда начинается!»—мелькнула эгоистическая мысль въ головѣ Звягина:—«Очевидно, раскошеливайся, какъ ближайшій родственникъ».

Лицо его неожиданно сдѣлалось суровымъ и непроницаемымъ, и это не ускользнуло отъ остраго, наблюдательнаго взгляда сестры. Ей стало такъ непріятно, что она даже приподнялась съ кресла и нервно провела рукой по волосамъ. Потомъ она опять сѣла. Тягостное молчаніе продолжалось

двѣ-три минуты не больше, но обоемъ оно показалось вѣчною. Оля первая нарушила его.

— Я такъ и знала. Теперь ты увѣренъ, что я сяду тебѣ на шею или буду просить милостыни... Бѣдный мой Саша! Какъ ты переѣнился! — И она съ едва замѣтной усмѣшкой похлопала его по плечу, затѣмъ рѣзко оборвала разговоръ, переходя на другой предметъ:—ты кутилъ гдѣ нибудь? Ты несчастень?.. Говори прямо... Какъ только ты вошелъ, мнѣ сейчасъ же сдѣлалось ясно, что у тебя на душѣ горе.

Звягинъ вздрогнулъ отъ прикосновенья ея руки и отъ неувелимаго оттѣнка въ голосѣ, съ которымъ обратилась къ нему сестра. Онъ пытался возражать.

— Ты преувеличиваешь, Ольга. Конечно, жизнь не даритъ меня особеннымъ счастьемъ, но я все таки пытаюсь поймать его за хвостъ... Лучше поговоримъ о тебѣ.

Онъ былъ сконфуженъ, и Оля успѣшила его успокоить.

— Хорошо... хорошо. Я пошутила. Видишь ли, другъ мой, надо подыскать мѣстечко. Если не удастся, уѣду назадъ. На обратный путь я все таки поберегла копѣчку.

Звягинъ былъ озадаченъ.

— Уѣдешь назадъ?—переспросилъ онъ съ удивленіемъ:—но вѣдь надо же было, по крайней мѣрѣ, предупредить, написать... Я бы постарался что нибудь приготовить... Мѣста не валяются на улицѣ. Наконецъ, моя квартира...

— Ты все о своемъ!.. Я ни передъ кѣмъ не желаю одолжаться. Я всего достигла сама и въ этомъ — моя сила и моя...

— Слабость,—подсказалъ Александръ Ѳедоровичъ.

— Да, ты правъ,—слабость; но она дѣлаетъ меня гордой и независимой, а развѣ этого мало?

Оля скоро собралась уходить, торопясь по какому-то порученію.

— Приходи хоть пообѣдать...

Онъ холодно пожалъ ей руку и сталъ подавать кофточку, и вдругъ ему сдѣлалось жалко этой одинокой, бѣдной дѣвочки, брошенной безжалостною судьбою въ столичный омутъ. Пока она надѣвала шляпку, передъ нимъ всталъ образъ дочери, маленькой институтки Нади, наполовину сиротки, покинутой матерью. Что съ ней будетъ, когда онъ умретъ?.. Точно темное

облако сразу надвинулось на него и заслонило свѣтъ. Можетъ быть, и ей придется влачить сѣрые дни въ нуждѣ и лишенияхъ, побираясь по чужимъ людямъ, выслушивать желчныя упреки и стучаться въ двери благотворителей, заглушая боль разбитаго молодого сердца?

— Милая Оля!.. Прости меня... — вырвалось изъ груди Звягина глухимъ стономъ: — я виноватъ передъ тобой, не осуди!..

Ее поразилъ этотъ страстный порывъ, повидимому, ничѣмъ не вызванный; глаза ея на мгновенье потеряли обычную строгость и слегка увлажнились.

— За что? Ты нисколько не виноватъ въ моихъ неудачахъ... Я счастлива, право счастлива. Не думай обо мнѣ.

Она ушла, а онъ все прислушивался къ ея шагамъ, гулко раздававшимся въ пролетѣ лѣстницы, и чѣмъ тише становились они, тѣмъ бѣльшая пустота чувствовалась у него на душѣ. Онъ бросился на диванъ, поджалъ ноги и тупо глядѣлъ въ потолокъ, не отдавая себѣ отчета: откуда взялось это внезапное отчаяніе? Онъ желалъ забыться и надолго уснуть. Лампа освѣщала комнату ровнымъ голубоватымъ свѣтомъ.

— Одна... въ сырую ночь...—шептала онъ, слабо шевеля блѣдными губами, которыя отъ цвѣта абажура казались со-всѣмъ мертвенными.

Онъ хотѣлъ плакать, но слезъ не было...

II.

Доктора предписали Александру Федоровичу вести исключительно растительный образъ жизни:—въ опредѣленные часы ложиться спать, умеренно ѣсть, медленно гулять, ничего не думать, въ особенности, избѣгать чтенія газетъ, какъ главнаго источника нервныхъ болѣзней, замѣняя ихъ гимнастическими упражненіями; фарсы и клоунада—единственныя разрѣшенныя удовольствія. О спиртныхъ напиткахъ нечего и говорить,—они совершенно вычеркивались изъ его обѣденнаго меню. Словомъ, интеллигентный человѣкъ среднихъ лѣтъ недурной наружности долженъ былъ превратиться въ какой-то движущійся жвачный миханизмъ, лишennyй всякихъ духовныхъ прояв-

лѣній, и все это съ одной только цѣлью — быть физически здоровымъ, съ веревками вмѣсто нервовъ и съ правильно-развитыми мускулами вмѣсто дисциплинированнаго мозга. Согласитесь, что подобный режимъ—не изъ пріятныхъ! Звягинъ сначала строго соблюдалъ предписаніе врача, но на вторую же недѣлю его терпѣніе истощилось и вся программа рѣзко перемѣнилась; онъ по прежнему началъ засиживаться до утра за своими литературными работами, писалъ полемическія статьи съ еще бѣльшей раздражительностью, чѣмъ раньше, усиленно читая русскія и заграничныя газеты, и по временамъ покупивалъ въ веселой компаніи добрыхъ пріятелей. Рѣзкихъ ухудшеній въ здоровьѣ отъ этого не произошло, не смотря на предсказанія эскулапа, который въ запутанныхъ фразахъ, съ видомъ оскорбленнаго представителя науки, намекалъ даже на возможность «прогрессивнаго паралича». Звягинъ, впрочемъ, былъ не трусливаго десятка и только улыбался въ отвѣтъ на такія угрозы. Онъ не принадлежалъ къ натурамъ, легко увлекающимся, но если отдавался чему нибудь, то съ пыломъ фанатика, не знающаго преградъ. Это создало мнѣніе о немъ, какъ о трудолюбивомъ и убѣжденномъ работникѣ (на службѣ) и горячемъ идеалистѣ (въ литературномъ мѣрѣ).

Такъ проходили недѣли, мѣсяцы однообразной вереницей. Засиживаясь иногда до 4—5 часовъ утра за какой нибудь срочной статьей, Александръ Федоровичъ вставалъ поздно и и едва-едва поспѣвалъ на службу въ одно изъ многочисленныхъ управленій, гдѣ уже обыкновенно его ожидала куча входящихъ и исходящихъ бумагъ. Онъ молча усаживался за свое бюро, и начиналась скучная мертвая работа по строго размѣренному шаблону, изъ котораго онъ никакъ не могъ выбраться. Многолѣтняя давность и канцелярскія традиціи стояли насторожѣ. Ему оставалось только идти по тропѣ инерціи, отъ него не зависящей. Липо, давшее жизнь этой инерціи, терялось гдѣ-то въ глубинѣ времени за толстою стѣнной архивныхъ дѣлъ, уже полуизвѣденныхъ мышами и покрытыхъ внушительнымъ слоемъ пыли. Любимая латинская пословица «*volenti non fit injuria*», которую зачастую повторялъ въ классѣ его бывшій гимназическій учитель, каждый разъ приходила ему въ голову, когда рука отказывалась писать, а въ умѣ шевелились проклятые вопросы,—и она снова при-

водила его въ чувство... Работа шла неизмѣннымъ порядкомъ безъ запинки, и никто изъ сослуживцевъ Звягина даже и не подозрѣвалъ, какія подчасъ ядовитыя мысли осаждаютъ этого образцоваго служаку. Только въ адмиральскій часъ, когда онъ съ нѣсколькими товарищами перебѣгалъ въ сосѣдній кабинетъ перекусить за рюмкой водки, вносилось нѣкоторое оживленіе. Александръ Ѳеодоровичъ обыкновенно сейчасъ же начиналъ подтрунивать надъ Казиміромъ Степановичемъ, а Казиміръ Степановичъ надъ Александромъ Ѳеодоровичемъ, и завязывалась игривая перестрѣлка, пока буфетные часы не показывали, что пора возвращаться къ прерваннымъ занятіямъ.

Въ такой обстановкѣ чиновника-интеллигента жилъ Звягинъ, стараясь забыть несбыточныя грезы о лучшихъ дняхъ, которыя подчасъ въ тревожныя ночи кружили его разгоряченную голову...

Моросилъ мелкій ноябрскій дождь. По Невскому сновали взадъ и впередъ недовольныя, вѣчно куда-то торопящіяся, фигуры пѣшеходовъ. Извожичьи лошади лѣнивой рысдой плелись гуськомъ, еще болѣе омрачая осеннюю картину петербургскаго дѣловаго дня. Мчались и рысаки, отдавая всѣхъ липкою грязью. Солнце уже нѣсколько дней не появлялось на горизонтѣ, покрытомъ оловяннымъ сплошнымъ облакомъ. Со взморья дулъ рѣзкій вѣтеръ, крѣпчавшій съ каждымъ часомъ все сильнѣй и сильнѣй, и частые пушечные выстрѣлы безпрестанно давали знать о близкомъ наводненіи. Вода замѣтно прибывала, и подвальные жители съ ужасомъ складывали свои нищенскіе пожитки.

Не лучше было и на душѣ у Ольги Звягиной. Двѣ недѣли промучилась она въ трудныхъ поискахъ за какимъ нибудь мѣстомъ, которое обезпечило бы ей самое невзыскательное прозябанье и возможность посѣщать лекціи; но на однихъ требовались утреннія занятія, тогда какъ она до 4 часовъ не могла располагать свободнымъ временемъ, бывая на курсахъ; на другихъ нужны были какія-то особенныя «рекомендаціи»; на третьихъ уже давно ожидали десятки кандидатокъ... Ее глубоко поразилъ пріемъ адвоката, публиковавшаго о желаніи имѣть «опытную молодую письменоводительницу».

Барская квартира, убранная персидскими коврами, и нарядная горничная въ бѣломъ кружевномъ чепцѣ, смѣрившая Ольгу насмѣшливымъ вызывающимъ взоромъ, мгновенно отняли у нея послѣднее самообладаніе.

— Подождите здѣсь, — небрежно сказала та:—я сейчас доложу барину... Переписчица?.. У насъ ужъ тутъ ихъ сколько перебивало, да все неподходящія! — И, криво усмѣхаясь, она скрылась за портьерой.

Лоснящаяся поношенная кофточка, простенькая мѣховая шапочка и плохо скроенная черная шерстяная юбка придавали Звягиной видъ довольно жалкой провинціальной бонны. Глубокіе выразительные глаза и правильное строгое лицо только потомъ, спустя нѣкоторое время, обращали на себя вниманіе и невольно заставляли забыть первое невыгодное впечатлѣніе.

— Пожалуйте въ кабинетъ... А кофту-то развѣ не снимете?..

Ольга, ничего не отвѣчая, прошла въ слѣдующую комнату, служащую, очевидно, пріемнымъ кабинетомъ, — своего рода святилищемъ современнаго жреца Ѳеимиды. Картины въ роскошныхъ рамахъ, фотографическія группы, десятки красивыхъ бездѣлушекъ въ японскомъ вкусѣ; тяжелая рѣзная мебель, — все запестрѣло въ глазахъ Звягиной. Она въ нерѣшительности остановилась посреди комнаты и не сразу замѣтила въ креслѣ-качалкѣ тучнаго, маленькаго лысаго человѣчка со вздернутымъ носомъ. Довольно крупное туловище на коротенькихъ ножкахъ, отсутствіе шеи и плотоядное выраженіе хитрыхъ глазокъ, заплывшихъ жиромъ, дѣлали уморительной эту фигурку «судебнаго оратора».

— Вы меня ищите, голубушка? Я здѣсь всей своей персоной, — сказалъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, не измѣняя позы.

Она вздрогнула отъ фамиллярнаго обращенія, и оскорбленная гордость придала ей храбрости.

— Я прочитала ваше объявленіе и думала предложить свои услуги.

Ея отвѣтъ прозвучалъ смѣло и съ достоинствомъ, такъ что адвокатъ сдѣлалъ невольное движеніе и опустил лѣвую ногу, которая сначала была высоко заброшена на правую. Онъ при-

стально вглядывался въ черты незнакомой дѣвушки и, видимо, остался доволенъ бѣглымъ осмотромъ.

— Садитесь... Да куда же вы? Поближе, вотъ тутъ, рядомъ со мной... Мы должны приглядѣться другъ къ другу.—Онъ сталъ излагать ей условія и, какъ бы невзначай, незамѣтно погладилъ ее по рукаву кофточки своей пухлой лапой съ бриллиантовымъ перстнемъ. Ольга нетерпѣливо отвернулась.

— Вы, должно быть, прѣзжая?.. Это сейчасъ видно. Прежде всего, милая, вамъ надо одѣться *comme il faut*. Мой секретарь не можетъ ходить какъ попало. Согласитесь сами... Отчего же вы смущаетесь, дитя мое? Какія у васъ нѣжныя щочки!.. Право, подъ южнымъ небомъ...

Онъ не договорилъ и грубоватымъ жестомъ обхватилъ ее за талию. Звягина вырвалась и вскочила. Онъ испугался,— такимъ взглядомъ подарила она дерзкаго старика.

— Наглець!.. Только и могла она проговорить, и глаза ея наполнились слезами.

Толстякъ вскочилъ съ кресла и смущенно засѣменилъ ножками.

— Куда-же вы уходите? Мы еще не сговорились. Я не предполагалъ, что могу васъ чѣмъ нибудь оскорбить. Я хотѣлъ улучшить ваше положеніе.

Она, не слушая, выбѣжала на парадную лѣстницу, стукнувъ дверью, и лишь внизу почувствовала нѣкоторое облегченіе. Рыданья все таки продолжали ее душить. Швейцаръ, съ соболѣзнованіемъ поглядѣлъ на нее. Онъ, очевидно, не привыкъ къ такимъ сценамъ и, вѣроятно, приписалъ ея слезы внезапному страху въ виду наводненія, которое уже началось въ гавани и низменныхъ частяхъ города.

— Скорѣе, барышня, а то проѣзда не будетъ. Вода ухъ какъ пошла!..

Вѣтеръ, однако, мало-по-малу началъ стихать и вода уменьшалась: но бѣдствіе совершилось, и сотни несчастныхъ семействъ служили искупительной жертвой разъяренной стихіи. Дождь продолжалъ накрапывать, когда Ольга шла по Невскому, обуреваемая мрачными думами. Она все дѣлала, чтобы достигнуть желанной цѣли, но судьба зло посмѣялась надъ ея иллюзіями.

«Уѣду, уѣду отсюда... Тамъ лучше, теплѣе живется... Какъ

знать? можетъ, въ послѣдствіи и удастся. Стоитъ ли думать о моемъ несчастіи, когда столько бѣдняковъ теряютъ сегодня послѣднюю кровлю»...

Въ эти минуты ея, дѣйствительно, тянуло на родину. Петербургъ становился для нея невыносимымъ чудовищемъ, замширомъ, высасывающимъ кровь. Она всматривалась въ высокіе дома, въ проѣзжающихъ и въ проходящихъ, и въ душѣ подымалась безпричинная, слѣпая ненависть ко всему, — къ людямъ, къ воздуху, къ небу... Въ захолустномъ городкѣ мирно протечетъ ея жизнь, чуждая излишнихъ тревоженій и высокихъ задачъ.

Когда она уѣзжала въ столицу, ее провожалъ молодой человекъ съ некрасивымъ, но добродушнымъ лицомъ, и былъ такъ грустенъ, грустенъ... Ей вдругъ показалось теперь, что она способна полюбить этого чужаго человека, и какая-то незнакомая волна новыхъ ощущеній потянула ее къ нему, за полторы тысячи верстъ...

«Да... да... Отъ счастья счастья не ищутъ».

Гордость не позволяла ей сознаться, что она заблуждается. По дорогѣ Звягина зашла къ брату проститься, но не застала его и оставила коротенькую записку:

«Милый братъ!

Нынче вечеромъ уѣзжаю съ поѣздомъ, идущимъ на Севастополь. Если свободенъ, заходи на вокзалъ проститься. Мое дѣло не выгорѣло, но я не жалѣю. Все къ лучшему!

О. Звягина».

III.

Александръ Ѳедоровичъ возвратился домой въ десятомъ часу вечера. Записка сестры взволновала его не на шутку. Онъ помнилъ, что севастопольскій поѣздъ отходить въ одиннадцатомъ часу и, переодѣвшись, поспѣшилъ на вокзалъ. Въ немъ шевелились совершенно противоположныя чувства: — и огорченъ, что Оля вынуждена отказаться отъ своей завѣтной мечты, и какое-то странное довольство, что она уѣзжаетъ и перестанетъ стоять въ его глазахъ какимъ-то живымъ укоромъ. Порою онъ готовъ былъ умолять ее принять помощь хоть на первое время и остаться въ Петербургѣ.

Извозчикъ ѣхалъ медленно, и Звягинъ поминутно погонялъ его. Уже прозвонили, когда онъ бѣжалъ по платформѣ, разыскивая сестру.

Она стояла около вагона третьяго класса довольно далеко, почти у самаго локомотива, и не видѣла, какъ онъ бѣжалъ, запыхавшись и покраснѣвъ.

— Насилу поспѣлъ!—крикнулъ онъ еще издали.

Она обернулась и глаза ея радостно блеснули, но потомъ снова померкли.

— А я думала, ты не приѣдешь.

— Почему же? Напротивъ!.. Я полетѣлъ сюда, какъ только получилъ твое письмо.

Они немного помолчали, занятые каждый своими мыслями.

— Не нашла таки мѣста?—наконецъ, спросилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Она вкратцѣ рассказала ему свою одиссею и не могла удержаться отъ возгласа негодованія по адресу адвоката.

— Женскій трудъ!.. Какой-нибудь ожирѣвшій баринъ подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ не стѣсняется тебя оскорбить и забросать грязью. Мы должны вѣчно прятаться за спину мужчинъ и не въ состояніи даже сами себя защитить. Хороша равноправность, о которой кричатъ на всѣхъ перекресткахъ.

— Скажи мнѣ имя этого нахала, и я вызову его на дуэль,—вскричалъ Звягинъ въ порывѣ задѣтаго самолюбія:— я покажу ему, какъ оскорблять мою сестру..

Но онъ вдругъ вспомнилъ свои отношенія къ Ольгѣ и тутъ же сконфуженно замолчалъ. Какая иронія! Онъ вздумалъ драться за дѣвушку, которую самъ же натолкнулъ на унизительную роль.

Звягинъ больше не могъ сдерживаться и бросился къ ней съ искреннимъ увлеченіемъ.

— Оля, Оля, возвратись! Забирай вещи и вернемся ко мнѣ. Я не богатъ, но намъ хватитъ съ тобой... Ты будешь ходить на свои лекціи, будешь и уроки давать, если хочешь... Забудь же прошлое. Право, такъ лучше...

На одно мгновенье Ольга какъ будто поколебалась. Это сразу было замѣтно по ея вспыхнувшимъ щекамъ и горячему взгляду, брошенному на брата.

Конечно, она желала остаться въ этомъ опротивѣвшемъ

ей чудовищномъ Петербургѣ и испробовать новой жизни; но... проснулись вновь старыя сомнѣнія.

«Онъ увлекается и сегодня же будетъ раскаиваться... Нѣтъ, нѣтъ, ни за чтѣ!»..

За минуту передъ тѣмъ, почти счастливая, бодрая, она вдругъ точно застыла; лицо поблѣднѣло и осунулось, какъ у нервныхъ натуръ.

— Спасибо, братъ, но мое рѣшеніе безповоротно. Я не хочу быть кому нибудь въ тягость.

Второй звонокъ еще больше взволновалъ обоихъ.

— Прощай, Саша!

Они обнялись.

— Еще просьба,—заторопился Звягинъ, держа въ рукѣ кошелекъ:—возьми хоть на дорогу... Я знаю, что у тебя ничего нѣтъ... Умоляю... Голубка!

Въ его словахъ слышались слезы. Онъ чувствовалъ себя несчастнымъ.

Ольга отстранила его рукой и вспрыгнула на площадку вагона.

— Ну, чтѣ же, все таки не возьмешь?.. Бери взаимы, потомъ приплешь.

Третій звонокъ заглушилъ ея отвѣтъ, но онъ понялъ, что все напрасно.

Два свистка—и поѣздъ двинулся... Звягина махнула брату платкомъ и скрылась за дверью. Ему показалось, что она плачетъ. Онъ долго стоялъ на дебаркадерѣ, пока не скрылся изъ виду послѣдній вагонъ.

— Гордячка!.. — съ сердцемъ вырвался у него крикъ и замеръ въ безлюдной ночной тиши.

Возбужденный возвратился Звягинъ домой и всю ночь напролетъ писалъ горячій фельетонъ по «женскому вопросу»: никогда его перо не достигало такой силы, нервности и яркости образовъ, какъ въ этой статьѣ. Онъ доказывалъ, что у женщинъ нѣтъ ни увѣренности въ себѣ, ни самообладанія, ни сильной души, и что для достиженія строго опредѣленныхъ цѣлей онѣ не должны останавливаться ни передъ какими преградами, искупая средства высотой призванія...

Фельетонъ Звягина произвелъ впечатлѣніе въ извѣстныхъ кружкахъ и вызвалъ оживленные толки. Многіе не соглашались

съ выводами, но никто не могъ отказать автору въ подкупающей искренности тона. Статья эта была напечатана въ распространенной газетѣ и не удивительно, что о ней узнали и въ томъ уѣздномъ городкѣ, гдѣ Ольга служила учительницей въ мѣстной прогимназіи.

Возвратившись изъ Петербурга, она сразу попала на открывшуюся вакансію и до извѣстной степени могла считать себя удовлетворенной.

Молодой человѣкъ, образъ котораго промелькнулъ передъ ней въ минуту тяжкой неудачи и разочарованія подъ хмурымъ осеннимъ небомъ, любившій слѣдить за явленіями литературной и общественной жизни,—насколько это возможно въ захолустномъ уголкѣ Россіи,—принесъ ей номеръ съ фельетономъ Звягина и, не говоря ни слова, положилъ на столъ.

— Чтò нибудь интересное? — спросила она своего новаго пріятеля, съ которымъ въ послѣднее время встрѣчалась почти ежедневно, такъ какъ онъ тоже преподавалъ въ женской прогимназіи.

— На досугѣ почитаете, Ольга Ѳедоровна, — любопытная статейка.

На томъ разговоръ и покончился.

Уже вечеромъ на сонъ грядущій, вмѣсто отдыха, она развернула газету и, конечно, увидѣвши фамилію брата, съ нервнымъ любопытствомъ принялась за чтеніе.

Она залпомъ прочитала длинное разсужденіе, въ сущности построенное на ловкихъ парадоксахъ. Конечный выводъ вызвалъ въ ней негодованіе, смѣшанное съ жалостью къ брату. Она и оправдывала его, отлично понимая, въ какую минуту онъ писалъ, и возмущалась, что братъ, котораго она считала за умнаго человѣка, строилъ цѣлое зданіе на хрупкомъ фундаментѣ; случайный эпизодъ возводился у него въ аксіому и давалъ толчокъ ряду неправильныхъ положеній.

«Итакъ, по его мнѣнію, я должна была или принять предложеніе адвоката, или, вразрѣзъ убѣжденіямъ, поступить къ брату въ приживалки?.. Либеральный взглядъ, нечего сказать»!..

Она было разсердилась и бросила газету; но, вспомнивъ прощальную сцену на дебаркадерѣ, жалкое лицо брата и его трогательныя просьбы, только махнула рукой и задумалась.

*

Она положительно не жалѣла, что не поддалась его просьбамъ и не уклонилась отъ намѣченного пути.

«Счастье не ушло; оно еще впереди», подсказывало ей сердце.

Было далеко за полночь, когда она легла спать, не переставая размышлять о бѣдномъ Сашѣ и о своемъ печальномъ возвращеніи изъ Петербурга. Какъ ей было тогда грустно и уныло ѣхать!..

Эти грезы скоро смѣнились новыми—о молодомъ учителѣ, принесшемъ ей газету, и, погружаясь въ сонъ, она, сама не зная почему, улыбнулась.

В. Умановъ-Наплуновскій.

Подъ украинскимъ небомъ.

I.

Мягкій, нѣжный бархатъ неба голубаго,—
Божьяго покрова,—разуукрашенъ, вышитъ
Нитями сребристыхъ, легкихъ облаковъ...

Яркіе лучи
Солнца горячи!

Вѣтерокъ лѣниво тѣполи колышетъ,
Садъ прохладой дышетъ. Ты идешь,—и слышитъ
Трепетное сердце звукъ твоихъ шаговъ.

Угадать желалъ бы выраженье взора,
Чуждаго укора,—еслибъ можно было,—
Прежде чѣмъ успѣю на тебя взглянуть...

Что таятся въ немъ?

Загрустишь ли днѣмъ,

Какъ вчера о чемъ-то, утромъ, все грустила?
Вѣрь, и мнѣ тѣснила грусти тайной сила
Смутною истомой да тревогой грудь!

Прозвучалъ твой голосъ, стало веселѣе
Въ сумрачной аллеѣ: словно каждой мошкѣ,
Каждой мелкой пташкѣ, каждому лучу

Шепчуть мотыльки,

Розы, васильки:

«Любить или не любить»? Рады эти крошки
Лечь тебѣ подъ ножки; я же на дорожкѣ
Тростью твое имя нѣжное черчу...

Подъ навѣсъ деревьевъ заглянувъ съ улыбкой,
Свѣто-тѣнью зыбкой, яркими лучами
Радостное солнце помогаетъ мнѣ...

Жду себя успѣха;
 Такъ читай безъ смѣха
 Начертанье это свѣтлыми очами!
 Что ласкалъ мечтами, не умѣлъ словами
 Выразить,—поймешь ты и безъ словъ вполнѣ.

II.

Жара нестерпимая... душно!
 Спѣшу въ благодатную тѣнь
 Убраться подальше отъ дома...
 Гляжу я на все равнодушно,
 Вновь сердце разсудку послушно,
 И чувствую: въ тѣлѣ—истома,
 Какая-то вялость и лѣнь.

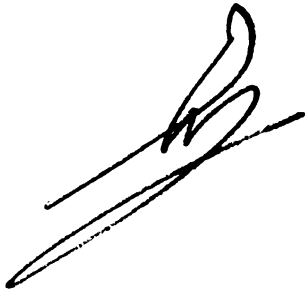
Дорога въ прохладные доли
 По скатамъ зеленымъ ползеть;
 Спускаюсь; деревья здѣсь гуще,
 Лежу подъ дремучею кущей...
 Жужжать безпокойныя пчелы
 Надъ липой душистой, дающей
 Извлечь изъ себя сладкій медъ.

Вдругъ стыдно и грустно мнѣ стало:
 Я вспомнилъ о дальнихъ краяхъ;
 Гдѣ голодь, гдѣ бѣдствуютъ люди;
 Безпомощныхъ гибнетъ немало,
 Глядятъ всѣ печально, устало...
 У женщинъ—иссохшія груди
 И слезы у всѣхъ на глазахъ.

Разсудокъ мнѣ шепчетъ лукаво:
 «Бѣда съ добрымъ сердцемъ твоимъ,
 Съ его безграничной любовью...
 Ей-ей, истечетъ оно кровью!
 Усталъ? такъ цѣни свое право
 На отдыхъ, полезный здоровью!»
 И сердце заспорило съ нимъ...

Н. Пановъ.

СЛОЖНЫЯ ЧУВСТВА.

Повѣсть Пола Буржэ.

II.

Обычный, почти безсознательный полицейскій надзоръ, которому отъ бездѣлья предаются въ свѣтскихъ гостинныхъ, — гдѣ нибудь въ уголку, на диванчикѣ, — праздные наблюдатели въ родѣ Миро и двухъ его собесѣдницъ, оказываетъ иногда чудеса сообразительности, почти прозорливости. Сопоставивъ нѣкоторыя данныя и бросивъ проницательный взглядъ на интересующихъ личностей, художникъ и его дамы приблизительно угадали сущность драмы, разыгрывавшейся между красавицей Клементиной де-Миосенсъ, ревнивымъ и жестокимъ Видвилемъ и юнымъ Эдмондомъ. На самомъ дѣлѣ, графиня почувствовала непреодолимый капризъ къ молодому Эдмонду; Франсуа Видвиль, съ которымъ она жила уже три года, пригрозилъ рассказать наивному дѣвственнику объ ихъ связи и показать ея любовныя письма, если она не прекратитъ кокетства съ юношей; совершенно вѣрно, что Клементина пришла въ ужасъ отъ этой угрозы, и искала выхода изъ затруднительнаго положенія: хотѣлось отвести отъ себя опасность и не упускать намѣченнаго удовольствія. Мало сказать: «удовольствія», — графиня на этотъ разъ серьезно влюбилась, какъ ни разу еще не влюблялась, словомъ, подпала всесильному увлеченію тридцатипятилѣтней женщины, которое часто подстерегаетъ бездушныхъ красавицъ, всю жизнь забавлявшихся кокетствомъ отъ тщеславія и бездѣлья. Какъ и всегда происходитъ въ такихъ случаяхъ, Клементина почувствовала себя обновленной, помолодѣвшей сердцемъ, съ душой открытой для новыхъ чувствъ... И вотъ, — какъ опять таки часто бываетъ, —

всталъ передъ ней грозный призракъ прошлаго, — хоть и недалекаго, но ненавистнаго ужь потому только, что онъ угрожалъ разрушить ея мечты о новомъ счастьѣ! Все это съ рѣдкой наблюдательностью постигъ и понялъ Мирю, старый холостякъ, выдавшій виды на своемъ вѣку и самъ бывавшій въ перёдѣлкахъ подобнаго рода въ теченіе своей долгой карьеры свѣтскаго художника-портретиста. Но, чтобы понять, какую роль во всей этой исторіи игралъ сорокалѣтній мрачный политическій дѣятель, надо было знать какое отдаленное воспоминаніе связывало его съ графиней; непосвященному же невозможно было ничего понять, даже еслибъ онъ услышалъ ихъ непродолжительный оживленный разговоръ. Произнесенныя фразы показались бы слушателю невѣроятными и загадочными.

Послѣ первыхъ привѣтствій, Фаванъ многозначительно призналъ:

— Позвольте мнѣ, сударыня, воспользоваться короткими минутами, пока мы одни, чтобы поговорить съ вами, не придерживаясь правилъ свѣтскаго этикета?.. Ваше дѣло будетъ — принять или отвергнуть мое предложеніе...

— Совсѣмъ не понимаю васъ, monsieur Фаванъ, но готова слушать! — былъ отвѣтъ, причемъ выразительные темносиніе глаза метнулись въ сторону Видвиля, неукоснительно продолжавшаго слѣдить за своей жертвой. Графиня не прочь была воспользоваться случаемъ и навести ревность ненавистнаго аргуса на ложный путь. Къ тому же, если депутатъ съ такой неожиданной рѣшимостью позволилъ себѣ вступить въ разговоръ съ Клементиной, значить въ прошломъ — о! далекомъ и забытомъ ею — было какое-то связующее звено между ними, дававшее ему право помнить и думать о ней. Не смотря на охватившій ее всецѣло капризъ къ юному Эдмонду, не смотря на нервный ужасъ отъ угрозъ Видвиля, Клементина съ возбужденіемъ и любопытствомъ приготовилась слушать Фавана. Что можетъ сказать ей этотъ чудакъ, котораго она знала шестнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ исполнялъ должность секретаря у ея отца и слугу безъ памяти влюбился въ нее только потому, что она удостоила слегка пококетничать съ нимъ? Разумѣется, она тогда насмѣялась надъ его нелѣпнымъ чувствомъ, а затѣмъ потеряла его

изъ виду и только теперь, мѣсяць тому назадъ, встрѣтила его совсѣмъ неожиданно у маркизы дю-Кульдрэ. Обмѣнъ официальнымъ поклономъ — вотъ и все. Чтò же заставило его вдругъ измѣнить тактику и подойти къ ней съ какимъ-то трагическимъ предложеніемъ? Онъ трепеталъ отъ волненія, стоя передъ ней, словно не прошло шестнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ такимъ же трепетомъ осмѣлился объясниться ей въ любви...

— Я буду немногословенъ, сударыня,—поспѣшно продолжалъ онъ, понижая голосъ:—я не важная птица, однако, пользуюсь нѣкоторымъ вліяніемъ... Словомъ, много воды утекло и многое перемѣнилось, съ тѣхъ поръ какъ мы съ вами разстались. Я замѣтилъ, — или это мнѣ такъ показалось, — что вы чѣмъ-то озабочены, удручены, испуганы... Простите, я, быть можетъ, вмѣшиваюсь не въ свои дѣла... Дѣло въ томъ, что я прошу васъ понять меня и запомнить: если вамъ нуженъ будетъ человекъ вполне преданный, готовый беззавѣтно служить вамъ,—призовите меня!

Съ минуту темносиніе глаза вперились въ лицо Фавана, словно желали проникнуть въ самую глубину его души; затѣмъ, со слабой, кокетливой улыбкой, выражавшей и триумфъ, и иронію, и снисходительность, — графиня кивнула головкой и сказала:

— Вы по прежнему остались мечтательнымъ героемъ романа, monsieur Фаванъ?.. Дипломатія не искушила вашего сердца? А я вѣдь думала, вы меня забыли... Не поторопились вы подарить меня своимъ вниманіемъ до тѣхъ поръ, пока мы не встрѣтились неожиданно у маркизы! Впрочемъ, я говорю такъ, не въ смыслѣ упрека... Ну-съ, не знаю, откуда вы взяли, что мнѣ что-то угрожаетъ?.. Ровно ничего, увѣряю васъ, и я ничѣмъ не озабочена и не испугана... Тѣмъ не менѣе я буду помнить ваши слова и благодарю васъ... Въ заключеніе скажу,—улыбка ея стала совсѣмъ кокетливой и томной:—когда кто не забылъ старыхъ друзей, то непростительно не навѣстить ихъ. Особенно, если они живутъ все въ томъ же домѣ...

Въ эту минуту подошла къ нимъ маркиза дю-Кульдрэ и избавила Фавана отъ необходимости отвѣтить на приглашеніе. Позволительно думать, что кокетливая любезность графини сильно подѣйствовала на депутата, такъ какъ онъ съ видимымъ усиліемъ отвѣчалъ на вопросы подошедшей хозяйки и восполь-

зовался первымъ перерывомъ разговора, чтобы откланяться. Намѣшпливо глядя на его удаляющуюся фигуру, маркиза пресерьезно изрекла свою догадку:

— Непремѣнно готовится перемѣна кабинета! Достаточно взглянуть на озабоченную фізіономію этого чающаго портфеля субъекта. Выдержки нѣтъ у нынѣшнихъ политикановъ, дитя мое! Мысли ихъ читаются на лицѣ. Надо сознаться, что прежніе дипломаты были посильнѣе и умѣли скрывать свои впечатлѣнія...

Въ то время какъ догадливая маркиза авторитетно высказывала свои предположенія, вызывавшія лукавую усмѣшку на губахъ Клементины, депутатъ, подозрѣваемый въ честолюбіи, стремился только къ одному: поскорѣе уйти и остаться наединѣ съ самимъ собою. Послѣ необдуманнаго шага, заставившаго его подойти къ графинѣ де-Мюсенсъ съ такимъ необычайнымъ предложеніемъ услугъ, ему необходимо было сосредоточиться, собрать свои мысли, припомнить свои слова и ея отвѣты, восстановить всю странную сцену возобновленія знакомства, разобратъ въ своихъ собственныхъ чувствахъ. Мѣсяць тому назадъ, онъ поклялся бы, что неспособенъ переживать ощущение, охватившія его теперь.

Судьба ему покровительствовала: никто ни въ гостинной, ни въ передней не остановилъ его, не заговорилъ съ нимъ, и онъ, безъ всякой задержки, одѣлся и вышелъ на улицу. До его квартиры путь былъ не близокъ; ночь стояла свѣтлая и холодная; такія мартовскія ночи грозятъ возвращеніемъ зимы; но еслибъ снѣгъ валилъ хлопьями или дождь шелъ какъ изъ ведра, — Фаванъ все равно не задумался бы идти пѣшкомъ, чтобы успокоить возбужденные нервы и подавить свое волненіе. Его мысли были далеки отъ парламента, отъ честолюбія и карьеры, пока онъ шагаль мимо Бурбонскаго дворца, министерства иностранныхъ дѣлъ и дворца президента. Мало интересовали его перемѣна кабинета и готовившійся ему «портфель внутреннихъ дѣлъ», — пока онъ поспѣшно проходилъ аллеей Елисейскихъ полей, почти безлюдныхъ въ эту пору. Совсѣмъ на задній планъ отошли соображенія о предстоящихъ выборахъ, интригахъ, о борьбѣ политическихъ партій, о проектахъ новаго законодательства, когда онъ, въ этотъ памятный вечеръ, въ третій разъ замѣтилъ и убѣдился, что, при появленіи Видвиля, Клементина мѣняется въ лицѣ и поддается чув-

ству близкому къ ужасу. Какъ искажались при этомъ милыя черты ея лица, — изъ-за котораго онъ столько страдалъ, и которое такъ любилъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ! И вотъ, словно повинувась какому-то внушенію, потерявъ волю надъ своими поступками, онъ подошелъ къ ней и выдалъ себя... Глупо, нелогично, нелѣпо, безумно! Что дѣлать? — назадъ не вернешь. Дѣло сдѣлано. Она пригласила навѣстить ее... Неужели она снова займетъ, такъ или иначе, мѣсто въ его жизни; неужели онъ забылъ, какую роль она разъ уже сыграла въ ней? Шестнадцать лѣтъ! А Фавану казалось, что первая встрѣча съ Клементиной де-Ревиньи произошла только вчера. Онъ видѣлъ себя, въ воспоминаніи, молодымъ бѣднымъ студентомъ, каждый день пѣшкомъ совершающимъ путешествіе, не смотря ни на какую погоду, изъ улицы Vieille-Esplenade, въ которой онъ жилъ въ кварталъ S-t Нопогé, гдѣ Клементина проживала со своимъ отцомъ, отставнымъ министромъ де-Ревиньи.

Нѣкогда старикъ де-Ревиньи, другъ Лафайета, принадлежалъ къ тому кружку мечтателей, которые мнили учредить парламентъ при монархическомъ образѣ правленія. До 7-го термидора, когда ему отрубили голову, де-Ревиньи, умный и талантливый человѣкъ, писалъ свои мемуары, которымъ суждено было съ блѣскомъ появиться лишь въ 1881 году. Мало кому извѣстно, однако, что дѣятельнымъ помощникомъ въ составленіи и обработкѣ этихъ мемуаровъ былъ скромный студентъ Мишель Фаванъ, исполнявшій въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ обязанности частнаго секретаря у сына Ревиньи.

Профессоръ-юристъ, рекомендовавшій Фавана, рассказалъ ему о нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствахъ бывшаго министра. Говорили, что Ревиньи бросилъ свой видный постъ, благодаря скандалу, устроенному ему женой: она была красивая полька, урожденная Горка, полюбила будто бы сослуживца своего мужа и бѣжала съ нимъ, оставивъ малолѣтнюю дочь Клементину на попеченіи осиротѣлаго отца. Конецъ этой драмы, помимо испорченной карьеры де-Ревиньи, былъ самый плачевный еще и потому, что обманутый де-Ревиньи возненавидѣлъ неповинную дочь свою, усматривая въ ней въ зачаткѣ всѣ пороки легкомысленной матери и не вынося даже сходства ея лица съ измѣнившей ему женой. Такъ или иначе, но

въ эпоху обработки мемуаровъ совмѣстно съ Фаваномъ, ненависть Ревиньи къ дочери сквозила въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи старика-министра. Романическое сердце студента, разумѣется, тотчасъ же украсило хорошенькую Клементину всѣми атрибутами мученицы, страдающей за чужіе грѣхи и обреченной на искупленіе ихъ... Отсюда до преданной любви и обожанія одинъ шагъ.

Разъ, заработавшись долѣе обыкновеннаго въ кабинетѣ, Ревиньи оставилъ секретаря завтракать. Въ столовой накрыты были четыре прибора; хозяинъ пригласилъ Фавана сѣсть, говоря:

— Дочь моя имѣетъ скверную привычку опаздывать къ завтраку. А я зато никогда ея не жду. Авось, при постороннемъ, урокъ лучше подѣйствуетъ.

Въ ту же минуту вошла Клементина съ пожилой компаньонкой. Молодой студентъ въ первый разъ познакомился съ дѣвушкой и не сводилъ съ нея очарованнаго взгляда. Она же, въ свою очередь, встрѣтила злобный взглядъ отца, поняла, что опоздала на нѣсколько минутъ и смущенно покраснѣла; покраснѣлъ даже прямой тоненькій прѣборъ раздѣлявшій ея чудные золотистые волосы на двѣ косы; овальное личико ея необыкновенной красоты носило печать робости и печали, затаенной страстности и дѣтской наивности, — выраженіе это такъ и осталось у нея на всю жизнь. Депутатъ Фаванъ, уносясь въ воспоминанія, слышалъ, какъ сейчасъ, ея сдержанный мелодичный голосокъ, произносившій извиненія—и сердце его и теперь также болѣзненно и сочувственно сжалось, какъ и тогда... Отецъ рѣзко отвѣтилъ, не обращая вниманія на присутствіе посторонняго лица и безъ всякой жалости къ чувствамъ взрослой дочери:

— Ты, можетъ быть, устанешь опаздывать, сударыня, но я не устану наказывать тебя. Завтра ты не поѣдешь верхомъ.

Какъ ясно и отчетливо вспомнилась эта семейная сцена взволнованному депутату! Даже въ ухахъ отдавались звуки, сопровождавшіе начало пресловутаго завтрака: шуршанье почтительныхъ ногъ прислуги, «тикъ-такъ» маятника большихъ столовыхъ часовъ, звонъ ножей и вилокъ, стукъ хрустала и фарфора... и властный, жесткій голосъ хозяина, назначавшаго дочери наказаніе, и ея робкій, нѣжный голосокъ, пробующій

произносить оправданія... Бѣдное сердечко ея навѣрно сильно билось. Щочки горѣли отъ обиды и горя! Со временемъ Фаванъ понялъ, что съ этой минуты беззавѣтно полюбилъ ее, но тогда онъ долго не подозрѣвалъ своего чувства, воображая, что только жалѣеть угнетенную жертву отповской неприязни. До того времени будущій политическій дѣятель никого не любилъ; жизнь его, полная труда, лишеній и борьбы, не оставляла ему свободнаго времени на личное счастье; такъ дошелъ онъ до двадцатипятилѣтняго возраста, когда встрѣтился съ Клементиной и отдалъ ей безраздѣльно свое пылкое, еще не жившее, сердце. Клементина была такъ одинока, несчастна и такъ хороша собой! Чего наивный Фаванъ не могъ распознать — это врожденнаго кокетства своего идола и чисто славянскихъ качествъ, унаслѣдованныхъ отъ матери: необычайную гибкость ума, соблазнительную и опасную искренность непродолжительныхъ увлеченій, изумительный даръ воображенія... Кто устоитъ противъ чаръ такой женщины, когда она хороша собой и, вдобавокъ, наполовину сама вѣрить въ свои увлеченія? Она выслушиваетъ страстныя признанія, отвѣчаетъ на нихъ взаимностью и почти не сознаетъ, что безподобно играетъ красивую роль. Что должно было случиться, то и случилось: прошло два мѣсяца, какъ Мишель Фаванъ занимался у Ревиньи — и молодые люди пылко объяснились другъ другу въ любви.

Разумѣется, бѣдный студентъ испыталъ тогда самыя сильныя и блаженныя ощущенія въ своей жизни. Ни честолюбіе, ни политическіе успѣхи не дали ему ничего похожего на блаженство этого невиннаго романа, и забыть его онъ, разумѣется, никогда не былъ въ состояніи! Тогда онъ жилъ восторженной нѣжностью и мечтами, хотя его мечтамъ не суждено было осуществиться.

Вскорѣ онъ уже завтракалъ у Ревиньи черезъ день, наслаждался лицезрѣніемъ своего божества и, наконецъ, замѣтилъ, что она слушаетъ, когда онъ говоритъ, отвѣчая на его взгляды долгимъ и пристальнымъ вниманіемъ... Затѣмъ послѣдовали «случайныя» встрѣчи на лѣстницахъ и въ коридорахъ, и, наконецъ, появленіе молодой дѣвушки въ библиотекѣ, гдѣ секретарь нерѣдко занимался одинъ: — то ей требовалась книга, то она искала отца, то спрашивала совѣта или объясненія

Фавана по поводу прочитанной книги, ореографіи какого нибудь слова, стила письма... Визиты эти становились все продолжительнѣе и продолжительнѣе: молодые люди вступали въ разговоръ на общечеловѣческія темы, многозначительно молчали, смущались, словно начиная чего-то опасаться... Позволительно думать, что несравненная Клементина дѣлала репетицію своихъ будущихъ подвиговъ, училась властвовать надъ сердцами, въ то время какъ влюбленный студентъ всего себя положилъ къ ея ножкамъ. Какъ застѣнчиво и наивно умѣла она улыбаться, по дѣтски моргая глазками, какую неподражаемую манеру выказывать внутреннее волненіе и борьбу усвоила себѣ! Наконецъ, робкій Фаванъ рѣшился разъ взять ее за руку... Шестнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а воспоминаніе объ этомъ первомъ прикосновеніи, словно огонь, пробѣгаетъ по его жиламъ. Тонкіе пальчики дрогнули въ его рукѣ...

— Вы чувствуете ко мнѣ дружеское расположеніе, Клементина?

Синіе глазки блеснули, какъ искры, и она тихо отвѣтила:

— И очень сильное.

— Только... дружеское?—осмѣлился онъ выговорить.

— Не знаю...—личико ея вспыхнуло отъ смущенія.

— Если немножко любите... скажите. Я васъ боготворю.

— Ахъ, оставьте меня! Ради бога оставьте. Это нехорошо... стыдно... Не могу... не хочу говорить. Оставьте!..

Голосъ ея дрожалъ отъ слезъ, ручка вырвалась. Дикарка сдѣлала движеніе убѣжать и молодой человѣкъ не посмѣлъ удерживать ее.

Для бѣднаго молодого человѣка темнаго происхожденія, но съ чистымъ сердцемъ, гордаго и предвидящаго свою блестящую будущность, любовь къ дѣвушкѣ выше его по соціальному положенію составляетъ неистощимый источникъ восторженнаго возбужденія. Разница состояній мучитъ его гордость, но любовь до извѣстной степени сглаживаетъ это препятствіе; зато у него — способности къ труду, къ борьбѣ, масса энергіи и непочатая сила, чтобы завоевать свою избранницу. Она его любить и подождетъ. Сколько радужныхъ, безграничныхъ надеждъ! Любовь и честолюбіе, — обыкновенно несомвѣстимыя соперницы, — на этотъ разъ примиряются и идутъ рука объ

руку въ чудесномъ согласіи. Все это пережилъ и перечувствовалъ Мишель Фаванъ въ эпоху подъема духа и увѣренности въ себѣ. Придя къ себѣ послѣ перваго робкаго признанія, сдѣланнаго любимой дѣвушкѣ, онъ настроилъ ей пылкое письмо, предлагая руку и сердце, и клятвенно обѣщаясь достигнуть блестящей будущности не далѣе какъ черезъ пять лѣтъ. Чистосердечно, наивно объяснялъ онъ ей свои убѣжденія, планы, надежды... И онъ сдержалъ слово, хоть для одного себя, достигъ славы знаменитаго оратора, извѣстнаго писателя, главы сильной партіи,—а она, къ ногамъ которой онъ мечталъ сложить свои лавры, вышла замужъ за другаго! Констатируя этотъ фактъ въ своихъ воспоминаніяхъ, политическій дѣятель горько засмѣялся. Какая иронія судьбы! Изъ-за чего онъ бился и что принесла ему побѣда?

На другой же день тогда онъ передалъ свое страстное письмо Клементинѣ.

Она съ нескрываемымъ любопытствомъ и поспѣшностью схватила письмо, почти вырвавъ его изъ рукъ оробѣвшаго студента. Какъ не понялъ онъ тогда же, что суетная, пустая душа ея жаждетъ романическихъ впечатлѣній и не способна на истинное продолжительное чувство? Прошелъ день. Прошло два-три. Отвѣта нѣтъ. Клементина не показывалась, и старикъ Ревиньи не оставлялъ Фавана завтракать. Имѣли ли между собой связь эти два факта? Или это было простое совпаденіе? Не показала ли дѣвушка его письма своему отцу подъ вліяніемъ раскаянія? Или, можетъ быть, старикъ что нибудь подмѣтилъ, самъ заподозрилъ... или прислуга насплетничала?.. Влюбленный провелъ эти три дня въ тоскѣ неизвѣстности и мрачныхъ предчувствій. На четвертый день Клементина, вся въ волненіи, вбѣжала въ бібліотеку и сообщила Фавану:

— За мной шпионять... Но я урвалась, чтобы повидать васъ... Вы писали... серьезно?

— Неужели же я шутилъ?—оскорбился онъ!

— Въ такомъ случаѣ...

Она остановилась посреди фразы, точно не рѣшаясь докончить ее. Затѣмъ встряхнула головкой и возбужденно продолжала:

— Вы меня любите? Такъ пылко любите?.. Повторите! Я хочу еще разъ это слышать. Скажите: «я васъ люблю»!

Окно изъ библіотеки выходило въ зимній садъ; виднѣлся блѣдный кусочекъ неба и вѣтки деревьевъ, а на этомъ фонѣ вырисовывалась дивная бѣлокурая головка дѣвушки, произносившей эти слова. Теперь она не дѣлала попытки бѣжать, не говорила: «ахъ, оставьте, стыдно, нехорошо»!.. Она стояла близко около молодаго человѣка, какъ радужное блестящее видѣніе, какъ лучъ счастья среди строгой обстановки библіотеки,—точной эмблемы его жизни. Темное синее платье охватывало ея станъ, у ворота и рукавчиковъ высывались, какъ дымка, бѣлыя оборочки, составляя какъ бы рамку ея хорошенькому личику и бѣлымъ, нѣжнымъ ручкамъ. Фаванъ припомнилъ, что онъ взялъ обѣ эти ручки, притянулъ дѣвушку къ себѣ, прижалъ къ сердцу и поцѣловалъ ея волосы, а потомъ глаза.

— Я васъ люблю!—проговорилъ онъ.

— И я также васъ люблю,—отвѣтила она, прижимаясь къ Фавану и подставляя ему для поцѣлуя лицо. О, первый и послѣдній поцѣлуй этой кратковременной помолвки! Памятенъ онъ Мишелю Фавану на всю жизнь. Не закрылась эта рана и до сихъ поръ. При одномъ воспоминаніи, столько лѣтъ спустя, онъ чувствуетъ тотъ же трепетъ блаженства и ужаса... Въ ту же минуту дверь библіотеки отворилась, и вошелъ самъ Ревинъ.

III.

Съ появленіемъ на порогѣ отца, начинаются горестныя воспоминанія для Фавана. Съ этой самой минуты смутно началъ обрисовываться характеръ Клементины, сотканный изъ притворства и лжи, составляющій и до сихъ поръ для него загадку. Но теперь онъ уже не любитъ Клементину. По крайней мѣрѣ, искренно воображаетъ, что не любитъ, и движимъ только простымъ любопытствомъ... тогда какъ въ то время... Сколько мученій и страданій перенесъ онъ, пытаясь разгадать эту загадку! Не понимать сердца любимой женщины, не знать ея мыслей, сомнѣваться, подозрѣвать, теряться въ догадкахъ,—да это въ тысячу разъ хуже, чѣмъ просто-на-просто презирать ее. Сомнѣніе терзаетъ душу больнѣе самой жестокой увѣренности. Ревнивые люди знаютъ это по опыту: очевидность при-

водить въ отчаяніе, но успокоиваетъ отчасти. Сердце требуетъ ясности для чувства, также какъ зрѣніе требуетъ прозрачности воздуха и свѣта; столкновение съ отцомъ, грозившее измѣнить только вѣшніе факты, повлекло за собой смятеніе чувства влюбленнаго Фавана, задернуло туманомъ прозрачный воздухъ передъ его глазами. Самая любовь его пострадала, но не возможность достичь цѣли. Старикъ остановился у двери и не обнаружилъ ни малѣйшаго удивленія. Молодые люди отошли въ разныя стороны: — Фаванъ, инстинктивно думая защитить ее, сталъ впереди. Но, очевидно, защиты не требовалось: лицо Ревиньи оставалось спокойнымъ; только облако печали слегка омрачило его строгія черты. Мягче обыкновеннаго обратился онъ къ дочери со словами:

— Клементина, ступай къ себѣ въ комнату. Побудь тамъ, пока я не позову тебя...

Молодая дѣвушка сдѣлала движеніе, будто желая заговорить, оправдаться, но подъ пристальнымъ взглядомъ суроваго отца опустила голову и покорно вышла изъ библіотеки. Ревиньи затворилъ за ней дверь съ хладнокровіемъ, подѣйствовавшимъ на Фавана сильнѣе всякой ярости, — столько презрѣнія таилось въ этомъ самообладаніи старика! — затѣмъ усталымъ голосомъ заговорилъ:

— Я могъ бы отнестись къ вамъ со всей строгостью обманутаго отца. Я принялъ васъ въ домъ почти какъ роднаго, а вы затѣяли тутъ интригу...

— Милостивый государь, — возразилъ Мишель Фаванъ: — сознаюсь, что факты говорятъ противъ меня. Но потрудитесь вникнуть въ мои слова и вы увидите, что между мною и вашей дочерью ничего нѣтъ такого, чего вы не могли бы узнать. Даю вамъ честное слово...

— Я не прошу вашихъ откровенностей, — съ отѣнкомъ отвращенія, но также невозмутимо продолжалъ странный отецъ: — быть можетъ, я виноватъ больше васъ. Я долженъ былъ предвидѣть, что эта несчастная выберетъ васъ жертвой своихъ кокетствъ и что вы не устоите...

— Ахъ нѣтъ, не думайте этого! — пылко воскликнулъ Фаванъ: — увѣряю васъ, что mademoiselle Клементина не кокетничала со мной... Я полюбилъ и безъ ея вѣдома; я удерживалъ ее здѣсь, когда она приходила за своимъ дѣломъ, говорилъ съ

ней, объяснился въ моихъ чувствахъ... Я бы долженъ скрывать ихъ отъ нея, — сознаюсь, — по свѣтскимъ обычаямъ нашей родины. Но вѣдь въ Англии, въ Америкѣ, въ Германіи не считается преступленіемъ, если молодой чѣловѣкъ съ честными намѣреніями объясняется въ любви къ дѣвушкѣ и желаетъ завоевать ее своимъ упорнымъ трудомъ, способностями къ борьбѣ... Тамъ молодые люди сами распоряжаются своей судьбой, не спрашиваясь позволенія родителей. И дѣвушки не обвиняются тамъ въ кокетствѣ, а мужчины не считаются соблазнителями... Увѣряю васъ, — умные глаза студента смотрѣли такъ честно и прямо въ глаза отца Клементины, что сомнѣваться въ искренности претендента не было возможности, — увѣряю васъ, что я съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда скажу вамъ, какъ теперь: я люблю вашу дочь глубокой, беззавѣтной любовью! Она платитъ мнѣ взаимностью. Понимаю, что въ данное время бракъ между нами невозможенъ. Но если, черезъ три, четыре, пять лѣтъ, я сѣмью выдвинуться изъ толпы, занять извѣстное мѣсто въ прессѣ и адвокатурѣ, словомъ, сдѣлаю себѣ карьеру и снова попрошу у васъ ея руки, что отвѣтите вы мнѣ на предложеніе?.. Видите, я не безчестный чловѣкъ. Моя участь въ вашихъ рукахъ... Не повергайте меня въ вѣчное отчаяніе, не испытывайте моихъ способностей.

Въ пылкихъ проявленіяхъ восторженной молодой души есть что-то до такой степени властное и покоряющее, что самые черствые и даже враждебные люди невольно побѣждаются. Почувствовалъ ли въ эту минуту старикъ Ревиньи обаяніе пылкой молодости, или вспомнилось ему его собственное поприщное семейное счастье и разбитыя надежды; — но онъ долго, понуро молчалъ, шагая изъ угла въ уголь по комнатѣ и подвергая пыткѣ неизвѣстности молодаго чловѣка... Впослѣдствіи Фаванъ понялъ, какая борьба происходила въ то время въ сердцѣ бѣднаго старика! Жаль ему было разрушить розовыя мечты и иллюзіи молодаго чловѣка, а съ другой стороны совѣсть не позволяла ему поддерживать завѣдомый обманъ. Наученный собственнымъ горькимъ опытомъ, Ревиньи изучилъ свою дочь до мельчайшихъ подробностей. Тщетно пытался онъ исправить ея нравственную негодность, объяснить и оправдать ее наслѣдственностью и истеричностью. Фактъ оставался фактомъ, Клементина вышла олицетвореніемъ лживости, притворства,

безсердечнаго кокетства, эгоизма и корыстолюбія. Такое собраніе пороковъ породило отвращеніе къ ней суроваго отца, а легкомысліе матери довело это отвращеніе до ненависти, которая невольнo прорывалась при малѣйшемъ толчкѣ. По глубокому убѣжденію Ревиньи, Клементина родилась, чтобы быть падшей женщиной, и испорченность ея не поддавалась никакому вліянію, являясь ея второй натурой. Улеченіе Фавана приводило старика въ отчаяніе: — онъ зналъ, что холодная кокетка отъ скуки и бездѣлья покорила честное сердце неопытнаго юноши и практикуется надъ нимъ для будущихъ побѣдъ... Но какъ открыть глаза постороннему и выказать родную дочь въ такомъ непривлекательномъ свѣтѣ? Всѣ эти противорѣчивыя чувства выразились въ неопредѣленныхъ словахъ, съ которыми онъ, наконецъ, обратился къ мучившемуся Мишелю:

— Выслушайте меня, Фаванъ. Мы знакомы съ вами недавно, тѣмъ не менѣе я успѣлъ полюбить и оцѣнить васъ. Людей я знаю. Вамъ предстоитъ блестящая будущность, — не съ моей точки зрѣнія, но все таки блестящая. Вы способны, талантливы и далеко пойдете. Вы будете однимъ изъ столповъ Франціи—увъ! — республиканской. Слѣдовательно, я не удивляюсь и не смѣюсь, когда вы предвидите свою выдающуюся роль. Согласенъ,—и вѣрю, что вы честно увлеклись моей дочерью... Предразсудковъ моего круга у меня мало. Ваше темное происхожденіе и настоящая бѣдность не послужили бы препятствіемъ въ моихъ глазахъ, еслибы...

Онъ остановился и вдругъ рѣзко, грубо прибавилъ:

— Не спрашивайте меня. Больше ничего не скажу. Одно знайте: никогда не соглашусь я на вашъ бракъ съ Клементиной. Никогда, никогда!..

И затѣмъ, вдохнувъ, онъ мучительнымъ шопотомъ заключилъ слѣдующей фразой, жестокой по отношенію къ дочери:

— Настанетъ день, когда вы меня поблагодарите за это!

Слова эти поразили Фавана до глубины души. Любя, онъ выступилъ рыцаремъ своей избранницы, думая, что она является жертвой предубѣжденія, благодаря проступку матери.

— Вы разбиваете мнѣ сердце и требуете, чтобы я не спрашивалъ васъ?—возмутился онъ:—а еще говорите, что любите и цѣните меня, вѣрите въ мою честность? Значить, причина отказа не во мнѣ?.. Чтò должна означать ваша по-

*

слѣдняя фраза?.. Справедливо ли оставить меня подъ невыносимымъ гнетомъ туманныхъ подозрѣній насчетъ личности, которую я уважаю не меньше своей матери и люблю, какъ свою жену?.. Неужели вы способны оставить меня въ такихъ потемкахъ?.. Нѣтъ, это невозможно! Откажите мнѣ въ рукѣ вашей дочери, — это ваше родительское право, — но объясните причину отказа, умоляю васъ!..

— Причину?..— Лицо Ревиньи сдѣлалось строгимъ и безжалостнымъ:— причину?..— Онъ иронически засмѣялся:— Я говорилъ— не спрашивайте. Должны бы вы понять, что есть на то важныя, тяжелыя причины... Признаюсь, я ждалъ отъ васъ бѣльшей деликатности... и жалости ко мнѣ. Причина? Въ видѣ наказанія за вашу безтактность, мнѣ бы стоило только позвать сюда вашу избранницу... Не перебивайте! Она сама— слышите ли?— сама отказалась бы отъ васъ, не согласилась бы выйти за бѣднаго, неродовитаго человѣка. Да-съ! Она поиграла съ вами, какъ поиграла бы и со всякимъ другимъ, потому что вы подвернулись, потому что... Хотите знать всю правду?..— тонъ его перешелъ въ злобный, бѣшенный: — нѣтъ, нѣтъ, не надо! Не могу. Узнайте только одинъ фактъ, одинъ: нѣтъ еще трехъ мѣсяцевъ, какъ въ этой самой комнатѣ избранница вашего сердца умоляла меня со слезами выдать ее замужъ за одного господина... По ея увѣренію, она была безумно влюблена въ него... Хотите, назову его? Нѣтъ? Лучше назвать: постарайтесь познакомиться съ нимъ и выводите заключеніе. Это хорошее средство выздоровѣть. Будете судить о вкусѣ вашей богини... Выборъ ея палъ на графа де-Миосенса. Познакомьтесь, познакомьтесь!!

Ревиньи говорилъ, какъ потерянный, но вдругъ опомнился и, помолчавъ нѣсколько минутъ, грустно прибавилъ:

— Разговоръ этотъ мнѣ крайне тяжелъ. Прекратимъ его. Вы можете возразить мнѣ, что сердце неопытной дѣвушки измѣнчиво; что она вообразила себя влюбленной въ графа, а вскорѣ полюбила васъ... Однако, нельзя отрицать, что такія быстрыя перемены фронта не представляютъ прочной гарантіи для супружескаго счастья, и что мнѣ простиительно заподозрить ее въ легкомысленномъ кокетствѣ съ вами... пожалуй, и въ расчетѣ. Да, если завтра графъ де-Миосенсъ повторить предложеніе, я не отвѣчу отказомъ. Желаніе избавиться отъ

нея пересилить всѣ другія соображенія. Но какой же это союзъ!.. Что онъ будетъ дѣлать съ ней? Впрочемъ, такъ ей и надо! Бѣдшаго не стѣдить. А вы, Фаванъ, достойны лучшей участи. Прощайте. Сюда больше не приходите. Постараюсь самъ кончить работу, которую вы начали!—Дрожащей рукой онъ указалъ на кипу рукописей на столѣ:—Буду жалѣть о васъ... А вы, повторяю, скажете мнѣ когда нибудь спасибо. Поймете, насколько я уважаю васъ, если рѣшился показать вамъ рану, которую ношу въ сердцѣ. Не упоминаю о томъ, что это надо хранить втайнѣ,—знаю, что на васъ можно положиться... Еще разъ прощайте!

Каково выдержать такой разговоръ влюбленному, да еще влюбленному въ молодую дѣвушку, въ существо, казалось бы, высоко стоящее надъ низостями и развращенностью людей! Поэтъ сказалъ, что любить дѣвушку—почти священнодѣйствіе... Фаванъ вышелъ отъ Ревиньи, шатаясь, какъ пьяный. На улицѣ его чуть-чуть не задавила карета, — оглобля задѣла его по плечу, но онъ не пришелъ въ себя, а продолжалъ находиться въ состояніи какъ бы лунатика. Сознаніе дѣйствительности покинуло его. Слезы текли по его щекамъ, а онъ и не думалъ вытирать ихъ. Придя въ свою бѣдную комнату и бросившись на диванъ, онъ зарыдалъ и слезы облегчили его... Въ двадцать пять лѣтъ душа энергичнаго человѣка живуча и чего-чего не перенесетъ! Послѣ мучительнаго кризиса, Фаванъ пришелъ въ себя, всталъ съ дивана и провелъ руками по лицу.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — бормоталъ онъ:—это неправда!

Въ сущности, въ чемъ обвиняли Клементину? Въ томъ, что три мѣсяца тому назадъ она готова была выйти замужъ за графа де-Миосенса, еслибы отецъ далъ согласіе. Что же это доказываетъ? Что она, хоть и знала уже тогда Фавана, но еще не любила его; а такъ какъ она несомнѣнно несчастна у отца, то и ухватилась за первый предлогъ, чтобы вырваться изъ родительскаго дома. Дѣвичье сердце само себя не вѣдаетъ, пока крѣпко не полюбитъ. А оно могло полюбить Мишеля Фавана. Въ чемъ выразились легкомысленное кокетство и холодный расчетъ дѣвушки? Былъ претендентъ—ему отказали, и она не обязана была распространяться объ этомъ съ Фаваномъ. Кокетка, наоборотъ, непременно рассказала бы это, чтобы придать себѣ побольше цѣны и возбудить ревность въ соперникѣ. Что касается расчета, на который ядовито намека-

нуль предубѣжденный отецъ, т. е., что послѣ такого приключенія съ секретаремъ, ее поспѣшатъ выдать за того же графа, — возможно ли повѣрить этому? Такая испорченность немыслима при ангельскомъ личикѣ и дѣтскихъ глазкахъ Клементины! Нѣтъ, Фаванъ не вѣритъ такой комбинаціи у дѣвушки, ни минуты не вѣритъ. «Повторите, что вы меня любите!» — раздавалось въ ухахъ молодаго человѣка, какъ дивная мелодія... И изящная, хрупкая фигурка трепетала въ его объятіяхъ, губки протягивались для поцѣлуя... «Бѣдная, обожаемая, оклеветанная дѣвушка! Стыдно отцу напрасно обвинять ее, ненавидѣть за несчастное сходство съ матерью».

Такъ рассуждалъ въ тотъ день Мишель Фаванъ, и — казалось — справедливо и логично. Но сомнѣніе прокралось змѣей въ его сердце, и, повторяя: «не можетъ быть, не вѣрю!» — молодой человѣкъ не могъ запретить себѣ думать: «а можетъ быть? почему знать?»

Какъ объяснить убѣжденное презрѣніе, съ которымъ честный, хотя и строгій отецъ говорилъ о Клементинѣ? Ни заблужденіе, ни злоба вполнѣ не объясняютъ этого, такъ какъ дѣло идетъ не о женѣ, а о дочери. Вотъ это внутреннее убѣжденіе Ревиньи и произвело, главнымъ образомъ, неотразимое впечатлѣніе на Фавана.

Противъ этого довода не находилось опроверженій. «Онъ убѣжденно презираетъ свою дочь! «За что? Почему? Какъ могло возникнуть это чувство... если Клементина не подала повода презирать себя? Его сопротивленіе противъ брака съ графомъ де Мюсенсомъ доказывало, что будущность дочери все таки ему не безразлична. Странно и подозрительно все это! Фаванъ страдалъ, чувствовалъ себя подавленнымъ очевидно, боролся съ сомнѣніемъ и все таки сомнѣвался».

Нѣсколько недѣль прошло съ минуты свиданія въ библиотекѣ, когда Фаванъ снова увидалъ Клементину. Она сама назначила ему свиданіе. Но въ безконечный для Фавана промежутокъ между этими свиданіями онъ три раза получалъ письма: изъ Рима, Неаполя и Венеціи; каждый конвертъ неизмѣнно содержалъ три-четыре засушенныхъ цвѣточка и листъ бумаги, съ одинаковой фразой по англійски: «Forget me not!» Не видавъ никогда прежде почерка Клементины, Фаванъ тѣмъ не менѣе *зналъ наотрное*, что это идетъ отъ нея, цѣловалъ напи-

санныя слова, не замѣчая ихъ банальной пошлости, и каждый разъ при чтеніи чувствовалъ боль въ сердцѣ. Онъ раскаивался въ своемъ мнѣніи, мысленно просилъ прощенія у своего божества. Какой краснорѣчивый отвѣтъ на отцовскія обвиненія въ порочности, испорченности! Она его не забыла. Думаетъ о немъ въ изгнаніи (разумѣется, отецъ увезъ ее насильно за границу) помнить, любить и ждать! И Фаванъ, воспрянувъ духомъ, снова принялся надѣяться и мечтать... вѣрить и желать. Онъ началъ приводить въ исполненіе свое намѣреніе относительно карьеры, печатать дѣльныя статьи и замѣтки, безъ усталы работая, добиваться извѣстности, воображая, что возлюбленная ждетъ его. О, безуміе! Какъ идеально любилъ онъ свою, созданную мечтами, невѣсту! Какой подъемъ духа, какая энергія поддерживала его, сколько лишеній онъ вытерпѣлъ, какую борьбу перенесъ! Послѣ безпросвѣтнаго трудового дня, изнемогая отъ утомленія, онъ ложился спать неизмѣнно спрашивая:

«Довольна ли ты мной, дорогая? Вѣренъ ли я своему слову? Я работаю, чтобы завоевать тебя?» — и безумно цѣловалъ англійскія слова записочекъ и сухіе цвѣточки изъ Италіи...

Такъ прошло три мѣсяца, когда Фаванъ получилъ по городской почтѣ письмо слѣдующаго содержанія:

«Если вы меня не забыли, приходите завтра, во вторникъ въ 10 час. утра въ аллею Булонскаго лѣса, противъ «La muette».

Записка, безъ подписи, написана была, очевидно, вполыхахъ на клочкѣ бумажки, нервнымъ почеркомъ. Бѣдняжка! Должно быть, за ней слѣдятъ, шпионятъ. Какъ не любить ея еще больше за то, что она подвергается опасности, и все таки назначаетъ ему свиданіе! Разумѣется, онъ провелъ бессонную ночь, считая безконечные часы до утра. Въ восемь часовъ онъ уже шагаль по направленію къ Булонскому лѣсу... Какъ сейчасъ видитъ онъ аллею, гдѣ послѣ добраго часа ожиданія появилась передъ нимъ Клементина...

Она шла поспѣшно, въ сопровожденіи какой-то незнакомой Фавану камеристки. Неподалеку стояла коляска, изъ которой она вышла, сдѣлавъ ему рукой знакъ — не подходитъ къ ней. Онъ издали слѣдовалъ за нею, пока она, наконецъ, не свернула въ боковую аллею и не обернулась къ нему. Онъ подбѣжалъ.

— Ахъ, я знала, что вы не забыли меня и придете!—задыхаясь отъ быстрой ходьбы и волненія, начала она, глядя ему въ глаза и невинно улыбаясь:—спасибо! Поняли, почему нельзя было тамъ подойти ко мнѣ? Я несовсѣмъ увѣрена въ преданности кучера, тогда какъ Эмма... Видите, она чутко сторожить... отстала... На нее я надѣюсь вполнѣ. Мою компаньонку отецъ прогналъ въ тотъ же день, когда засталъ насъ въ библиотекѣ. О! той я помыкала, какъ хотѣла. Я знала за ней грѣшки. Эмма у насъ недавно. Славная! Я ее подкупила подарками... Итакъ, это вѣрно, вы меня все еще любите?

Послѣдняя фраза, а—главное—застѣнчивое выраженіе хорошенькаго личика сгладили невыгодное впечатлѣніе, произведенное на Фавана предыдущей болтовней. «Подкупила... знала за ней грѣшки»...—все это напомнило Фавану мнѣніе Ревиньи о дочери. Но милый голосъ, дѣтскій, ласковый, произнесъ послѣдній вопросъ и злыя думы разсѣялись.

— Развѣ можно разлюбить, когда дѣйствительно полюбишь?—отвѣтилъ онъ. — Всѣ мои помышленія принадлежали вамъ, одной вамъ, безраздѣльно! Я ждалъ, мечталъ, надѣялся, смотрѣлъ на сухіе цвѣты изъ Италіи, думал, что ручки ваши прикасались къ нимъ, глазки смотрѣли на нихъ... И я работалъ, работалъ, увѣренный, что настанетъ день, когда я получу награду за страданія... О, какъ я васъ люблю, какъ люблю!..

Она слушала, полуопустивъ рѣсницы, какъ будто страстные слова доставляли ей физическое наслажденіе. Вокругъ нихъ, подъ блѣднымъ утреннимъ небомъ, просыпалась весна; нѣжные листья развертывались, словно окутывая деревья зелеными кружевами; въ молоденькой, но уже густой травѣ пестрѣли кое-гдѣ первые цвѣточки. Мимо проѣхало нѣсколько всадниковъ курць-галопомъ, совершая утреннюю прогулку; копыта лошадей глухо ударились о мягкій грунтъ; птички щебетали, вѣтерокъ шевелилъ вѣтками. Возволнованный Фаванъ рассказывалъ Клементинѣ свою жизнь за эти мѣсяцы.

Неужели она его не любила? Почему же глазки ея умиленно блестѣли, щеки вспыхивали, губы блаженно улыбались? Затѣмъ рассказала и она, въ свою очередь, какъ проводила

время, какъ думала о немъ, желала видѣть его?.. Еслибы не любила, то зачѣмъ, съ какой цѣлью назначила второе свиданіе, а потомъ и третье, — на этомъ самомъ мѣстѣ? Послѣдовало и четвертое... Въ воспоминаніи депутата обрисовалась все та же обстановка радостной молодой весны, яркая зелень, голубое небо, — и темносиніе, несравненные глазки, нѣжные и любопытные вопросы:

— Что вы дѣлали за эти дни? Вы меня очень, очень любите? Повторите! Еще, еще!

Полуопущенныя рѣсницы и выраженіе блаженства на ея личикѣ, когда онъ повторялъ пылкія слова любовнаго бреда... О, зачѣмъ же все это, еслибъ она его не любила? А если любила, то какъ могли сорваться съ ея языка тѣ жестокія, ужасныя слова, которыя неожиданно повергли Фавана въ пучину прежнихъ сомнѣній и навели на мысль о правотѣ строгаго отца? Чистая, невинная идиллія безъ одинаго поцѣлуя кончилась внезапной катастрофой...

Явилась Клементина и въ пятый разъ въ аллею... На ней были синее платье, круглая соломенная шляпка и газовая вуалетка, сквозь которую блестѣли тревожно, на этотъ разъ, ея синіе глазки. Взглядъ этотъ тотчасъ же былъ замѣченъ Мишелемъ. Онъ не могъ удержаться и спросилъ, что съ ней?

Сначала она отвѣчала уклончиво, затѣмъ рѣшительно говорила:

— Да, это правда. Я должна сообщить вамъ важную новость. Я не хотѣла, чтобы вы узнали ее отъ другихъ...

— Новость? Какую? — Онъ былъ скорѣе удивленъ ея странной улыбкой, нежели словами.

— Я хочу, чтобы вы повторили, что будете любить меня, *не смотря ни на что!*

— Не смотря ни на что, клянусь вамъ! — отвѣтилъ онъ съ искреннимъ простодушіемъ и глубокимъ чувствомъ. Какое разное значеніе придавали они этой подчеркнутой фразѣ. Онъ имѣлъ въ виду противодѣйствіе отца Клементины и свою клятву въ вѣчной вѣрности, — а она!.. И онъ прибавилъ: — Но что значитъ ваше требованіе и сомнѣніе?

— Помните ваше письмо, послѣ котораго насъ поймали въ библиотекѣ?.. — Въ первый разъ дѣвушка намекала на его предложеніе; Фаванъ, съ своей стороны, никогда не упоми-

налъ о немъ: къ чему? Все ея поведеніе, разговоры, свиданія, развѣ не равносильны согласію выйти за него замужъ? А она продолжала между тѣмъ: — вы помните также, что я вамъ ничего не отвѣтила на ваше предложеніе?..

— На предложеніе сдѣлаться моей женой? — пробормоталъ, теряясь, Фаванъ.

Хорошенькая головка взволнованнымъ кивкомъ отвѣтила: — Да.— Тутъ у Мишеля какъ-то сдавило въ горлѣ, сердце перестало биться, онъ весь похолодѣлъ отъ страшнаго ожиданія: какія слова произнесетъ хорошенькій ротикъ вслѣдъ за этимъ?.. Онъ чуялъ катастрофу, но такой не предвидѣлъ, не воображалъ!

— Это была несбыточная мечта, другъ мой. Надо поставить надъ ней крестъ?—продолжала Клементина: — я пробовала опять заговорить объ этомъ съ отцомъ. Онъ никогда не согласится на нашъ бракъ... А я...—голосъ ея сталъ еще ласковѣе: — я не могу дольше жить у отца въ домѣ... Я слишкомъ несчастна. Не хочу. Надо вырваться на волю во что бы то ни стало... Исходъ одинъ, выбора мнѣ не было...

— То есть?.. — прерывающимся голосомъ спросилъ Мишель. Онъ ожидалъ, что она предложитъ бѣжать съ нимъ, всю свою жизнь отдастъ ему и его жизнь потребуетъ взамѣнъ, а вдругъ услышалъ,—и теперь еще эти слова раздаются въ его ухахъ!—тихо произнесенную хорошенькими губками фразу:

— То есть, я выхожу замужъ.

Смыслъ этихъ словъ казался Фавану такимъ фантастическимъ, нелѣпымъ; контрастъ между ихъ нѣжными свиданіями и этимъ сообщеніемъ такъ невѣроятенъ, чудовищенъ, что Мишель не нашелся въ первую минуту, что отвѣтить. Онъ, по ея желанію, подтвердилъ свою клятву въ вѣчной, неизмѣнной любви, — а она въ отвѣтъ ошеломила его такимъ сообщеніемъ! Какая же непостижимая, невмѣняемая аномалія чувствъ и извращенность понятій царятъ въ ея дѣвственномъ сердцѣ?

Внезапно вернулась къ нему память и вспомнилъ онъ всю сцену въ библіотекѣ и слова старика Ревиньи, обвинявшаго дочь въ холодномъ разчетѣ. «Скомпрометирую, молъ, себя съ первымъ подвернувшимся мужчиной, докажу, что присмотръ за мной слишкомъ труденъ,—меня и выдадутъ замужъ»!..

— Вы выходите замужъ?—воскликнул Мишель: — не за графа ли де-Миосенса? Говорите, не за него же?..

— Именно за него!—подтвердила Клементина:—а вы почему узнали, что за него?

Какими фразами мольбы, упрековъ, гнѣва разразился тогда Фаванъ,—онъ только смутно помнилъ; въ концѣ концовъ онъ передалъ молодой дѣвушкѣ весь тогдашній разговоръ въ библиотекѣ съ ея отцомъ. Помнить онъ и ея испуганное личико, и какъ она лепетала: — Вы меня не любите! Нѣтъ, нѣтъ, вы меня не любите! — Остальное все заволокло туманомъ. Какъ онъ вернулся къ себѣ, что дѣлалъ, слышалъ и говорилъ—все исчезло изъ воспоминаній. Помнить онъ только, что съ той самой минуты, какъ она произнесла имя графа де-Миосенса, въ сердце его, Мишеля, словно вонзился кинжалъ. Онъ, кажется, выходилъ изъ себя, бѣсновался, негодовалъ; а она, съ изумленіемъ повторяла:—Вотъ ужъ этого я отъ васъ не ожидала!—фраза, которая приводила его въ окончательную ярость. Она изумлялась; даже огорчилась!! Это онъ отлично помнить. И это убило его больше всего. Съ такимъ утонченнымъ цинизмомъ объявила она ему смертный приговоръ—и изумалась, огорчилась при видѣ его отчаянія.—Прощайте! крикнулъ онъ ей наконецъ:—никогда больше я не увижу васъ!—А она, какъ потерянная, горестно прошептала:

— Никогда? Возможно ли это? За что же?.. Онъ быстро удалился, не оглядываясь, и слышалъ, какъ легкіе шаги побѣжали вслѣдъ за нимъ; онъ бросился въ первую попавшуюся боковую аллею и исчезъ. Неужели—о Боже!—она вообразила, что онъ согласится на позорную сдѣлку, придуманную ея извращенной фантазіей? Комедіи въ это свиданіе она не играла,—онъ это чувствовалъ;—вѣрнѣе всего, она сама радовалась изобрѣтенной комбинаціи: отсюда ея изумленіе, горестное изумленіе при видѣ его бѣшенства. Она по своему любила его—это несомнѣнно—но какой ужасной, сложной по своей порочности, любовью! Выйти за другаго, сдѣлать выгодную партію, и продолжать любить Мишеля Фавана, держать его при себѣ, какъ сантиментальную игрушку, какъ друга сердца, за котораго выйти замужъ, разумѣется, нельзя, а для любовника онъ годится... И вотъ съ тѣхъ поръ они разстались... Ни письменныхъ и никакихъ другихъ сношеній не было,

ни одной случайной встрѣчи; въ газетахъ онъ прочелъ о совершившемся фактѣ ея замужства съ графомъ, объ удивительныхъ подаркахъ, о блестящемъ свадебномъ кортежѣ... Вотъ чему она принесла въ жертву Мишеля Фавана и свою странную любовь къ нему! Правъ былъ старикъ Ревиньи, убѣжденно презирая дѣвушку, способную на такую чудовищную сложность чувствъ и понятій!

IV.

Такія картины вставали въ памяти депутата Фавана, пока онъ пѣшкомъ шелъ изъ отеля дю-Кульдрэ на бульваръ de la Saussay, гдѣ онъ жилъ въ продолженіе десяти лѣтъ, занимая самую скромную, сравнительно со своимъ положеніемъ, квартиру. Онъ, какъ умный и честолюбивый человѣкъ, понималъ, что въ наше время выскочекъ и гешефтмахеровъ скромный образъ жизни и простота привычекъ составляютъ силу. Да онъ и не любилъ роскоши. Служебный персоналъ его состоялъ изъ двухъ старыхъ слугъ мужа и жены; мужъ называлъ себя камердинеромъ, а жена — экономкой во времена величія барина; когда же министерство мѣнялось или политическая партія его терпѣла пораженія, камердинеръ превращался въ простаго лакея, а старуха его въ стряпуху на всѣ руки. Въ этотъ вечеръ они ждали своего барина, какъ обыкновенно; затопили каминъ въ кабинетѣ, зажгли лампы на рабочемъ столѣ, зная, что онъ имѣетъ привычку поздно заниматься. Однако, на этотъ разъ, когда Мишель Фаванъ очутился передъ своимъ столомъ, у него не хватило энергіи разбирать кучи писемъ и бумагъ; забудораженные воспоминанія испугали его неожиданнымъ открытіемъ вспыхнувшего гдѣ-то въ глубинѣ сердца, угасшаго, — какъ ему прежде казалось, — чувства. И странно! Всѣ позднѣйшіе факты вполне подтвердили мнѣніе Ревиньи о дочери: она играла съ нимъ, Мишелемъ, въ любовь, подготавливая бракъ съ другимъ человѣкомъ, назначала ему свиданія, уже будучи, по всей вѣроятности, невѣстой графа де-Мюссенса... Все это безспорно, неопровержимо — и все таки она, Клементина, составляла и олицетворяла для него, Фавана, лучшую пору жизни, — молодость! Кромѣ нея, онъ никого не

любилъ: израсходовалъ ли онъ разомъ все чувство, или позже ужъ некогда было, и горячка политической жизни поглотила его окончательно. Впрочемъ, въ причины и подробности Фаванъ теперь не вдавался, — только результатъ былъ для него очевиденъ.

Когда онъ въ первый разъ случайно "увидалъ ее у маркизы дю-Кульдрэ, ему показалось, что она возбудила въ немъ только чувство любопытства. Онъ, какъ бы разсѣянно, спросилъ у одного изъ обывателей салона:

— Эта дама въ бѣломъ—графиня де-Миосенсъ?... Гдѣ же ея мужъ?..

— Во всякомъ случаѣ не здѣсь, разъ жена его тутъ!—со смѣхомъ отвѣтилъ вопрошаемый:—эта чета одна изъ самыхъ типичныхъ парижскихъ...

Фаванъ не спрашивалъ, боясь узнать подробности... Ему было ясно, что дѣвушка, которая вела себя относительно него, какъ Клементина, не могла превратиться въ идеальную семьянинку. Чтобы успокоиться и объяснить свое любопытство, онъ говорилъ себѣ: «Это было такъ давно, что ужъ отошло въ область преданій!»— и продолжалъ слѣдить за графиней. Видѣлъ онъ, какъ она поболтала то съ тѣмъ, то съ другимъ, и замѣтилъ, какъ хорошенькое личико ея измѣнилось по приближеніи неизвѣстнаго ему господина. Это и былъ Видвиль. Внутреннимъ чутьемъ онъ сразу возненавидѣлъ чело­вѣка, приводившаго въ ужасъ Клементину, понявъ, что онъ имѣетъ надъ ней какую-то власть, и освѣдомился объ его имени. Никто ни однимъ словомъ не намекнулъ ему о скандальной хроникѣ, намекавшей на отношенія графини къ Видвилю:—люди извѣстнаго кружка, именующіе себя великосвѣтскими, не любятъ лускаться въ интимныя разоблаченія своихъ шашней съ выскочками,—но Фаванъ самъ догадался, что какая-то тайна существуетъ между Клементиной и Видвилемъ. «Впрочемъ, какое мнѣ дѣло до этого?—тутъ же подумалъ онъ:—странный бракъ... наследственное легкомысліе... Развлекается! А Видвиль—одинъ изъ героевъ»...

А, между тѣмъ, онъ началъ каждую субботу бывать у маркизы, съ единственною цѣлью наблюдать за Клементиной, хотя ему «не было дѣла до этого». Соображеніе его оказывалось вѣрнымъ; догадки подтвердились. Самъ онъ ограни-

чился официальнымъ поклономъ графинѣ, но убѣдился, что Видвиль пугаетъ ее не на шутку. Кончилось тѣмъ, что Фаванъ не выдержалъ роли любопытнаго наблюдателя и, противно всякому здравому смыслу, очертя голову, подошелъ къ ней со своимъ страннымъ предложеніемъ услугъ... Какъ мы видѣли, Клементина отвѣтила съ граціозной кокетливостью, — главнымъ обаяніемъ этой безсознательной артистки, — и повергла суроваго политическаго борца въ пучину мучительныхъ сомнѣній, воспоминаній и провѣрокъ своего сердца.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пойду къ ней! — рѣшилъ онъ вслухъ и лихорадочно схватился за кипу нераспечатанныхъ конвертовъ и бумагъ. Одно изъ полученныхъ писемъ вызвало на лицо его улыбку. Дѣло въ томъ, что наблюденія за графиней де-Миосенсъ привели его къ логическому предположенію о шантажѣ, которому она подвергалась, благодаря, вѣроятно, какимъ нибудь неосторожнымъ письмамъ; то же самое предполагалъ и художникъ Миро, тонкій знатокъ закулисныхъ свѣтскихъ драмъ: оба наблюдателя угадали вѣрно. Фавану тотчасъ же пришла мысль оградить Клементину при содѣйствіи полицейской префектуры; таковъ и былъ смыслъ его предложенія, на которое молодая женщина отвѣтила какъ будто легкомысленно и поверхностно.

— Въ какомъ положеніи очутился бы я, — подумалъ онъ, прочитавъ какое-то письмо, — еслибы пообщалъ ей содѣйствіе Лардена?!

Письмо было отъ друга и коллеги Фавана, отъ нѣкоего Парселье, просившаго у него на завтра свиданія въ два часа; вырѣзанная и вложенная въ письмо газетная замѣтка объясняла необходимость повидаться. Оказалось, что настало удобное время предложить правительству одинъ запросъ въ палатѣ, который поставитъ Фавана во враждебныя отношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а слѣдовательно и съ другомъ министра, — префектомъ полиціи Ларденомъ. Понятно, что нечего и разсчитывать на любовное содѣйствіе Лардена!

Заинтересовавшись письмомъ Парселье, Фаванъ словно очнулся отъ гипнотическаго сна и страхнулъ съ себя чары. Привычная лихорадка политическихъ преній, борьбы и столкновений снова охватила его и онъ энергично повторилъ:

— Конечно, не пойду къ Клементинѣ!

Онъ раздѣлся и легъ; засыпая, онъ настойчиво отгонялъ предательскій образъ бѣлокурой красавицы съ наивно-дѣтскимъ выраженіемъ глазъ и губъ, и заслонялъ его фигурами своихъ друзей и враговъ въ палатѣ. Это ему почти удалось,—до такой степени привыкъ онъ, въ силу требованій своей карьеры, владѣть своими нервами и помыслами, какъ искусно выѣзженнымъ конемъ. Увы! законъ равновѣсія докажетъ ему на слѣдующій день, что нельзя человѣку жить исключительно политическими интересами.

Однако, на другое утро у Фавана назначенъ былъ пріемъ избирателей. Необходимость выслушать просьбы и рассказы о мелкихъ нуждахъ нѣсколькихъ десятковъ избирателей спасла Мишеля Фавана отъ возвращенія къ сантиментальнымъ воспоминаніямъ, которымъ онъ предавался наканунѣ. Послѣдній посѣтитель засидѣлся; Мишелю оставалось наскоро позавтракать, пробѣжать утреннія газеты и спѣшить на собраніе политическихъ единомышленниковъ у Парселье.

Пока онъ сидѣлъ за завтракомъ, торопясь ѣсть и просматривать газеты, раздался звонокъ.

— О, чортъ бы ихъ побралъ! Покою не дають барину!—выругался старый слуга, добродушнѣйшее существо, со звѣрской фізіономіей бульдога и съ вѣчными проклятіями и крѣпкими словцами на языкѣ; однако пошелъ отворить дверь.

— Письмо вамъ, сударь!—злбно прошипѣлъ онъ, подавая конвертъ Фавану:—принесъ какой-то мужчина и хотѣлъ самъ лѣзть сюда... Лично, говорить, передать велѣно. Отвѣта ждетъ. Уморить готовы съ голоду. Покушать не дадутъ, черти!.. Поди, опять какую нибудь табачную лавочку отстаиваетъ, дьяволь!..

Старый ворчунъ такъ поглощенъ былъ своимъ негодованіемъ, что и не замѣтилъ внезапной блѣдности барина при чтеніи письма. Писала Клементина. И почеркъ, и слова,—также какъ характеръ и манеры,—все приспособлено было къ одной цѣли: подѣйствовать на чувствительные нервы, возбудить волненіе въ человѣкѣ; и, надо отдать ей справедливость, цѣли этой она всегда достигала.

Письмо гласило слѣдующее.

«Воскресенье, утро.

«Вчера вы сказали, что готовы услужить мнѣ, если понадобится. Откровенно отвѣчать въ ту минуту я не могла.

Теперь же скажу правду: ваша дружба, (такъ какъ вы остались моимъ другомъ?..) очень нужна мнѣ. Вы угадали и можете оказать мнѣ громадную услугу. Сама я не посмѣла бы обратиться къ вамъ,—но вы сдѣлали первый шагъ!.. Я же давно, давно хотѣла возобновить съ вами знакомство, поговорить съ вами и посовѣтоваться. Я почти готова радоваться моимъ настоящимъ затрудненіямъ, такъ какъ они даютъ мнѣ возможность снова видѣть васъ. Сегодня въ 2 часа я буду одна. Приходите, жду. Очень нужно. Всякая лишняя минута приближаетъ меня къ грозящей опасности. Я также несчастлива и одинока, какъ и въ былое время!

Попрежнему вашъ другъ К.

Адресъ мой прежній: тотъ же домъ... та же тюрьма!

Мишель Фаванъ нѣсколько разъ прочелъ письмо. Отъ него пахло ея духами,—«персидской сиренью»; запахи играютъ не послѣднюю роль въ сентиментальныхъ драмахъ. Можетъ быть, ни слова, ни то, чтó читалось между строкъ, не произвели бы такого дѣйствія на Мишеля, не примѣшайся знакомый, еле-уловимый запахъ духовъ. Врата воспоминаній снова распахнулись настезь...

Фаванъ спросилъ бумаги и чернилъ, задумался на нѣсколько мгновеній,—а аромать отъ записки продолжалъ окутывать его нервы, напоминая, какъ, бывало, пройдетъ она мимо него и обдастъ его этими духами или внесетъ цѣлую волну «персидской сирени», когда придетъ въ библіотеку отца... Поспѣшно написалъ Фаванъ двѣ записки: одну — Парселье съ извиненіемъ, что никакъ не можетъ быть у него, другую—графинѣ съ извѣщеніемъ, что будетъ у нея въ два часа...

Возлюбленные,—которые вопреки своему достоинству, совѣсти и интересамъ, позволяютъ водить себя за носъ,—обыкновенно знаютъ нравственную негодность своей избранницы и въ душѣ презираютъ ее; но это не мѣшаетъ имъ, по первому мановенію ея пальчика, бѣжать къ ней на свиданіе и рабски исполнять ея волю. Этой комической чертой несчастныхъ влюбленныхъ пользуются поэты всѣхъ временъ. Фаванъ не избѣгнулъ общей участи неудачниковъ и, въ то время какъ извозчикъ везъ его въ кварталъ С. Онорэ, депутатъ мысленно подвергалъ Клементину строгому анализу и осужденію.

«Интересно знать—думалъ онъ:—какой услуги попросить

она отъ меня? Если требуется помощь полицейскаго префекта,—это невозможно. По крайней мѣрѣ, цѣлую недѣлю немислимо обратиться къ нему... Вотъ если министръ падетъ, погибнетъ съ нимъ и Ларденъ. Тогда выберемъ другаго префекта... Но, можетъ быть, вовсе не того надо... Однако, глаза не обманули меня: Видвиль держитъ ее подъ гнетомъ какой-то угрозы. Она его боится. Чего же можетъ бояться замужняя великосвѣтская женщина? Очевидно, обнаруженія ея... тайныхъ грѣшковъ. Видвиль знаетъ способъ погубить ее въ общественномъ мнѣннн. Слѣдовательно: или онъ самъ былъ ея любовникомъ, или наперсникомъ ея любовника... Господи! Неужели я... я долженъ спасать ее отъ преслѣдованнн любовника? Этого только недоставало! Нѣтъ, нѣтъ, что нибудь другое. Скорѣе ссора съ мужемъ... Желаетъ развестись и надѣется на мое влннн въ правительственныхъ сферахъ, чтобы помочь ей... Одно могу сказать: послѣ того, что между нами произошло, мы съ ней не должны были бы и видѣться, а не то что кланяться другъ съ другомъ или переписываться! Ну, все равно. Узнаю, въ чемъ дѣло. Пусть объяснитъ кстатн и свое прошлое поведеннн. Я вѣдь не наивный юноша, какимъ былъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Авось сумѣю заставить ее покаяться, объяснить, какнн причины принудили ее такъ жестоко играть съ моимъ сердцемъ... терзать меня. Какая насмѣшка! Узнаю это теперь, когда уже все перенесъ, пережилъ, забылъ простилъ. Что мнѣ теперь за дѣло? Она напоминаетъ о прошломъ почти съ нѣжностью, потому что я ей нуженъ... Потому только я и рѣшился быть у нея. Я нуженъ ей для какой-то услуги. Пусть узнаетъ цѣну сердцу, которое она безжалостно разбила. Окажу ей просимую услугу—и уйду. Никогда больше не покажусь ей на глаза. Отомщу великодушннмъ. Только такъ дозволено порядочному человѣку мстить женщинѣ. Ждалъ столько лѣтъ—и дождался!»

Всѣ эти размышленнн не имѣли особеннаго значеннн. Развѣ одно: они доказывали, что Фаванъ не забылъ и не разлюбилъ Клементины. Кто начинаетъ обдумывать, какъ поступить съ женщиной—тотъ уже заранѣе побѣжденъ. Фаванъ чистосердечно считалъ себя господиномъ своихъ поступковъ. Въ подобныхъ случаяхъ мы всѣ одинаковы: стараемся объяснить и оправдать наши инстинктивныя влеченнн, придумываемъ мо-

тивы, указываемъ себѣ пути и все таки остаемся рабами того звѣря, который смѣется надъ всѣми нашими намѣреніями и возмущеніями, и вертитъ нами по своему произволу. Отсюда всѣ людскія противорѣчія, весь разладъ между словомъ и дѣломъ. Слова остаются словами, а чувства и инстинкты руководятъ поступками. Современный моралистъ не особенно поэтично сравниваетъ спящіе въ насъ инстинкты съ микробами, попавшими въ неудобную почву; но вдругъ возникнетъ новый стимулъ, дѣлаетъ почву годной для жизни микроорганизмовъ— и они закишатъ миллиардами.

Подъ вліяніемъ посторонняго импульса, проснулись и микробы, дремавшіе въ Фаванѣ. Не смотря ни на какія философствованія, будущій министръ трепетной нервной рукой звонилъ у параднаго подъѣзда графини де-Миосенсъ и едва ли менѣе волновался, чѣмъ бѣдный студентъ, служившій когда-то секретаремъ у Ревиньи. Его провели въ бібліотеку, гдѣ графиня сидѣла съ рукодѣльемъ. Обстановка почти та же. Въ каминѣ—огонь; на полкахъ пыль, вездѣ заустѣніе необитаемой комнаты; позволительно думать, что графиня рѣдко имѣла обыкновение заглядывать въ эту комнату. Все это не ускользнуло отъ пронизательныхъ глазъ Фавана. Очевидно, декорація для свиданія была обдуманна не безъ цѣли. Сердце депутата сжалось отъ боли; но Клементина была такъ хороша собой, такъ напоминала лучезарное видѣніе прошлаго! Зеленое бархатное платье скромнаго фасона, длинная цѣпочка отъ часовъ; двѣ жемчужинки винтиками въ ушахъ, одинъ браслетъ; всѣ эти украшенія—старинныя, и знакомы Фавану. Какъ не простить всѣ хитрости и притворство кокетки за подобный мигъ иллюзіи прошлаго? Да, прежняя Клементина была передъ Фаваномъ! Тѣ же женственно-беспомощныя движенія, дѣтское выраженіе лица, наивныя нѣжныя глазки!.. Когда челоуку стукнетъ сорокъ лѣтъ, онъ способенъ умиляться передъ завѣдомой ложью, которая на мигъ переноситъ его за полтора десятка лѣтъ назадъ. Можно ли сердиться на женщину, изощрившуюся, чтобы доставить такой миражъ?

Милымъ, нѣжнымъ голосомъ привѣтствовала Клементина гостя и указала ему на кресло.

— Вы пришли... Спасибо. Не знаю, можете ли вы оказать мнѣ услугу, въ которой я нуждаюсь... Но благодарю за

готовность и за то, что вижу васъ у себя. Вы доказали мнѣ, что высокія чувства и благородные поступки—не пустые звуки. Ахъ, какъ часто сомнѣваетесь въ этомъ!..

Что отвѣтить на подобный пріемъ, даже когда подозрѣваете искренность «бѣднаго ангела», провозглашающаго васъ послѣднимъ рыцаремъ на землѣ? Невольно поддерживаешь тонъ комедіи, жалѣешь жертву прозаической жизни, — въ лучшемъ случаѣ ободряешь ея игру молчаніемъ и бормочешь общія мѣста, въ родѣ:

— Помилуйте, сударыня, наоборотъ... Для меня большая честь и счастье служить вамъ... Ваше довѣріе... Сообщите, чѣмъ могу...

— Это, видите ли, грустная и весьма обыкновенная исторія! — сказала она съ усиліемъ: — я думала, что мнѣ не такъ трудно будетъ рассказать ее вамъ...

Невинныя мученицы, при входѣ на арену, должны были улыбаться также, какъ улыбалась въ эту минуту Клементина.

— О, да, вижу, что рассказывать эту исторію нелегко! — продолжала она: — вы тутъ, въ этой комнатѣ, гдѣ все по старому — таково мое желаніе! — уголокъ неба изъ окна, старыя книги. Все напоминаетъ мнѣ милое прошлое, которое погибло по моей винѣ, по моей неопытности... Ахъ, еслибъ въ восемнадцать лѣтъ имѣлъ опытъ тридцатилѣтней женщины!

— Не будемъ вспоминать о прошломъ, сударыня, — возмолвлялся Фаванъ. Голосъ его былъ почти рѣзокъ. Въ сущности, ради воспоминанія о прошломъ онъ только и пришелъ... Теперь же ему было больно и онъ предпочелъ бы не говорить о немъ. Но Клементина не принадлежала къ числу обыкновенныхъ кокетокъ, а отличалась сложностью необъяснимыхъ чувствъ и на половину вѣрила въ свои роли. Она стремилась быть любимой, грѣлась въ лучахъ внушаемаго собой чувства, не упуская при этомъ и иныхъ практическихъ цѣлей. Такія натуры напоминаютъ хорошенькихъ кошечекъ, избалованныхъ и сытыхъ, и все таки не отказывающихся отъ наслажденія поиграть съ пойманной мышкой, поцарапать ее, — хотя ѣсть и не хочется. И еще ихъ можно сравнить съ художниками, любящими дѣлать безчисленные эскизы, зная, что имъ не суждено превратиться въ законченныя картины. Когда наканунѣ не-

*

обычайное предложеніе услуг Фавана открыло Клементинѣ перспективу возможности освободиться отъ угрозъ Видвиля, — это не помѣшало ей взволнованно сообразить: «Онъ все еще влюбленъ въ меня!»! Поймите, послѣ этого, изгибы женскаго сердца! Такъ и теперь: продолжая рассчитывать на помощь Фавана, стараясь одурачить его для роли рыцаря, она не могла устоять противъ желанія возбудить его заглохнувшую съ годами любовь и посмотреть, какъ онъ снова будетъ терять голову.

— Напротивъ, будемъ вспоминать о прошломъ, — настойчиво возразила она. — Не можете же вы запретить мнѣ оправдаться въ вашихъ глазахъ. Вы вѣдь осудили меня? И осуждаете. Не возражайте. Я это чувствую... сердцемъ. Вы и представить себѣ не можете, какъ я сама тогда страдала. Я была наивна и проста до глупости! Настолько наивна, что самыя странныя мечты казались мнѣ исполнимыми, возможными... Мнѣ казалось, что любовь все освящаетъ... даже преступленіе... А я любила васъ всей душой... чистой, невинной любовью. Воображала, что такъ можно прожить всю жизнь, упиваясь платоническимъ чувствомъ. Отецъ мой обманулъ васъ тогда. Это онъ принудилъ меня выйти за графа. Я уже разъ отказала ему. Но васъ онъ бы не принялъ въ зятя.. съ его предрассудками. Жить же дома стало мнѣ не подъ силу. Я и вообразила, что можно завоевать себѣ свободу замужствомъ и сохранить вашу любовь... Вѣдь я была тогда наивна, какъ младенецъ, и ничего, ничего не понимала! А потомъ, когда вы обошлись со мной такъ жестоко, передали мнѣ слова отца, — о, какъ я была несчастна! Позже, когда я узнала, что такое бракъ, я поняла ваше негодованіе, поняла, что я, какъ бессмысленное дитя, играла оружіемъ и ранила васъ... Сколько разъ хотѣлось мнѣ сказать вамъ то, что говорю сейчасъ! Я васъ никогда не теряла изъ виду... Шагъ за шагомъ слѣдила я за вашей славной карьерой. Слѣдила съ гордостью и раскаяніемъ. Не права ли я, что необходимо было поговорить о прошломъ, о нашемъ прошломъ?..

Фаванъ слушалъ, не прерывая, хотя то обстоятельство, что она осмѣливалась обвинять покойнаго отца въ принудительныхъ мѣрахъ къ ея замужству, слишкомъ явно противорѣчило съ разговоромъ, происходившимъ тогда въ этой самой комнатѣ.

Неужели Ревиньи унился бы до такого плутовскаго способа, чтобы отдѣлаться отъ бѣднаго студента? Неужели только ради этого рѣшился онъ очернить родную дочь въ его глазахъ? Весь характеръ покойнаго протестовалъ противъ такого предположенія. Но въ такомъ случаѣ, значить, Клементина снова лгала?.. Слѣдовательно, и въ другихъ случаяхъ она будетъ также лгать? Наивный юноша, въ родѣ Эдмонда Бонива, и тотъ сѣумѣлъ бы понять это. Надо полагать, что политическіе обманы и притворства не научаютъ мужчинъ остерегаться хитрыхъ женщинъ, потому что депутатъ своимъ отвѣтомъ на хитроумную рѣчь графини, оставилъ ей лазейку для успѣшнаго продолженія лганья и одурачиванія слушателя.

— Хотѣлось бы мнѣ вѣрить, что все это произошло именно такъ!—вздохнулъ онъ, какъ бы говоря самъ съ собой:—къ несчастію, я какъ сейчасъ помню горестный тонъ вашего отца, когда онъ говорилъ о вашемъ поведеніи...

— Бѣдный старикъ!—сочувственно произнесла Клементина и страдальчески подняла глаза къ небу, словно прощая покойному его заблужденія и деспотизмъ; ни дать, ни взять—Корделія! Она отлично знала, что вѣрнѣйшее средство опровергнуть клевету, это великодушно отзываться о клеветникѣ, и грустно прибавила:—онъ, по своему, желалъ моего счастья; я прощаю его уловку, чтобы оттолкнуть васъ отъ меня! Заставить презирать... жестоко, но вѣрно. Онъ долженъ былъ самъ страдать, увѣряя васъ въ завѣдомой лжи. Въ душѣ это былъ честный человѣкъ, джентльменъ. Деликатный, но съ упрямыми предрасудками касты. Да, навѣрно не безъ борьбы рѣшился онъ на такое средство. Надо было спасти меня, по его мнѣнію, отъ неравнаго брака... Вы его мало знали...—Понизивъ голосъ почти до шопота, она застѣнчиво прибавила:—вотъ почему я не рѣшалась объяснить вамъ правду и предпочла тогда молчать... Приходилось обвинять отца въ неблаговидномъ поступкѣ!—(улыбка Корделіи на устахъ... пусть обвиняютъ лучше ее, чѣмъ короля Лира!)—Но, если даже повѣрить, что я имѣла въ виду гнусный расчетъ и сознательно играла комедію, — Боже, я тогда была сущій ребенокъ! — то неужели я не отказалась бы отъ своего плана, видя, что онъ открытъ отцомъ и сообщенъ вамъ? Но нѣтъ, я искренно любила васъ. Припомните цвѣты изъ Италіи, наши свиданія въ аллеѣ, мою храбрую рѣшимость са-

мой сообщить вамъ о предполагаемомъ бракѣ! Отецъ уже рѣшилъ мою судьбу тотчасъ по прїѣздѣ изъ-за границы. Къ чему бы мнѣ было продолжать съ вами игру въ любовь? А теперь, развѣ бы я рѣшилась написать вамъ, надѣяться на васъ, еслибъ чувствовала себя виновной въ прошломъ? Боязнь и стыдъ не допустили бы меня до этого. Повѣрьте, — выразительный взглядъ на небо невинной жертвы, готовой простить врагамъ, — повѣрьте, что можно легко ошибиться, видя во всемъ преступныя намѣренія и обманы. Но я вамъ прощаю.

Скажите по совѣсти: когда вашъ палачъ въ женскомъ обликѣ, съ изящнымъ станомъ, трепетной улыбкой и умиленными глазами, произноситъ: «я вамъ прощаю!» и милостиво рѣшается забыть все зло, сдѣланное вамъ, — что остается вамъ говорить и дѣлать, если вы несовсѣмъ чудовище жестокосердія и эгоизма? Не противорѣчьте: вы поступили бы также, какъ и злополучный Мисель Фаванъ, одурѣвшій отъ наплыва неожиданныхъ впечатлѣній. Вся его способность логически рассуждать временно исчезла, онъ пересталъ вѣрить очевидности и сталъ признавать нелѣпости за истину. Очертя голову и закрывъ глаза, бросился онъ въ омутъ фантазмагоріи, гдѣ женскій умъ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ, гдѣ нѣтъ границы между зломъ и добромъ, правдой и ложью, гдѣ самые гнусные поступки оказываются доблестными и наоборотъ, смотря по надобности; гдѣ вмѣсто: «у меня былъ любовникъ», — говорится: «я столько выстрадала!» а вмѣсто: «я обманула мужа» — горестно сообщается: «судьба была мнѣ мачихой» и т. д. Быть можетъ, подобныя дебри понятій ближе подходятъ къ истинѣ, чѣмъ нашъ грубый мужской умъ въ состояніи обнять... Но, по нашему, казалось бы: фактъ остается фактомъ! Такъ нѣтъ же: въ устахъ женщины онъ не имѣетъ значенія. Мало ли что было? А въ настоящую минуту ей не хочется, чтобы это было; она вся проникнута страстнымъ желаніемъ уничтожить, стереть этотъ фактъ, — и это ей удастся, будьте покойны. Изумительныя искаженія дѣйствительности на половину кажутся ей реальными, она сама вѣритъ въ нихъ... Да, въ эту минуту Клементина твердо вѣрила въ свои измышленія, — до того ей хотѣлось возбудить любовь Фавана, покорить его... Къ стати предстояло получить его содѣйствіе для борьбы съ Видвилемъ, избавиться отъ дамоклова меча компрометирующихъ писемъ и на

свободѣ предаться любви съ прелестнымъ Эдмондомъ. Совокупность этихъ пѣлей придала ей столько огня, страстности, блеска въ глазахъ, румянца на щекахъ, что несчастному депутату трудно было устоять. Онъ не устоялъ и на ея невѣроятную фразу: «я вамъ прощаю» отвѣтилъ:

— Ахъ, еслибъ это было такъ!..

— Такъ и было, — властно сказала торжествующая Клементина: — но не вините себя. Никто не виноватъ. Вы не знали всего. И бѣдный отецъ не виноватъ, — онъ не могъ предвидѣть вашей будущности; и меня не въ чемъ упрекать, — я не знала жизни, не понимала, что бракомъ своимъ подтвердила ваши подозрѣнія. О, какъ я была наказана!.. До сихъ поръ несу эту кару... Если вы не вѣрите мнѣ въ прошломъ, то какъ повѣрите въ настоящемъ?.. Я хотѣла было рассказать вамъ мое затрудненіе, но вижу, что вы сомнѣваетесь во мнѣ...

— Расскажите, я не сомнѣваюсь. Вѣрю вамъ и буду вѣрить! — вырвалось у Фавана, можетъ быть, неожиданно для него самого.

— А! Какое счастье!! — молодая женщина, словно отъ избытка блаженства схватилась ручкой за сердце. Потомъ задумалась и съ большой задумчивостью продолжала: — Теперь я могу говорить съ вами вполне откровенно. Въ жизни женщины бываютъ случаи, когда ей слѣдуетъ безусловно вѣрить на слово; очевидность какъ будто противъ нея и фактически доказать свою правоту нѣтъ возможности... Вотъ тутъ-то нуженъ истинный другъ, слѣпо вѣрящій ея словамъ, не сомнѣвающійся... Таково мое положеніе... и не относительно одного васъ, другъ мой...

Начинался второй актъ комедіи. Артистка смѣло продолжала блистательно начатую роль. Кончикомъ крошечной туфельки она придвинула къ себѣ скамеечку, а кресло свое отодвинула нѣсколько назадъ; усиліе это потребовало граціознаго напряженія всей ея изящной фигурки; движеніе это, разумѣется, было замѣчено собесѣдникомъ и послужило, вульгарно выражаясь, «защипомъ», которымъ ущемляютъ крестьяне съ норовомъ, лошадь когда намѣреваются объѣзжать ее. Пока на нее надѣваютъ сбрую и запрягаютъ ее, первый попавшійся ребенокъ можетъ слегка шевелить этотъ «защипъ» — и будьте

увѣрены, что лошадь позволить спокойно заперчь себя: все ея вниманіе будетъ поглощено «защипомъ»... Если позволительно сравнить такой грубый приѣмъ съ хитростью кокетливой Далилы, приготовляющейся остричь простака Самсона и одѣтой первокласснымъ парижскимъ портнымъ, — то изящный изгибъ ножки и красивый бюстъ можно уподобить «защипу»... Старая исторія, и вѣчно будетъ повторяться, пока на свѣтѣ не переведутся Мишели Фаваны и Клементины. Влюбленный загнипнотизированъ красивымъ движеніемъ кокетливой женщины, ея мелькнувшей ножкой, поворотомъ бюста или головы.. Запрагайте, ведите, приказывайте: — «защипъ» сдѣлалъ свое дѣло!

— Да, — продолжала она импровизировать: — я такъ поражена была вчера, когда вы внезапно предложили мнѣ свою поддержку, что не нашлась, что отвѣтить отъ волненія! Вы, точно ясновидящій, постигли мою безвыходность. Да, именно, я очутилась въ такомъ положеніи, когда нуженъ другъ, исключительный, снисходительный...

Пауза, и затѣмъ она продолжала съ пылкой откровенностью:

— Есть человекъ, желающій и имѣющій средства погубить меня... Еслибъ вы знали кто...

— Знаю: это Видвиль.

— А!.. — изумленіе было на этотъ разъ искреннее, съ оттѣнкомъ тревоги. — Вы слышали. Злыхъ языковъ много... Вамъ вѣрно говорили...

Клементина смущена. Она никакъ не ожидала, что Фаванъ знаетъ имя ея мучителя. Однако, съ поразительной находчивостью она хватается за неожиданное открытіе, чтобы прикинуться оскорбленной жертвой свѣтской клеветы... Тѣмъ временемъ Фаванъ извиняется:

— Нѣтъ, никто, ничего мнѣ не говорилъ. Мнѣ самому показалось, что когда этотъ господинъ приближался къ вамъ, вы пугались... Это приводило меня въ отчаяніе, и я...

— Ваша догадка вѣрна! На этотъ счетъ мужчины дальновиднѣ насъ, женщинъ. Вы съ двухъ-трехъ разъ поняли наши враждебныя отношенія съ Видвилемъ.

Снова артистическая пауза, подчеркивающая значеніе того, что предстоитъ сказать, и затѣмъ со вздохомъ:

— Я въ него вѣрила! Считала его другомъ, деликатнымъ, преданнымъ. Вѣдь я такъ была несчастна, одинока... Мужъ обманывалъ меня, измѣнялъ на каждомъ шагу... Видвиль часто бывалъ у насъ. Жалѣлъ меня. Вѣрнѣе, притворялся, что жалѣлъ. Мало-по-малу я привыкла дѣлиться съ нимъ своими горестями, повѣрять ему всѣ мои мысли. Лѣтомъ мы разѣхались въ разныя стороны съ Видвилемъ, но продолжали бесѣдовать письменно. Я писала вполне откровенно о мужѣ, о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Можетъ быть, немножко и кокетничала, не скрываю... Но во всякомъ случаѣ я не заслуживала такой измѣны друга и не ожидала ничего подобнаго! Когда у этого челоуѣка, котораго я считала другомъ, которому повѣряла сокровеннѣйшія тайны, думала и чувствовала вслухъ, — когда онъ накопилъ десятка два моихъ писемъ, — знаете, что онъ сдѣлалъ? Онъ выбралъ изъ нихъ самыя интимныя, неосторожныя, смыслъ которыхъ можно при желаніи исказить и заподозрить преступную связь... Присоединилъ къ нимъ и тѣ, гдѣ не особенно лестно отзывалась о мужѣ, — и не посовѣстился предложить мнѣ слѣдующій ультиматумъ: «или, говорить, покажу эти письма вашему мужу, или»... понимаете? О, какая низость!

Клементина проговорила свою рѣчь съ искреннимъ негодованіемъ. Не было ли здѣсь на три четверти правды? Въ чемъ же состояла недосказанная четверть? что оставалось прибавить къ сообщенію, чтобы не грѣшить противъ правды? Одни пустяки, — что Видвиль былъ ея любовникомъ? Но въ такомъ случаѣ его угрозы были бы еще ужаснѣе на подобной подкладкѣ! Значить, она щадила его репутацію, рассказывая исторію нѣсколько иначе... Письма не должны дойти до свѣдѣнія прелестнаго Эдмонда, мнѣніемъ котораго дорожила Клементина; о мужѣ тутъ и рѣчи не было? Но, послушайте господа, — по совѣсти, могла ли она назвать еще и *этого*, ожидая содѣйствія Фавана для отобранія писемъ?.. Она и такъ чутьемъ угадала по лицу Фавана, что пересолила въ рассказанной ему исторіи... Салонныя актрисы, также какъ и театральныя, безошибочно знаютъ, какое впечатлѣніе на публику произвелъ ихъ главный монологъ. Клементина поняла, что въ пылу разговора перешла границу дозволенной фантастичности и возбудила недоувѣріе слушателя. Пока рѣчь шла о прошломъ, самыя невѣроятныя

легенды принимались имъ на вѣру — сердце его было на сторонѣ разказчицы. Хотя и запоздалый, но желанный лучъ поэзии и взаимности освѣтилъ романъ его юности, и онъ охотно закрылъ глаза на нѣкоторыя подробности. Но когда дѣло дошло до недавнихъ событій, чувства влюбленнаго были задѣты за живое. Разумъ его настолько просвѣтлѣлъ, что онъ сказалъ:

— Ужасная низость, дѣйствительно!.. Но не лучше ли вамъ самой вооружиться смѣлостью и во всемъ чистосердечно открыться мужу? Порядочный человекъ едва ли рѣшится осудить женщину — свою жену — за опрометчиво написанныя строки.. Не разводиться же въ самомъ дѣлѣ изъ-за такихъ пустяковъ!..

— Ахъ, вы не знаете моего мужа! Онъ ревнивъ, подозрителенъ... порой жестокъ... И потомъ, могу ли я вспомнить всякое слово, которое писала?..

Послѣдовало молчаніе. Какъ хохотали бы въ клубѣ, еслибы товарищи графа де-Миосенса услышали мнѣніе, выраженное его женой? Бѣднякъ извѣстенъ былъ за феноменально добродушнаго и кроткаго человекъ, съ христіанскимъ смиреніемъ переносившаго свою участь, а, можетъ быть, и не подозрѣвавшаго своихъ головныхъ украшеній. Фаванъ всталъ и началъ нервными шагами ходить изъ угла въ уголь по кабинету. Вдругъ онъ остановился передъ графиней и посмотрѣлъ на нее страдальческимъ, умоляющимъ взглядомъ. Голосомъ тихимъ, но твердымъ онъ произнесъ:

— Нѣтъ, такой неопредѣленности я не перенесу. Послушайте, графиня, мы съ вами можемъ на минуту отбросить свѣтскія приличія. Я догадываюсь, въ чемъ будетъ состоять ваша просьба. Я ее исполню. Даю вамъ слово. Но я имѣю право знать всю правду... Видвиль былъ вашимъ любовникомъ?

— Былъ! — отвѣтила она послѣ минутнаго колебанія, опустивъ рѣсницы съ видомъ кающейся грѣшницы. Даже это признаніе давало ей какое-то острое ощущеніе удовольствія: узнать, моль, и все таки будетъ дѣйствовать, какъ прикажу. Вотъ до чего влюбленъ и ошалѣлъ!

А Фаванъ снова ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, не зная, какъ усмирить бьющееся сердце... Она ждала... ждала даже бурнаго порыва гнѣва, который доказалъ бы ей, что онъ

ревнуетъ. Но, къ ея удивленію, даже разочарованію, Мишель глухо, сдержанно спросилъ:

— Вы желаете, чтобы письма эти были взяты у него какимъ бы то ни было способомъ?

— Да...

— Уполномочиваете вы меня, въ случаѣ надобности, называть васъ префекту полиціи?

— Уполномочиваю васъ дѣйствовать по вашему усмотрѣнію. Я безусловно отдаюсь въ ваши руки... въ руки честнаго, вѣрнаго друга!..

— Гдѣ хранятся эти письма? Вамъ извѣстно?

— Если ихъ не вынули, то онѣ лежатъ въ маленькомъ бюро, въ потайномъ ящикѣ... Справа ящикъ выдвигается, а за нимъ находится углубленіе, закрытое дощечкой... Ее надо слегка надавить снизу вверхъ... она и отскочитъ.

— А бюро гдѣ стоитъ?..

— Ошибиться нельзя: только одно такое бюро и есть во всей квартирѣ... Чернаго дерева съ инкрустаціями...

— Хорошо... Сдѣлаю, что могу... — Голосъ Фавана дрогнулъ, онъ понялъ уклончивый отвѣтъ Клементины: она не хотѣла сказать, что бюро стоитъ въ спальнѣ Видвила.—Объщать навѣрно, что префектъ согласится на подобный произволъ,—не могу... Однако, надѣюсь, что онъ мнѣ не откажетъ...

О, еслибъ партія, во главѣ которой стояли Фаванъ и Парселье, могла слышать эту фразу своего вожака, какъ зароптала бы она, какіе крики объ «измѣнѣ» подняла бы! Но въ эту минуту для Фавана не существовало ни партій, ни убѣжденій, ни парламента...

— Прощайте, графиня,—сказалъ онъ: — сегодня вечеромъ вы узнаете, согласился ли префектъ. Если да, то дня черезъ два три пришло вамъ эти письма...

— Не сами принесете?—съ мольбой въ голосъ и внезапной робостью спросила Клементина: — Понимаю. Вы строгій судья! А я-то думала: по крайней мѣрѣ, онъ вернетъ мнѣ свое уваженіе! Для того лишь я и исповѣдывалась вамъ, какъ духовнику. Да и лгать вамъ я не въ состояніи... Ахъ, еслибъ вы знали, что я выстрадала! Вышла замужъ, не любя... Быть можетъ, вы поняли бы, извинили мою первую, единственную ошибку... Другъ мой,—она встала и подошла къ Фавану:—другъ

мой, единственный друг—протяните мнѣ руку. Не уходите такъ!

Фаванъ взялъ протянутую ему ручку, которая затрепетала въ его рукѣ. Онъ глядѣлъ на молодую женщину съ глубокой печалью и нѣжностью, и вдругъ изъ глазъ его покатились двѣ крупныя слезы... Клементина, какъ ласкающійся ребенокъ, прижалась къ его груди, шепча:

— Вы меня все еще любите? О, какое счастье, какое утѣшеніе!..

— Да, люблю!—Онъ взялъ дрожащими руками ея голову и безумно началъ цѣловать ея волосы, глаза, губы. Она возвращала поцѣлуй, въ забытій продолжая шептать: «оставьте... оставьте»... Наконецъ, онъ опомнился, провелъ рукой по лбу и растерянно проговорилъ:

— Видите, что я не долженъ самъ приносить вамъ письма! Прощайте, прощайте навсегда! Моя любовь къ вамъ должна остаться высокимъ, незапятнаннымъ чувствомъ...

Онъ вышелъ, а молодая женщина проводила его безмолвнымъ взглядомъ недоумѣвающихъ глазъ, попытавшись было удержать его жестомъ протянутой руки. Когда дверь за нимъ затворилась, она два раза покачала бѣлокурой головкой, пожала плечиками и улыбнулась. Въ этой улыбкѣ всего было понемножку: и насмѣшки, и сожалѣнія, и гордости, и даже истиннаго чувства. «Слишкомъ ужъ робокъ!»—сказала улыбка. «Жаль, жаль»... означало покачиванье головы. «Къ чему»? благоразумно заявили вздернутыя плечики.

Графиня подошла къ столу, убѣдилась, что здѣсь не найти ни пера, ни чернилъ, прошла къ себѣ въ будуаръ и принялась за письмо, начинавшееся словами: «Дорогой мой Эдмондъ»!.. Дальше шло согласіе на свиданіе въ маленькомъ гнѣздышкѣ, специально для этого приготовленномъ, какъ водится. До сего дня она не соглашалась осчастливить юнаго влюбленнаго и въ эту минуту подтвердила двѣ неоспоримыя истины: во-первыхъ, что женщина бываетъ особенно нѣжна къ любимому человѣку, послѣ страстнаго объясненія съ другимъ, который безнадежно влюбленъ въ нее; во-вторыхъ, что стѣбитъ женщинѣ успокоиться насчетъ послѣдствій неосторожной переписки, какъ она, не теряя времени, принимается за повтореніе такой же неосторожности... А когда наша героиня надписывала адресъ: «Виконту де-Бо-

нивэ», — то изъ головы ея совершенно вылетѣло воспоминаніе о наивномъ политическомъ дѣятелѣ, который мчался къ префекту и готовился пренебречь своими убѣжденіями, измѣнить своей партіи, забыть свои интересы и великій принципъ святости и неприкосновенности чужаго жилища, — чтобы обезпечить свободу для любовныхъ развлеченій своей богини...

V.

Прошла недѣля. Въ субботу, къ девяти часамъ вечера, по обыкновенію, стали подъѣзжать экипажи къ крыльцу отеля дю-Кульдрэ. Снова въ числѣ посѣтителей маркизы очутилось семеро лицъ, замѣшанныхъ въ нашѣмъ разсказѣ. Живописецъ Миро обѣдалъ тамъ. Приѣхали mesdames де-Кандаль и де-Лакруа; явилась также графиня де-Миосенсъ, ошастливившая юнаго Эдмонда де-Бонивэ и безъ ума влюбленная въ него сама. Въ эту субботу она уже видѣлась съ нимъ въ уютной квартиркѣ, предназначенной для свиданій, потомъ у знакомыхъ, которымъ сдѣлала визитъ и, наконецъ, вѣчеромъ назначила ему встрѣтиться у маркизы дю-Кульдрэ, рискуя столкнуться тамъ съ Видвилемъ и Фаваномъ или, быть можетъ, желая видѣть и ихъ. Женщины до страсти любятъ бравировать опасность въ то время, когда сердце ихъ полно нѣжности къ избраннику. Всю недѣлю не встрѣчала она ни того, ни другаго, хотя по фактамъ знала, что Фаванъ исполнилъ ея просьбу. Дѣйствительно, депутатъ былъ у префекта и упросилъ его, — какой дорогой цѣной! — сдѣлать обыскъ у Видвиля. Дружба послѣдняго съ однимъ изъ орлеанскихъ принцевъ и слухъ о приѣздѣ этого принца въ Парижъ послужили если не поводомъ, то придижкой. Видвиля заарестовали на бѣгахъ, и продержали подъ арестомъ одинъ день, — достаточное время, чтобы произвести обыскъ и выкрасть письма графини де-Миосенсъ. Въ среду молодая женщина получила ихъ, убѣдилась, что они всѣ на лицо и почувствовала себя свободной, какъ вѣтеръ. Послѣ такой блестящей побѣды, ей естественно захотѣлось увидать одураченнаго врага, а также поблагодарить Фавана. Его влюбленные взгляды, послѣ шестнадцатилѣтняго перерыва, пріятно щекотали ея самолюбіе и нервы, такъ что, въ общемъ, она была бы огорчена отсутствіемъ одного изъ этихъ мужчинъ. Но

вотъ они здѣсь; она убѣдилась въ этомъ раньше, чѣмъ они подошли къ ней—и, блестя глазами, чаруя обольстительнѣйшей изъ своихъ невинныхъ улыбокъ, она расточаетъ любезности направо и налево, даритъ всякаго ласковымъ словомъ и привѣтствіемъ.

— Она неподражаема! — изумлялся Миро, обращаясь къ своимъ пріятельницамъ, съ которыми снова очутился на любимомъ диванчикѣ въ уголку:—смотрите, развѣ это не самая невинная, чистая и безгрѣшная юница? Бѣлая лилія, сирень, лѣсной ландышъ, честное слово! Ставлю моего Ватто противъ этой мерзкой мазни Форіаля, что она окончательно живетъ съ Бонивэ...

Художникъ Миро терпѣть не могъ своего собрата по ремеслу, моднаго портретиста Форіаля, и не упускалъ случая излить на него накопившуюся желчь. Madame де-Кандалъ, напротивъ, чрезвычайно любила работы Форіаля и высоко ставила его талантъ. Поэтому она перебила Миро:

— Вы ужасно злы, другъ мой!—сказала ему:—Оставьте Форіаля въ покоѣ. Во-первыхъ, вамъ лучше, чѣмъ мнѣ, извѣстно, что у Форіаля очень, очень много таланта и что его портреты—чудныя произведенія искусства, а не мазня. Потомъ, отучитесь, пожалуйста, отъ такихъ тривіальныхъ выраженій «живетъ съ Бонивэ»!.. Фи! Приберегите такіе образные обороты для дамъ полусвѣта. Въ-третьихъ, не смѣйте повторять чудовищныхъ предположеній насчетъ Клементины! Ничего ровно вы не знаете...

— Не знаю... Не знаю... — ворчалъ Миро, недовольный нотацией madame де-Кандалъ. Онъ исполнялъ при ней роль ручнаго водолаза, который не смѣетъ слишкомъ громко рычать, а только изподтишка рѣшается иногда оскалить зубы.—Нечего и знать! Конечно, на нее нечего и глядѣть, хоть кого обманетъ такая наружность! У нея спеціальныи даръ: съ каждымъ новымъ любовникомъ видъ ея дѣлается все невиннѣе и дѣвственнѣе. Но потрудитесь посмотрѣть на него: переродился нашъ мальчикъ! Глазами готовъ съѣсть ее. Да взгляните-же! да или нѣтъ?..

— Кажется, что да,—со смѣхомъ вмѣшалась madame де-Лакруа: — не въ обиду будь сказано моей строгой кузинѣ. Вѣрно, вѣрно. У Эдмонда на лицѣ написано чрезмѣрное счастье!..

Дѣйствительно, въ эту минуту глаза молодого Эдмонда съ нескрываемымъ восторгомъ слѣдили за Клементиной, расточавшей обворожительныя улыбки подходившимъ къ ней мужчинамъ. Застѣнчивое упоеніе, разлитое по всему лицу сѣвшаго счастьемъ юноши, предательски подтверждало предположеніе Миро, такъ что добродѣтельная и щепетильная madame де-Кандалъ — и та умилилась и смягчилась, взглянувъ на него. Значить, есть же на свѣтѣ наивная, полная, всепоглощающая страсть! Съ минуту посмотрѣла madame де-Кандалъ попеременно на влюбленнаго юношу и на его избранницу, а затѣмъ, словно упрекая себя даже въ мысленномъ сочувствіи такимъ положеніямъ, отвернулась и произнесла;

— Дорого заплатитъ онъ за все это. А ей непростительно!.. Однако, убѣдитесь, Миро, что люди не такъ гнусны, какъ вы всегда воображаете: Видвиль не привелъ въ исполненіе своихъ угрозъ...

— Терпѣніе, дайте срокъ! — отозвался художникъ: — не до того ему было. Эту недѣлю надо было о другомъ подумать...

— Да, — подхватила madame де-Лакруа: — расскажите-ка, правду ли болтаютъ объ его арестѣ по поводу политическихъ подозрѣній?..

— Если вы объ пообщаете мнѣ, — конфиденціально сказалъ Миро своимъ собесѣдницамъ, — что никому не проболтаетесь, я повѣдую вамъ мое предположеніе... Помните только: ни гу-гу!.. Подумайте да поразмыслите: въ нашъ культурный вѣкъ арестовать человѣка, принявъ его за другаго, когда человѣкъ этотъ — не безызвѣстный баронъ Видвиль... можно ли повѣрить такому недоразумѣнію? Вы вѣрите? По крайней мѣрѣ, я не вѣрю. Политическій заговоръ?.. Да неужели же республиканское правительство такъ недальновидно, что, прослышавъ о прѣвдѣ принца, помѣшало бы ему попасть въ мышеловку глупымъ арестомъ его друга? Наоборотъ! Оно втихомолку подготовило бы ему встрѣчу у границы и также втихомолку цапъ-царапъ дорогаго гостя! Къ его услугамъ тутъ прочное помѣщеніе, содержаніе, судъ надъ нимъ, все по порядку... Уймутся, молъ, и другіе, глядя на тебя, и пусть отложатъ попеченіе о возвратѣ прежнихъ дней. А то шумъ, гамъ — и спугнули птичку! Полноте! Это предлогъ, годный только для публики. Такіе аресты практикуются надъ людьми, у которыхъ интересно произвести обыскъ,

чтобы выкрасть какія нибудь бумаги, чьи нибудь письма, на-примѣръ... Да, да, да... Такіе приемы теперь практикуются частенько... Помните, мы недеумѣвали въ прошлую субботу: какіе такіе разговоры могутъ быть между Фаваномъ и графиней де-Миосенсъ?..

Исторія, въ которую замѣшаны арестъ, обыскъ и полиція, всегда имѣетъ для женщинъ притягательный интересъ. Падки до нихъ и великосвѣтскія дамы, не меньше чѣмъ мѣщанки; все равно, чтó чтеніе фельетонныхъ романовъ. Въ настоящемъ же случаѣ, когда героиней оказалась одна особа изъ ихъ среды, обѣ кузины сгорали отъ любопытства и никто больше не упрекалъ художника Миро въ неосновательныхъ подозрѣніяхъ. Двѣ пары прекрасныхъ глазъ устремились съ жаднымъ любопытствомъ къ дверямъ, изъ которыхъ въ эту минуту показался Фаванъ вмѣстѣ съ Видвилемъ. Послѣдній, съ мрачнымъ и жесткимъ выраженіемъ лица, что-то горячо объяснялъ депутату, который съ полнымъ равнодушіемъ выслушивалъ его. Безстрастное лицо Фавана ничего не выражало, кромѣ вѣжливой скуки.

— Говорите прямо, — обратилась вполголоса madame де-Кандаль къ художнику:—вы думаете, что нашъ депутатъ вошелъ въ соглашеніе съ префектомъ полиціи, съ цѣлью выкрасть письма Клементины? Великодушный рыцарскій поступокъ! Не я осудила бы за это! Значить, и звѣрскимъ революціонерамъ доступны высокія чувства, не хуже чѣмъ нашимъ всемогущимъ предкамъ, которые готовы были все поставить на карту, лишь бы угодить прекрасной женщинѣ... Но, еслибы въ самомъ дѣлѣ Фаванъ сыгралъ эту штуку съ Видвилемъ, развѣ онъ явился бы сюда, рискуя встрѣтить одураченнаго? А они мирно разговариваютъ!..

— Чтó же это доказываетъ? — съ живостью возразилъ Миро:—что Видвиль не подозрѣваетъ его участія въ «штукѣ»! А Фаванъ закаляется въ дипломатическомъ безстрастіи. Сегодня я прочелъ въ газетахъ, что ему предназначается должность посланника въ Римѣ или Мадридѣ, не помню хорошенько...

— Нейдетъ къ нему этотъ постъ!—насмѣшливо замѣтила madame де-Кандаль, пожимая плечами.—Впрочемъ, къ чему же и дѣлаться республиканцемъ, если не получать хорошихъ мѣстъ?

Послѣднія слова аристократки доказывали, какой хаосъ понятій царилъ въ ея хорошенькой головкѣ. Она и представить себѣ не могла, чего стоило Фавану покривить душой, смолчать тамъ, гдѣ готовился говорить, добровольно допустить торжество противной партіи! А все это ему пришлось пережить, благодаря вспышкѣ сердечнаго увлеченія, или «рыцарскаго великодушія»,—какъ выразилась madame де-Кандалъ. Недѣлю тому назадъ, онъ счелъ бы за обиду предложеніе поста посланника при настоящемъ составѣ кабинета. Но за недѣлю много воды утекло. Неподкупному, суровому депутату предложили почетное и выгодное положеніе и, вмѣсто «нѣтъ»,—рѣзкаго, непреклоннаго «нѣтъ»,—онъ отвѣтилъ, что «подумаеть». Разумѣется, не почести и не деньги соблазняли Фавана; но два соображенія заставляли его желать уѣхать куда нибудь подальше. Во-первыхъ, прежній другъ и союзникъ его, Парселье, взѣлся на него съ непримиримой враждебностью и печаталъ на него пасквиль за пасквилемъ,—что называется на языкѣ политикановъ «обличеніемъ». И за чтѣ собственно? Что онъ, Фаванъ уклонился, по личнымъ интересамъ, отъ подготовленной имъ же кампаніи на министровъ. Но вѣдь иначе префектъ ни за чтѣ не исполнилъ бы его просьбы. Да и по правдѣ говоря, изучивъ теперь похладнокровнѣе интересы и принципы своей партіи, онъ во многомъ измѣнилъ мнѣніе, охладѣлъ и нашелъ остроумныя подтасовки, чего прежде отнюдь не замѣчалъ. Фаванъ сообщилъ свое открытіе взбѣшенному Парселье, и началась открытая вражда. Партія распалась на двѣ группы, поднялась полемика въ газетахъ съ грубыми выраженіями, полились ушаты помоевъ...

Результатомъ этого было все таки неминуемое усиленіе правительства въ данномъ составѣ. Въ другое время, такой финалъ огорчилъ бы Фавана, теперь же умъ его отвлекался другимъ открытіемъ, безмѣрно огорчавшимъ его. Несчастный депутатъ сознавалъ, что онъ безумно влюбленъ («позорно», какъ онъ самъ себѣ говорилъ!) и ничего путнаго не могъ ожидать отъ этой любви. Неужели воспользоваться ея милостями послѣ всего, чтѣ онъ узналъ о Клементинѣ отъ нея же самой? При этой мысли, горчайшее изъ страданій сжимало его сердце: его избранница, божество, недосягаемая героиня его романа, была загрязнена любовью къ какому то Видвилю! Очутиться на-

слѣдникомъ этого нравственно-сквернаго соперника было нестерпимо для влюбленнаго Фавана! Затаить же въ себѣ чувство, вернуться къ графинѣ какъ ни въ чемъ не бывало — тоже не подь силу для цѣльной натуры Фавана. Кромѣ того, онъ пришелъ къ странному убѣжденію, что покойный отецъ Клементины былъ несовсѣмъ правъ; что она по своему любила его тогда... Любовью, правда странной, недостаточной, ненормальной, — но все таки любила! Не играла комедіи и не дѣйствовала исключительно по расчету... Онъ, всѣми фибрами своего существа, понялъ, что даже въ послѣднее свиданіе, шестнадцать лѣтъ спустя, графиня несовсѣмъ притворялась, волнуясь и вспоминая о прошломъ! И бѣдному Фавану страстно хотѣлось видѣть ее снова, чувствовать на себѣ ея взглядъ, слышать ея голосъ... Постыдное малодушіе напоптывало ему компромиссъ съ совѣстью: «Бѣдняжка вышла замужъ безъ любви... Презрѣнный Видвиль прикинулся другомъ, затѣмъ увлекъ ее, соблазнилъ. Но она опомнилась и раскаивается. Получивъ роковыя письма, она всю жизнь будетъ оплакивать свое первое и единственное паденіе!» Тутъ Фаванъ прерывалъ свои мечты влобой на самого себя и сильнѣе, чѣмъ когда либо, чувствовалъ потребность ухъать, бѣжать, исчезнуть, чтобы не поддаться позорному искушенію. И вотъ, вмѣсто высокоумнаго отказа на предложеніе политическихъ противниковъ, облеченныхъ властью, онъ склонился на утвердительный отвѣтъ. «Все равно буду служить интересамъ Франціи!» — утѣшалъ онъ себя, отгоняя назойливое воспоминаніе о ласковыхъ, дѣтски-наивныхъ глазкахъ графини де-Миосенсъ. Всю недѣлю онъ боролся съ желаніемъ навѣстить ее и, наконецъ, рѣшилъ взглянуть на нее въ субботу у маркизы дю-Кульдрэ. У самаго порога гостиной имъ завладѣлъ Видвиль. Позволительно думать, что баронъ, разговаривая у дверей съ однимъ изъ знакомыхъ депутата, поджидалъ появленія послѣдняго... Фаванъ тотчасъ же понялъ, что Видвиль чуетъ правду, и мгновенно ушелъ въ себя, замкнулся въ неприступное хладнокровіе, приготавливаясь къ оборонѣ.

Видвиль, между тѣмъ, попросилъ общаго знакомаго представить его Фавану и заговорилъ:

— Я радъ познакомиться съ вами, господинъ депутатъ, — тѣмъ болѣе, что имѣю надобность въ вашемъ..

мнѣнія! Удѣлите мнѣ, прошу васъ, двѣ минуты разговора...

— Это вѣрно по поводу сдѣланной тебѣ пакости?—спросилъ общій знакомый, обращаясь къ Видвилю.—Неслыханное насиліе, возмутительный произволъ! Ахъ, Фаванъ, возьмитесь за это дѣло, да сверните шею министерству. Случай незамѣнимый, увѣряю васъ!.. До свиданія, оставляю васъ вдвоемъ потолковать...

— Monsieur Фаванъ, — снова заговорилъ Видвиль, когда знакомый удалился:—не слишкомъ ли я злоупотребляю вашей любезностью?

— Повѣрьте, господинъ баронъ,—съ ледяной холодностью отвѣтилъ депутатъ: — что я сочту за особенное удовольствіе быть вамъ полезнымъ... Я къ вашимъ услугамъ и слушаю васъ.

Разговаривая такъ, они вошли въ залу и, пройдя ее, появились въ гостиной, гдѣ и были немедленно замѣчены художникомъ Миро и его любопытными собесѣдниками.

На лицѣ Фавана написана была невозмутимая скука и больше ничего; маска эта смущала Видвилю, дѣйствительно. подозрѣвавшаго истину, такъ какъ оживленный разговоръ Клементины съ депутатомъ въ прошлую субботу привлекъ тогда же его ревнивое вниманіе и онъ сопоставилъ все это съ арестомъ и исчезновеніемъ писемъ. Видвилю страстно хотѣлось разъяснить этотъ вопросъ и, кромѣ того, узнать, какія отношенія существовали между республиканскимъ депутатомъ и графиней де-Миосенсъ?! Напыщенное и холодное лицо Фавана ничего не объяснило барону Видвилю, а только дало пищу всякимъ подозрѣніямъ; однако, онъ не унялся, а со свойственной ему наглостью продолжалъ смотрѣть на Фавана и говорить:

— Вы, вѣроятно, слышали, monsieur Фаванъ, какому возмутительному насилію я подвергся?

— Къ стыду моему долженъ сознаться, баронъ, что ничего не знаю... Со стороны депутата это непростительно,—знаю; но часто мнѣ некогда даже просмотрѣть газету...

— Въ газетахъ и не было подробностей... Я самъ не желалъ огласки. Сейчасъ поймете, почему...

*

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Фавана. Онъ оставался наружно безстрастнымъ, какъ во время рѣчей въ палатѣ, когда нерѣдко раздаются рѣзкія возраженія и даже ругательства противныхъ партій, а подчасъ и бомбы падаютъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ оратора. Между тѣмъ, Видвиль продолжалъ:

— Въ двухъ словахъ: въ прошлый понедѣльникъ, на бѣгахъ, меня арестовали, подъ предлогомъ ожидавшагося будто бы приѣзда принца, дружбой котораго я горжусь... У меня произвели обыскъ; но ничего, конечно, не нашли, кромѣ связки женскихъ писемъ... Великосвѣтская дама, писавшая ихъ, не постыдилась прибѣгнуть къ содѣйствию полиціи, чтобы выкрасть свои любовныя посланія. Вотъ одна изъ причинъ моего нежеланія огласки...

— По истинѣ изумительный произволь, какъ вы изволили выразиться! — невозможно согласился Фаванъ съ прежнимъ выраженіемъ скуки на лицѣ. — Ужасно! Тѣмъ болѣе ужасно и нелѣпо, что, вы, истый джентльменъ, никогда не употребили бы во зло довѣрія женщины!

Произнося эти насмѣшливыя слова, Фаванъ даже слегка подавилъ зѣвокъ, какъ человекъ, по неволѣ выслушивающій скучную и не относящуюся къ нему исторію; голосъ его, ровный и безучастный, звучалъ, какъ у только что проснувагося субъекта, который думаетъ о другомъ.

Видвилю не было возможности придратъся къ нравственной пощечинѣ, такъ умѣло данной ему противникомъ. А Фаванъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ:

— Надо полагать, ревнивый мужъ обратился къ содѣйствию полиціи? Но нѣтъ, это немыслимо! Я знакомъ съ префектомъ; онъ мой политическій противникъ, но я всегда отдаю ему дань: честнѣйшая личность! Только доказанный шантажъ заставилъ бы его впутаться въ такое грязное дѣло... Просто необъяснимо, необъяснимо! Только, — простите, баронъ, — я рѣшительно не понимаю, чѣмъ могу быть вамъ полезенъ въ данномъ случаѣ? Не пропало ли у васъ еще чего нибудь, за исключеніемъ этихъ писемъ?

— Нѣтъ, ничего больше! — сознался разочарованный Видвиль, ничего не прочитавъ на холодномъ лицѣ депутата и внутренно бѣснуясь.

Чутьемъ чуялъ онъ, что Фаванъ какимъ-то образомъ причастенъ къ этому дѣлу, а улики не находилъ. И пришла ему въ голову адская мысль — выложить предъ Фаваномъ всю правду на всякій случай... Вѣдь если онъ помогаль Клементинѣ, — значить, онъ влюбленъ въ нее и, слѣдовательно, обмануть лживой кокеткой... Ну, такъ пусть порадуется открытію истинныхъ мотивовъ ея поведенія, — месть эта удовлетворяла оскорбленнаго Видвиля. Незамѣтно дошли они до половины гостинной; въ укромномъ уголкѣ сидѣла графиня де-Миосенсъ, въ обществѣ юнаго Бонивэ. Когда молодая женщина замѣтила Фавана и Видвиля вмѣстѣ, вѣки ея чуть замѣтно дрогнули, что не укрылось отъ вниманія барона. «Бойтся! — подумаль онъ: — чего? Очевидно, обманула Фавана». Мысль сказать всю правду депутату только окрѣпла отъ этого соображенія.

— Вы правы, — сказалъ онъ Фавану: — никто ничего не можетъ сдѣлать. Какъ бы то ни было, а сильны у насъ женщины! Знаете ли, для чего понадобились эти письма женщинѣ, съ которой я жилъ въ теченіе двухъ лѣтъ? Она задумала взять другаго любовника, молодаго, впервые влюбленнаго — и боялась, что я покажу ему письма и разочарую его... Она просто — лживая кокетка и развратница...

Жестокій человекъ почувствовалъ удовлетвореніе: Фаванъ поблѣднѣлъ и самообладаніе на одну секунду измѣнило ему...

«Это былъ онъ. Мы квиты!» — подумаль Видвиль и, въ отместку за иронію насчетъ джентльменства, оживленно прибавилъ вслухъ:

— Но бросимъ всѣ эти мерзости. Простите, что надоѣль вамъ... Лучше пойдете привѣтствовать прелестную графиню де-Миосенсъ, хотя рискуемъ, можетъ быть, помѣшать ея флирту съ юнымъ Бонивэ... Обратите вниманіе, какъ они увлекаются другъ другомъ!..

Въ эту же самую минуту, *madame* де-Кандалъ говорила:

— Нѣтъ, Мирю, право вы клеветаете на Клементину... Выдумали о ней цѣлую трагедію. Взгляните, она теперь между тремя героями вашей драмы. А какъ весела и безпечна! Невѣроятно, чтобы ваше предположеніе было основательно, хотя бы на половину...

— Ну, не на половину, такъ на двѣ трети!—смѣясь, сказала Миро:—одна треть—Бонивэ, другая — Видвиль. Третья же—Фаванъ...

Собесѣдницы художника разсмѣялись.

— Надо полагать, что посольство Фавана ограничится кварталомъ St-Honoré вмѣсто Рима или Мадрида!—добродушно замѣтила madame де-Лакруа.

— Такъ или иначе, mesdames, заключилъ Миро: — а согласитесь, что игра въ «тройку» очень современна... Надо немалое умѣнье, чтобы управлять тройкой!..

Перемываніе косточекъ ближнихъ кончилось остроумнымъ словомъ и смѣхомъ... Но роль, разыгранная въ «тройкѣ» Фаваномъ, такъ и осталась невыясненной для свѣтскихъ сплетниковъ...

Слѣдующія извѣстія, появившіяся въ газетахъ нѣсколько дней спустя, не способствовали къ разъясненію туманнаго дѣла, интересовавшаго художника Миро: Мишель Фаванъ принялъ постъ посланника при одномъ изъ важнѣйшихъ дворовъ Европы; баронъ Видвиль, въ обществѣ Казаля, Мамо, де-Варда и другихъ, отправился въ Африку съ цѣлью поохотиться. All's well that ends well! — любить иногда говорить Миро—не зная, чѣмъ объяснить то или другое явленіе.

Однако, графиня де-Миосенсъ, кажется, не раздѣляетъ этого мудраго взгляда и не можетъ примириться съ мыслью, что на два ея письма къ Мишелю Фавану не было получено никакого отвѣта...

Прошло шесть мѣсяцевъ, а она все еще думаетъ объ этомъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ возвращенія посланника въ Парижъ... Зачѣмъ? Чтò ей надо? Она и сама хорошенько не знаетъ. Можно ли разобратъся въ сложныхъ чувствахъ такой женщины? Въ самой чудовищной лжи ея бываетъ частичка правды!.. Она влюблена въ Эдмонда Бонивэ; но когда унесется воспоминаніями въ прошлое, то бываетъ разсѣяна и даже рѣзка съ юнымъ влюбленнымъ, который приписываетъ это неравностямъ характера своей восхитительной капризницы...

К о н е ц ъ .

Право войны и его практическое приложение ¹⁾.

I.

Сила и право.

Если бы для опредѣленія понятія права мы стали изучать различныя его формы и остановились на одной изъ нихъ, то мы замѣтили бы, что данное частное право не всегда было такимъ, какимъ оно является въ настоящее время. Мало того, что каждое право видоизмѣняется во времени, но оно способно пропадать и нарождаться. Такъ напр., право владѣть рабами исчезло на нашихъ глазахъ, но зато народилось право личной свободы, распространяющееся на всѣхъ людей. Равнымъ образомъ создано право участія въ разныхъ предпріятіяхъ на акціяхъ—право, неизвѣстное древнему міру. Слѣдовательно, понятіе права можетъ быть опредѣленно: или какъ *право даннаго момента*, или какъ *право вообще*, внѣ границъ времени. Второе опредѣленіе, какъ болѣе полное, должно конечно, включать и первое. Но зато опредѣлить понятіе права въ данный моментъ легче, а потому съ этого придется и начать.

Стационарное, недвижимое право даннаго момента—есть сила. Сила даннаго человѣка, проявляясь во внѣшнемъ мірѣ рядомъ движеній и поступковъ, именуется несовсѣмъ понятнымъ терминомъ «грубой силы». Та же самая сила, сознаваемая проявляющимъ ее человѣкомъ, опредѣляется имъ, какъ свое право. Когда одинъ человѣкъ бьетъ другаго, то независимо отъ того, дикарь ли онъ, или современный человѣкъ, во всякомъ случаѣ въ этотъ моментъ онъ убѣжденъ, что имѣетъ право бить. Запрещеніе закономъ самоуправ-

¹⁾ Мы даемъ мѣсто этой статьѣ, какъ послѣдовательно проведенному взгляду на *право войны* и на условія, при которыхъ оно можетъ прилагаться въ дѣйствительности. Вопросъ этотъ до сихъ поръ остается спорнымъ и требуетъ всесторонняго обсужденія.

Ред.

ства онъ считаетъ насиліемъ надъ своимъ правомъ и осуществляетъ свое субъективное право даже подъ угрозой кары. Левъ, пожирающій серну, дикарь убивающій изъ засады другого дикаря или престарѣлаго отца, конечно, не сомнѣваются въ своемъ правѣ. Раскольниковъ, въ романѣ Ф. М. Достоевскаго, въ моментъ убійства процентщицы тоже считалъ себя въ правѣ ее убить, но сознание этого права исчезло по совершеніи убійства, и это поражаетъ раздвоеніе личности Раскольникова. Необходимое возстановленіе единства могло быть достигнуто только его осужденіемъ. Ибо осужденіемъ, по словамъ Порфирія, ему давалась *опредѣленность положенія*, а именно—положеніе преступника, т. е. челоуѣка, какъ бы имѣющаго право на совершеніе преступленія, взаи́мнѣ чего на него налагаются обязанности нести опредѣленную кару. Тѣ же преступники, которые не испытываютъ, по совершеніи преступленія, мучительнаго раздвоенія личности, остаются убѣжденными въ своемъ правѣ и въ несправедливости ограниченія этого права со стороны общества. Поэтому они никогда не обнаруживаютъ искренняго раскаянія, что и подчеркивается Ламброзо. Нравственное чувство у нихъ «мало развито», говоритъ онъ. Нравственное же чувство и есть признаніе преимущества права общественнаго, объективнаго, надъ правомъ личнымъ, субъективнымъ.

Объективное право появилось въ челоуѣкѣ одновременно съ правомъ субъективнымъ, если вѣрно предположеніе, что появленіе челоуѣка произошло уже въ то время, когда онъ жилъ обществами ¹⁾. Проявленіе личнаго права встрѣчалось съ проявленіемъ такихъ же правъ соплеменниковъ. Проявленіе этихъ правъ происходило въ грубой силѣ; являлась борьба; побѣда склонялась или на сторону болѣе многочисленную — и этимъ путемъ вырабатывались «права обычныя»,—или на сторону лучше организованную и имѣющую болѣе даровитаго предводителя, который и предписывалъ свои законы. Конечно, въ челоуѣческихъ обществахъ не было эпохи *bellum omnia contra omnes*, — войны всѣхъ противъ всѣхъ. Общественныя права вырабатывались уже въ стадномъ періодѣ, предшествующемъ общественному. Спенсеръ находитъ даже въ животныхъ высокую степень нравственности. Но тѣмъ не менѣе общій ходъ выработки общественнаго права былъ именно таковъ, какъ здѣсь указано, а именно: «субъективныя права» той части общества, которая обладала для выраженія ихъ преобладающей грубой силой, объективировались, какъ «права общественныя».

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ права, признаваемыя обществомъ, какъ

¹⁾ По гипотезѣ Дарвина, стадо челоуѣкоподобныхъ обезьянъ, попавши въ особыя условія, превратилось въ челоуѣческое общество.

современнымъ, такъ и болѣе раннихъ періодовъ, представляютъ изъ себя сознаніе той силы, которая можетъ проявиться въ матеріальномъ мірѣ насиліемъ. Если сила эта есть наибольшая въ данномъ обществѣ, то она сознаётся, какъ право юридическое, законное право. Насиліе, проявляемое ею, является законнымъ насиліемъ и называется понужденіемъ, карой или казнью. Поэтому во времена крѣпостничества можно было говорить о правѣ крестьянъ на личную свободу, потому что существовала группа людей, могущихъ произвести рядъ насилій для осуществленія данного права. Но, въ противовѣсъ этому помѣщики имѣли законное право владѣть крестьянами, ибо имѣли за это право силу, которая проявилась бы подавляющимъ насиліемъ надъ противниками. Съ другой стороны, чѣмъ ближе общество къ тому времени, когда общественныя права создавались объективированіемъ субъективныхъ правъ преобладающей группы, — тѣмъ рѣче въ нихъ видна эта субъективная окраска. Сила людей первобытнаго племени была направлена на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей. Средства удовлетворенія лежали внѣ племени, — главнымъ образомъ въ дарахъ природы, въ готовомъ уже видѣ. Поэтому насилія и производились надъ этой природою. Внутри племени насилія встрѣчались рѣдко, такъ какъ борьба была безцѣльна: господствующаго класса не было, поэтому общественныя права были не сложны, не многочисленны и не носили субъективной окраски. Иначе пошло дѣло, когда явилась возможность получать дары природы не непосредственно, а путемъ эксплуатаціи чужаго труда. Воровство, грабежъ и рабство — три степени одного и того же явленія: насильственное пользованіе чужимъ трудомъ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ захватываютъ только результатъ чужаго труда: при воровствѣ — тайно, при грабежѣ — явно. Въ третьемъ случаѣ овладѣваютъ самимъ трудомъ.

При такомъ направленіи людскихъ силъ, личные права входятъ въ постоянное столкновеніе. Борьба, простирающаяся отъ нихъ осуществленія, порождаетъ разнообразную группировку силъ, результатомъ которой являются касты и сословія. Побѣдители осуществляютъ свои субъективныя права и предписываютъ ихъ побѣжденнымъ, какъ права общественныя. Если борьба продолжается между побѣдителями, — то порождается новая группировка силъ и, уменьшаясь мало-по-малу, порождаетъ единоборство, результатомъ котораго явились деспотіи. Объективизація субъективнаго права ясно выражена въ формулахъ: *optima lex — voluntas rex; veut le roi — si veut la loi*. Поэтому общественныя права временъ феодаловъ и деспотій пріобрѣтаютъ чрезвычайно субъективную окраску. Достаточно указать на *jus primaе noctis*, которое было такимъ же

законнымъ правомъ, какъ нынѣ право личной свободы. Итакъ, право каждаго даннаго момента есть то, что проявляется въ грубой силѣ. Обратное:—все, что совершается грубой силой, есть право. Стационарное право есть сила, а стационарная сила есть право.

.Предшествующее опредѣленіе является, однако, лишь первою ступенью для точнаго опредѣленія, что такое право? Дѣйствительно, мы видимъ, что права видоизмѣняются, нарождаются, исчезаютъ. Существуетъ какой-то законъ этихъ измѣненій, существуетъ какая-то идея права, какъ бы независимая отъ грубой силы, и это идеальное право какъ бы служить мѣриломъ, на основаніи котораго мы говоримъ, что, не смотря на то, что въ данное время и существуетъ узаконенное право, все таки нельзя признавать его правомъ, а надо признать насиліемъ, произволомъ, какъ напр., *jus prius est potius*. Однимъ словомъ, существуетъ объективное высшее право, совершенно отдѣльное отъ субъективнаго, къ которому стремятся приблизиться законодатели, но заблуждаются и искажаютъ его. Это то право, которое признается и преступникомъ, сознающимъ, что онъ можетъ совершить преступленіе, но, совершая его, переступаетъ высшее сверхъ-человѣческое право. Дѣйствительно, такое право существуетъ. Оно проистекаетъ отъ сознанія той непостижимой сущности, которая не измѣняется нисколько оттого, какъ назовемъ мы ее. Но, съ другой стороны, эта сущность проявляется рядомъ поступковъ во внѣшнемъ мірѣ, которые мы въ своемъ заблужденіи называемъ грубой силой.

Собственно говоря, право динамическое, подвижное, но не измѣняемое, есть сила, направленная на самоувеличеніе. Если право даннаго момента есть сила, которой оно располагаетъ, то въ ближайшій слѣдующій моментъ это право или приобрѣтетъ болѣе широкое значеніе, или значеніе его съузится. Это будетъ зависеть оттого, что грубая сила, на которой покоится право, будетъ увеличиваться или уменьшаться. А это въ свою очередь обуславливается содержаніемъ, сущностью даннаго права, поскольку осуществленіе его при данныхъ условіяхъ будетъ способствовать тому или другому. Получается замкнутый, но отнюдь не порочный кругъ; значеніе права обуславливается силой, а величина силы обуславливается содержаніемъ права. Это взаимодействіе силъ,—при которомъ трудно опредѣлить: что отчего зависитъ,—представляетъ явленіе обычное въ природѣ. Пищевой каналъ служитъ для пріянія пищи; съ другой стороны, попаданіе пищи въ вещество низшей клѣточки послужило причиной образованія канала. Слѣдующая пищевая крупинка ужу встрѣтила зачаточный каналъ, расширила и углубила его, а зачаточный каналъ въ свою очередь, какъ реакція расши-

ренію, стать выдѣлять соки, одѣваться стѣнками и приспособляться къ перевариванію пищи. Пища—естъ и цѣль, и средство; пищевой каналъ—и средство, и цѣль. То же и въ неорганическомъ мірѣ. Токъ динамо - машины, обѣжавъ электро - магнитъ, увеличиваетъ магнетизмъ, а увеличенный магнетизмъ увеличиваетъ силу тока, которая, въ свою очередь, еще увеличиваетъ магнетизмъ и т. д.

Каждый человѣкъ есть единица силы и у каждого сила можетъ быть направлена къ самоувеличенію. Группа лицъ тоже можетъ суммировать свои силы и направить ихъ къ увеличенію силы. Наконецъ, въ государствѣ силы эти тоже суммируются, резюмируются и отыскивается равнодѣйствующая. На этой равнодѣйствующей покоится данный правовой порядокъ, регламентируемый правовыми нормами. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ государствѣ существуютъ великое множество силъ и правъ, одинаковыхъ, разныхъ и взаимно противорѣчащихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ направлены на самоусиленіе, другіе—наоборотъ. Въ удѣльной Руси существовало право престолонаслѣдія по старшинству въ родѣ. Право это безусловно было направлено на самоувеличеніе силы, такъ какъ она не растрачивалась на борьбу для достиженія престола. Право это опиралось на господствующую силу. Но, наряду съ наслѣдованіемъ по старшинству въ родѣ, выступаетъ новое право—права наслѣдованія по отчинѣ и дѣдинѣ. И это право опиралось на силу. Сынъ Мономаха, Мстиславъ, обязанъ своей силѣ, что усидѣлъ на кievскомъ столѣ. И эта сила, которая была основаніемъ для правонаслѣдованія по прямой линіи, была направлена на самоусиленіе. Какое изъ этихъ правъ нужно признать за право динамическое? То, которое направлено на самоусиленіе наиболѣе совершеннымъ образомъ. Таковымъ необходимо признать право наслѣдованія по прямой линіи. При этомъ наслѣдникъ находился проще и скорѣе; его не приходилось разыскивать по всему роду. Наслѣдникъ лучше зналъ средства и силы, которыми овладѣвалъ, а потому легче и скорѣе могъ ими воспользоваться. И право наслѣдованія по старшинству въ родѣ исчезло, замѣнившись правомъ наслѣдованія по прямой линіи.

Въ ту же эпоху русской исторіи мы видимъ случаи овладѣнія престоломъ посредствомъ захвата его силой, когда захватчикъ не являлся ни старшимъ въ родѣ, ни роднымъ сыномъ. Покуда онъ сидѣлъ на престолѣ, его повелѣнія имѣли, конечно, значеніе права, но никто не скажетъ, что онъ являлся представителемъ права наслѣдованія по захвату. Дѣйствительно, захватъ, какъ право наслѣдованія, не могъ увеличивать силы, а велъ ее къ уменьшенію, и имѣющуюся силу захватчикъ прежде всего расходовалъ ее на захватъ трона, и только послѣ могъ употреблять на другія цѣли. Однимъ

словомъ, общество находилось бы въ томъ же положеніи, какъ человѣкъ, который не усвоилъ себѣ хожденія, какъ актъ механической, требующій минимумъ усилія. И въ то время, какъ другой, идучи по лѣсу, срываетъ на ходу плоды, онъ былъ бы весь поглощенъ актомъ передвиганія ногъ и остался бы голоднымъ. Точно также и при наслѣдованіи по захвату требовалось бы огромное усиліе тамъ, гдѣ при наслѣдованіи по родству актъ этотъ совершался бы механически.

Самоувеличеніе силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возрастаніе значенія права можетъ происходить болѣе или менѣе скоро, но во всякомъ случаѣ пріобрѣтаетъ общественное значеніе только при радѣ поколѣній, являющихся носителями этой силы. Уничтожить силу, направленную на самоувеличеніе, невозможно. Препграда, поставленная ей, не задержитъ признанія права, такъ какъ она прорвется съ такою же силою, съ какой ей ставилась препграда, и препграда только заставитъ ее сдѣлать скачокъ, которымъ она наверстаетъ потерянное время. Такова была революція 1793 года.

Французскіе короли возвели свое субъективное право въ право объективное. Они имѣли на то безусловное право, ибо со времени Гуго Капета они направляли свои силы на самоувеличеніе. Сдѣлавшись неограниченными монархами, они могли для осуществленія своихъ правъ располагать силами всего народа, и еслибы они продолжали направлять свои силы на самоувеличеніе, то позаботились бы, чтобы весь французскій народъ увеличилъ свои силы и благосостояніе. Не то мы видимъ въ политикѣ Людовика XIV и XV. Напротивъ, они направили свои силы къ самоослабленію, къ самоуничтоженію. Слѣдовательно, они утратили динамическое право и уменьшали изъ года въ годъ свое стаціонарное право. Великая революція обнаружила, что равнодѣйствующая сила перемѣнила и свою величину, и направленіе. И то, и другое опредѣлилось въ провозглашеніи правъ свободы и равенства.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что *право въ широкомъ смыслѣ есть сила, направленная на самоувеличеніе*. Изъ двухъ правъ восторжествуетъ то, которое направлено на самоувеличеніе совершеннѣйшимъ способомъ. Злоупотребленіемъ называется употребленіе существующей силы на ея уменьшеніе. Право, обладающее превосходной силой, составляетъ общественное право и можетъ находиться въ восходящей вѣтви, въ апогеѣ, или въ нисходящей вѣтви. Право имѣетъ своей цѣлью увеличеніе силы даннаго общества путемъ направленія всѣхъ слагаемыхъ силъ къ одной точкѣ, а не въ противоположныя стороны, какъ они могли бы направиться сами собой.

Равнодѣйствующая сила общества составляетъ право даннаго государства и находится въ распоряженіи исполнительной власти. Право это можетъ проявиться или въ самомъ государствѣ, или внѣ его. Въ чемъ выражается это право внутри государства? Въ цѣломъ рядѣ велѣній, въ формѣ приказанія или въ формѣ запрещенія. Цѣль тѣхъ и другихъ — увеличить свои силы. Въ цѣломъ рядѣ публичныхъ, общественныхъ правъ указываются нормы, служащія непосредственно этой цѣли. Сила увеличивается, если она организована — даются нормы государственнаго права, финансоваго права и т. д. Религіозное чувство увеличиваетъ силы — даются нормы церковнаго права. Силы возрастутъ, если увеличится послушаніе законамъ, если жизнь, собственность, свобода, честь и другія права членовъ общества будутъ неприкосновенны; являются нормы уголовного права.

Но если охраненіе жизни и здоровья отдѣльныхъ лицъ облегчается существованіемъ конкретныхъ признаковъ на этихъ самыхъ лицахъ для опредѣленія ущерба, нанесеннаго этимъ благамъ, то не такъ обстоитъ дѣло съ другими правами, которыя не связаны органически съ человѣкомъ, а даны ему, какъ возможность ими воспользоваться. Такъ, собственникъ не связанъ неразрывно съ вещью. Связь эта только допускается закономъ ¹⁾, и если существуетъ, то охраняется. Слѣдовательно, необходимымъ моментомъ для непосредственнаго охраненія данныхъ правъ, является доказательство, что эти права на данный объектъ, дѣйствительно, существовали. Предметъ науки гражданскаго права и составляетъ разборъ нормъ, соблюденіе которыхъ гарантируетъ увеличеніе личныхъ силъ, направленныхъ на обладаніе тѣми или другими благами, приводящей силою государства. При этомъ могутъ быть три разныхъ случая. Во-первыхъ, нарушенныя права могутъ быть восстановлены государствомъ полностью и при каждомъ случаѣ. Государство ограничивается тогда однимъ восстановленіемъ нарушенныхъ правъ и понужденіемъ къ признанію ихъ нарушителемъ. Во-вторыхъ, нарушенныя права не могутъ быть восстановлены полностью и есть вѣроятіе, что во многихъ случаяхъ они не будутъ восстановлены вовсе. Тогда и государство восстанавливаетъ права, насколько возможно, и налагаетъ дополнительную кару на нарушителя. Смыслъ этой кары — отвѣтственность преступниковъ какъ бы за круговой порукой. Всѣ незначительныя воздѣйствія за каждый совершенный поступокъ какъ бы суммируются, но разлагаются только на тѣхъ, которые попались во власть государства. Понятно, что

¹⁾ На этомъ основана свобода гражданскихъ правоотношеній.

для каждаго повесеніе кары тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ болѣе вѣроятія, что данное преступленіе окажется въ другихъ случаяхъ вовсе безнаказаннымъ. Наконецъ, третій случай, когда нарушенныя блага вовсе нельзя возстановить, какъ при убійствѣ, оскорбленіи и т. д., тогда кара назначается по значенію нарушеннаго блага. Понужденія и кары—содержаніе нормъ уголовного права. Слѣдовательно, ясно, какаѧ тѣсная связь заключается между гражданскимъ, уголовнымъ и другими публичными правами. Цѣль всѣхъ этихъ правъ—уяснить наиболѣе дѣйствительное приложеніе силы для еѧ самоувеличенія. Публичныя права дѣлаютъ это непосредственно; гражданское право—посредствомъ увеличенія вѣрно направленныхъ силъ отдѣльныхъ гражданъ.

Право государства можетъ проявиться и внѣ его. Но и тутъ оно проявится въ видѣ силы, направленной къ самоувеличенію. Увеличеніе это будетъ достигаться рядомъ выгодныхъ соглашеній. Нормы этихъ соглашеній составляютъ предметъ изученія международного права. Международное право есть право постольку, поскольку данное государство можетъ проявить его извѣстной силой. Нейтральность черноморскихъ проливовъ есть постольку норма международного права, поскольку заинтересованная въ этомъ держава въ силѣ воспрепятствовать проходу черезъ нихъ военныхъ судовъ. Норма парижскаго мира о неимѣннѣи права Россіей держать военный флотъ на Черномъ морѣ была лишь постольку правовой нормой поскольку ее могли поддержать силой заинтересованныя державы. Нормы международного права поддерживаются государственной силой въ скрытомъ (латентномъ) состояніи. Силы эти предполагаются и, какъ таковыя, являются правами. Выражаясь образно, тѣнь силы лежитъ въ основаніи международного права, которое поѣтому справедливо назвать тѣнью права. Определить по этой тѣни дѣйствительную силу и составляетъ искусство международныхъ сношеній. Когда Россіи стало извѣстно, что норма парижскаго мира не поддерживается силою, мы просто отказались признавать ее за такую. Пруссія обязалась произвести плебесцитъ въ Шлезвигѣ о желаніи присоединиться къ ней; но такъ какъ эта норма не была поддержана силою, то и не была приведена въ исполненіе.

Но бывають моменты, когда сила государства обнаруживается вполне въ международныхъ сношеніяхъ. Только отголосками этого обнаруженія и держится международное право, а потому понятно, что въ эти моменты оно перестаетъ дѣйствовать между воюющими государствами. На мѣсто его становится не призрачное, а настоящее право—право войны. Какъ и всякое право, оно представляетъ силу направленную на самоувеличеніе. Поѣтому предметъ права войны—

изученіе нормъ, примѣненіе которыхъ наиболѣе способствуетъ увеличенію матеріальной силы борющейся стороны, но не притокомъ силъ изнутри государства, а способомъ употребленій этой самой силы внѣ его,—то есть именно самоувеличеніемъ воюющей силы. Поэтому предметомъ его будетъ право реквизицій, контрибуцій, право Краснаго креста и т. д., и т. д. Когда воюющія силы рѣшатъ о превосходствѣ той или другой стороны, тогда снова выступитъ международное право и создастъ новыя нормы на отголоскахъ войны, которыя и продержатся до тѣхъ поръ, пока эти отголоски не стихнуть вовсе. Послѣ того нормы эти или будутъ уничтожены, или станутъ мертвой буквой.

Такимъ образомъ, война наряду съ другими социальными явленіями, кромѣ технической стороны, имѣетъ и ясно обозначенную юридическую сторону, и право войны должно быть изучаемо наравнѣ со всѣми другими правами. Мѣсто для права войны и точки соприкосновенія его съ другими правами я и пытался обозначить въ этой главѣ.

II.

Право войны, какъ основаніе международнаго права.

Юридическія науки, разсматривающія различнаго рода проявленія права, должны быть подраздѣлены на двѣ обширныя группы: одна, изучающая цѣлесообразное примѣненіе силы внутри государства,—это будетъ группа мирныхъ правъ. Другая—разсматриваетъ примѣненіе силы внѣ государства. Эта группа составитъ науку «права войны» въ обширномъ смыслѣ. Право войны въ замаскированномъ видѣ, въ формѣ возможности проявленія этого права, составитъ основаніе международнаго права. «Отдѣльный человекъ не есть международное лицо. Международныя лица суть государства» (Блючли). Такъ какъ только за самостоятельными государствами теоретически признается право войны ¹⁾, то, слѣдовательно, только субъектъ права войны является субъектомъ и международнаго права. Поэтому-то и всѣ нормы международнаго права являются закономъ лишь постольку, поскольку они могутъ быть поддержаны войной. Такимъ образомъ, покоящееся право войны составляетъ международное право. Когда, для достиженія цѣлей въ международномъ оборотѣ, достаточно одного сознанія, что право войны можетъ осуществиться,—тогда это положеніе соответствуетъ

¹⁾ Полунезависимыя государства не вѣдуютъ права вести войну безъ санкціи государства протектора.

тому положенію гражданскаго оборота, когда онъ закономерно совершается при одномъ сознаниі возможности судебного воздѣйствія. Но бываютъ случаи, когда право войны должно фактически осуществиться. Тогда международное право, являющееся лишь слабымъ отблескомъ права войны, совершенно устраняется и создаются совершенно самостоятельныя нормы войны, ею одною обусловливаемые. Навязывать ей нормы международного права — то же, что заставлять солнце двигаться по календарю, а не календарь сообразовать съ движеніемъ солнца. Однимъ словомъ, тогда мы имѣемъ дѣло съ правомъ войны въ тѣсномъ значеніи этого слова.

Тѣ юристы, которые считаютъ право чѣмъ-то самодовлѣющимъ, не только не нуждающимся въ силѣ, чтобы быть таковымъ, но даже прямымъ автогонистомъ силы, — эти юристы, понятно, и не могутъ отыскать войнѣ мѣста въ международномъ правѣ. Война трактуется ими нехотя. Какъ явленіе, несомнѣнно существующее, оно должно быть указано, но это указаніе является какимъ-то наростомъ на ихъ трактатахъ по международному праву. Такъ, Блунчли, создавшій кодексъ международного права, опредѣляетъ войну, какъ «грубую и ненадежную форму защиты права... Война — не юридическое средство, а физическая борьба, и международному праву предстоитъ еще далекій путь, пока ему удастся преобразовать войну въ юридическій споръ». Большое заблужденіе считать каждую войну за тяжбу. Въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно «юридическая природа войны сомнительна». Война — не тяжба, а *приведеніе приговора въ исполненіе*. И когда криминалисты добьются, что преступники сами себя будутъ представлять на судъ и исполнять надъ собою его приговоръ, а цивилисты уничтожатъ исполнительные листы, такъ какъ къ нимъ не придется прибѣгать, — тогда исчезнетъ и война, а съ нею и отдѣльныя государства.

Попытка разсмотрѣть право войны въ тѣсномъ смыслѣ слова приводитъ къ необходимости опредѣлить, что собственно представляетъ изъ себя право войны въ широкомъ смыслѣ?

Право войны есть право даннаго субъекта — увеличивать свои силы пріобрѣтеніемъ и охраненіемъ благъ исключительно своими силами.

Всѣ блага безспорно пріобрѣтаются такъ называемой грубой силой. Охотникъ, убивающій серну; пахарь, боронящій поле; философъ, создающій систему, всѣ они прилагаютъ физическія усилія для пріобрѣтенія блага: первый отыскиваніемъ дичи и натягиваніемъ лука; второй — управленіемъ лошадей и направленіемъ бороны; третій — вожденіемъ пера по бумагѣ и движеніями языка. Самое глубокое размышленіе, ничѣмъ не выразившееся во внѣ, не

существуетъ въ общественномъ смыслѣ. Разница между различными дѣятелями заключается не въ способѣ приобрѣтенія благъ, а въ той мѣрѣ, въ какой каждый изъ нихъ осуществилъ экономическій принципъ приобрѣтенія возможно большихъ благъ съ возможно меньшими физическими усиліями. Точно также и охраненіе благъ, поскольку они являются объектами правъ, производится физической силою. Гдѣ нѣтъ силы, нѣтъ и права. Право на солнечный свѣтъ и воздухъ — риторическая фигуры, а не юридическій терминъ, ибо эти блага, въ обыкновенныхъ условіяхъ, не требуютъ усилія для приобрѣтенія ихъ или для охраненія. Тѣ же блага, которыя могутъ быть объектами права, охраняются непремѣнно физической силой. Даже права на невещественныя блага: на честь, уваженіе, добываемыя въ конечномъ результатѣ тѣми матеріальными усиліями, въ которыхъ выразились тѣ или другія заслуги, даже эти блага должны быть охраняемы силой, въ формѣ наказанія по суду или въ единоборствѣ. Слѣдовательно, первое, что вытекаетъ изъ даннаго опредѣленія права войны есть то, что право войны состоитъ въ правѣ проявленія физической силы. Кто же является субъектомъ этого права?

Проявить физическую силу можетъ каждый человѣкъ, слѣдовательно, каждый отдѣльный человѣкъ можетъ быть субъектомъ права войны. Такое состояніе общества и охарактеризовано основателями науки международного права, какъ война всѣхъ противъ всѣхъ (*bellum omnium contra omnes*). Едва ли, однако, человѣческія общества находились когда либо въ подобномъ состояніи, такъ какъ антропология не знаетъ примѣра, когда человѣкъ, въ дѣлѣ добыванія и охраненія благъ, былъ предоставленъ исключительно своимъ силамъ. Соплеменники и сородичи, безъ сомнѣнія, помогали ему въ этомъ, и какъ бы ни была незначительна эта помощь, она, безъ сомнѣнія, ограничивала право войны, которое, по данному опредѣленію, присуще въ полной мѣрѣ лишь субъекту, добывающему и охраняющему блага исключительно своими силами. Ограниченіе это сказалося въ объектѣ права. Объектомъ права войны могъ служить лишь иноплеменникъ. Въ этомъ состояніи право войны находится, напри- мѣръ, у азіатскихъ разбойничьихъ народовъ. Набѣги и грабежъ представляютъ у нихъ осуществленіе присущаго имъ права войны, и ничего незаконнаго они въ этомъ не усматриваютъ. Въ самыхъ культурныхъ государствахъ право войны признается за отдѣльнымъ человѣкомъ, какъ только онъ будетъ поставленъ въ положеніе, при которомъ охраненіе блага будетъ предоставлено исключительно ему одному. Это будутъ случаи необходимой обороны. Труднѣе предста- вить себѣ подобную самостоятельность при приобрѣтеніи благъ. Но

и при всей сложности и кажущейся неизбѣжности сознательной или бессознательной коопераціи, существующей въ государствахъ, подобныя случаи возможны. Таковы случаи крайней необходимости, не наказуемые уголовными законами. Тутъ уже не охрана блага, на которое никто не нападаетъ, а приобрѣтеніе такового. Изъ двухъ утопающихъ одинъ сталкиваетъ съ доски другаго, чтобы приобрѣсти эту доску, обеспечивающую ему спасеніе.

Но ограниченіе права войны достигалось, конечно, не сознаниемъ пользы сотрудничества, не смутнымъ сознаниемъ, что это сотрудничество видоизмѣняетъ самое право,—ограниченіе это достигалось осуществленіемъ того же самаго права со стороны другихъ. Столкновеніе матеріальныхъ силъ, побѣда одной надъ другою, сочетанія ихъ въ системы было причиной воплощенія права войны въ другой формѣ. Тѣ субъекты права войны, которые воплощали его въ незначительной силѣ, утратили его. По мѣрѣ измѣненія въ распределеніи силъ между отдѣльными лицами и всѣмъ обществомъ, отдѣльныя лица утрачивали право войны ¹⁾ и оно сосредоточивалось на отдѣльныхъ правительствахъ, какъ представителяхъ всего общества. Но тѣ субъекты, которые располагали соответствующей силой, продолжали пользоваться правомъ войны. Войны вассаловъ съ сюзеренами, войны герцоговъ и князей Германіи противъ императоровъ — всѣ были явленіями закономѣрными, которыя по ихъ юридическому смыслу нельзя приравнивать къ мятежамъ и возстаніямъ. Право войны иногда формально признавалось за подданными положительнымъ писаннымъ законодательствомъ. Таково право вооруженнаго сопротивленія правительству, дарованное англійскимъ баронамъ «великою хартіей вольностей»; таково и существовавшее до послѣднихъ дней польскаго королевства право конфедерацій.

Въ настоящее время, центральныя правительства всѣхъ странъ настолько сильны, что право войны признается лишь за самостоятельными государствами въ лицѣ ихъ правительствъ, и въ мирное время выражается правомъ содержанія армій, постройки крѣпостей, военныхъ судовъ, и, наконецъ, правомъ дипломатическаго представительства. Норма международнаго права опредѣляетъ, что субъектомъ права войны можетъ быть въ настоящее время только самостоятельное государство. По мнѣнію Мартенса, это право не принадлежитъ ни полунезависимымъ государствамъ, ни нецивилизованнымъ народамъ. Первое — не подлежитъ сомнѣнію, ибо въ противномъ случаѣ зависимое государство стало бы вполне независимымъ. Второе же,—а именно отрицаніе права войны за нецивили-

¹⁾ Мартенсъ называетъ это право—«правомъ частной войны».

зованными народами, — вполне произвольно и не оправдывается действительностью: махдисты, афридиды и другіе ведут войны, хотя и безправныя, по мнѣнію Мартенса, но зачастую болѣе справедливыя, чѣмъ цивилизованныя народы. За нѣкоторыми самостоятельными государствами международное право не признаётъ права войны, такъ какъ имъ гарантированъ нейтралитетъ. Таковы Швейцарія и Бельгія. На этихъ примѣрахъ съ особою любовью останавливается наука международного права, доказывая ими, что не право войны, не матеріальная сила создаетъ независимость государствъ, а «идея права въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, господствующій принципъ международныхъ сношеній» (Мартенсъ). Однако, Бельгія благоразумно полагается больше на инженерное искусство, чѣмъ на международное право, что и выразилось въ созданіи Бриальмона—антверпенскихъ укрѣпленійхъ. Въ опредѣленіи субъекта права войны международное право грѣшитъ слишкомъ большой теоретичностью. На дѣлѣ далеко не всѣ самостоятельныя государства являются субъектами права войны. Такъ, въ 1885 году, когда Греція пожелала осуществить это право, оно не было фактически признано за нею другими державами. Берега Греціи были подвергнуты мирной блокадѣ, что принудило Грецію отказаться отъ войны. Сторонники «идеи права» могли торжествовать по поводу устраненія войны; тѣмъ не менѣе Греція хорошо почувствовала, что матеріальная сила другихъ державъ лишаетъ ее одного изъ правъ самостоятельнаго королевства. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что субъектомъ права войны признается въ настоящее время самостоятельное государство, если оно принадлежитъ къ числу великихъ, или всякое другое, если въ данномъ частномъ случаѣ это право признается за нимъ великими державами.

Однако, такъ какъ право войны есть право приобрѣтенія и охраненія благъ исключительно своими силами, то для реального осуществленія этого права достаточно, чтобы этой цѣли соответствовали матеріальныя силы. По признакамъ мирнаго времени можно только предполагать объ этомъ соответствіи, но одна война, то есть фактическое осуществленіе этого права, убѣждаетъ въ немъ. Поэтому необходимо согласиться съ Блючли, что ни одно государство не обязано признавать новое, пока послѣднее еще ведетъ войну за свое самостоятельное существованіе и пока, поэтому, фактъ возникновенія новаго государства сомнителенъ». То же надо сказать и о переходѣ независимаго государства подъ протекторатъ другаго. Но если нельзя обязать старыя державы признать независимость новой до окончанія войны, то нельзя отнять у третьихъ государствъ право констатировать въ воюющемъ государствѣ до-

*

статочность силъ для осуществленія права войны. Такъ, независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, а слѣдовательно и признаніе ихъ субъектомъ права войны, была объявлена континентальными державами до окончанія ихъ борьбы съ Англіей. Такое признаніе является выраженіемъ взгляда державъ на извѣстныя событія безъ активнаго въ нихъ вмѣшательства, а потому и не можетъ само по себѣ служить *casus belli*, съ чѣмъ согласны Блюнчли, Мартенсъ и другіе юристы. Если подобное признаніе Франціи относительно американскихъ штатовъ послужило причиной отозванія англійскаго посланника, то причина этого заключается, по мнѣнію Блюнчли, въ томъ, что Франція сдѣлала это съ цѣлью активнаго вмѣшательства. Иногда признаніе субъекта права войны происходитъ и со стороны заинтересованной державы. Такъ, послѣ ряда пораженій во время англо-трансваальской войны, убѣдившись въ томъ, что боѣры достаточно сильны для войны съ Англіей, эта послѣдняя признала ихъ воюющей стороной черезъ мѣсяць послѣ начала компаніи. Признаніе это выразилось формальнымъ объявленіемъ другимъ державамъ о существованіи войны. Напротивъ, признаніе въ 63 году польскихъ бандъ субъектомъ права войны было ошибкою со стороны западныхъ державъ, а потому ихъ представленія по этому поводу потерпѣли рѣшительный отпоръ у русскаго правительства. Заканчивая разборъ вопроса: кто является субъектомъ права войны, отвѣтъ приходится выразить въ такой формѣ: *субъектомъ права войны можетъ быть тотъ, кто имѣетъ силы осуществить съ успѣхомъ это право.*

Таково спеціально право войны, то есть право даннаго момента, независимо отъ предшествующаго и послѣдующаго. Но динамическое право,—право въ настоящемъ широкомъ смыслѣ, какъ противоположность «грубой» силѣ,—предполагаетъ еще одинъ признакъ, а именно, чтобы осуществленіе стаціонарнаго права войны было направлено къ увеличенію силы его субъекта. Этимъ путемъ право нарождается и со степени сомнительнаго подымается на степень положительнаго, а съ этой послѣдней—на степень неоспоримаго и ненаружимаго. Греція, какъ часть турецкой имперіи, не имѣла права войны до 1821 г., когда она возстала противъ турокъ. Пять лѣтъ борьбы потребовалось, чтобы доказать, что она имѣетъ достаточно силы, чтобы осуществлять это право, и это право было, наконецъ, признано за нею въ 1829 году. За Трансваалемъ признавалось сомнительное право войны. Если осуществленіе этого права увеличить могущество этого гусударства, то за нимъ будетъ признано неоспоримое право войны. Напро-

тивъ, если осуществленіе этого права приведетъ къ истощенію силъ, то Трансвааль будетъ присоединенъ къ англійскимъ владѣніямъ вполне, и право войны будетъ имъ утрачено окончательно. Поэтому не всякое осуществленіе права войны является правомѣрнымъ. Войны могутъ быть законными и незаконными. Во второмъ случаѣ будетъ на лицо злоупотребленіе правомъ войны.

Международное право различаетъ войны справедливыя и несправедливыя; но, отрываясь отъ почвы, она предлагаетъ для опредѣленія своеобразный критерій. «Война справедлива, — говоритъ Блюнчли, — если и поскольку вооруженная юридическая защита оправдывается международнымъ правомъ; несправедлива, если противна его предписаніямъ». Непосредственнымъ слѣдствіемъ изъ этого является слѣдующій выводъ. Простой государственный интересъ самъ по себѣ не оправдываетъ войны. Поэтому Наполеонъ III былъ неправъ, угрожая въ тронной рѣчи 18 ноября 1867 года вмѣшательствомъ Франціи въ дѣла Германіи, въ случаѣ какой либо опасности для интересовъ Франціи. Война, какъ орудіе политики, должна быть отвергнута. Какъ видно изъ предъидущаго, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Интересъ, польза государства, тщательно соображенная, является истиннымъ критеріемъ для опредѣленія законности и справедливости войны. Поэтому войны, веденныя Пруссіей вообще, а въ особенности Фридрихомъ II въ частности, являются законными, справедливыми войнами, ибо были направлены на формировку Пруссіи въ томъ видѣ, какъ она существуетъ нынѣ. Тѣ войны, которыя сознательно или бессознательно ведутся не въ интересахъ воюющаго государства — незаконны, такъ какъ направлены не на самоусиленіе, а, наоборотъ, только ослабляютъ государство. Примѣромъ такой войны можетъ быть мексиканская экспедиція Наполеона III. Рѣшеніе вопроса о законности и справедливости войны — задача политики, задача тѣмъ болѣе трудная, что точно взвѣсить всѣ данныя не представляется возможнымъ уже потому, что польза, интересъ и увеличеніе силы не исчерпываются матеріальными данными: поддерживая къ себѣ довѣріе, создавая свой авторитетъ, можно увеличить свои силы иногда успѣшнѣе, чѣмъ приобрѣтая территорію и получая контрибуцію. Поэтому миръ, заключенный безъ приобрѣтѣній, иногда можетъ дать болѣшія преимущества, чѣмъ съ такими. Но если вѣрное пониманіе интереса данной минуты есть высшее искусство политики, то выясненіе этой вѣрности принадлежитъ исторіи, ибо та держава, которая систематически стала бы злоупотреблять правомъ войны, привела бы себя къ безсилію и къ ослабленію. Примѣромъ подобной державы является Австрія.

Какъ въ свое время французскіе короли, достигнувъ абсолютизма, направили свое мирное внутреннее право на поддержку не своей силы, а своего блеска, употребляя его не на усиленіе цѣлаго государства или наиболѣе сильной его части, а на увеличеніе собственнаго удовольствія,—такъ и Габсбурги направили свое стационарное право войны не для усиленія какого либо центрального ядра своихъ силъ, а на увеличеніе числа отдѣльныхъ силъ, которыми они рассчитывали располагать. Другими словами, они вели войны не для усиленія своей монархіи, а для увеличенія габсбургскихъ владѣній. Поэтому австрійская политика по справедливости можетъ быть названа эгоистической; войны, которыя она вела, не могутъ быть названы законными, и современное положеніе Австріи является результатомъ злоупотребленія правомъ войны.

Разсмотрѣвъ, что такое право войны и кто является субъектомъ этого права, надо указать, что является его объектомъ. Такъ какъ право войны заключается въ правѣ пріобрѣтенія и охраненія благъ своими силами, то, очевидно, что именно эти блага,—духовныя или матеріальныя, — являются объектами. Поэтому, совершенно неправильно утвержденіе международного права, что объектомъ права войны является лишь государство и представители государственной власти. Такъ, въ первый періодъ фридриховскихъ войнъ субъектами осуществляемаго права войны были Пруссія и Австрія. Объектомъ того и другаго была Силезія. Такъ какъ право Пруссіи оказалось болѣе сильнымъ, то оно и вытѣснило право Австріи. При этомъ надо строго различать объектъ права войны отъ объекта военныхъ дѣйствій. Такъ напримѣръ, объектомъ права войны въ крымскую компанію была Святая земля. Объектомъ военныхъ дѣйствій—Севастополь. Осуществленіе различными субъектами права войны, направленаго на одинъ объектъ и порождаетъ явленіе, извѣстное подъ именемъ войны. Война, однако, не всегда сопутствуетъ осуществленію права войны. Поднимая свой флагъ надъ никому не принадлежащими территоріями, принимая Мервъ въ добровольное подданство, государство,—въ послѣднемъ случаѣ Россія, — осуществляетъ свое право войны, такъ какъ никакое частное лицо, а лишь государство можетъ совершить указанныя дѣйствія. Однако, это осуществленіе права войны не всегда совпадаетъ съ войной. Для этого надо, чтобы другой субъектъ права предъявляя свои притязанія на тотъ же объектъ. Объектъ войны— не всегда матеріальное благо. Таковымъ можетъ быть, напримѣръ, мѣсто посла на торжественныхъ пріемахъ, право на гегемонію, на извѣстныя почести, значеніе и т. д.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда осуществленіе права войны сопровождается войной, воюющія державы должны руководствоваться не международными нормами, а единственной универсальной правовой нормой,—что право заключается въ силѣ, направленной на самоувеличеніе. Какъ выливается это право во время веденія военныхъ дѣйствій—это и составитъ предметъ права войны въ узкомъ смыслѣ слова.

III.

Право войны, какъ источникъ правовыхъ нормъ военнаго времени.

Война заключается въ томъ, что одна держава открытою силой уменьшаетъ силу другой державы до такой степени, чтобы вынудить ея правительство подчиниться своей волѣ. Уменьшеніе силы можетъ быть или фактическое, то есть войско можетъ быть уничтожено, территорія занята и т. д.; или воображаемое, когда правительство считаетъ себя обезсиленнымъ, тогда какъ силы его еще существуютъ. Такъ одно и то же положеніе дѣлъ въ 1871 году казалось Гамбеттѣ достаточно сильнымъ для продолженія борьбы, тогда какъ другіе члены правительства считали Францію совершенно обезсиленной; какъ извѣстно, это и вызвало удаленіе Гамбетты въ отставку. Силу воюющей державы составляютъ суммы силъ ея гражданъ. Часть этой силы является въ формѣ дѣйствующей и называется ея «вооруженной силой». Другая ея часть является въ формѣ потенциальной, могущей проявиться, силы и называется «мирными гражданами воюющей державы». Цѣль военныхъ операций—уничтожить первую и не дать проявиться второй. Нормы, способствующія достиженію этой цѣли, составляютъ право войны въ узкомъ смыслѣ. Чтобы это право не было правомъ лишь давнаго момента, а устойчивымъ, неизблемымъ правомъ, надо, чтобы оно стремилось къ тому, чтобы сила, его осуществляющая, была направлена на самоусиленіе. Это и значитъ, что военная сила должна стремиться возрастать по мѣрѣ выполненія своихъ задачъ, независимо отъ ея увеличенія притокомъ новыхъ силъ изнутри государства. Очевидно, что насколько существенно выполненіе этого принципа, настолько же существенно выполненіе его обратной стороны, а именно—надлежитъ воспрепятствовать неприятелю усиливаться не только притокомъ силъ изнутри страны, но по возможности парализовать и самый этотъ притокъ. Такимъ образомъ, предметъ права войны въ узкомъ смыслѣ заключается въ изученіи нормъ, примѣненіе ко-

торыхъ способствуетъ увеличенію силъ и средствъ борющейся стороны, независимо отъ прилива новыхъ силъ изнутри государства, но примѣненіе которыхъ (т. е. нормъ) не способствуетъ увеличенію въ то же время силы другой борющейся стороны.

Никакіе другіе принципы, не вытекающіе изъ даннаго понятія права, не должны имѣть мѣста и оказывать вліяніе на образованіе законовъ войны. Между тѣмъ, юристы международного права много разъ пытались и, вѣроятно, будутъ пытаться и впредь регламентировать войну сообразно какимъ-то отвлеченнымъ принципамъ. Въ какое неустраняемое противорѣчіе впадаютъ они при этомъ и съ практикой, и съ исторіей, показываетъ слѣдующее характерное признаніе Блюнчли: «Въ наше время войны стали человѣчнѣе, мягче, главнымъ образомъ благодаря успѣхамъ международного права. Созрѣвшее правосознаніе пришло къ убѣжденію въ незаконности грабежа и добычи... Почтенные и многочисленные авторитеты римской и средневѣковой юриспруденціи поддерживали право добычи и грабежа, и ученые юристы продолжали еще блуждать по стопамъ устарѣвшихъ авторитетовъ. Къ стыду нашей науки, должно замѣтить, что она сознала беззаконіе грабежа и добычи лишь послѣ того, какъ военная практика высказала свое прямое неодобреніе мародерству и когда оно было формально запрещено въ арміяхъ». Такимъ образомъ, вмѣсто благотѣльнаго вліянія международного права на смягченіе войны, онъ констатируетъ діаметрально противоположное,—а именно благотѣльное вліяніе войны на международное право! Оно и понятно. Законы войны вырабатываются войной же, практикой военного времени. Дѣло международного права—изучать ихъ, комментировать, но никакъ не предлагать, не предписывать. Законы войны только тогда бываютъ жизненны и примѣнны, когда они вытекаютъ изъ вышеохарактеризованнаго права войны. И то, что они становятся мягче, не составляетъ ихъ главнаго признака, а лишь второстепенный. Главный же ихъ признакъ—тотъ, что они способствуютъ сохраненію и увеличенію силъ той стороны, которая ихъ примѣняетъ. Эта основная ихъ черта игнорируется международнымъ правомъ, и ихъ смягченіе объясняется торжествомъ принципа современнаго международного права: «война ведется между государствами, а не между частными лицами и не противъ нихъ». Утвержденіе это равносильно тому, что нельзя рубить «деревья», если разрѣшено срубить «лѣсъ». Какъ лѣсъ состоитъ изъ деревьевъ, такъ и государство составляетъ изъ гражданъ. Поэтому такой здравомыслящій юристъ, какъ Кентъ, защищаетъ принципъ, что «если государство ведетъ войну, то всѣ граждане его должны считаться непріа-

телемъ». Ихъ надо, однако, подраздѣлить, какъ уже было сказано, на двѣ группы. Первая составитъ вооруженную, активную силу, вторая — могущую проявиться покоящуюся силу. Цѣль войны — уничтожить первую, и не только не дать проявиться, но и утилизировать вторую. Для этого и нормы, примѣняемыя къ той и другой группѣ, должны быть различны. Разсмотримъ сперва, каковы должны быть нормы права войны, примѣняемыя къ такъ называемымъ мирнымъ жителямъ воюющей державы; затѣмъ — каковы онѣ въ примѣненіи къ вооруженнымъ силамъ и, наконецъ, къ раненымъ.

Нетрудно убѣдиться, что право войны простирается на всего человѣка, на его жизнь, трудъ и имущество. Въ самомъ дѣлѣ существуютъ ли какія нибудь юридическія основанія признавать какое либо право за населеніемъ территоріи, занятой вооруженной силой? Вопросъ сводится къ опредѣленію: существуютъ ли какія нибудь юридическія права внѣ государственной власти? Конечно, нѣтъ. Они существуютъ только тогда, когда признаются государствомъ, и ихъ существованіе поддерживается его силою. Стѣбитъ отнять эту поддержку, какъ право рушится само собой. Стѣбитъ государственной власти объявить: «я не поддерживаю права собственности», какъ сперва медленно, задерживаясь сложившимися привычками, а потомъ все скорѣй и скорѣй собственность исчезнетъ вмѣстѣ съ правомъ собственности. Право экспроприаціи въ томъ и состоитъ, что въ данномъ частномъ случаѣ государство отказываетъ въ поддержкѣ праву собственности. Въ силу этого, данный объектъ права несомнѣнно уйдетъ изъ-подъ власти собственника и, ставши ничьимъ, тѣмъ самымъ сдѣлается государственной собственностью. Денежное вознагражденіе, обыкновенно сопровождающее экспроприацію, вовсе не представляетъ существенной стороны этого юридическаго явленія. Оно можетъ и не быть, не уничтожая законности экспроприаціи. Въ этомъ и заключается разница между экспроприаціей и куплей-продажей. Принципъ, провозглашенный республиканскимъ правительствомъ Франціи, что жизнь и имущество гражданъ принадлежатъ государству, несомнѣнно существуетъ повсюду. Существованіе этого принципа даетъ право правительству посылать своихъ солдатъ въ бой, взимать налоги и т. п. Когда враждебныя войска вступаютъ въ чужую территорію, то своимъ вступленіемъ они вытѣсняють туземную власть. Всѣ права, тамъ существующія, лишаются всякаго содержанія. Населеніе лишается всякихъ правъ и поступаетъ въ полную собственность враждебной державы. Такъ разрѣшали этотъ вопросъ римскіе

ю ристы, которые смотрѣли на непріятельское имущество, какъ на безхозайное (*res nullius*) и,—какъ таковое,—подлежащее захвату. Таково чисто-юридическое разрѣшеніе вопроса. Но мало-по-малу пришли къ практическому заключенію, что за населеніемъ занятой территоріи слѣдуетъ признать нѣкоторыя права, признаніе которыхъ принесетъ выгоды воюющей сторонѣ. Исторія показываетъ намъ нуть, по которому дошли до этого убѣжденія.

До появленія Густава-Адольфа на политическую арену, насиліе и грабежи войскъ не знали предѣловъ. Гуманный Гуго-Гроцій находилъ это юридически-правильнымъ и если осуждалъ, то не съ точки зрѣнія международнаго права, а съ точки зрѣнія нравственности и разума. Осуждали такіе порядки и полководцы, но уже съ точки зрѣнія вреда для военныхъ предиріятій. Признаніе жителей безправными давало право солдатамъ убивать ихъ, насилловать, отбирать имущество. П. О. Бобровскій въ своей книгѣ: «Военное право» и т. д. говоритъ: «Толпы солдатъ бродили по окрестностямъ лагеря или крѣпости, какъ хищные звѣри, прибѣгали къ неимовѣрнымъ жестокостямъ надъ крестьянами; у тѣхъ, которыхъ они признавали богачами, вымучивали признаніе о спря-танныхъ деньгахъ или имуществѣ. Подобныя насилія вызывали мечь: крестьяне, собравшись съ оружіемъ, нападали на одинокихъ солдатъ и убивали ихъ, какъ собакъ, или замучивали до смерти. Нерѣдко горожане и крестьяне нападали на солдатъ, только что оставившихъ квартиры, и отнимали у нихъ награбленное имущество. Такимъ образомъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ либо въ тылу арміи, или въ сосѣдствѣ съ осаждаемой крѣпостью, происходила между солдатами и крестьянами малая война, причемъ обѣ стороны изощрялись въ жестокостяхъ и побѣдителями не всегда оставались солдаты. Случалось, что самъ ротный командиръ, не зная, чѣмъ довольствовать своихъ солдатъ, снимался съ позиціи, оставлялъ важный постъ у осажденнаго города и отправлялся въ окрестныя села за контрибуціей. Вооруженныя шайки солдатъ, подобно саранчѣ, истребляли фуражъ, полевые овощи и плоды, грабили домá и погреба, безчестили женъ и дѣвиць, лишали жителей всего необходимаго, заставляли ихъ утолять голодь древесными почками и травой, пожирать даже собственныхъ дѣтей и мертвечину. Наклонность къ грабежамъ, развиваясь съ XVI столѣтія, достигла, можно сказать, ужасающихъ размѣровъ въ XVII столѣтіи, особенно въ тридцатилѣтнюю войну». Изъ этого описанія видно, что покоющаяся сила мирныхъ гражданъ воюющей страны насильно побуждалась къ переходу въ активную силу. Выполненіе военныхъ операцій вело къ ослабленію силъ, а не къ увеличенію ихъ. И хотя право войны даннаго момента упол-

номочивало на лишеніе жителей всякихъ правъ, динамическое право требовало признанія за ними нѣкоторыхъ. Первый, осуществившій блестящимъ образомъ динамическое право войны, былъ Густавъ-Адольтъ. Его поведеніе являлось такимъ контрастомъ съ поведеніемъ нѣмецкихъ генераловъ, что исторія окружаетъ его сіяніемъ гуманности и человѣколюбія. Поведеніе Густава-Адольфа Мартенсъ связываетъ съ трактатомъ Гуго Гроція. По его словамъ, «сочиненіе Гуго Гроція оказало по истинѣ изумительное вліяніе на современную ему жизнь. Густавъ-Адольтъ всегда имѣлъ его при себѣ въ своихъ походахъ, вмѣстѣ съ евангеліемъ, которое служило ему руководствомъ». Что именно руководило шведскимъ королемъ: евангеліе, трактатъ Гуго Гроція или ясно сознанный и сформулированный выше право войны — выяснитъ ближайшее разсмотрѣніе его поведенія въ тридцатилѣтнюю войну.

Прежде всего, надо указать, что война, предпринятая Густавомъ-Адольтомъ, была вѣдена въ цѣляхъ завоевательныхъ и не ограничивалась стремленіемъ присоединить часть германской территоріи къ шведскому королевству, но стремилась доставить шведскому королю и корону германскаго императора. Слѣдовательно, съ одной стороны, онъ долженъ былъ не раздражать германскихъ князей разореніемъ ихъ областей, а съ другой — не разорять областей, которыя онъ стремился захватить въ свое владѣніе. Предупреждая своихъ начальниковъ, чтобы они не грабили жителей, Густавъ-Адольтъ говорилъ имъ: «Мы ведемъ войну не съ крестьянами, которыхъ мы желали бы покорить богатыми, а не разоренными. Занятая страна принадлежитъ королю и на ея обитателей надо смотрѣть, какъ на его подданныхъ, и сообразно тому поступать съ ними». Однако, при этомъ шведскій король былъ далекъ отъ мысли отказываться отъ средствъ непріятельской территоріи. Онъ требовалъ только, чтобы «не налагать тягостей выше той мѣры, которая вызывается необходимостью», и было бы большою ошибкой предполагать, что слово «необходимость» можно замѣнить словомъ «крайность», т. е. чтобы тягости налагались лишь тогда, когда онѣ были неизбежны. Напротивъ, смыслъ его словъ таковъ, что тягости должны соответствовать необходимымъ потребностямъ арміи и чтобы они не возрастали на удовлетвореніе частныхъ кармановъ лицъ, входящихъ въ составъ арміи. Что это толкованіе правильно, — показываетъ поведеніе самого Густава-Адольфа. Солдаты его платили за все и не касались на своемъ пути чужой собственности, но самъ король взялъ съ истощенной Помераніи сто тысячъ гульденовъ. Курфирстъ Бранденбургскій обязался платить ему по тридцати тысячъ талеровъ ежемѣсячно и доставить хлѣбъ войскамъ. Курфирстъ саксонскій упла-

тилъ ему мѣсячное жалованіе на всю шведскую армію. Въ епископствѣ вюрцбургскомъ онъ предоставилъ солдатамъ винный погребъ прелата. Взявши Майнцъ, король заставилъ горожанъ откупиться восьмидесятью тысячами гульденовъ. Евреи же и духовенство должны были особо внести значительную сумму. Библиотеку курфирста король взялъ себѣ, какъ свою собственность. Въ Мюнхенѣ король овладѣлъ тридцатью тысячами червонцевъ. Достаточно и этихъ случаевъ, чтобы убѣдиться, что не евангеліе и не Гуго Гроцій руководили поступками короля. Достойна также вниманія разница въ отношеніяхъ короля къ тѣмъ князьямъ и землямъ, которыми онъ хотѣлъ воспользоваться, и къ тѣмъ, которые могли принести ему выгоду лишь какъ объекты военныхъ предпріятій. Выговоривъ у курфирста саксонскаго трехмѣсячное содержаніе своей арміи, онъ на дѣлѣ удовольствовался мѣсячнымъ. Напротивъ, «перенеся театръ войны въ земли лиги, обогащаясь добычей и распоряжаясь доходами удалившихся князей, какъ своими собственными, онъ отнималъ у непріятеля всѣ средства къ упорному сопротивленію, а самому себѣ доставлялъ возможность продолжать дорого стоющую войну съ малыми средствами». (Шиллеръ). Справедливость этого заключенія доказывается и уменьшеніемъ военнаго бюджета Швеціи. Въ 1630 году онъ составлялъ $9\frac{1}{2}$ милліоновъ талеровъ, въ 1631— $5\frac{1}{2}$, а въ 1632— $2\frac{1}{5}$ милліона; при этомъ численность арміи возрасла въ четыре раза. Мерингъ такъ отзываясь о походѣ Густава-Адольфа послѣ побѣды надъ Тилли при Лейпцигѣ: «Это былъ мародерскій походъ съ необъятной добычей. Въ тюрингенскихъ владѣніяхъ своего саксонскаго союзника Густавъ-Адольфъ свирѣпствовалъ не менѣе, чѣмъ въ епископствахъ бамберскомъ, вюрцбургскомъ и майнцскомъ. На жалобы курфирста онъ отвѣчалъ лаконически: «война есть война, а солдатъ—не монахиня».

Такимъ образомъ, Густавъ-Адольфъ поставилъ право войны въ его настоящія рамки. Онъ увеличивалъ свои силы по мѣрѣ выполненія своихъ операцій и въ то же время избѣгалъ увеличенія силъ противника путемъ перехода мирныхъ гражданъ враждебныхъ державъ къ активному сопротивленію. На упсальскомъ совѣтѣ 1629 г. онъ прямо сказалъ, что нѣмецкую войну надо оплачивать нѣмецкими деньгами и нѣмецкою кровью. Почти черезъ двѣсти лѣтъ, этотъ же принципъ, но въ самой общей формѣ, былъ провозглашенъ Наполеономъ: «война должна кормить войну». Но на пространствѣ этихъ двухъ столѣтій военное дѣло пережило фазу магазинной, пяти-переходной системы. Фаза эта отразилась на международномъ правѣ, и такъ какъ вѣрное замѣчаніе Блюнчли о прошломъ применимо и въ настоящемъ,—т. е. что ученые юристы и понинѣ отстаютъ

отъ военной практики,—то выводы изъ этой фазы рекомендуются нами, какъ желательныя нормы права войны въ будущемъ.

Блестящій примѣръ Густава-Адольфа доказалъ современникамъ возможность проведенія въ жизнь давно назрѣвавшаго убѣжденія, что надо доставлять солдатамъ все необходимое безъ прямого участія въ этомъ ихъ самихъ. Только при этомъ можно будетъ поддержать въ войскахъ столь необходимую дисциплину. Конецъ XVII и XVIII столѣтія характеризуется строгимъ отдѣленіемъ заготовки припасовъ отъ ихъ расходванія. Прежде солдатъ получалъ на руки деньги и самъ долженъ былъ озаботиться о своемъ продовольствіи. Въ XVIII столѣтіи солдатъ все получаетъ натурой изъ центральныхъ магазиновъ, и ему строго запрещается добывать что либо инымъ путемъ. Уже Людовикъ XIV, въ первой статьѣ своего ордонанса 4 ноября 1651 года, объявляетъ: «Всѣ начальники, офицеры и солдаты, конные и пѣшіе, обязаны платить добровольно за жизненные продукты и другіе предметы, которые имъ доставляются, какъ внутри, такъ и внѣ государства, подъ страхомъ наказанія офицеровъ за вымогательство, а солдатъ—лишеніемъ жизни». Тутъ мы видимъ, что не дѣлается никакого различія между своей страной и своими подданными и чужими. Запрещеніе эксплуатаціи непріятельской территоріи начальникамъ воѣхъ степеней лишало побѣдителя естественныхъ выгодъ. Во время фридриховскихъ войнъ король всего нѣсколько разъ прибѣгъ къ довольствію отъ жителей, — и это были его же подданные. Доставленіе всего довольствія со своей территоріи стѣсняло военныя дѣйствія, такъ какъ войска могли удалиться всего на пять переходовъ отъ своихъ магазиновъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ удорожалась стоимость войнъ, что ложилося бременемъ на своихъ же подданныхъ. Войска ставились лагеремъ подалше отъ деревень. Для боя выбиралась открытая мѣстность. Это была эпоха, когда война велась войсками противъ войскъ, а жители воюющихъ державъ являлись безучастными зрителями. Отсюда, какъ бы самъ собой, вытекаетъ выводъ, что войны ведутся между правительствами, а не противъ частныхъ лицъ, съ цѣлымъ рядомъ слѣдствій, составляющихъ *ria desideria* современнаго международнаго права. Насколько подобныя войны были выгодны для побѣждаемой стороны, настолько же онѣ были нецѣлесообразны для побѣдителя. По мѣрѣ веденія войны, силы и средства наступающей арміи уменьшались, и единственнымъ средствомъ для ихъ возобновленія была присылка ихъ изъ глубины страны. Тотъ, кто настойчиво и упорно добивался побѣды, — тотъ разорялъ свою собственную страну. И вотъ является особый видъ войнъ—позиціонный. Не добываются побѣды, а избѣгаютъ лишь пораженія. Отступающему противнику строятъ золотой

мость. Иначе и быть не можетъ, разъ побѣда и пораженіе ложится одинаковымъ бременемъ на страну, а атака предполагаетъ большую потерю въ людяхъ, чѣмъ оборона. И въ то время какъ Фридрихъ, оканчивая свои войны, находитъ Пруссію въ конецъ истощенной, Наполеонъ, пріѣхавши въ итальянскую армію, не только пересталъ извлекать средства изъ Франціи, но сталъ ихъ высылать туда. Съ Наполеономъ въ составъ права войны вошло и понятіе о томъ, что, ведя войну, лучше истощить непріятельскую страну, чѣмъ свою собственную. Густавъ-Адольфъ, въ своемъ гениальномъ умѣннн, сосредоточилъ искусство держать солдатъ въ строгой дисциплинѣ и извлекать выгоды изъ непріятельской территоріи. Его послѣдователи разрабатывали исключительно первую сторону и въ лицѣ Фридриха довели до крайняго предѣла. Наполеонъ прекрасно разработалъ и другую сторону завѣтовъ Густава-Адольфа и черезъ голову Фридриха протянулъ ему руку.

Несомнѣнно, что уроки Наполеона, нашедшаго себѣ умѣлыхъ послѣдователей въ нѣмцахъ, отразятся на международномъ правѣ. Интересно сопоставить, напримѣръ, взгляды, которые проводилъ на право войны Блюнчли въ 1867 г., со взглядами на тотъ же предметъ г. Мартенса въ 1883 году. За шестнадцать лѣтъ кой-какіе взгляды значительно измѣнились въ пользу наполеоновскихъ принциповъ, и нѣтъ причины приписать это исключительно индивидуальнымъ свойствамъ этихъ двухъ ученыхъ. Въ чемъ заключается разница во взглядахъ, — будетъ видно при болѣе подробномъ разсмотрѣннн нѣкоторыхъ вопросовъ. При этомъ придется также сослаться на «Законы сухопутной войны». Законы эти составлены институтомъ международного права, основаннаго въ Гентѣ въ 1873 году. Оксфордское собраніе этого института составило эти законы въ 1880 году, при посредствѣ пятой комисіи, въ составъ которой входили: Блюнчли, Мартенсъ, Бернаръ, Брошэ, Португаль, Голль, Голландъ, Горнунгъ, де-Ланда, Люкасъ, Людеръ, Муанье, Нейманъ, Пьерантони и Шульце.

Право войны заключается въ правѣ пользованія тѣми средствами, которые способствуютъ увеличенію силъ воюющей стороны, безъ притока таковыхъ изнутри страны. Раньше чѣмъ истратить на войну часть имущества своихъ подданныхъ, правительство должно утилизировать для этого все имущество гражданъ непріятельской державы. Это—основное требованіе справедливости, безъ котораго война являлась бы не осуществленіемъ права войны, а злоупотребленіемъ этимъ правомъ. Юридическія основанія, по которымъ имущество гражданъ можетъ быть отобрано полностью, уже указаны.

Такимъ образомъ, правительство, ведущее войну, обязано передъ своими подданными возможно щадить ихъ имущественные интересы и имѣть право игнорировать ихъ у гражданъ враждебной державы. Вступая въ обладаніе гражданами, лишенными всякихъ правъ, полезно даровать имъ нѣкоторыя права,—ровно настолько, чтобы привязать ихъ къ территоріи и тѣмъ дать возможность эксплуатировать не только ихъ имущество, но и ихъ трудъ.

Поэтому, вступая на непріятельскую территорію надлежитъ прежде всего оповѣстить жителей, что истребленіе ихъ и непосредственное причиненіе имъ зла не будутъ имѣть мѣста. Оповѣщеніе это достигается манифестами, деклараціями и приказами. Такъ, 11 августа 1870 года, при вступленіи нѣмецкихъ войскъ во Францію, была обнародована декларація прусскаго короля, въ которой говорилось: «Я воюю противъ французскихъ солдатъ, а не противъ французскихъ гражданъ». Точно также въ приказѣ великаго князя Николая Николаевича отъ 12 апрѣля 1877 г. говорилось: «Мирные жители, равно и ихъ добро да будутъ неприкосновенны». Затѣмъ, чтобы жители не разбѣгались, а оставались на своихъ мѣстахъ и продолжали заниматься производительною дѣятельностью, которой намѣренъ воспользоваться побѣдитель, необходимо по возможности не нарушать существующаго правопорядка. Поэтому, нельзя не признать вполне цѣлесообразнымъ ст. 43, 44 и 45 «Законовъ сухопутной войны», по которымъ слѣдуетъ озаботиться обезпеченіемъ существующаго порядка, сохранить дѣйствующіе законы и оставить должностныхъ лицъ, согласившихся продолжать свою дѣятельность. Если относительно дѣйствующихъ законовъ въ оккупированной области и Мартенсъ, и Блюнчли фактически согласны въ томъ, что они должны быть измѣняемы лишь при крайней необходимости, то въ духѣ, въ какомъ они выражаютъ это требованіе, есть маленькое отличіе, а именно: Блюнчли принципиально утверждаетъ, что военная власть не должна измѣнять законовъ и можетъ дѣлать это лишь въ крайности; напротивъ, Мартенсъ утверждаетъ, что военная власть прежде всего должна заботиться о своей безопасности, а законы оставлять безъ перемѣны, насколько это возможно. Разница въ принципиальной постановкѣ этого вопроса весьма рѣзко выступаетъ, когда дѣло касается такихъ оккупированныхъ территорій, которыя предполагается присоединить къ государству. Блюнчли утверждаетъ, что «даже въ томъ случаѣ, если военная власть займетъ непріятельскую территорію съ намѣреніемъ удержать ее за собой, она все таки во время войны имѣетъ право дѣлать лишь временныя распоряженія». Но Мартенсъ говоритъ: «Въ иномъ видѣ представляется оккупация въ томъ случаѣ, когда рассчитана на

окончательное присоединеніе области. Тогда непріятельская власть имѣть полное право приступить къ требуемымъ кореннымъ преобразованіямъ, сообразуясь со своими политическими интересами».

Прокламація прусскаго короля о томъ, что онъ воюетъ будто бы *противъ солдатъ, а не противъ народа*, не отвѣчала истинѣ. Война велась *противъ всего государства*, и разница была лишь въ военныхъ средствахъ: одни употреблялись противъ вооруженныхъ силъ, другія — противъ покоящихся силъ мирныхъ гражданъ. Прежде всего, надо воспрепятствовать ихъ переходу въ активныя враждебныя силы. Это достигалось занятіемъ непріятельской территоріи и закрѣпленіемъ на ней гражданъ. Для этого, во-первыхъ, ведется активная, наступательная война; во-вторыхъ, соблюдаются по возможности ст. 43, 44 и 45 «Законовъ сухопутной войны». Достигнувши первой половины задачи, надо направить въ свою пользу покоящуюся силу мирныхъ гражданъ. Такимъ образомъ, является вопросъ, какими нормами военного права достигается наиболѣе полная эксплуатація силъ занятой страны. Первою такою нормою является требованіе, чтобы жизнь, честь и религіозныя убѣжденія мирныхъ гражданъ остались неприкосновенными. Къ этому убѣжденію военачальники пришли еще раньше, чѣмъ юристы. Что касается имущества, то право собственности должно быть даровано лишь на такое количество его, которое принудило бы гражданъ остаться на мѣстѣ. Такъ, прусскій наслѣдный принцъ, въ своей прокламаціи отъ 20 августа 1870 года, заявилъ: «Я требую для продовольствованія арміи только излишка припасовъ, не потребнаго для пропитанія населенія». Другими словами, за населеніемъ оставалось этого продовольствія столько, чтобы не умереть съ голоду; все же остальное поступало въ распоряженіе войскъ. По странному недоразумѣнію, Блюхчи считаетъ это распоряженіе образцовымъ и недоумѣваетъ по поводу громкихъ жалобъ на неумѣренную реквизицію. Несомнѣнно, что осѣдность населенія будетъ продолжаться до извѣстнаго мінімум'а правъ, перейдя который они предпочтутъ или перейти въ глубь страны, или взяться за оружіе. Поэтому, отсѣкая тѣ права, отсѣченіе которыхъ можетъ быть на пользу арміи, надо падить тѣ права, объекты которыхъ не представляются полезными для побѣдителя. Отсюда вытекаетъ та неоспоримая норма, что всякое безцѣльное разрушеніе непріятельской собственности и обида мирному населенію должны быть запрещены.

Способы и размѣры пользованія непріятельскимъ имуществомъ весьма разнообразны. Во-первыхъ, можно пользоваться имъ въ натурѣ. Такъ, во время войны 1870 года прусскія войска иногда размѣщались по обывательскимъ квартирамъ, причѣмъ квартирохо-

завла должны были снабжать своихъ квартирантовъ пищей и всѣмъ необходимымъ. Этотъ способъ представляетъ существенныя невыгоды: онъ ставитъ лицомъ къ лицу заинтересованныхъ лицъ: солдата и поселеннаго. Близкое ихъ соприкосновеніе можетъ зачастую имѣть неблагопріятныя послѣдствія. Кромѣ того, онъ не даетъ возможности извлечь всѣ выгоды изъ непріятельской территоріи. Гораздо цѣлесообразнѣе организованное отобраніе имущества у населенія путемъ реквизицій. Хотя военная техника и выработала весьма рациональныя мѣры для сбора реквизицій самими войсками, тѣмъ не менѣе они не всегда устраняютъ возможность грабежа и всегда отвлекаютъ войска отъ болѣе важныхъ цѣлей. Поэтому ихъ стараются избѣгать и замѣнять требованіями, обращенными къ мѣстнымъ властямъ, чтобы онѣ доставили опредѣленное количество тѣхъ или другихъ предметовъ подъ угрозой экзекуціи въ случаѣ неисполненія требованія. Лучшее всего произвести реквизицію однажды, по занятіи данной мѣстности войсками, предъявляя крайнія требованія, т. е. такія, выше которыхъ населеніе не можетъ дать безъ полного разоренія. Повторныя же реквизиціи будутъ озлоблять гражданъ, а потому допустимы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ: если, напримѣръ, послѣ первой реквизиціи сняли хлѣбъ съ полей, или какимъ либо инымъ способомъ у гражданъ появился значительный избытокъ. Опредѣленный размѣръ реквизицій нисколько не противорѣчитъ ст. 56 Законовъ сухопутной войны: «Требуемыя отъ общинъ или отъ жителей натуральныя повинности (реквизиціи) должны соотвѣтствовать общепризнаннымъ нуждамъ войны и быть соразмѣрными со средствами страны», т. е. *война должна питать войну*, поскольку это не вызоветъ полного разоренія непріятельской страны.

Кромѣ реквизицій, съ гражданъ воюющей державы надлежитъ брать и контрибуціи, то есть извлекать пользу не только въ формѣ натуральныхъ повинностей, но также и денежныхъ. Блюнчли категорически отвергаетъ контрибуціи, какъ слѣдствіе права войны. «Наложеніе денежныхъ контрибуцій не имѣетъ никакого основанія въ военномъ правѣ». Напротивъ, г. Мартенсъ признаетъ ихъ. «Отмѣна права контрибуціи, по его мнѣнію, привела бы скорѣе къ нарушенію неприкосновенности частной собственности, нежели къ ея утвержденію». Значительно расходятся также и въ опредѣленіи размѣра контрибуцій. Блюнчли совершенно отвергаетъ контрибуціи, но признаетъ за военной властью право распоряжаться государственными доходами и податями, но чтобы изъ нихъ продолжали покрываться расходы на отправленіе правосудія и на удовлетвореніе общественныхъ потребностей. Въ томъ же смыслѣ редактирована и ст. 57 Законовъ сухопутной войны. «Занявшій территорію

непріятель можетъ взимать съ населенія только тѣ подати и налоги, которые уже установлены въ пользу государства. Онъ долженъ употреблять ихъ на удовлетвореніе расходовъ по управленію страной, въ размѣрѣ, установленномъ для сего законнымъ правительствомъ». Недоумѣніе, которое будетъ вызвано этой статьей во всякомъ военачальникѣ, нѣсколько смягчается слѣдующей ст. 58, говорящей о правѣ взимать чрезвычайныя денежныя контрибуціи «только въ суммѣ, равной пенѣ, или невнесеннымъ налогамъ, или неисполненнымъ натуральнымъ повинностямъ». Еще шире допускаются контрибуціи г. Мартенсомъ. Крайнимъ предѣломъ можетъ быть сумма податей, платимыхъ городомъ или мѣстностью за опредѣленный срокъ». Такъ какъ размѣръ самаго срока не опредѣленъ, то и предѣлъ размѣра контрибуціи не ограниченъ.

На дѣлѣ размѣръ контрибуціи, какъ и реквизиціи, долженъ быть крайнимъ, выше котораго населеніе дать не можетъ. Добытыя деньги принесутъ существенную пользу, такъ какъ опытъ войнъ доказываетъ, что граждане охотно поставляютъ товары и въ непріятельскія войска, если за нихъ платятъ. По израсходованіи денегъ, можно будетъ произвести вторую контрибуцію. По прибытіи въ данное мѣсто, необходимо произвести и контрибуцію, и реквизицію. Тѣ предметы, которые граждане успѣютъ скрыть при реквизиціи, впоследствии будутъ проданы тѣмъ же войскамъ, когда за нихъ будутъ платить деньги изъ суммъ, добытыхъ контрибуціей. Если представится возможнымъ обратить въ деньги захваченныя цѣнности, коллекціи, музеи, путемъ продажи ихъ, военачальникъ обязанъ сдѣлать это. Было бы несправедливо, съ этой точки зрѣнія, еслибы Бонапартъ заставилъ французовъ платить лишнія подати только для того, чтобы обезпечить за итальянцами возможность пользоваться ихъ коллекціями.

Современныя положительныя законодательства вытекаютъ изъ правильнаго и цѣлесообразнаго толкованія права войны. Такъ, наше отечественное законодательство (Положеніе объ управленіи войскъ въ военное время) говоритъ: «Главная забота командующаго арміей должна состоять въ примѣненіи *всѣхъ усилій* и принятію *всѣхъ мѣръ* для достиженія цѣлей, указанныхъ ему главнокомандующимъ, притомъ *съ возможнымъ сбереженіемъ средствъ государства* (ст. 110). Въ непріятельскихъ областяхъ онъ разрѣшаетъ сборъ существующихъ податей, опредѣляетъ случаи и порядокъ производства общихъ и частныхъ реквизицій, опредѣляетъ количество разнаго рода потребностей, которыя эти области должны ставить натурой и, если признаетъ это нужнымъ, подвергаетъ эти области контрибуціи (Ст. 136 и 8). Не только командующій арміей, но и командиръ корпуса

«принимаетъ всё зависящія отъ него мѣры, лишь бы обезпечить продовольствіе. Онъ лично отвѣтствуетъ, если вслѣдствіе бездѣйствія власти корпусъ будетъ терпѣть недостатокъ въ продовольствіи (ст. 776). Эти обязанности командиръ корпуса исполняетъ не только тогда, когда онъ будутъ на него непосредственно возложены, но и при «неуспѣхности мѣръ, принятыхъ интендантомъ арміи». Хотя въ законѣ и говорится о «разрѣшеніи» реквизицій командующимъ арміей, а также полного продовольствія войскъ на квартирахъ у обывателя, разрѣшеніе это, однако, не безусловно необходимо. Законъ ясно говоритъ: «При неуспѣхности мѣръ, принятыхъ интендантомъ арміи къ своевременному доставленію продовольствія корпусу, командиръ корпуса собственною властью разрѣшаетъ всё мѣры къ пріобрѣтенію такового, наличной покупкой или иными средствами (ст. 776 п. 2). Такъ какъ власть и обязанность самому озаботиться о продовольствіи войскъ въ случаѣ неимѣнія такового, возложена и на начальника дивизіи (ст. 927), то велѣнія закона можно формулировать слѣдующимъ образомъ: каждый начальникъ можетъ дѣлать реквизиціи своею властью, если встрѣтится къ тому надобность. Планосообразное же эксплуатированіе средствъ страны, какъ натурой (реквизиціи), такъ и деньгами (контрибуціи) возлагается на командующаго арміей. Для этой цѣли на интендантовъ арміи, корпуса и дивизіи возложена обязанность собирать свѣдѣнія о занимаемыхъ районахъ (ст. 385, 853, 954). Не только склады и имущество, принадлежащее государству и непріятельской арміи, но и частная собственность, поскольку она является цѣнностью, составляетъ объектъ захвата. Поэтому, наравнѣ съ магазинами и складами, нашъ законъ поименовываетъ и «вообще, военную добычу» (ст. 769). Чтобы истощеніе занимаемаго района не отозвалось пагубно на войскахъ, законъ возлагаетъ на командующаго арміей заботу, чтобы во взиманіи воинскихъ потребностей была устанавливаема и наблюдаема возможная уравнительность, для охраненія непріятельскихъ областей отъ разоренія» (ст. 117).

Если мирные жители враждебной державы пользуются нѣкоторыми правами, то не потому, что они присущи имъ, а потому, что во время ихъ пользованія этими правами, они приносятъ выгоду оккупирующему войску. Въ тотъ моментъ, когда войска оставляютъ занятые области, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестаютъ извлекать изъ нихъ пользу,—жители становятся столь же безправными, какъ и въ моментъ занятія областей. А такъ какъ право войны заключается не только въ правѣ на усиленіе своихъ силъ средствами занятой территоріи, но и въ правѣ воспрепятствовать подобному усиленію непріятели, то, отступая, военачальникъ обязанъ уничтожить все, что возможно уничто-

*

жить. Исключеніе изъ этого составить жизнь гражданъ. Въ подобномъ уничтоженіи нѣтъ никакого варварства, а лишь исполненіе войскомъ своего долга передъ соотечественниками. Поступая иначе, они облегчаютъ положеніе непріятеля, сдѣлають для него тягость войны не столь чувствительной,—и вѣроятнымъ результатомъ этого будетъ вторженіе непріятеля въ чужую территорію со всѣми бѣдствіями, какъ для всего государства, такъ и для частныхъ лицъ. Если нашествіе непріятеля на Россію всегда сопровождалось уничтоженіемъ передъ нимъ всего имущества населенія, то никто не въ правѣ запретить и Россіи примѣнять подобный способъ на чужой территоріи, если конечно, нѣтъ особыхъ условій. Такъ, было бы крупной ошибкой, еслибы генераль Гурко, отступая къ Балканамъ, разорилъ болгарскую территорію. Уничтоженіе имуществъ представляетъ, однако, опасность легкаго перехода къ грабежу, который, помимо другихъ неудобствъ, компрометируетъ эту необходимую жестокость, лишая ее разумной цѣлесообразности. Во избѣжаніе этого, по нашимъ законамъ, на самого командующаго арміей возлагается «вывозъ или уничтоженіе средствъ района, если представится къ тому надобность. (ст. 384).

Въ заключеніе разбора нормъ военнаго права, примѣняемыхъ къ мирнымъ жителямъ враждующей державы, нельзя не коснуться права флота—обстрѣливать незащищенные прибрежные пункты. Международное право категорически отвергаетъ это право. Между тѣмъ, прибрежный городъ, не имѣющій укрѣпленій, или укрѣпленія котораго разрушены, несомнѣнно находится въ сферѣ права непріятельской эскадры, подобно тому какъ въ сферѣ права сухопутнаго войска находится вся территорія, находящаяся подъ его ударами и не защищенная своимъ войскомъ. Въ сферу этого права входитъ всегда цѣлый районъ, а не только пунктъ, занятый войсками. То обстоятельство, что флотъ не можетъ занять города своимъ экипажемъ, не уничтожаетъ его фактическаго права. Поэтому, надо признать за флотомъ право бомбардировать города, находящіеся въ сферѣ его права, если они отказываются исполнить тѣ или другія его требованія. Чаще всего это будетъ требованіе контрибуціи. Надо, однако, привнать во вниманіе, что стоимость бомбардированія превышаетъ обыкновенно стоимость разрушаемыхъ построекъ, а потому само по себѣ наноситъ болѣебшій ущербъ производящему разрушеніе, чѣмъ терпящему его. Поэтому маленькіе города съ мужественнымъ населеніемъ не выгодно обстрѣливать, а надо выбирать большіе города съ разноплеменнымъ населеніемъ, которое послѣ небольшого числа выстрѣловъ согласится на исполненіе требованій. Исключеніе будутъ представлять тѣ случаи, когда

бомбардированіе имѣетъ цѣлю воздѣйствовать не на городъ, а на правительство, — на примѣръ, заставить его отвлечь часть своихъ войскъ къ побережью. Тогда придется, конечно, выбирать города не по величинѣ и населенію, а по ихъ важности для государства

Переходя теперь къ опредѣленію нормъ военнаго права, принимаемыхъ къ вооруженнымъ силамъ, надлежитъ разсмотрѣть вопросъ о дозволенныхъ и недозволенныхъ средствахъ. Этотъ вопросъ разсматривался на бриссельской конференціи 1874 года и въ протоколѣ ея работъ, въ § 13, перечислены запрещенныя средства. Къ таковымъ, во-первыхъ, относится употребленіе яда и отравленнаго оружія, а также употребленіе средствъ, причиняющихъ напрасныя физическія страданія, и, въ частности, употребленіе разрывныхъ пуль, вѣсомъ менѣе 400 граммовъ. Противъ этого ничего нельзя возразить, ибо употребленіе означенныхъ средствъ не даетъ воюющимъ никакихъ преимуществъ. Таково мнѣніе военныхъ авторитетовъ, и если Англія употребляетъ по сію пору пули «думъ-думъ», то потому, что, имѣя армію наймитовъ, она склонна приписывать слишкомъ большое значеніе физической боли. Напротивъ, генералы европейскихъ армій пришли къ убѣжденію, что размѣръ страданій не оказываетъ вліянія на солдатъ. Исторія уголовныхъ наказаній подтверждаетъ ихъ выводъ. Во-вторыхъ, къ недозволеннымъ средствамъ отнесено и вѣроломное убійство. Противъ этого тоже нельзя сдѣлать возраженій, ибо убійство отдѣльнаго лица рѣдко приноситъ существенную пользу, а приниженіе духовнаго элемента, необходимое для подобнаго дѣла, только принесетъ несомнѣнный вредъ. Запрещается, въ-третьихъ, злоупотребленіе парламентарскимъ и національнымъ флагомъ, военными значками и непріятельской формой, также какъ и знаками Краснаго креста. Что касается злоупотребленія парламентарскимъ и національнымъ флагомъ, то оно, конечно, вредно отзовется на обѣихъ враждующихъ сторонахъ, и почти нѣтъ сомнѣнія, что если подобный приемъ и можетъ иногда пригодиться, то на протяженіи той же кампаніи жестоко поплатится тотъ, кто къ нему прибѣгнулъ. Злоупотребленіе знакомъ Краснаго креста, къ сожалѣнію, весьма распространено и мало вѣроятія избѣжать его и въ будущемъ. Но нѣтъ никакого основанія запрещать употребленіе непріятельскаго обмундированія и его отличительныхъ значковъ. Мало вѣроятія, чтобы въ современныхъ компаніяхъ этимъ средствомъ можно было воспользоваться и извлечь изъ него выгоду. Но еслибы такой случай представился, то запрещать его также мало основанія, какъ запрещать засады и другія военныя хитрости. Въ-четвертыхъ, запрещается убійство слав-

шагося противника. Изъ этого вѣрнаго, въ большинствѣ случаевъ, запрещенія должно быть сдѣлано исключеніе для тѣхъ случаевъ, когда невозможно обременять себя плѣнными, и въ то же время пагубно отпустить ихъ на волю. Съ этимъ согласенъ и такой гуманный представитель международного права, какъ Блюнчли. Въ пятыхъ, запрещается бесполезное уничтоженіе и захватъ неприятельской имуществы,—р чемъ было говорено выше,—и, наконецъ, запрещается объявленіе о томъ, что никому не будетъ дано пощады. Этотъ пунктъ умѣстнѣе всего разбирать, когда будетъ рѣчь о штурмахъ.

Къ этимъ запрещеніямъ представители международного права присоединяютъ еще употребленіе дикихъ и полудикихъ племенъ въ войнѣ между цивилизованными государствами. Мотивомъ къ подобному запрещенію выставляется то, что эти племена не понимаютъ нравственныхъ воззрѣній,—особенно на личную и женскую честь, и уваженія къ чужой собственности. Подобное запрещеніе не имѣетъ никакихъ разумныхъ основаній. Логическимъ выводомъ изъ подобной постановки вопроса было бы непризнаніе и недопущеніе войнъ между цивилизованными и нецивилизованными народами, напримѣръ, Россіи съ Афганистаномъ или Англій съ афридіями. Но разъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, какое либо правительство считаетъ себя вправѣ подвергать своихъ подданныхъ опасности столкновенія съ нецивилизованными народами, то нѣтъ никакого основанія оберегать отъ этого чужихъ подданныхъ. Съ другой стороны, отказываясь отъ помощи вооруженныхъ дикарей, придется возмѣстить этотъ недостатокъ наборомъ и вооруженіемъ своихъ коренныхъ подданныхъ. Другими словами, международное право предлагаетъ отрывать работника отъ семьи, обрекать его на смерть, а семью его—на сиротство, только для того, чтобы неприятельской гражданинъ не потерпѣлъ имущественнаго ущерба или чтобы его жена не подверглась оскорбленію. Государственные люди не руководствуются подобной логикой. Потопи льющейся крови не застилаютъ передъ ихъ глазами слезъ, пота, горя и бѣдъ, которые накапливаются войной внутри государства, вдали отъ грохота пушекъ и газетныхъ корреспондентовъ. Такъ, въ 1870 году французское правительство употребило въ дѣло африканскихъ турко-совъ-магометанъ, что Блюнчли и вмѣняетъ ей въ большую вину. Другой вопросъ, какъ употреблять вооруженныхъ дикарей. Пущенные на развѣдки впереди войска, они разграбили бы всю мѣстность и лишили бы войска возможности существовать на средства страны; въ случаѣ пораженія, они вышли бы изъ повиновенія и,

наконецъ, грабили бы безъ различія и своихъ, и чужихъ. Поэтому употребленіе ихъ въ большихъ силахъ на главной операціонной линіи едва ли будетъ цѣлесообразнымъ. Но имѣ легко можно воспользоваться въ сторонѣ отъ главной операціонной линіи, для диверсіи, для отвлеченія силъ, для разоренія непріятельской страны богатой запасами, чтобы непріятель не могъ извлекать изъ данной мѣстности никакихъ выгодъ.

Г. Мартенсъ увеличиваетъ списокъ недозволенныхъ средствъ требованіемъ, чтобы населеніе непріятельскихъ областей не приглашалось къ возстанію. Но если право войны уполномочиваетъ на всѣ средства, которыя направляли бы покоящуюся силу мирныхъ гражданъ непріятельской страны на увеличеніе силы воюющаго государства, — то лучшимъ къ тому средствомъ было бы побужденіе ихъ къ открытой борьбѣ съ враждебнымъ правительствомъ. Такъ, подъ знамена Густава-Адольфа охотно принимались жители имперскихъ провинцій, и даже Блюнчли находить вполне правомѣрнымъ, если къ войску побѣдителя присоединяются граждане занятой страны въ количествѣ волонтеровъ, а также не находить ничего противнаго международному праву въ томъ, что во время американской международной войны Сѣверные Штаты подстрекали къ возстанію негровъ южныхъ штатовъ, обѣщая имъ отмену рабства. Еслибы война 1877 года не застала уже славянскаго возстанія, то не было бы ничего противозаконнаго пригласить къ нему населеніе. Наконецъ, вполне законно и приглашеніе къ возстанію африкандеровъ Трансваалемъ и Оранжевой республикой. Возможности же *принужденія* къ поднятію возстанія, а также къ поступленію подъ непріятельскія знамена, нынѣ, конечно, не существуетъ. Первое никогда и не могло существовать; послѣднее стало невозможнымъ съ уничтоженіемъ вербованныхъ армій.

Въ параграфахъ 15—18 протокола брусельской конференціи разсматриваются вопросы объ осадѣ и бомбардированіи. Прежде всего ставится положеніе, что незащищенные города не могутъ подвергаться ни атакѣ, ни бомбардированію, и, наконецъ, при обыкновенныхъ условіяхъ, ни одинъ военачальникъ не станетъ ни атаковать въ пустую, ни безцѣльно тратить снаряды и заряды. И то, и другое придется дѣлать только въ тѣхъ случаяхъ, если граждане окажутъ сопротивленіе войскамъ или откажутся исполнять ихъ требованія. Въ такомъ случаѣ это будутъ понудительныя средства, и едва ли можно оспаривать ихъ законность и необходимость. Во время осады и бомбардированія предлагается щадить церкви, общественныя зданія, лазареты, госпитали и т. п. При цѣлности современныхъ снарядовъ, уже одна экономическая сто-

рона понудить исполнять это положеніе и направлять огонь на тактически важныя мѣста. Однако, нельзя забывать, что случаи прикрытія пороховыхъ погребовъ и слабыхъ мѣсть флагами Краснаго креста весьма не рѣдки; поэтому военачальникъ сдѣлалъ бы ошибку, слѣпо довѣряя значкамъ, выставленнымъ осажденными. Что касается производства самой атаки или штурма, то, конечно, именно въ этихъ случаяхъ будетъ примѣняться средство, запрещаемое § 13 протокола,—а именно объявленіе о недачѣ никому пощады. При штурмѣ крѣпости, угроза никому не дать пощады едва ли понудитъ войска къ сдачѣ. Скорѣе, напротивъ, оно повлечетъ отчаянное сопротивленіе. Не то въ укрѣпленныхъ городахъ, гдѣ многочисленные горожане могутъ обусловить тотъ или иной поступокъ гарнизона.

Если поставить ихъ въ извѣстность, что сдача до штурма сохранить имъ жизнь и имущество, то это можетъ повлечь сдачу города безъ кровопролитнаго и дорого стоящаго штурма. Конечно, угрозы надо дать самое широкое распространеніе не только въ осажденномъ городѣ, но и по всей окрестности, чтобы слѣдующій городъ, подвергнутый осадѣ, зналъ объ угрожающей участи. Надо также, чтобы онъ вѣрилъ угрозѣ, а потому надо привести ее при случаѣ въ возможно точное исполненіе. Сторонники самобытнаго международнаго права ужаснутся проповѣдуемому варварству. Но люди, которые требуютъ жизни отъ своихъ согражданъ, только тогда вправѣ взять ее, если раньше чѣмъ ее отдать, не истощать всѣхъ средствъ къ ея сохраненію, не боясь замарать руки въ потокъ непріятельской крови и услышать громкое неодобреніе своихъ враговъ. Если можно спасти жизнь одного своего солдата цѣною даже сотни непріятельскихъ жизней, — военачальникъ обязанъ это сдѣлать. Право войны настоятельно требуетъ *встѣхъ мѣръ къ увеличенію своихъ силъ сохраненіемъ жизни и здоровья своихъ солдатъ.*

Въ томъ же Брюссельскомъ протоколѣ, § 18 запрещаетъ отдачу взятаго штурмомъ города на разграбленіе. Составители протокола не пожелали взвѣсить тѣхъ страшныхъ усилій и опасностей, которые переносить штурмующіе солдаты обремененные, ободранные, зачастую лишенные долгое время не только удобствъ, но и всего необходимаго; цѣною страшныхъ страданій, физическихъ и моральныхъ, они овладѣваютъ по праву городами, въ изобиліи снабженнымъ предметами необходимости и роскоши. Надо, чтобы солдаты были ангелами, а военачальники совершенно чуждыми ихъ нуждамъ, чтобы кабинетный параграфъ приобрѣлъ живую силу. Самое слово грабежъ—неумѣстно. Тутъ нѣтъ грабежа, а есть вступленіе во владѣніе полученнымъ по праву и дѣленіе, свѣдома властей,

между совладѣльцами. Когда, послѣ взятія Магдебурга, кто-то спросилъ Тилли, не пора ли остановить солдатъ, онъ отвѣчалъ: «Приходите черезъ часъ. Солдатъ долженъ быть награжденъ». Точно также и Густавъ-Адольфъ предоставилъ во власть солдатъ Франкфуртъ, а позднѣе, на жалобы курфирста Майнцаго, отвѣчалъ: «солдатъ — не монахиня». Легко на это возразить, что солдаты идутъ на штурмъ воодушевленные лучшими чувствами патріотизма, храбрости и т. д., и примѣшивать къ нимъ чувство корысти — значитъ унижать солдата. Но если между учеными, стремящимися къ возвышеннѣйшимъ идеаламъ, исторія отмѣчаетъ лишь небольшое число такихъ, которые не извлекали бы попутно изъ этого и матеріальной выгоды, то предъявлять подобное требованіе къ миллионной арміи — едва ли справедливо.

Наиболѣе зрѣлымъ актомъ международныхъ переговоровъ является, безъ сомнѣнія, женевская конвенція 1864 года объ облегченіи участи раненыхъ. Для насъ она обладаетъ силою закона, такъ какъ руководствованіе ею предписано нашими военными постановленіями о полевомъ управленіи. Однако, и въ ней существуютъ статьи, не всегда удобныя для исполненія. Такъ, § 3 разрѣшаетъ врачебному персоналу удалаться изъ областей, занятыхъ неприятелемъ. Между тѣмъ, опытъ войнъ показываетъ, что врачебнаго персонала не хватаетъ для ухода за больными. Поэтому, казалось бы вполне справедливымъ и цѣлесообразнымъ возложить на врачей, взятыхъ въ плѣнъ или проживающихъ въ занятыхъ областяхъ, уходъ за своими ранеными соотечественниками, находящимися въ тѣхъ же условіяхъ, а въ случаѣ надежности врачей — также уходъ и за другими больными. Такъ, въ 1871 году нѣмцы, почти при всѣхъ капитуляціяхъ французскихъ войскъ, ставили условіемъ, чтобы врачи оставались при плѣнныхъ для ухода за ними. Точно также § 5 гласитъ о томъ, что жители, пріютившіе у себя раненыхъ, будутъ избавлены отъ постоа войскъ и части взимаемой контрибуціи. Конечно, если домъ обращенъ въ лазаретъ и наполненъ ранеными, то никакому воинскому начальнику не придетъ въ голову располагать своихъ людей между больными; но съ другой стороны раненые разбирались бы на расхватъ и даже съ денежной преміей, еслибы, заручившись такимъ талисманомъ, жители освобождались отъ постоа и контрибуціи. Большія помѣщенія были бы заграждены для войскъ нахожденіемъ въ нихъ двухъ легко-раненыхъ, а войска таяли бы отъ болѣзней, бивакируя подъ открытымъ небомъ.

Попытки кодификаціи законовъ войны были предпринимаемы неоднократно. Но такъ какъ они не вытекали изъ яснаго сознанія права войны, то въ нихъ всегда замѣчалось двоякое теченіе: съ одной стороны, нормы, вытекающія изъ представленія права, какъ источника, существующаго самъ по себѣ, независимо отъ силы; съ другой стороны—нормы, констатирующія фактическія явленія, устранить которыя право чувствуетъ себя безсильнымъ. Между тѣмъ, кодификація такого сложнаго явленія, какъ война, можетъ быть произведена лишь въ самой общей формѣ.

Такъ напримѣръ:

1) Война есть крайнее средство принудить самостоятельное государство подчиниться чужой волѣ, доказавъ ему свое преимущество въ силахъ.

2) Война заключается въ стремленіи уничтожить вооруженныя силы противника и эксплуатировать въ свою пользу его мирное населеніе. Цѣль эта должна быть достигнута съ наименьшими усиліями и жертвами.

3) Для этого необходимо цѣлесообразное веденіе военныхъ операцій, правильное опредѣленіе крайняго предѣла того, что можетъ дать населеніе, и умѣнье воспользоваться его настроеніемъ.

4) Излишняя и безцѣльная жестокость и уничтоженіе имущества мѣшаютъ успѣхамъ, а потому должны быть воспрещены; поэтому дѣятельности Краснаго креста должно быть оказываемо покровительство, поскольку это не вредитъ военнымъ операціямъ.

5) Надлежитъ принимать всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать противнику увеличивать свои силы.

6) Сохраненіе внутреннего порядка въ войскахъ должно служить предметомъ особой заботливости.

Только развивая эти нормы, органически входящія въ понятіе права войны, можно создать стройный и справедливый кодексъ. Представители же международнаго права идутъ зачастую по ложному пути. Эти юристы предполагаютъ существованіе какого-то особаго права безъ матерьяльной силы, которое можетъ создать юридическія нормы *помимо государства*. Они приравниваютъ международное право къ гражданскому, предполагая, что нормы гражданского права имѣютъ самобытное значеніе и безъ государственной власти. Но не потому государственная власть ограждаетъ законныя дѣйствія частныхъ лицъ, что они согласны съ гражданскими нормами, а сами гражданскія нормы создаются потому, что извѣстные поступки защищаются государственною властью. Забвеніе того, что государство есть альфа и омега общественнаго порядка, простирается до того, что нѣкоторые юристы

указываютъ на случай, когда по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ выдавать своихъ подданныхъ со своей территоріи на уголовный судъ иностранной державѣ. Такой же беспочвенный космополитизмъ заставляетъ г. Мартенса съ большою симпатіей относиться къ тѣмъ, для кого территоріальныя границы являются лишь тормозомъ, препятствующимъ сближенію народовъ» (?).

Подобный космополитизмъ, широко разливается среди людей въ долгіе годы мира и заставляетъ ихъ забывать о значеніи и правахъ государства, блага котораго также не сознаются, какъ не сознается благо пользованія воздухомъ и другой привычной средой. Громъ войны заставляетъ очнуться отъ заманчиваго космополитизма, сознать себя гражданиномъ извѣстнаго государства, незначительной величиной, которая существуетъ не для себя одной;— и въ этомъ состоитъ нравственное значеніе войны.

•
А. Зыковъ.

ДВѢ ВСТРѢЧИ СЪ А. И. ГЕРЦЕНОМЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній) ¹⁾.

XI.

Герценъ говорилъ о себѣ, что въ своей жизни онъ «пуще всѣхъ печалей» боялся *мезальянсовъ* всякаго рода; всегда допускалъ ихъ частію по излишней гуманности, частію по небрежности, и всегда, первый, страдалъ отъ нихъ. Такимъ «мезальянсомъ», — т. е. противоестественнымъ союзомъ, не имѣющимъ подъ собою прочной почвы, — и являлось его случайное, вынужденное обстоятельствами, сближеніе съ нашими эмигрантами особаго — полунигилистическаго, полукрѣпостническаго — типа. Немудрено было предвидѣть, что новыя связи долго не продержатся, что рано или поздно они разорвутся и что этотъ разрывъ, — особенно взявъ въ расчетъ диковатый характеръ новыхъ пришельцевъ, — не обойдется безъ непріятныхъ послѣдствій. Вопросъ, на которомъ оборвались эти фальшивыя отношенія, былъ именно тотъ старый вопросъ, на которомъ лопаются всякія знакомства, сшитыя гнилыми нитками, — т. е. денежныя претензіи. Не зная съ толкомъ ни истиннаго размѣра средствъ Герцена, ни его значительныхъ затратъ на дѣло, конечно, не дававшее ему никакого куртажа, новые знакомые стали предъявлять къ нему требованія, которыя онъ не считалъ справедливымъ удовлетворять. Если онъ могъ, претерпѣвая всякія невзгоды, безъ малѣйшей поддержки, вести лѣтъ пятнадцать свою издательскую дѣятельность за границей, то онъ могъ это сдѣлать, только налагая мѣру на другія свои траты и не бросая денегъ на вѣтеръ. Основной фондъ

¹⁾ См. «Наблюдатель» №№ 2 и 3.

его состоянія заключался въ тѣхъ двухъ стахъ тысячахъ рублей, за которыя онъ заложилъ, передъ выѣздомъ за границу, свои имѣнія въ московскомъ ломбардѣ и получилъ эту сумму ломбардными билетами. Но, въ виду его недозволеннаго исчезновенія за границу, на эти билеты былъ наложенъ запретъ, и Герценъ могъ реализовать ихъ только при содѣйствіи банкирской фирмы Ротшильда, который угрожалъ, въ случаѣ неплаты, объявить русское правительство, на всѣхъ европейскихкихъ биржахъ, несостоятельнымъ должникомъ. Угроза подѣйствовала, и отсюда началось доброе расположеніе биржеваго колосса къ русскому изгнаннику. Герценъ, по своей обыкновенной шутиливой манерѣ, говорилъ даже лондонскому Ротшильду, что тотъ видитъ въ немъ свое «финансовое Ватерлоо» и поэтому оказываетъ ему содѣйствіе, въ нужныхъ случаяхъ, при покупкѣ и продажѣ цѣнныхъ бумагъ. Но биржевымъ игрокомъ Герценъ никогда не былъ; отъ изданій же наживались только комисіонеры, а не онъ самъ, такъ что по смерти Александра Ивановича его состояніе едва ли много превзошло ту цифру, въ которой опредѣлилось оно на первыхъ же его шагахъ за границею.

Но «штурманы будущей русской бури» взглянули на дѣло иначе. Они находили, что все дѣлаемое Герценомъ очень мало, что можно было бы сдѣлать гораздо больше, и съ напускнымъ негодованіемъ смотрѣли на человѣка, «прикидывающагося социалистомъ» и не желающаго раздавать *на дуванъ* свое состояніе людямъ, не умѣющимъ работать, но весьма алчнымъ до чужихъ денегъ. Особенно разгорѣлись ихъ аппетиты, когда они узнали, что у Герцена лежитъ въ депозитѣ почти что *res nullius*—кругленькая сумма, возросшая съ процентами до 30,000 руб. серебромъ. Происхожденіе этой суммы весьма любопытно, какъ замѣчательный эпизодъ тогдашняго «умоначертанія» въ нѣкоторой части русской молодежи.

Въ 1858 г. А. И. Герценъ, жившій въ Лондонѣ, получилъ какъ-то утромъ коротенькую записку отъ незнакомаго русскаго, который изъявлялъ желаніе его видѣть и просилъ назначить для того время. Герценъ отправлялся изъ своего предмѣстья въ Лондонъ и, вмѣсто письменнаго отвѣта, зашелъ самъ въ отель, гдѣ остановился незнакомецъ. Это былъ молодой человекъ (по фамиліи Бахметевъ) съ видомъ кадета, застѣнчивый,

очень невеселый и неразговорчивый. Видъ кадета не мѣшалъ ему, однако, питать крайне энергичные замыслы—обосновать новую цивилизацію на полудикихъ Маркизскихъ островахъ, уложивъ на это дѣло какой-то наслѣдственный капиталъ. Но не весь этотъ капиталъ предназначался для устройства колоніи «на соціальныхъ основаніяхъ», и значительная часть его была предоставлена Бахметевымъ въ распоряженіе Герцена и Огарева—на нужды русской типографіи. Вотъ изъ-за этого-то неожиданнаго приношенія отъ какого-то таинственнаго энтузіаста (о дальнѣйшей судьбѣ Бахметева и до сихъ поръ ничего неизвѣстно) и загорѣлся сырѣ-боръ между русскими эмигрантами ¹⁾...

Въ Россіи—по словамъ Герцена—долго никто и не зналъ объ этомъ приношеніи; потомъ пошли довольно смутные слухи, благодаря нескромности двухъ-трехъ пріятелей, которымъ А. И. рассказалъ всю эту исторію; наконецъ, охочіе люди пронюхали досконально, что деньги, дѣйствительно, «плохо лежатъ» (по ихъ мнѣнію) въ Лондонѣ. Вѣсть эта пала какимъ-то яблокомъ искушенія, какимъ-то хроническимъ возбужденіемъ и ферментомъ. Оказалось, что именно эти безхозяйныя деньги нужны всѣмъ (кому для посылки эмисаровъ на Волгу, кому—въ Одессу и т. д.), а Герценъ упорно ихъ не давалъ, справедливо полагая, что молодой фантазеръ-утопистъ, вернувшись нищимъ изъ дальнихъ странствій, могъ потребовать ихъ обратно отъ хранителя. «Мнѣ не могли простить—говорилъ Герценъ,—что я не потерялъ всего своего состоянія, а тутъ у меня депо, данное для «пропаганды»!.. А кто же пропаганда, какъ не они? Сумма вскорѣ выросла изъ скромныхъ франковъ въ *рубли серебромъ* и дразнила еще больше желавшихъ сгубить ее *частно* на «общее дѣло». Негодовали на Бахметева, что онъ мнѣ деньги ввѣрилъ; самые смѣлые утверждали, что это съ его стороны была ошибка; что онъ, дѣйствительно, хотѣлъ ихъ отдать не мнѣ, а одному петербургскому кружку, и что, не зная, какъ это сдѣлать, отдалъ въ Лондонѣ мнѣ. Отважность въ этихъ сужденіяхъ была тѣмъ замѣчательнѣе, что о

¹⁾ Забавныя подробности объ этомъ пожертвованіи, блестящія тонкимъ художественнымъ юморомъ, можно найти въ «Сборникѣ посмертныхъ сочиненій», въ статьѣ: «Общій фондъ».

фамилии Бахметева ¹⁾ также никто не слыхалъ, какъ объ его существованіи, и что онъ о своемъ предположеніи ни съ кѣмъ не говорилъ до своего отъѣзда, а послѣ его отъѣзда—съ нимъ никто не говорилъ... Я рѣшительно денегъ не давалъ, и пусть требовавшіе ихъ сами скажутъ, гдѣ онѣ были бы, еслибы я далъ ихъ... «Старѣеть и становится скупъ», говорили обо мнѣ на разные тоны самые рѣшительные и свирѣпые. «Да что на него смотрѣть? взять у него деньги, да и basta!»—прибавляли еще болѣе рѣшительные и свирѣпые. — «А будетъ упираться, мы его такъ продернемъ въ журналахъ, что будетъ помнить, какъ задерживать чужія деньги». Денегъ я не далъ. Въ журналахъ они не продергивали. Ругательства въ печати являются гораздо позже, но тоже изъ-за денегъ... Эти «болѣе свирѣпые», о которыхъ я сказалъ, были тѣ угловатые и шершавые представители «новаго поколѣнія», которыхъ можно назвать Собакевичами и Ноздревыми нигилизма».

Немало, однако, минутъ въ его—и безъ того не сладкой—жизни отравили А. И. Герцену эти Собакевичи и Ноздревы, вынесшіе съ собою за границу только однѣ болячки и родимыя пятна своей прежней жизненной обстановки. Говорилъ онъ объ нихъ часто и съ особенной горечью, выражая надежду только на то, что за бортъ Россіи выброшены на этотъ разъ далеко не лучшія силы и что въ глубинѣ нашего отечества, среди его молодаго поколѣнія, таятся честные и добросовѣстные труженики, хотя и устранившіеся отъ слишкомъ бойкаго участія въ вопросахъ дня, но посвятившіе себя или серьезному изученію науки, или энергической дѣятельности,—хотя бы въ самыхъ скромныхъ границахъ,—на пользу народа и общества.

«Заносчивые юноши», о которыхъ онъ рассказывалъ мнѣ уморительные анекдоты, представляли собой, по его мнѣнію, только временный неудачный типъ, переходную форму «болѣзни развитія», выпедшаго изъ прежняго застоя. Это не были законныя дѣти новаго періода русской политической и общественной жизни, но скорѣе отпрыски старыхъ поколѣній, только принявшіе новую современную форму.

¹⁾ Впослѣдствіи только, однофамилецъ его проявился въ редакціи «Русской Мысли», и по уголовному дѣлу попалъ въ мѣста отдаленныя.

Большую частію эти юноши (которыхъ Герценъ, конечно, не смѣшивалъ съ серьезными, талантливыми представителями новой исторической эпохи) не имѣли той выправки, которую даетъ воспитаніе, и той выдержки, которая пріобрѣтается научными занятіями. Они торопились, въ первомъ задорѣ освобожденія, сбросить съ себя всѣ «условныя формы» и оттолкнуть «всѣ каучуковыя подушки, мѣшающія жесткимъ столкновеніямъ». Это затрудняло всѣ простѣйшія житейскія отношенія съ ними.

«Снимая съ себя все до послѣдняго клочка, наши *enfants terribles*—по меткой характеристикѣ Герцена—гордо являлись, какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебелыми парнями, а наслѣдниками дурной, нездоровой жизни петербургскихъ слоевъ. Въмѣсто атлетическихъ мышцъ и юной наготы, обнаружилились печальные слѣды наслѣдственнаго худосочія, слѣды застарѣлыхъ явъ и разнаго рода колодокъ и ошейниковъ. Изъ народа было мало выходцевъ между ними. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, *перегнувшись въ противоположное*, сохранились въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. На это, сколько мнѣ извѣстно, не обращали у насъ должнаго вниманія. Съ одной стороны, реакція противъ стараго, узкаго, давившаго міра должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всяческое отрицаніе враждебной среды:—тутъ нечего искать ни мѣры, ни справедливости. Напротивъ, тутъ дѣлается на зло, тутъ дѣлается въ отместку. *Вы—лицемѣры; мы будемъ циниками*; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ злодѣями; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, *мы будемъ грубы со всѣми*; вы кланяетесь, не уважая, *мы будемъ толкаться, не извиняясь*; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь поставимъ себѣ *попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ points d'honneur* овъ. Но, съ другой стороны, эта, отрѣшенная отъ обыкновенныхъ формъ общежителства, личность была полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасывая съ себя всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ гоголевскаго Пѣтуха, и притомъ не сохраняя позы Венеры Медицейской. *Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они...* Она раскрыла, что ихъ системати-

ческа я неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣетъ ничего общаго съ неоскорбительной, простодушной грубостью крестьянина и очень много — съ приемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ также мало счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мур-молкахъ. Для него они остались чужимъ, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, захудалыми баричами, строкулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ».

«Для полной свободы — такъ заканчивалъ Герценъ свою характеристику нашихъ одностороннихъ свободолюбцевъ — надобно забыть и свое освобожденіе, и то, изъ чего освободились; бросить привычки среды, изъ которой выросли. Пока этого не сдѣлано, мы невольно узнаемъ переднюю, казарму, канцелярію и семинарію по каждому ихъ движенію и по каждому слову. Бить въ розжу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть Стюарта-Миля ра-кальей, забывая всю службу его, — развѣ это не барская замашка, которая «старога Гаврила, за измятое жабо, хлещетъ въ усь да въ рыло»? Развѣ въ этой и подобныхъ же выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника или становаго, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не видите ясно дерзость старой офицерщины, а въ людяхъ, говорящихъ съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ, — внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго «дать фельдфебеля въ Волтеры»? Самая проказа взятокъ уцѣпля въ вымогательствѣ денегъ нахрапомъ, съ пристрастіемъ и угрозами, подъ предлогомъ «общихъ дѣлъ», въ поползновеніи кормиться на счетъ службы и мститъ клеветами и клеветами за отказъ».

XII.

Когда у меня заходила рѣчь съ Герценомъ о нашихъ «дантистахъ нигилизма и базаровской безпардонной вольницы», онъ, при всей своей обычной деликатности и снисходительности къ недостаткамъ молодежи, не могъ удержаться отъ сильныхъ выраженій и саркастически подчеркивалъ нѣкоторые эпизоды изъ своихъ сношеній съ этими «дантистами». Отъ него

я узналъ, напимѣръ, что одинъ изъ нашихъ эмигрантовъ, еврейскаго происхожденія, весьма недовольный всѣми извѣстными трудами по исторіи первой французской революціи, собирался затмить ихъ своею работою in spe и уличить въ недостатокъ революціонной прямолинейности даже самого Робеспьера. Внѣшняя неотесанность нашихъ бунтарей, ихъ отчасти напускная манера «толкаться, не извиняясь», и «попирать всѣ приличія» — не менѣе ихъ безграничнаго самохвальства коробила гостепримнаго хозяина, и онъ въ шутовскомъ настроеніи рассказывалъ мнѣ, какъ одинъ изъ его русскихъ посѣтителей ухитрился поднять ноги выше спинки того кресла, на которомъ сидѣлъ развалясь, и какъ онъ же оплевалъ при этомъ всю ближайшую стѣну чуть не до потолка. «И откуда только онъ набралъ столько слюны?» — недоумѣвающимъ тономъ заканчивалъ Герценъ свой рассказъ. — «Точно его цѣлый мѣсяцъ кормили соленой треской не первой свѣжести»...

Я сказалъ выше объ одномъ эмигрантѣ еврейской расы, который собирался, — впрочемъ, безуспѣшно, — удивить міръ новой исторіей французской революціи; но ни этого, ни другихъ сыновъ израиля я не встрѣчалъ у Герцена и вообще не слыхалъ отъ него ни единого сочувственнаго къ нимъ слова. Напротивъ, всегдашній врагъ эксплуататоровъ труда и всякихъ паразитовъ, посредниковъ между производителемъ и потребителемъ, Герценъ и къ еврейству, — уже опредѣлившему свою общественную функцію въ этомъ именно смыслѣ, — относился съ той же точки зрѣнія какъ и Прудонъ, замѣтившій вредную роль евреевъ въ исторіи Польши. Въ то время еврейскій кагалъ еще не выпускалъ своихъ когтей и никто не ваялся бы предсказать для Франціи возможность «дрейфусіады»; но общее направленіе экономической и общественной дѣятельности евреевъ уже было намѣчено съ достаточною, для проницательнаго ума, ясностью. Къ общей принципиальной враждѣ противъ эксплуатаціи у Герцена присоединялось въ данномъ случаѣ и какое-то инстинктивное нерасположеніе къ духовному и нравственному типу еврейскаго племени. «Клопъ, конечно, не виноватъ, что онъ скверно пахнетъ, и я не провоцирую противъ него ни суда божьяго, ни суда человѣческаго; но вѣдь и я тоже не виноватъ, что не люблю этого специфическаго аромата», — говорилъ Герценъ, въ объясненіе того, что въ числѣ его сотрудниковъ и близкихъ людей

не было ни одного жида ¹⁾). И евреямъ не нравилось его глубокое, органически-національное чувство, какъ не нравилось оно и русскимъ, тяготѣвшимъ въ сторону безличнаго и безнароднаго космополитизма. Тургеневъ, поддававшійся, какими-то пароксизмами, космополитическому вліянію, сильно нападалъ на Герцена, въ одномъ изъ своихъ писемъ, за его идеалистическую *этуру* въ великую будущность русскаго народа. Но А. И., — какъ я говорилъ уже, — строго и непреклонно держалъ свое русское знамя во всѣхъ сношеніяхъ съ иностранцами и инородцами. Національный духъ Пушкина, — котораго Герценъ ставилъ превыше всѣхъ русскихъ поэтовъ, — почилъ яркимъ отблескомъ и на немъ самомъ. Не только въ общемъ національномъ колоритѣ его творчества, но даже и въ самыхъ политическихъ воззрѣніяхъ Герцена, приведенныхъ нами выше, замѣчается та же широта многообъемлющаго ума и то же отвращеніе къ узенькимъ политическимъ шаблонамъ, которыя выразились въ извѣстной исповѣди Пушкина: «Недорого цѣню я громкія права» и пр. Читая смѣлыя нападки Герцена на современный ему политическій и общественный строй Европы, невольно вспоминаешь высокій идеаль Пушкина:

« ... для власти, для ливреи

Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи...

Вотъ счастье, вотъ права!

Понятно, что и въ сношеніяхъ Герцена съ «дантистами нигилизма» яблокомъ раздора послужило, между прочимъ, и ихъ грубо-невѣжественное пренебреженіе къ могучей силѣ нашего перваго національнаго поэта.

Было бы несправедливо сказать, что, въ невольномъ изгнаніи Герцена, его только и окружали неудачные представители молодаго поколѣнія, самозванно присвоившіе себѣ право говорить отъ имени цѣлой Россіи, тогда какъ въ сущности они представляли собой мелкіе побѣги петербургской канцелярщины и петербургскаго разночинства. До польской смуты въ

¹⁾ Примазывая къ своему племени каждаго крупнаго дѣятеля, евреи вздумали было распустить слухъ, что мать Герцена была еврейка; но этотъ вздоръ опровергался при первомъ же взглядѣ на личность А. И., съ типичными чертами не только русскаго человѣка, но, въ частности, и москвича. Къ тому же, изъ печатныхъ воспоминаній Герцена видно, что его мать, чистокровная вѣмка, посѣщала въ Москвѣ „кирху“ (по выговору дворовыхъ людей Яковлева) а отнюдь не синагогу.

особенности, скромный заграничный приют Герцена посѣщался всѣми лучшими представителями русскаго передоваго общества, начиная съ самыхъ верхнихъ его слоевъ. Я слышалъ отъ него, что одно изъ высокопоставленныхъ лицъ, не имѣя возможности вступать съ нимъ въ непосредственныя, открытыя сношенія, весьма интересовалось увидѣть его лично, — и для этого извѣстный фотографъ Левицкій, имѣвшій тогда свою студию въ Парижѣ, устроилъ Герцену художественный сеансъ, такъ чтобы высокій посѣтитель могъ хорошо видѣть и рассмотреть всю его фигуру. Болѣе скромно поставленные люди искали и личнаго съ нимъ знакомства: одни съ цѣлью сообщить ему точныя свѣдѣнія о ходѣ нашихъ внутреннихъ дѣлъ, другіе — въ надеждѣ услышать его вѣское мнѣніе о томъ или другомъ крупномъ событіи, или о новомъ направленіи нашей внутренней и внѣшней политики.

Въ числѣ этихъ людей не послѣднее мѣсто занимали и представители тогдашняго славянофильскаго лагеря. Къ Герцену питали симпатію И. С. Аксаковъ, Ю. Э. Самаринъ и князь В. А. Черкасскій, не смотря на разногласіе по многимъ важнымъ вопросамъ. М. П. Погодинъ, въ одну изъ своихъ встрѣчъ съ Герценомъ, гдѣ-то (не помню хорошенько) на «виноградномъ лѣченіи», поднялъ даже вопросъ о возможности его возвращенія въ Россію, — вопросъ, всегда болѣвшій въ глубинѣ русскаго сердца. Сцену встрѣчи Герценъ рассказывалъ мнѣ со своимъ обычнымъ — добродушнымъ и образнымъ — юморомъ... «Вижу: идетъ на меня, съ распростертыми объятіями, какой-то ветхій денный старецъ съ виноградными косточками въ бородѣ, — точь въ точь патріархъ Ной, только что возставшій отъ сна послѣ неумѣренной дозы забродившаго винограда. Слово за слово, вспомнили мы съ нимъ московскую старину и общихъ знакомыхъ; а затѣмъ онъ сдѣлалъ скачокъ — къ возможности моего возвращенія, лишь бы только хорошо подготовить почву. Для подготовленія этой почвы онъ предлагалъ мнѣ написать правдивую, не въ партійномъ духѣ, исторію первой французской революціи и посвятить ее государю. Этимъ я построилъ бы себѣ мостъ для перехода *съ того берега*».

Герценъ отказался отъ этой постройки, опасаясь, что ему могли бы навязать совсѣмъ не подходящій архитектурный планъ... Но попытки возвратить его въ Россію шли не съ одной этой стороны. А. И. говорилъ мнѣ, что къ этой мысли

склонялся еще раньше и графъ В. Н. Панинъ, находившій, что *критическій* умъ Герцена могъ бы принести большую пользу въ кругу обязанностей статсъ-секретаря государственнаго совѣта, при докладѣ и обсужденіи различныхъ министерскихъ проэктовъ. Впослѣдствіи, уже состоя на службѣ въ государственномъ совѣтѣ, я слышалъ намеки на ту же попытку Панина отъ нѣкоторыхъ статсъ-секретарей и членовъ совѣта. Чтò личность Герцена весьма интересовала собой наши тогдашнія государственныя сферы, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; рядомъ со строгимъ осужденіемъ, слышались и восторженныя ему похвалы, смотря по тому, къ какому лагерю принадлежали «цѣнители и судьи». По возвращеніи въ Петербургъ въ 1869 г., мнѣ самому пришлось удовлетворять любопытство разныхъ высокопоставленныхъ особъ по части отношеній Герцена къ позднѣйшей русской эмиграціи. Толки о его реабилитаціи не прекращались и, доживи онъ до того времени, когда національно-прогрессивному направленію отведено было законное мѣсто въ русской жизни, эти толки могли бы перейти и въ дѣйствительность, не требуя отъ Герцена никакихъ особенныхъ, а тѣмъ болѣе унизительныхъ, жертвъ...

Кромѣ «Писемъ къ старому товарищу», мнѣ пришлось выслушать въ чтеніи Герцена и необыкновенно талантливый, художественный очеркъ «Умирающій», въ которомъ авторъ свелъ, такъ сказать, на одну ставку представителей двухъ французскихъ эпохъ: 1789 и 1848 гг. Разказчикомъ, по любимой манерѣ Герцена, является докторъ, и мастерски обрисовываетъ какъ стараго революціонера, фанатически преданнаго своимъ убѣжденіямъ, такъ и его сына, типическаго французскаго буржуа, умѣющаго примѣниться ко всякой политической обстановкѣ и соблудности свой житейскій интересъ. Симпатіи доктора принадлежать первому типу, и въ его словахъ просвѣчиваетъ основной взглядъ Герцена, по которому общественный прогрессъ опредѣляется вовсе не позднѣйшею хронологическою датой («за выслугу лѣтъ»), а высокимъ подъемомъ духа въ разные историческіе моменты, за которыми часто слѣдуетъ полоса маразма и нравственнаго измельчанія молодыхъ поколѣній.

«Я ставлю ихъ (французскихъ стариковъ конца XVIII вѣка)—говоритъ докторъ—ужасно высоко. Такихъ людей больше нѣтъ. *Должно быть, на людей бываетъ урожай, какъ на вино-*

градъ. Кажется, условія тѣ же, а одинъ годъ изъ десяти вино лучше — говорятъ, отъ кометы. Въ Англіи комета на людей была во время Кромвеля; а у насъ—въ концѣ XVIII вѣка. И замѣтите, что люди этихъ двухъ сгус похожи другъ на друга, Пуритане, доканчивавшіе свой вѣкъ въ Швейцаріи и Голландіи. сильно сбивались на старыхъ якобинцевъ; только одни все говорили по Исаію и Езекилю, а другіе — по Тациту и Плутарху. Въ началѣ нашей практики, стариковъ было еще много; теперь чуть ли не всѣ ушли, да и пора: новая Франція — для нихъ чужая. Они страдали, были въ тягость другимъ, были просто не на мѣстѣ. *Дѣло въ томъ, что они въ сущности были моложе внучатъ.* Тѣ все учили ихъ умуразуму, а старики учились дурно. Какъ сохранили эти люди свѣжесть души, своего рода наивность и вѣру?—Это потерянный секретъ. Я, бывало, смотрю и дивлюсь, какъ сѣдой, пожелтѣлый старикъ едва двигаетъ ноги, а туда же, какъ влюбленный мальчикъ, *хранитъ свою святыню*, имѣетъ свои завѣтныя слова, отъ которыхъ, въ семьдесятъ, въ восемьдесятъ лѣтъ, ихъ глаза горятъ и голосъ дрожитъ. Привычные утописты, они вѣрили въ свой практическій смыслъ, а, отдавши все общему дѣлу, серьезно считали себя эгоистами. Ихъ жиденькіе наслѣдники скучали съ ними; думали, что они позируютъ; а *этотъ поднятый тонъ происходилъ просто отъ того, что душа была поднята* и привыкла гордо хранить свое убѣжденіе въ тяжелое время».

Наоборотъ, сынъ стараго Ральера, — свято сохранявшаго, какъ реликвию, табакерку Рома и шейный платокъ Гужона, — не имѣлъ въ жизни ничего дорогаго и завѣтнаго, и плылъ себѣ по теченію, не проводя въ жизнь никакихъ собственныхъ, дорогихъ и выстраданныхъ, идей. «Исидоръ былъ не глупый, не злой человекъ, даже либеральничалъ, но при этомъ онъ все же былъ больше нотаріусъ, чѣмъ чтонибудь другое. Ему и въ голову не приходило становиться на дорогѣ реакціи: онъ сторонился передъ ней, пожимая плечами и предоставляя исторіи выработываться самой, какъ знаетъ». Всего болѣе Исидоръ боялся, чтобы старикъ-отецъ, своимъ неумѣреннымъ образомъ мыслей, какънибудь не скомпрометировалъ его предъ буржуазной клиентеллой — и поэтому старался, хотя передъ смертью, хотя бы формально и обманомъ, пріобщить его къ католичес-

ской церкви... Эта коллизія двухъ противоположныхъ типовъ превосходна по своему глубоко-художественному замыслу, и я до сихъ поръ сохранилъ въ себѣ ея поразительное впечатлѣніе.

Въ особенности хорошъ предсмертный разговоръ съ докторомъ стараго революціонера, опасющагося, какъ бы, въ моментъ безпамятства, къ его смертному одру соболѣзнующая невѣстка не подпустила «чернаго таракана» (католическаго аббата), чтобы «sauver les apparences» въ глазахъ всѣхъ кліентовъ своего мужа и добиться похоронъ старика съ должною церемоніей...

XIII.

Въ числѣ посѣтителей Герцена, за время моего пребыванія въ Брюсселѣ, я встрѣчалъ у него, между прочимъ, князя ПIANCHINI (итальянскаго депутата и почитателя Гарибальди), а также француза Фонтэна, фигурировавшаго потомъ, на короткій срокъ, въ роли министра публичныхъ работъ при господствѣ французской коммуны. Я живо помню споръ, возгорѣвшійся между Фонтэномъ и его собесѣдникомъ г. И. (впоследствии попавшимъ въ Россію въ качествѣ преподавателя французскаго языка при одной изъ военныхъ гимназій), въ присутствіи Герцена. Фонтэнъ былъ чистокровный якобинецъ по своимъ убѣжденіямъ, а г. И. примыкалъ къ социалистическому лагерю и относился съ нѣкоторымъ преувеличеннымъ пренебреженіемъ ко всякимъ чисто-политическимъ вопросамъ. Къ Робеспьеру онъ относился, поэтому, свысока и третировалъ его, какъ зауряднаго «буржуа». Въ отвѣтъ на заступничество Фонтэна, указывавшаго на то, что въ Робеспьерѣ было всего меньше буржуазныхъ наклонностей, и что онъ былъ самоотверженный человекъ въ очень опредѣленномъ смыслѣ, И. нашелся только буркнуть что-то въ родѣ: «Et pourtant il a *bien tangé*». На это Фонтэнъ побѣдоносно отвѣчалъ: «Нѣтъ, онъ часто совсѣмъ забывалъ объ обѣдѣ и ежеминутно дрожалъ надъ судьбою Франціи». При этихъ словахъ, Герценъ, хотя не принадлежавшій къ апологетамъ Робеспьера, но и не раздѣлявшій узко-экономической постановки вопросовъ социалистами, одобрительно толкнулъ меня локтемъ и тихо проговорилъ на ухо: «А вѣдь *фонтанъ* дѣло прожурчалъ. Нельзя сводить къ одному брюху всего социализма». И самъ Герценъ, дѣйствительно, не сводилъ къ «единому хлѣбу» громадной социальной задачи,

отнюдь не желая, по его словамъ, превратить весь міръ въ скучную мастерскую, которой вся выгода будетъ состоять въ одномъ пропитаніи—и *только въ пропитаніи!* «Но этого и не будетъ—предсказывалъ онъ.—Человѣчество во всё времена, сама худшія, показывало, что у него больше потребностей и больше силъ, чѣмъ надобно на одно завоеваніе жизни; развитіе не можетъ ихъ заглушить».

Срокъ моего отпуска приходилъ къ концу, и я долженъ былъ собираться въ путь, такъ какъ, кромѣ Брюсселя, мнѣ хотѣлось еще посѣтить и Парижъ. На прощанье Герценъ устроилъ обѣдъ въ отдѣльномъ помѣщеніи ресторана и приложилъ особое стараніе къ составленію меню: прощальный фестиваль совпадалъ, помнится, съ днемъ рожденія Лизы. Хлѣбосольный москвичъ сказался тутъ въ полной мѣрѣ, и самый требовательный гость могъ бы остаться доволенъ его кулинарнымъ выборомъ. Одинъ изъ нашихъ эмигрантовъ (А. Серно-Соловьевичъ) находилъ даже возможнымъ обвинять Герцена въ сибаритствѣ за то, что онъ не отказывался, по временамъ, отъ бутылки шампанскаго и не замѣнялъ его простымъ пивомъ. Не скажу, однако, чтобы Герценъ злоупотреблялъ «спиртными напитками», по крайней мѣрѣ, въ томъ возрастѣ, въ которомъ я съ нимъ встрѣтился (ему уже было тогда около 60-ти лѣтъ); для него они служили только возбуждающимъ ферментомъ въ дружеской бесѣдѣ, и хотя послѣ сытнаго обѣда съ возліяніями онъ чувствовалъ себя «нѣсколько аффесированнымъ», но блескъ его ума и занимательность разговора нисколько не страдали отъ этого.

Прощались мы съ необыкновенной сердечностью. «Спасибо вамъ—говорилъ онъ растроганнымъ, дрогнувшимъ голосомъ:—вы такъ *добро*, такъ открыто и честно посѣтили меня... тепломъ пахло съ родной земли. Мое положеніе здѣсь тяжело... я живу этимъ участіемъ».

Разставаясь въ Брюсселѣ, мы условились съ Герценомъ повидаться еще и въ Парижѣ, куда ему только что разрѣшенъ былъ доступъ правительствомъ Наполеона III. На этотъ разъ мы остановились не въ одномъ отелѣ, какъ въ Женевѣ въ 1868 г., а въ двухъ, не особенно далекихъ другъ отъ друга: онъ—въ Hôtel du Louvre, я—въ Hôtel des Etrangers. Тѣмъ не менѣе, видѣлись мы каждый день, и у меня сохраняется одна изъ многихъ его коротенькихъ записокъ, помѣченная 21-мъ августа

1869 г.: «Я васъ жду отъ половины 7 до 7—и въ своемъ 169 № Получилъ отъ В. милое письмо».

XIV.

Въ Парижѣ, въ это время, существовалъ въ Елисейскихъ поляхъ особый ресторанъ, угощавшій своихъ посѣтителей русскими блюдами. Въ его меню стояли: и *bitki*, и *les gazstegai*, и *les tschu*, и *le sachà*. Желая тряхнуть стариной въ русской компаніи, Александръ Ивановичъ увлекъ меня въ этотъ ресторанъ и, уже окончивъ обѣдъ, мы долго просидѣли тамъ въ интимной бесѣдѣ. Мимо насъ часто шмыгала довольно смазливая молодая француженка съ замѣтно обрисовывавшейся маленькой родинкой на правой щекѣ. Герценъ обратилъ на нее вниманіе.

— Посмотрите, какъ насъ оглядываютъ, точно въ музеѣ рѣдкостей. Красавица *котируетъ* про себя и вашу молодость, и мою солидность. Но прошу васъ не забывать, что нынѣшній Парижъ—не тотъ, какимъ онъ былъ въ оны дни. Когда-то гризетки увлекали юношей своей простотой, нетребовательностью и крѣпкой привязанностью. Нынѣ обо всемъ этомъ ходятъ только преданія. Пѣсни Беранжэ можно положить на полку да, пожалуй, и не трогать ихъ... Я помню прежній типъ: «Лацерта гетевскихъ элегій, дитя въ какомъ-то безсознательномъ чаду». Но эта завсегдательница ресторановъ знаетъ только одну любовь — къ хорошему обѣду или ужину. Она знаетъ цѣну только себѣ, своей миловидности, — и вотъ эта самая родинка будетъ поставлена въ счетъ любителю. *Femshipien* вытѣснила уже прежнюю Лацерту...

Отъ французскихъ женщинъ разговоръ естественно перешелъ къ усиливавшемуся тогда женскому движенію въ Россіи. Вполнѣ сочувствуя принципиальной сторонѣ этого движенія—исканію свѣта, истины и осмысленной общественной жизни, — Герценъ иронически отмѣчалъ тѣ «болѣзни роста», которыя обнаруживались у насъ не въ одной мужской, но и въ женской половинѣ тогдашняго молодого поколѣнія. Чтобы нѣсколько разсвѣяться отъ «проклятыхъ вопросовъ», мы закончили вечеръ въ какомъ-то *café-concert* въ тѣхъ же Елисейскихъ поляхъ, гдѣ какая-то «охальница» (по московскому выраженію Герцена) смѣшила насъ забавною мимикой и развеселыми шансонетками.

Извѣстный Дюваль только что открывалъ тогда въ Парижѣ свои общедоступныя столовыя, въ которыхъ, за поразительно дешевую цѣну, можно было составить по картѣ цѣлый обѣдъ. Между его посѣтителеми можно было встрѣтить и одѣтыхъ по модѣ франтовъ, и простыхъ рабочія блузы. Герценъ, вообще живо интересовавшійся всѣмъ, что могло бы принести пользу трудящимся людямъ, нѣсколько разъ посѣщалъ, вмѣстѣ со мною, эти образцовыя столовыя и даже оказывалъ особое вниманіе превосходно приготовлявшимся *cotlettes de mouton*.

Въ ту же заграничную пѣздку я собирался хоть ненадолго заѣхать въ Лондонъ изъ Остенде, и Герценъ охотно снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ г. Давыдову, совѣтнику русскаго посольства. Благодаря этой любезности, я успѣлъ осмотрѣть въ Лондонѣ многія достопримѣчательности, и провелъ пріятно около недѣли, хотя и пострадалъ, на возвратномъ пути, отъ сильнѣйшей морской болѣзни. Съ Англіей, въ то время, Герценъ уже прервалъ сношенія, но сохранилъ глубокое уваженіе къ той политической и личной свободѣ, и къ той лойяльности, которыя твердо выработались многовѣковой исторіей этой страны. Не безъ нѣкотораго умиленія, онъ рассказывалъ мнѣ слѣдующій любопытный случай. Какой-то англичанинъ, привлеченный къ суду и заочно осужденный, проживалъ преспокойно на континентѣ, не желая подвергаться заточенію въ своемъ отечествѣ. Нашелся, однако, усердный сыщикъ, который, желая угодить высшему начальству, завлекъ обманомъ бѣглеца на англійскій корабль и доставилъ недреманнымъ очамъ правосудія. Но каково же было его удивленіе, когда высшая власть не только не поощрила его стараній, но приказала освободить плѣнника, *не легально* лишеннаго свободы?! Такой случай, по мнѣнію Герцена, могъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ уваженіе къ закону вошло въ кровь и плоть народа. Это уваженіе и является палладіумомъ англійской свободы. Но, отдавая справедливость Англи, Герценъ оказывалъ предпочтеніе американскому государственному строю, въ которомъ президентъ пользуется бдльшими правами, чѣмъ короли въ строго конституціонныхъ государствахъ, и можетъ, на все время своего избранія, назначать министровъ, не спрашивая мнѣнія «парламентскаго большинства». А. Пятковскій.

К о н е ц ъ .

Сергѣй Николаевичъ Шубинскій.

С. Н. ШУБИНСКИЙ.

(Съ портретомъ).

Въ концѣ прошлаго года истекло двадцатилѣтіе со дня основанія «Историческаго Вѣстника» подъ редакціей *Сергія Николаевича Шубинскаго*, и этотъ юбилей былъ своевременно отпразднованъ въ кружкѣ друзей и сотрудниковъ уважаемаго редактора, много потрудившагося на поприщѣ изученія русской исторіи.

С. Н. Шубинскій родился въ Москвѣ 2-го іюля 1834 года, получилъ образованіе въ московскомъ дворянскомъ институтѣ (бывшемъ университетскомъ пансіонѣ), а въ 1852 г. зачислился на службу въ московское губернское правленіе. Въ 1854 г., во время крымской компаніи, онъ опредѣлился подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи гренадерскій полкъ и въ слѣдующемъ году произведенъ въ прапорщики. Въ 1860 г., по приглашенію тогдашняго кривсъ-комисара графа В. Е. Канкринна, желавшаго привлечь на службу въ комисаріатское вѣдомство молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, С. Н. перешель въ комисаріатскій департаментъ чиновникомъ особыхъ порученій, съ переименованіемъ въ поручики. Въ этомъ вѣдомствѣ, получившемъ, по соединеніи его съ провіантскимъ департаментомъ, названіе «Главнаго интендантскаго управленія», С. Н. Шубинскій и проходилъ всю свою официальную службу, удостоившись много разъ почетныхъ отличій чинами и орденами. Службу эту онъ оставилъ въ чинѣ генераль-майора.

Литературная дѣятельность его началась съ 1860 г. фельетонами въ «Русскомъ Инвалидѣ» и продолжалась въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Архивѣ», «Всемирномъ Трудѣ», «Всемирной Иллюстраціи» и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ 1875 г. С. Н. выступаетъ уже редакторомъ «Древней и Новой Россіи»,—ежемѣсячнаго иллюстрированнаго историческаго сборника, издававшася В. И. Граціанскимъ. Съ 1880 г. онъ редактируетъ издаваемый А. С. Суворинымъ историко-литературный журналъ «Историческій Вѣстникъ», пользующійся большими симпатіями русской образованной публики.

Изъ отдѣльно изданныхъ сочиненій С. Н. Шубинскаго особеннымъ успѣхомъ пользовались «Историческіе очерки и рассказы» (выдержавшіе три изданія: въ 1869, 1871 и 1893 г.г.).

Въ «Исторической портретной галереѣ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей», издаваемой А. С. Суворинымъ и редактируемой С. Н. Шубинскимъ, перу послѣдняго принадлежатъ біографіи императоровъ: Петра I, Петра II и Петра III; императрицъ: Екатерины I, Елизаветы Петровны, Елизаветы Алексѣевны; принцессы Анны Леопольдовны, герцога Бирона; графовъ: Салтыкова, Бестужева-Рюмина, Панина, К. Г. Разумовскаго, Аракчеева и др.

Всѣ изслѣдованія С. Н. Шубинскаго по новой русской исторіи отличаются замѣчательной эрудиціей, полнымъ научнымъ безпристрастіемъ и добрымъ патріотическимъ чувствомъ.

Но главной его заслугой является умѣлое и талантливое редактированіе «Историческаго Вѣстника», успѣхъ котораго между нашими читателями заслуженно и быстро растетъ съ каждымъ годомъ, чему немало способствуетъ и всѣмъ извѣстная издательская щедрость Алексѣя Сергѣевича Суворина.

Н о ч ь ю.

Въ облакахъ купаяся волнистыхъ,
Выплыль мѣсяцъ тихо и лѣнливо;
На него, смѣясь до слезъ лучистыхъ,
Разгорѣлись звѣзды прихотливо.

И на вѣтви пышной, за звѣздами,
Соловей смѣется трелью страстной,
И дрожить отъ смѣха лѣсъ вѣтвями,
Поднимая ихъ къ лазури ясной.

А внизу смѣются струйки, вторя
Всей природѣ въ тишинѣ прохладной.
Отчего жъ такъ много слезъ и горя
На душѣ больной и безотрадной?

К.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОВРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Безчинства англійскаго народа противъ сторонниковъ Трансваала. — Появленіе политическихъ пророковъ. — Воображаемый разгромъ Франціи и Россіи Англійей. — Неудачныя попытки президентовъ южно-африканскихъ республикъ кончить войну миромъ. — Наглый отвѣтъ Салисбюри на предложенія объ окончаніи войны. — Напрасныя попытки трансваальскаго народа отыскать справедливость у англичанъ. — Взятіе Блумфонте́на и чудовищная прокламація объ обезоруженіи жителей этого города и окрестностей. — Африкандеры выходятъ изъ выжидательнаго положенія. — Пораженіе англичанъ въ окрестностяхъ Блумфонте́на. — Преждевременное приглашеніе Робертсомъ представителей иностранныхъ державъ на завтракъ въ Преторію. — Параллель между нынѣшней войною и войною 1812 года. — Отзывы газетъ о положеніи бозровъ. — Отзывъ Стэда о воинственномъ задорѣ Англій. — Неудачныя попытки Робертса очернить бозровъ въ глазахъ Европы. — Откуда берутъ разрывныя пули бозровы? — Варварское обращеніе англичанъ съ военноплѣнными. — Имѣла ли право Португалія разрѣшить провозъ черезъ свой портъ англійскихъ войскъ на театръ войны? — Заигрываніе англичанъ съ ирландцами. — Удовлетворятся ли ирландцы однимъ «трилистникомъ»? — Дрейфусистская гидра вновь поднимаетъ голову. — Возрожденіе націонализма и укрѣпленіе антисемитизма во Франціи.]

На югѣ Африки война продолжается съ еще ббольшимъ ожесточеніемъ. Англичане, упоенные побѣдой, ведутъ теперь войну съ цѣлью окончательно покорить и поработить доблестныхъ бозровъ.

Англійскій народъ просто обезумѣлъ. Въ Лондонѣ, — въ самомъ сердцѣ высоко культурной страны, — не только чернь, но и интеллигенція неистовствуетъ. Собравшихся на митингъ, созданный Стэдомъ, избиваетъ и калячитъ воинствующая англійская чернь. На Смитфильдскомъ рынкѣ англичане бьютъ мясниковъ-голландцевъ; въ Ковентгарденскомъ скверѣ англичане нападаютъ на овощныхъ торговцевъ-иностранцевъ; а солдаты носятъ на рукахъ съ возгласами: «Они молодцы! Они побѣдители!»

Прохожіе, принятые за иностранцевъ, подвергаются оскорбленіямъ и побоямъ. Толпа съ флагами и пузырями устраиваетъ торжественныя про-

цессии передь одами Чемберлена и распѣваетъ въ честь его составленныя гимны и пѣсни. Даже молодежь, всегда отзывчивая на все доброе, справедливое, и та теперь бѣснуется: студенты и студентки, какъ угорѣлые, бѣгаютъ по лондонскимъ улицамъ и славословятъ Чемберлена и Сесила Родса.

Въ провинціи это бѣснованіе приняло еще большіе размѣры.

Толпа, вооруженная заступами и лопатами, врывается въ Глазговскій университетъ, требуя выдачи лектора нѣмецкаго языка Тилле, чтобы окунуть его въ воду, и, разсерженная отказомъ, разбиваетъ двери и разрушаетъ лѣстницы. Нервное напряженіе политической атмосферы даже вызвало среди англичанъ появленіе «пророковъ». Чуть не ежедневно появляются брошюры — то о войнѣ между Англіей и Россіей, то между Англіей и Франціей. Конечно, эти пророки, проникнутые джингоизмомъ, изображаютъ войну въ такомъ видѣ, что русскіе и французы на каждомъ шагу терпятъ пораженія отъ храбрыхъ англійскихъ наемниковъ. Франція, по предсказанію авторовъ этихъ брошюръ, стирается съ лица земли и дѣлается лишь достояніемъ учебниковъ исторіи; къ Россіи, правда, эти пророки относятся немного милостивѣе: они ее расчленяютъ и обращаютъ въ старую «Московію». И за это имъ спасибо. Англія всегда была богата политическими пророчествами, но теперь пророчества еще болѣе усилились и доставляютъ современнымъ пророкамъ громадныя барыши. Особенно пользуется хорошимъ сбытомъ журналъ «Answers», помѣстившій романъ «Когти льва». Объ этомъ романѣ въ лондонскихъ магазинахъ выставлены аршинныя объявленія, состояція изъ слѣдующихъ строкъ: The invasion of Great — Britain by Russia and France. Каждый прохожій невольно останавливается: какое нашествіе, гдѣ враги? Тутъ же любезно отвѣчаютъ: «пожалуйте въ редакцію журнала, купите книжку и получите отвѣтъ». Романъ еще не конченъ, но несомнѣнно окончится пораженіемъ русскихъ и французовъ.

Лондонскій корреспондентъ газеты «Россія» сообщаетъ, что онъ «навелъ справки у нѣсколькихъ продавцовъ «Answers'a»: журнальчикъ вообще расходуется хорошо; требованій на нумеръ, съ началомъ печатанія романа, было на 50% больше предъидущихъ нумеровъ».

При такомъ шовинизмѣ и джингоизмѣ англійскаго народа, нечего и думать о рѣшеніи англо-трансваальскаго спора мирнымъ путемъ. Ирѣдка раздающіеся отдѣльные голоса, требующіе окончанія войны почетнымъ миромъ съ доблестнымъ противникомъ, заглушаются неистовыми воплями всего англійскаго народа. «Смерть боэрамъ!»

Мирныя предложенія Штейна и Брюгера были отвергнуты лордомъ Салисбюри.

«Кровь и слезы тысячи людей, пострадавшихъ отъ войны, и перспектива нравственнаго и экономическаго разоренія, угрожающаго теперь

южной Африкѣ, вмѣнять обѣимъ воюющимъ сторонамъ въ обязанность— безстрастно и передъ лицомъ тріединого Бога обсудить дѣло, изъ-за котораго онѣ ведутъ войну, и поставить себѣ вопросъ: оправдываетъ ли преслѣдуемая каждою изъ нихъ цѣль столь ужасныя бѣдствія и опустошенія. Въ виду этого, а также заявленій многихъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей, что война началась и ведется съ исключительнымъ намѣреніемъ подбопаться подъ власть королевы въ южной Африкѣ и установить тамъ независимое отъ британскаго правительства управленіе, мы полагаемъ своимъ долгомъ торжественно заявить, что война была предпринята лишь въ видѣ оборонительной мѣры, чтобы охранить независимость республики, которой грозила опасность, и что продолжается она лишь для того, чтобы охранить безспорную независимость обѣихъ республикъ,—какъ державныхъ и независимыхъ государствъ, — и добиться того, чтобы не было причинено никакого зла тѣмъ подданнымъ королевы, которые во время войны стали на нашу сторону. Только на этихъ условіяхъ мы какъ теперь желаемъ, такъ желали и раньше, возстановленія мира; но если, напротивъ, британское правительство рѣшило уничтожить независимость республикъ, то въ такомъ случаѣ нашему народу останется только одно—держаться и впредь того пути, на который онъ вступилъ, не смотря на подавляющее превосходство британской имперіи. въ надеждѣ, что Господь насъ не оставитъ. Мы колебались раньше сдѣлать такое заявленіе, такъ какъ опасались, что до тѣхъ поръ пока выгоды были на нашей сторонѣ и наши вооруженныя силы занимали оборонительныя позиціи далеко въ предѣлахъ британскихъ колоній, такое заявленіе могло бы оскорбить чувство чести британскаго народа. Но теперь, когда престижъ британской имперіи можно признать возстановленнымъ взятіемъ въ плѣнъ одного изъ нашихъ отрядовъ войсками королевы, вслѣдствіе чего мы были вынуждены очистить нѣкоторыя позиціи, которыя наши войска до тѣхъ поръ занимали, — затрудненіе это устранено. Мы не можемъ далѣе колебаться, и передъ лицомъ всего образованнаго міра обязаны разъяснить британскому правительству и британскому народу, почему мы сражаемся и на какихъ условіяхъ готовы заключить миръ».

На эту гуманную и скромную телеграмму президентовъ Оранжевой и Трансваальской республикъ послѣдовалъ жесткій и безсердечный отвѣтъ, на который способна лишь страна, привыкшая строить свое благополучіе на чужихъ страданіяхъ и несчастіяхъ.

Вотъ отвѣтная телеграмма лорда Салисбюри:

«Свидѣтельствую о полученіи телеграммы вашихъ превосходительствъ отъ 5 марта. Главное, заключающееся въ ней, требованіе сводится къ тому, чтобы британское правительство признало неоспоримую независимость южно-африканской и Оранжевой республикъ, какъ независимыхъ въ международномъ отношеніи государствъ; на такихъ условіяхъ

предлагается положить конец войнѣ. Въ октябрѣ 1899 г. между англійскимъ правительствомъ и обѣими республиками, въ силу тогда дѣйствовавшихъ конвенцій, существовалъ миръ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, между британскимъ правительствомъ и Трансваалемъ велись переговоры съ цѣлью улаженія извѣстныхъ и весьма серьезныхъ жалобъ британскихъ жителей Трансваала. Во время переговоровъ, Трансвааль, насколько извѣстно британскому правительству, произвелъ значительныя вооруженія, вслѣдствіе чего послѣднее приняло соотвѣтствующія мѣры, направленныя къ усиленію британскихъ гарнизоновъ въ Капштадтъ и Наталѣ. До этого съ британской стороны не произошло никакого нарушенія гарантированныхъ конвенціею правъ. Вдругъ, по истеченіи двухъ-суточной этрочки и послѣ опубликованія оскорбительнаго ультиматума, Трансвааль объявилъ королевѣ войну, а Оранжевая республика, съ которой даже никакихъ объясненій не происходило, послѣдовала его примѣру. Непосредственно затѣмъ, обѣ республики вторгнулись во владѣнія королевы, осадили три города въ предѣлахъ британской границы, прогнали большую часть обѣихъ колоній при громадномъ уничтоженіи собственности и жизней. Республики признали за собою право такъ обращаться съ жителями обширныхъ частей владѣній королевы, какъ будто эти области входили въ составъ той или другой изъ нихъ. Предусматривая эти дѣйствія, Трансвааль въ продолженіе семи лѣтъ приготавливалъ въ огромныхъ размѣрахъ военные припасы, которые по своей природѣ могли быть предназначены только противъ Великобританіи. Ваши превосходительства дѣлаете нѣкоторые замѣчанія отрицательнаго рода относительно цѣли этихъ приготовленій. Я не считаю нужнымъ разбирать возбужденныя вами вопросы; но слѣдствіемъ совершенныхъ съ большою таинственностью вооруженій было то, что британское государство было вынуждено выступить противъ вторженія, которое причинило государству дорого стоящую войну и потерю драгоцѣнныхъ жизней. Это великое несчастье было наказаніемъ, понесеннымъ Великобританціею за то, что въ недавнемъ времени она допустила существованіе обѣихъ республикъ (?) Относительно того, какъ обѣ республики воспользовались предоставленнымъ имъ положеніемъ и той бѣды, которую причинило ничѣмъ не вызванное (?) нападеніе на владѣнія королевы, правительство королевы можетъ отвѣтить лишь сообщеніемъ, что оно несогласно предоставить независимость ни Трансваалу, ни Оранжевой республикѣ».

И эта страна еще такъ недавно имѣла своего представителя на гаггской мирной конференціи, надъ которой она дико и безнаказанно надругалась! Наглымъ отвѣтомъ англійскаго кабинета на мирныя предложенія Крюгера и Штейна оскорблены не одни боэры, но и вся Европа, принужденная сознаться въ своемъ безсиліи, въ своей нравственной и политической дряблости...

Отвѣтъ лорда Салисбюри на телеграмму президентовъ южно-африканскихъ республикъ не представляетъ ничего неожиданнаго. Однако, — какъ справедливо замѣчаютъ «Русск. Вѣд.», — онъ весьма важенъ, какъ официальное признаніе того факта, что Англія преслѣдуетъ завоевательныя цѣли въ настоящей войнѣ, что уитлэндерскій вопросъ былъ лишь благовиднымъ предлогомъ къ ней. вмѣстѣ съ тѣмъ, депеша британскаго перваго министра является опроверженіемъ его прежняго торжественнаго заявленія, что Англія не стремится къ присоединенію южно-африканскихъ республикъ. Такимъ образомъ, боэры не могутъ надѣяться на поддержку своихъ требованій въ самой Англіи и должны рассчитывать или на вмѣшательство иностранныхъ державъ, или на свои собственныя силы. Какъ видно изъ послѣднихъ депешъ, правительства обѣихъ южно-африканскихъ республикъ обратились къ державамъ съ просьбой о посредничествѣ; но ничто пока не указываетъ на то, чтобы кто либо выразилъ желаніе оказать дѣятельную помощь боэрамъ. Но еслибы даже державы и согласились взять на себя инициативу посредничества, то его успѣхъ ничѣмъ не обезпеченъ, если оно будетъ имѣть лишь характеръ доброжелательнаго совѣта. Исходъ попытки, сдѣланной американскимъ правительствомъ, показываетъ, какъ мало значенія придаетъ Англія подобнымъ шагамъ другихъ державъ. Говоря словами вашингтонскаго корреспондента агенства Рейтера, Англія можетъ отклонить предложеніе державъ въ такихъ же точно сердечныхъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ, въ какихъ оно будетъ составлено. Если болѣе серьезное вмѣшательство немыслимо, то боэрамъ придется рассчитывать только на свои силы и продолжать войну до послѣдней крайности! Какъ показываетъ депеша Брюгера и Штейна, прочитанная въ англійскомъ парламентѣ, союзники исполнены рѣшимости бороться до конца. Ихъ силы еще велики; а ихъ храбрость и боевыя способности стоятъ выше всякой похвалы.

Не смотря на такой жестокой и наглый отвѣтъ Салисбюри, президенты Оранжевой и Трансваальской республикъ, повидному, не теряютъ надежды кончить войну мирнымъ путемъ.

Въ Англіи на дняхъ вышла книга государственнаго секретаря Трансваальской республики г. Рейтца. Отъ имени боэровъ онъ обращается къ суду англичанъ и всѣхъ цивилизованныхъ народовъ съ просьбою рѣшить, кто изъ нихъ правъ: боэры или англичане? Точно уже приговоренный къ смерти, трансваальскій народъ взываетъ къ своимъ жестокимъ, несправедливымъ судьямъ и умоляетъ ихъ не о милости и пощады, а о справедливости:

«Братья африкандеры! Еще разъ въ нашей исторіи, исписанной кровью, наступилъ день, когда мы вынуждены взяться за оружіе, снова начать борьбу за свободу и существованіе и ввѣрить наше національное дѣло Провидѣнію, которое чудеснымъ образомъ руководило нашимъ наро-

*

домъ въ южной Африкѣ. Борьба эта, начавшаяся около ста лѣтъ тому назадъ, когда голландское население Мыса Доброй Надежды подпало подъ владычество иностранца, приближается къ концу. Предъ нами—последній актъ этой великой драмы, имѣющей громадное значеніе для всей южной Африки. Мы достигли теперь пункта, когда рѣшится вопросъ—полезны ли были жертвы, принесенныя нашими предками и нами самими для дѣла свободы, лилась ли напрасно кровь нашего народа, которою освященъ каждый клочокъ южной Африки, и удастся ли намъ съ помощью Бога докончить постройку національнаго зданія, начатую нашими предками при тяжелыхъ и печальныхъ обстоятельствахъ? Наступилъ часъ, — говорить далѣе г. Рейтцъ, — когда рѣшится: пришелъ ли конецъ нашему національному существованію и мы погибнемъ въ смертельной борьбѣ за свободу, которую мы цѣнили выше всего на свѣтѣ; наступилъ моментъ, который рѣшить, подпадетъ ли южная Африка подъ власть безсовѣстныхъ и алчныхъ спекуляторовъ, дѣйствующихъ во имя и подъ покровительствомъ ненавистнаго и несправедливаго правительства, находящагося болѣе чѣмъ на семь тысячъ миль отъ насъ.

«Дѣло, во имя котораго мы взяли за оружіе, такое же, хотя и въ нѣсколько иной формѣ, какъ то, за которое наши предки много претерпѣли, когда они оставили свое отечество и переселились на Мысъ Доброй Надежды, чтобы пользоваться свободой совѣсти, въ которой имъ отказано было на родинѣ. Не смотря на притѣсненія со стороны остъ-индской компаніи, молодое поселеніе возрасло до такой степени, что когда въ 1806 году колонія перешла къ англичанамъ, въ ней развиты уже были національное чувство и духъ свободы. Съ этого времени небольшое поселеніе вошло въ новый фазисъ своей исторіи, полной героической борьбы за справедливость и заслужившей африкандерамъ всеобщія симпатіи.

«Среди дикой природы и безчисленныхъ дикихъ племенъ, молодой африкандерскій народъ занялъ положеніе бѣлой аристократіи, гордой своимъ знаніемъ, что, не смотря на многія трудности, онъ сохранилъ свое превосходство. Именно это чувство справедливой гордости британское правительство постаралось уязвить, оказавъ предпочтеніе чернокожимъ. Англія отняла оружіе у африкандеровъ и такимъ образомъ лишила ихъ возможности спасти свои фермы отъ грабежа и насилія со стороны туземцевъ. Не довольствуясь этимъ, британское правительство поставило надъ африкандерами полицію, набранную изъ готентотовъ. Неудивительно, что въ 1815 году значительное число боэровъ возстало, и 1816 годъ омрачился необыкновенными звѣрствами, учиненными надъ боэрами при Шлахтерсъ-Некѣ, которыя и составили первую кровавую страницу въ исторіи англо-боэрскихъ отношеній. Это было только начало!

«Когда Капская колонія перешла къ Англіи, она гарантировала гол-

ландцамъ ихъ языкъ. Гарантію эту, однако, постигла такая же судьба, какъ и другія конвенціи и договоры, заключенные между боэрами и англичанами. Особымъ декретомъ британское правительство постановило, чтобы всѣ документы составлялись на англійскомъ языкѣ. Плохо знавшіе послѣдній лишились права быть присяжными засѣдателями, и всѣ почти дѣла рѣшались англичанами. Послѣ двадцатилѣтняго опыта британской администраціи, не видя впереди ни мира, ни благополучія, боэры рѣшили оставить Капскую колонію и, распродавъ все свое имущество, двинулись на сѣверъ къ Оранжевой рѣкѣ.

«Пятнадцать лѣтъ спустя, Англія, однако, вмѣшалась въ войну между боэрами и басутами въ пользу послѣднихъ, а съ открытіемъ алмазныхъ жопей она поспѣшила захватить ихъ подъ предлогомъ, что они будто бы принадлежать одному туземцу, а на самомъ дѣлѣ потому, что нельзя же было допустить, чтобы богатѣйшія въ мірѣ алмазныя копи были потеряны для британской имперіи! Противно конвенціямъ, Англія доставила въ Кимберлей сотни тысячъ ружей и раздала ихъ кафрамъ. Протесты Трансваала и Оранжевой республики остались безплодными, а когда правительство послѣдней, пользуясь своимъ законнымъ правомъ, задержало транспорты съ оружіемъ, его заставили уплатить британскому правительству громадныя штрафы».

Обратимся теперь къ событіямъ, происходящимъ на театрѣ войны. Послѣ взятія въ плѣнъ Кронье, серьезнымъ успѣхомъ англичанъ является взятіе Блумфонтена, столицы Оранжевой республики. Этотъ городъ сданъ былъ англичанамъ безъ всякаго сопротивленія. Робертсъ, главнокомандующій англійскими войсками, немедленно назначилъ генерала Преттеймена губернаторомъ Блумфонтена. Послѣдній сейчасъ же издалъ прокламацію, возбудившую негодованіе всего цивилизованнаго міра. Онъ потребовалъ отъ жителей Оранжевой республики выдачи оружія подъ угрозой конфискаціи имущества.

«Никогда, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ международное право.— говорить «*Journal des Débats*»,—подобныя требованія не предъявлялись къ побѣжденнымъ, прежде чѣмъ не былъ заключенъ миръ. Само англійское правительство признало воюющими обѣ республики; кромѣ того, Оранжевая республика до войны пользовалась правами вполне независимаго государства. Претензія на конфискацію имущества гражданъ Оранжевой республики, которые сражались, какъ регулярное войско, защищая свою родину, представляется противной международному праву». Принадлежитъ ли Англія къ цивилизованнымъ государствамъ? — восклицаетъ Поль-де-Кассаньякъ въ «*L'Autorité*». — Можно ли считать цивилизованной націю, предъявляющую требованія къ побѣжденнымъ, подобныя тѣмъ, казія предъявилъ англійскій губернаторъ Блумфонтена къ оранжистамъ?

Можно ли считать Англию цивилизованной страной послѣ того, какъ она употребляетъ разрывныя пули и ледитныя бомбы, вооружаетъ черныхъ противъ боэровъ, натравливаетъ дикарей на женщинъ, дѣтей и имущество боэровъ? И все это дѣлается для того, чтобы побѣдить какихънибудь 30,000 боэровъ при помощи 150,000 англійскихъ солдатъ. Требованіе Преттеймена—верхъ дикости! Оранжевая республика—вполнѣ свободное государство. Она теперь находится въ такомъ же отношеніи къ Англии, въ какомъ Франція была по отношенію къ Германіи въ 1870 году. Не требовала же тогда Германія, чтобы эльзасцы и лотарингцы положили оружіе подъ страхомъ конфискаціи имущества! Последнее требованіе генерала Робертса, дѣйствующаго чрезъ назначеннаго имъ губернатора Блумфонтева, превосходитъ всѣ дѣянія бандитизма, какія только когда либо совершала Англія. Подобные поступки ставятъ Англію внѣ цивилизованныхъ націй и, вмѣстѣ съ ея безстыднымъ Чемберленомъ, исключаютъ ее изъ среды честныхъ народовъ. И напрасно англичане думаютъ, что подобный образъ дѣйствій будетъ считаться силой и энергіей. Напротивъ, это еще болѣе рисуетъ низость и слабость націй, поспѣшавшей немедленно принести извиненія Германіи по первому ея рычанію. Свирѣпость со слабыми, ползанье предъ сильными,—это ли служить признакомъ великой націи>!!

Взятіе Блумфонтева, повидимому, должно бы явиться большимъ козыремъ для англичанъ и крупной неудачей для боэровъ. На самомъ же дѣлѣ получилось совершенно обратное: боэры не падаютъ духомъ; даже африкандеры, до сихъ поръ державшіеся выжидательнаго положенія, открыто начинаютъ заявлять свои симпатіи боэрамъ.

По словамъ иностранныхъ газетъ, веллингтонскіе африкандеры собрались на большой митингъ, созванный съ цѣлью потребовать прекращенія непріязненныхъ дѣйствій и признанія независимости обѣихъ южно-африканскихъ республикъ. Ораторъ, предложившій вотировать резолюцію въ этомъ смыслѣ, выразился такъ:

«До сихъ поръ мы проявляли по отношенію къ коронѣ вѣрноподданническія чувства. Мы допускали проѣздъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ солдатъ, уѣзжающихъ съ цѣлью умертвить нашихъ братьевъ, и вполнѣ предоставили въ распоряженіе войскъ наши вокзалы и нашъ подвижной составъ. Вообще мы, африкандеры, очень тяжелы на подъемъ: для того чтобы мы двинулись съ мѣста, требуется, чтобы насъ къ этому принудили. Теперь, однако, наступилъ моментъ объявить, что мы хотимъ, чтобы на независимость республикъ не посягали. Если Англія этому не внемлетъ, то пусть отвѣтственность за это падаетъ на нее».

Эти извѣстія, судя по отзывамъ лондонскихъ газетъ, произвели въ Англии немалую тревогу. Въ Лондонѣ особенно беспокоятся правительственные и военные круги. Среди самыхъ прозорливыхъ государственныхъ

людей начинаетъ какъ будто преобладать мнѣніе, что слѣдовало бы сдѣлать боерамъ нѣкоторыя уступки въ вопросѣ объ ихъ независимости, такъ какъ иначе осуществится, пожалуй, угроза президента Крюгера, что лишеніе Трансваала свободы потребуетъ сотни тысячъ человѣческихъ жизней. Обнаруживающееся среди африкандеровъ движеніе указываетъ, что, при дальнѣйшемъ наступленіи британскихъ войскъ, въ тылу ихъ вспыхнетъ поголовное возстаніе и что изъявившіе покорность оранжисты вновь возьмутся за оружіе.

Потеря Блумфонтена не особенно печалитъ Штейна и Крюгера. Во время своего пребыванія въ этомъ городѣ, за нѣсколько дней до сдачи его, послѣдній обратился къ населенію съ рѣчью, стараясь возбудить въ немъ гражданскія чувства.

«Богъ пожелалъ послать націю боеровъ тяжелыя испытанія,—сказалъ онъ, между прочимъ,—но мы скоро будемъ уже въ этомъ отношеніи на крайнихъ предѣлахъ терпѣнія. Если въ часы бѣдствія нація останется твердой въ своей вѣрѣ, то Богъ вскорѣ измѣнитъ ея положеніе къ лучшему. Будьте сильны нашей вѣрой, и Богъ намъ поможетъ. Богъ, освободитель древнихъ временъ, остался и теперь тѣмъ же самымъ Богомъ».

Послѣдующія событія показали, что англичане преждевременно начали праздновать окончательную побѣду надъ боерами. Боеры все смѣлѣе и смѣлѣе наступаютъ на Блумфонтенъ. Положеніе британской арміи, сосредоточенной въ окрестностяхъ этого города, съ каждымъ днемъ ухудшается. Южная часть Оранжевой республики понемногу вновь переходитъ въ руки боеровъ. Города Ледибрадтъ и Табанчу вновь заняты боерами. Метуэну нанесено пораженіе у Бугерсберга; разбитъ на голову Плумеръ, спѣшившій съ бригадой Френча на освобожденіе Мефвинга; генералъ Оливье одержалъ крупную побѣду надъ генераломъ Гетакромъ близъ Бетуліи. Что касается побѣды Оливье, котораго англичане рассчитывали забрать въ плѣнъ, какъ и Бронье, то оказалось, что вождь боеровъ самъ захватилъ весь штабъ не разъ ужъ битого генерала Гетакра и чуть ли не всю его артиллерию. Успѣхъ Оливье важенъ потому, что цѣлая англійская дивизія разбита именно тѣми самыми войсками оранжевыхъ боеровъ, о покорности которыхъ не переставалъ увѣрять британскій фельдмаршалъ. Побѣды боеровъ вызвали въ Лондонѣ тревогу и опасеніе. Эти три побѣды должны поднять воинственный энтузіазмъ храбрыхъ боеровъ, отстаивающихъ свою родину, и укрѣпить въ нихъ вѣру во всеблагое Провидѣніе.

Робертсъ на весь міръ прокричалъ, что онъ уже на пути въ Преторію и на одномъ изъ банкетовъ поторопился пригласить военныхъ агентовъ иностранныхъ державъ на завтракъ въ Преторію. Континентальная печать держится теперь того мнѣнія, что не только война въ южной Африкѣ затянется надолго, но что она можетъ печально кончиться для англичанъ

даже и въ томъ случаѣ, если Робертсу удастся разбить боаровъ, тѣснящихъ его со всѣхъ сторонъ въ Блумфонтенѣ, взять Кронштадтъ и даже овладѣть Преторіей. При этомъ иностранныя газеты проводятъ параллель между нынѣшней войной и войной 1812 года. Такъ, въ берлинской газетѣ «Post» мы находимъ слѣдующее интересное письмо, принадлежащее перу одного изъ выдающихся офицеровъ германской арміи. По его мнѣнію, главной причиною катастрофы, постигшей Наполеона въ Россіи, было «стратегическое» истощеніе.

И что же мы видимъ теперь въ Африкѣ? Далекое океанами, Англія сосредоточиваетъ армію, неудовлетворительная организація которой рѣзко бросается въ глаза и пополненіе которой обученными людьми и выдрессированными лошадьми не только встрѣчаютъ громадныя затрудненія, но вскорѣ, быть можетъ, станетъ совсѣмъ невозможнымъ за неимѣніемъ матеріала. Послѣ первоначальныхъ успѣховъ боаровъ, державшихся строго-оборонительнаго образа дѣйствій, лорду Робертсу удастся сосредоточить многочисленныя войска на западномъ районѣ театра войны, освободить Кимберлей, нанести осаждавшему Кимберлей непріятельскому отряду жестокій ударъ и побѣдоносно вступить въ Блумфонтенъ. Но ему не удается помѣшать соединенію отступающихъ боаровъ съ отрядами, сбѣжавшими изъ сѣверной части Капской колоніи въ Оранжевую республику, и не удается потому, что Френчъ и Гетакръ двигаются слишкомъ медленно.

Борьба по дорогѣ въ Преторію теперь началась, и если боары, дѣйствительно, приведутъ въ исполненіе свое намѣреніе разрушить свою столицу, что, въ виду ихъ самоотверженія и одушевленія, представляется весьма вѣроятнымъ, то всемірная исторія внесетъ въ свои скрижали новую Москву.

Но побѣдитель обрѣтетъ, быть можетъ, въ Преторіи миръ? Будетъ ли онъ еще настолько силенъ послѣ всѣхъ понесенныхъ потерь, чтобы тамъ удержаться? А что будетъ, если эти упрямые боары, которымъ къ тому же тогда нечего будетъ терять, но которые могутъ еще все выиграть, бросятся на операціонную линію непріятеля, растянутую на нѣсколько сотъ километровъ? Мнѣ кажется, что теперь англичане вступили въ Смоленскъ, и что ихъ ждетъ въ Москвѣ—qui vivra, vegea!

Отступление по песчанымъ пустынямъ Африки окажется, пожалуй, не менѣе пагубнымъ, чѣмъ отступление по снѣгамъ Россіи. Все это слѣдовало бы принять Англіи въ должное соображеніе, иначе вѣдь Робертса въ Трансвааль можетъ постигнуть участь Наполеона въ Россіи!

Вопреки мнѣнію англичанъ, что война должна скоро окончиться, «Новое Время» возражаетъ, что шкура медвѣдя еще цѣла, и сами англичане не рассчитываютъ добраться до нея ранѣе осени или даже конца года, а для того, чтобы добраться до нея, надо перешагнуть черезъ золотыя россыпи Ватватстеранда и Юганнесбурга. Какъ ихъ усилій это будетъ

стоит и какие капиталы обратятся въ ничто, въ «нулевое имущество», если трансваальцы приведутъ въ исполненіе свою угрозу—разрушить всё эти предпріятія до основанія! Крови Англія не жалѣть, ни своей, ни боарской; не жалѣютъ ея и другія державы. Но какъ только въ Преторію напомнили Европѣ, что боары могутъ убить наповалъ всё золотыя акціи, раздался общій стонъ на европейскихъ биржахъ: такого несчастія никто не ожидалъ, никто не видѣлъ опасности, которая, съ перенесеніемъ театра войны въ Трансвааль, угрожаетъ сотнѣ акціонерныхъ компаній и вложеннымъ въ нихъ состояніямъ, между прочимъ, и состояніямъ видныхъ представителей высшаго лондонскаго общества. Возопіетъ желтая кровь акцій, и тогда, быть можетъ, скоро будутъ найдены основанія и способы мирнаго посредничества... Все это кажется страннымъ, но тамъ, гдѣ золото было главной причиной войны, а инициаторами ея являлись дѣльцы акціонерныхъ компаній, угроза боаровъ должна дѣйствовать на умы этихъ политиковъ еще болѣе устрашающимъ образомъ, чѣмъ поразительное геройство боаровъ. Англійская печать уже начала подсчитывать, во что обошлась Англій «неизбѣжная» война, предпринятая будто бы съ цѣлью положить конецъ вооруженіямъ боаровъ. Въ результатъ оказывается, что Англія принесла въ жертву, кромѣ 10,000 человеческихъ жизней, цѣлыхъ сто милліоновъ фунтовъ—*милліардъ рублей*,—перевернула вверхъ дномъ всю свою колониальную организацію и должна будетъ въ корнѣ переобразовать свою военную систему. Каждый боаръ обошелся Англій въ 20,000 рублей, а какихъ жертвъ еще потребуетъ война въ близкомъ будущемъ, — «объ этомъ лучше пока и не думать». Такъ рассуждаетъ вліятельный англійскій органъ — «Westminster Gazette»,—редакція котораго поддерживаетъ сношенія съ высшимъ англійскимъ обществомъ и съ придворными сферами. Трудно подыскать такой же примѣръ денежной оцѣнки войны въ исторіи другихъ государствъ, но боары знаютъ, съ кѣмъ они ведутъ борьбу: они не только доблестные воины, но, и при своей мужицкой простотѣ, недурные дипломаты.

И нашъ «Journal de St-Pétérsburg», въ передовой статьѣ, посвященной послѣднимъ извѣстіямъ съ театра войны, говоритъ, что положеніе боаровъ далеко нельзя считать безнадежнымъ.

Населеніе Капской колоніи, голландскаго происхожденія, подавляетъ въ себѣ желаніе поспѣшить на помощь родственнымъ ему трансваальцамъ только вслѣдствіе опасеній, внушаемыхъ ему англійскими войсками, и навязаннаго краю военнаго режима. Но именно потому англичане вынуждены умножать свои гарнизоны и замедляютъ свое движеніе впередъ. Борьба, предшествовавшая сдѣлѣ Кроуэ, привела къ двумъ результатамъ. Благодаря этой борьбѣ, англійскія войска не могли въ теченіе нѣкотораго времени продолжать наступленіе, и англичане составили себѣ понятіе о сопротивленіи, какое они встрѣтятъ на пути. При вступленіи въ Блум-

фонтенъ, силы арміи маршала Робертса уже были истощены. Телеграммы возвѣщаютъ, что она нуждается въ отдыхѣ, прежде чѣмъ атаковать непріятеля въ тѣхъ укрѣпленіяхъ, гдѣ онъ теперь сосредоточивается.

Этотъ народъ героевъ совершаетъ чудеса храбрости, чтобы отстоять свою независимость, и англичанамъ предостойтъ, быть можетъ, испытать немало неожиданностей на пути, по которому они собираются идти. Командованіе арміею боэровъ такое, что можетъ казаться анонимнымъ, если принять въ соображеніе, какъ долго остаются неизвѣстными имена военачальниковъ, которые внезапно выдвигаются впередъ своими подвигами. Вотъ почему можно сказать, что какъ только кто нибудь изъ военныхъ вождей сходитъ со сцены, ему сейчасъ же находятъ замѣстителя, причемъ сила сопротивленія боэровъ нисколько не ослабѣваетъ.

Политическимъ дѣятелямъ, которые полагали согласнымъ со своими видами вызвать въ южной Африкѣ расовую войну въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, придется сознаться, что имъ предстоитъ рѣшить нелегкую задачу, прежде чѣмъ удастся установить полное господство одной расы надъ другою. Когда начинается война, охотно говорятъ, что война была неизбежна и произошла бы раньше или позже, и вотъ почему лучше предпринять борьбу тогда, когда еще противникъ не располагаетъ силами, дающими ему увѣренность въ побѣдѣ. Нѣкоторыя лондонскія газеты утверждали, что Трансваальская республика уже давно готовилась къ войнѣ и что она стремилась къ изгнанію англійскаго элемента изъ южной Африки. Виды руководящихъ круговъ Преторіи не заходили, повидимому, такъ далеко, но, какъ бы то ни было, только послѣ набѣга доктора Джемсона на трансваальскую территорію были приняты президентомъ Крюгеромъ предохранительныя мѣры къ обезпеченію независимости страны. Произведенныя имъ военныя приготовленія были, слѣдовательно, внушены ему осторожностью, и теперь онъ убѣдился воочию въ томъ, что поступилъ хорошо, когда далъ національному войску возможность защищаться противъ британскихъ полчищъ.

Воинственный задоръ Англій не знаетъ предѣловъ. М-ръ Стэдъ, издатель «Review of Reviews», объ энергичной пропагандѣ котораго и объ его «войнѣ противъ войны», мы неоднократно сообщали, находится въ настоящее время въ Парижѣ, гдѣ его интервьюировалъ тамошній корреспондентъ «Indépendance Belge». По словамъ Стэда, Англія въ настоящее время просто «съ ума сошла».

«Всякаго человѣка, обнаруживающаго подобныя же симптомы, тотчасъ отправили бы въ домъ умалишенныхъ. Нѣтъ врача, который отказался бы засвидѣтельствовать сумашествіе человѣка, поступающаго въ частной жизни такъ, какъ мы теперь поступаемъ. Человѣка, который сталъ бы предлагать тысячу франковъ за апельсинъ, врядъ ли приняли бы за весьма

благоразумнаго человѣка; но если человѣкъ пожелаеъ заплатить тысячу франковъ только для того, чтобы у него сильно стали болѣть зубы, то такого человѣка непремѣнно сочтутъ за сумашедшаго.

«Мы же наложили на себя штрафъ въ полтора миллиарда—съ единственною цѣлью создать себѣ въ Африкѣ трудности, въ значительной степени превосходящія тѣ, съ которыми намъ приходилось бы тамъ бороться по сіе время. Развѣ это не признакъ умопомѣшательства?»

Англичане, въ своей ненависти къ боэрѣмъ, не останавливаются ни передъ чѣмъ, чтобы очернить ихъ въ глазахъ Европы. Лордъ Робертсъ обвинилъ ихъ въ томъ, что они употребляютъ разрывныя пули и не оказываютъ уваженія бѣлому флагу. По поводу этого обвиненія, трансваальскій посланникъ докторъ Лейдсъ заявилъ, что ему извѣстны рѣшительно всѣ огнестрѣльные припасы, которые были заказаны въ Европѣ южно-африканскими республиками, и что между этими припасами не было разрывныхъ пуль. Никогда его правительство таковыхъ не заказывало и не покупало. Чтò же касается факта злоупотребленія боэрами бѣлымъ флагомъ, — если только фактъ, указанный лордомъ Робертсомъ, вѣренъ, — то его можно выяснитъ только слѣдующимъ образомъ: въ извѣстномъ мѣстѣ поля сраженія нѣсколько боэровъ подняли бѣлый флагъ, между тѣмъ, другой отрядъ боэровъ, находившійся совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, не былъ объ этомъ увѣдомленъ и продолжалъ сражаться. Опроверженіе доктора Лейдса подтверждается слѣдующимъ письмомъ члена германскаго рейхстага и комерціи совѣтника Маузера, напечатаннымъ, по словамъ «Россіи», въ газетѣ «Nat. Lib. Koggespondenz»:

«Въ различныхъ газетахъ была напечатана телеграмма, полученная англійскимъ военнымъ министерствомъ, въ которой лордъ Робертсъ сообщаетъ, что боэры употребляютъ патроны системы Маузера съ пустотѣлюю окончечностью. На основаніи подлинныхъ фактовъ, я заявляю, что Трансваалю и Оранжевой республикѣ не было поставлено такихъ пуль, а были проданы лишь пули полнотѣлыя. Тутъ, конечно, не можетъ быть рѣчи о нѣсколькихъ тысячахъ пустотѣлыхъ пуль, проданныхъ для охотничьихъ ружей и негодныхъ для ружей Маузера. Съ другой стороны, мнѣ извѣстно изъ донесеній очевидцевъ, что боэры стрѣляли въ англйчанъ изъ ружей, отнятыхъ у британскихъ войскъ, — тѣми разрывными пулями, которыя были захвачены ими у англійскихъ солдатъ.

«Прошу васъ опубликовать это письмо. Членъ рейхстага и комерціи совѣтникъ П. Маузеръ».

Оказывается, что боэры бьютъ англйчанъ не только пушками и бомбами англійскаго происхожденія, но и *разрывными пулями отнятыми у англйчанъ!* Правда, органы Чемберлена «съ негодованіемъ» опровергали извѣстіе, что этотъ англійскій министръ продавалъ боэрѣмъ оружіе и боевые припасы; но чтò скажутъ теперь эти газеты, прочтя слѣдующее

сообщеніе, напечатанное въ Трансваальской официальной газетѣ, «*Volkstem*».

«Недавно м-ръ Артуръ Чемберленъ, главноуправляющій торговаго дома Кейнокъ и *родной братъ министра Чемберлена*, почелъ нужнымъ опровергнуть извѣстіе, что трансваальское правительство получило боевые припасы отъ дома Кейнокъ и Комп. или отъ агентовъ этой фирмы въ Трансваальѣ.

«Въ виду этого мы почли за нужное навести справки въ официальныхъ сферахъ и дѣло кончилось тѣмъ, что мы собственными глазами прочли корреспонденцію и просмотрѣли счета, относящіеся къ операциі, о которой идетъ рѣчь. Всѣ эти документы находятся въ правительственномъ архивѣ здѣсь, въ Преторіи. Вотъ почему мы имѣли полную возможность заявить, что нѣсколько милліоновъ патроновъ были присланы нашему правительству названною фирмою и что рѣшительно невозможно, чтобы это произошло безъ вѣдома м-ра Артура Чемберлена и даже его брата министра. Патроны были пообрѣтены нашимъ правительствомъ послѣ набѣга Джемсона. Рѣшительно ничто не мѣшало английскому статсъ-секретарю по колониальнымъ дѣламъ воспротивиться этой продажѣ, еслибъ онъ пожелалъ это сдѣлать, особенно въ моментъ, когда потребовалась его подпись».

Какая-то безцѣльная жестокость проявляется у англичанъ даже противъ раненыхъ боеровъ. Одному военно-плѣнному, находящемуся на одномъ изъ английскихъ транспортовъ въ Капштадтѣ, удалось переслать друзьямъ нижеслѣдующія строки, дающія понятіе о томъ, что выдѣлываютъ англичане съ военноплѣнными.

«Въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца, мы претерпѣвали ужасныя мученія на транспортахъ «*Манилла*» и «*Каталонія*». Размѣщены мы были ужасно тѣсно въ между-палубномъ помѣщеніи, пищу получали скверную, и ту въ недостаточномъ количествѣ; утромъ намъ выдавали тепловатой водицы— для освѣженія. Послѣ ужасной ночи въ удушливой зараженной атмосферѣ, не находилось мѣста, гдѣ мы могли бы умыться и вымыть наше платье; послѣ полудня уже нельзя было получать другой воды, кромѣ тепленькой воды для питья. Въ девять часовъ вечера насъ угоняли съ верхней палубы и запирали до 5-ти часовъ утра на нижней палубѣ. Переводъ съ «*Маниллы*» на «*Каталонію*» выставлялся, какъ улучшение нашей участи. Сначала на одну палубу загнали нашихъ 450 человекъ и намъ пришлось устроить нѣчто въ родѣ бунта, чтобы добиться отвода намъ еще одной палубы. Я способенъ многое вынести, но такое скотское обращеніе было не въ мою силу. Когда мы пытались пробраться на другую палубу, въ мою грудь уставилъ штыкъ ружья молодой англичанинъ-солдатъ, готовясь выстрѣлить. По счастью, на шумъ прибѣжали офицеры и пообѣщали отвести намъ побольше мѣста. Еслибы это не было сдѣлано, многіе изъ насъ умерли бы отъ духоты».

Положеніе англичанъ на театрѣ войны крайне невыгодно для нихъ. Коммуникаціонная линія ихъ тянется на сотни англійскихъ миль и проходитъ притомъ черезъ территорію враждебныхъ имъ народностей. Для охраны этой линіи англичанамъ необходимо содержать громадное количество войскъ, чѣмъ сильно ослабляется дѣйствующая армія. Притомъ, на всемъ этомъ громадномъ протяженіи, желѣзно-дорожные пути и мосты разрушены, такъ что приходится, вслѣдствіе этого, подвозить войска, боевые припасы и фуражъ на лошадяхъ и мулахъ. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ. Англія заручилась согласіемъ португальскаго правительства на перевозку англійскихъ войскъ и военныхъ грузовъ черезъ португальскія владѣнія, по желѣзной дорогѣ отъ Бейры до Умтали. — Принадлежащій Португаліи портъ Бейра лежитъ на 800 верстѣ къ сѣверу отъ бухты Делагоа; отъ него желѣзно-дорожная линія идетъ въ глубь страны на Умтали и Салисбюри (первыя триста верстѣ по португальской территоріи); затѣмъ дорога вступаетъ въ предѣлы Родезіи и оканчивается у форта Салисбюри, находящагося въ разстояніи 500 верстѣ отъ океана. Въ настоящее время Бейра является единственнымъ путемъ для сношеній Родезіи съ внѣшнимъ міромъ. Получая право перевозить по этой дорогѣ свои войска и боевые припасы, Англія такимъ образомъ приобретаетъ новую операціонную линію, пользуясь которой она будетъ въ состояніи подготовить вторженіе въ Трансвааль съ сѣвера. Теперь положенія дѣлъ существенно измѣняется въ пользу Англіи. Недавно сдѣлалось извѣстно объ отправленіи въ Родезію сэра Фредерика Карингтона, — побѣдителя въ послѣдней войнѣ англичанъ съ матабелами. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ «Агенствомъ Рейтера», онъ назначенъ начальникомъ вновь организуемаго «полевого войска Родезіи», численностью въ 5000 человекъ. Цѣль этого войска будетъ заключаться въ защитѣ Родезіи отъ вторженія въ нее съ юга боарскихъ отрядовъ. Подобное вторженіе ожидается англичанами не теперь, но по окончаніи войны, когда армія южно-африканскихъ республикъ будетъ разсѣяна и боары двинутся искать убѣжища въ предѣлахъ своего отечества. Какая достойная удивленія предусмотрительность? На самомъ же дѣлѣ, британскія войска предназначаются для дѣйствія противъ боаровъ, почему перевозка этихъ войскъ черезъ территорію Португаліи является со стороны послѣдней нарушеніемъ нейтралитета. Государство не можетъ принимать на себя обязательствъ, противорѣчащихъ постановленіямъ международнаго права, освященнымъ цѣлымъ рядомъ конвенцій. Въ данномъ случаѣ, Европа имѣетъ не только нравственное, но и юридическое право наложить свое veto на согласіе португальскаго правительства: — иначе цивилизованный міръ совершитъ преступленіе по отношенію къ южно-африканской республикѣ.

Подобною конвенціею, заключенною между англійскимъ и португальскимъ

правительствами осталась особенно недовольна Франція. Газета «*Matin*» говоритъ, что потребованы уже отъ португальскаго правительства объясненія по поводу даннаго имъ согласія на перевозку англійскихъ войскъ изъ Бейры по желѣзной дорогѣ въ Родезію. Дѣло это подняло на ноги всѣ дипломатическія канцеляріи Европы. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что портъ Бейры сооруженъ на средства международнаго частнаго общества, въ составъ котораго входитъ немало французскихъ акціонеровъ. Нейтралитетъ будетъ безспорно нарушенъ, если портъ этотъ сдѣлается мѣстомъ высадки войскъ и боеваго матеріала.

По словамъ «*Temps*», Бейра принадлежитъ, конечно, Португаліи, но дѣло въ томъ, что портъ этотъ сданъ въ аренду обществу, акціи котораго находятся въ рукахъ французскихъ, португальскихъ и англійскихъ капиталистовъ. Для того чтобы высаживать войска въ Бейрѣ, Англіи нужно не только разрѣшеніе Португаліи, но и разрѣшеніе названнаго общества. Если послѣднее дастъ на это разрѣшеніе, то и это будетъ нарушеніемъ нейтралитета. Вотъ почему Франція имѣетъ полное право протестовать противъ такихъ сдѣлокъ.

Французское правительство еще не высказалось по этому вопросу, но поручило государственному юрисконсульту изучить вопросъ и представить свой докладъ какъ можно скорѣе.

Находясь въ крайне затруднительномъ положеніи, благодаря англо-трансваальской войнѣ, Англія начала заигрывать съ Ирландіей. Починъ въ дѣлѣ примиренія съ Ирландіей взяла на себя королева Викторія. Она даровала одному ирландскому полку, отличившемуся въ англо-трансваальской войнѣ, права королевской гвардіи и разрѣшила чествовать патрона Ирландіи и носить въ петлицѣ «трилистникъ», посвященный этому патрону. Она даже пошла далѣе, — рѣшилась сама вступить на почву Ирландіи, чего не случалось уже лѣтъ 40. Но едва ли будутъ удовлетворены ирландцы такой легкой подачкой: они ждутъ чего либо посерьезнѣе и покрупнѣе... Они желаютъ для Ирландіи самоуправленія, учрежденія католическаго университета, изданія законовъ, опредѣляющихъ основы землепользованія, и пересмотра условій для участія Ирландіи въ несеніи финансовыхъ тягостей, возлагаемыхъ на нее Англіей, — какъ еще недавно было доказано, — въ весьма тягостномъ для Ирландіи размѣрѣ. Вотъ чего ждетъ ирландскій народъ отъ королевы Викторіи, — послѣдняя же даетъ ему право носить въ петлицѣ трилистникъ!! Поэтому неудивительно, что ирландскій національный комитетъ обратился къ Европѣ съ воззваніемъ, въ которомъ протестуетъ противъ недавняго поведенія англійскаго правительства по отношенію къ ирландцамъ.

«Лестъ правительства, — говорится въ воззваніи, — представляетъ собою маневръ, направленный къ тому, чтобы привлечь бѣдныхъ ирландцевъ

въ наемные полки, посланные въ Африку для участія въ *позорной войнѣ*, которая порицается всей Ирландіей. *Ирландцы принесены въ жертву, чтобы шадить англичанъ*. Изъ 900 человекъ инискиллерскаго полка 600 убиты. Дублинскіе ирландцы потеряли 700 человекъ изъ 750. *Ирландцамъ систематически отводятъ самые опасныя посты. Англійскіе офицеры-вербовщики обманываютъ вербуемыхъ ими ирландцевъ*.

«Визитъ королевы Викторіи будетъ встрѣченъ сочувственно только солдатами, англійской полиціею и чиновниками администраціи. Ирландскій народъ будетъ игнорировать присутствіе этой старухи. Ни одинъ ирландскій представитель не будетъ привѣтствовать ее. Ирландскіе націоналисты, болѣе чѣмъ когда либо, *презираютъ англійскую тиранію въ виду пиратской войны*, предпринятой противъ свободныхъ южно-африканскихъ республикъ».

Ужасный кошмаръ,—висящій надъ Франціей, со времени злополучнаго дрейфусовскаго дѣла, вотъ ужъ болѣе 5 лѣтъ, — не можетъ и до сихъ поръ разсѣяться! Думали, что съ помилованіемъ *дважды осужденнаго* военнымъ судомъ государственнаго преступника, во Франціи успокоятся умы и примирятся враждебныя партіи. Но ожиданія эти плохо оправдались. На сцену вновь выступаетъ пресловутая *жидовская компанія*, съ цѣлью добиться полной реабилитаціи ех-капитана Дрейфуса и другихъ лицъ, осужденныхъ по причастности къ этому дѣлу.

Эмиль Золя, Пикарь, Рейнакъ и А. Дрейфусъ адресовали председателю сенатской комисіи по пересмотру законопроекта объ амнистіи письма, въ которыхъ они протестуютъ противъ законопроекта. Письмо Золя имѣетъ слѣдующее содержаніе:

«Г. президентъ! Законъ, подвергнутый разсмотрѣнію комисіи, предѣдательствуемой вами, угрожаетъ лишитъ меня права гражданина: быть судимымъ за обвиненія, которыя я добровольно возбудилъ съ цѣлью достигнуть ознакомленія общества съ истиной. Всею силой я протестую противъ амнистіи. Я желаю быть судимымъ и завершить свое дѣло. Нельзя прервать ходъ правосудія, оставляя меня подъ обвиненіемъ, противъ котораго я протестую. Какъ заинтересованный, я васъ прошу предложить комисіи выслушать меня, послѣ того какъ будетъ выслушано правительство».

Эксъ-полковникъ Пикарь пишетъ:

«Въ тотъ моментъ, когда правительство будетъ выслушано комисіей, я желаю еще разъ протестовать противъ закона, который, если онъ будетъ вотированъ сенатомъ, причинитъ мнѣ двоякое зло: онъ меня амнистируетъ отъ преступленія, котораго я не совершилъ, и поставитъ меня

на одну доску съ генераломъ Мерее и его сообщниками. Имѣю честь просить комисію разрѣшить мнѣ представить свои объясненія.

Рейнакъ—знаменитый субъектъ—пишетъ:

«Законопроектъ нарушаетъ мое неотъемлемое право—доказать предъ судомъ, что я служилъ одной только истинѣ (?!), желая выставить въ настоящемъ свѣтѣ главныхъ зачинщиковъ судебного преступленія. Я прошу комисію едѣлатъ мнѣ честь выслушать мои объясненія по этому поводу».

Комисія выслушала уже президента совѣта министровъ Вальдека-Руссо, который указалъ на важное политическое значеніе этого закона. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы избѣгнуть возрожденія дѣла Дрейфуса и сопряженнаго съ нимъ разжиганія страстей.

Президентъ министровъ видитъ опасность въ томъ, что генералы вызываются на судъ, гдѣ на нихъ сыплются несправедливыя или неформулированныя обвиненія. Націоналистская оппозиція воспользуется новыми раздорами на предстоящихъ выборахъ въ муниципалитетъ. Комисія рѣшила выслушать Золя, Пикара и Рейнака. Говорятъ, что будетъ выслушанъ и Дрейфусъ.

Моментъ для агитаціи выбранъ дрейфусистами весьма удачно для нихъ. Они надѣются, что пресловутый кабинетъ Вальдека-Руссо пойдетъ на крупныя уступки, дабы избѣгнуть скандала предъ открытіемъ всемірной парижской выставки. Если принять во вниманіе громадныя денежныя средства «жидовскаго синдиката» (т. е. кагала), которому, не смотря ни на какія препятствія, удалось добиться возвращенія осужденнаго съ Чортова острова и его освобожденія послѣ вторичнаго приговора,—то можно представить себѣ, какъ гибельна будетъ для успѣха всемірной выставки эта новая пропаганда преступниковъ и сколько еще нравственнаго вреда причинитъ она французской націи, обморочивая и сбивая съ толку ея общественное мнѣніе!!

Для достиженія своей цѣли, жидаы не останутся ни передъ чѣмъ: вѣдь въ лицѣ измѣнника Дрейфуса *заинтересовано все жидовство*, затронута цѣлая бродяжническая «нація». Другими словами,—оправданіе и реабилитація Дрейфуса равнозначущи оправданію и реабилитаціи всего жидовства. Такъ и понимаютъ дѣло сами жидаы.

Но, кажется, жидамъ не удастся заставить говорить о себѣ газеты всего міра. Во французскомъ народѣ духъ націонализма все болѣе и болѣе крѣпнетъ, а антисемитизмъ все болѣе и болѣе находитъ себѣ adeptовъ, такъ что дрейфусистскому кабинету Вальдека-Руссо трудно будетъ стать открыто на сторону жидовъ. Что націонализмъ во Франціи растеть, — это видно уже изъ тѣхъ симпатій французскаго народа къ изгнанному націоналисту Деруляду, которыя проявляются имъ на каждомъ шагу. Такъ, въ честь Деруляда, 29 февраля, состоялось многочисленное

собрание въ Ангулемѣ, въ присутствіи собравшихся со всѣхъ концовъ Франціи членовъ «Лиги патриотовъ» и «Лиги французскаго отечества». Болѣе 10,000 народа толпилось у зданія, гдѣ происходило собраніе. Франсуа Коппэ произнесъ рѣчь отъ имени «Лиги французскаго отечества», въ которой, между прочимъ, сказалъ, что вмѣстѣ съ Деруладомъ онъ стремится къ тому, чтобы *республика была національная*, французская, преобразованная на началахъ справедливости. «Какъ прежніе галлы,—сказалъ Коппэ,—мы должны поднять на щитъ самаго достойнаго, путемъ всенароднаго плебисцита,—самаго преданнаго родинѣ и готоваго защищать права народа и его свободу». Послѣ Коппэ говорило много другихъ ораторовъ, которые вѣймили дрейфусистское министерство, и, наконецъ—принята была резолюція, выражающая благодарность Деруладу и рѣшеніе продолжать борьбу за торжество плебисцитарной народной республики, національной французской республики, республики честныхъ людей. Крики: да здравствуетъ Франція, да здравствуетъ Деруладъ, «vive la république!» разносились по всему городу, вмѣстѣ съ пѣніемъ марсельезы. Осужденіе дрейфусистскаго правительства, коалиціи псевдо-республиканцевъ и псевдо-соціалистовъ, судей верховнаго суда и холоповъ «международной плутократіи» было полное. Народъ въ департаментѣ Шаранты, еще болѣе чѣмъ прежде, предавъ Деруладу и ненавидя его палачей и враговъ Франціи. Возмущенная позоромъ нынѣшняго режима, всеобщая подача голосовъ французскаго народа вскорѣ накажетъ виновниковъ униженія страны...

НОВЫЯ КНИГИ.

Проф. Д. В. Цвѣтаевъ. Варшавское «Общество любителей наукъ» и его домъ. «Варшавскія Университетскія Извѣстія» 1899 г., кн. VII и IX.

«Извѣстія», «Записки» нашихъ провинціальныхъ университетовъ нерѣдко представляютъ изъ себя богатѣйшій матеріалъ по вопросамъ общегосударственной важности; но, къ сожалѣнію, благодаря малой распространенности изданій, этотъ матеріалъ остается недоступнымъ и неизвѣстнымъ для большинства публики. Просматривая «Варш. Унив. Извѣстія», мы невольно остановились на вышеназванной статьѣ проф. Д. В. Цвѣтаева, которая представляетъ крупный интересъ для выясненія русско-польскаго вопроса. Мы считаемъ долгомъ познакомить читателей нашего журнала съ этой интересной статьѣй.

Присоединеніе, въ концѣ прошлаго столѣтія, самой значительной части польской территоріи, вмѣстѣ съ Варшавой, къ прусскому королевству угрожало польскому народу потерей его національной самобытности. Прусское правительство круто производило нѣмецкеніе новоприобрѣтеннаго края: повсюду сажались прусскіе чиновники, снаряжались и отпускались сюда колонисты, вводились нѣмецкіе уставы, порядки и языкъ. У высшихъ классовъ населенія весьма скоро образовалась склонность предпочитать нѣмецкую рѣчь польской, между тѣмъ какъ великосвѣтская польская молодежь, получившая модное французское воспитаніе, предпочитала все французское. Вскорѣ, однако, въ средѣ самого польскаго общества возникло противодѣйствіе такому опасному для польской національности явленію, — образовался кружокъ лицъ, задавшихся цѣлью оказать поддержку польскому языку и національной культурѣ, и группировавшихся вокругъ Станислава Солтыка. Этотъ послѣдній поддерживалъ національную сцену и его же домъ послужилъ мѣстомъ зарожденія учено-литературнаго общества на почвѣ національно-польской. Общество было основано 4 (16) ноября 1800 года. Цѣль и задача этого общества — побуждать занимающихся науками и литературой излагать и распространять полезныя свѣдѣнія на родномъ языкѣ и тѣмъ самымъ не только уберечь его отъ гибели, но и совершенствовать дальше. Зарожденное учрежденіе приняло названіе «Общества любителей наукъ».

Въ первомъ частномъ засѣданіи «Общества», состоявшемся 23 ноября, епископъ Альбертранди произнесъ обширную рѣчь, въ которой выразилъ мысль, что «утрата народомъ самостоятельности и переѣна правительства еще не уничтожаютъ народа и не могутъ и не должны препятствовать успѣхамъ въ наукахъ и просвѣщеніи». При открытіи перваго публичнаго засѣданія, тотъ же Альбертранди, избранный предсѣдателемъ, снова произнесъ обширную рѣчь, въ которой, между прочимъ, заявилъ, что общество считаетъ необходимымъ заняться отысканіемъ и изданіемъ древнихъ памятниковъ польской литературы, частью уже забытыхъ, частью скрывавшихся въ библиотекахъ мѣстныхъ и заграничныхъ. Позднѣе (засѣданіе 5 мая н. с. 1803 г.) другой ораторъ, ксендзъ Вороничъ, указалъ на необходимость составленія сборника пѣсенъ польскаго народа.

На это «Общество» представители польской мысли возлагали большія надежды. Они думали, что оно будетъ полезно не только для науки, но и для дѣла возрожденія польской народности: «Съ прошедшимъ,—говорилъ въ этомъ «Обществѣ» Потоцкій,—связываютъ нашу жизнь воспоминанія, съ будущимъ—надежда; изъ этого почти и складается все наше настоящее счастье». Съ конца 1808 г. задачи «Общества» значительно расширяются.

Въ этомъ году предсѣдателемъ «Общества» былъ избранъ ксендзъ Сташиць, мѣщанинъ родомъ, получившій образованіе въ Германіи и въ Парижѣ. Онъ былъ демократъ по убѣжденіямъ, врагъ шляхетскаго самоуправства и сторонникъ сильнаго правительства. На польскій національно-политическій вопросъ онъ смотрѣлъ съ общеславянской, точки зрѣнія (самая вѣрная точка зрѣнія, которой держался и Герценъ), подъ признаемъ борьбы между славянскими и германскими (вообще западными) народами; въ польскомъ народѣ видѣлъ свѣточъ просвѣщенія, въ русскомъ—лучшую опору для поляковъ и всего славянства. По занятіи русскими войсками варшавскаго герцогства и въ эпоху вѣнскаго конгресса, онъ энергично и съ полной убѣжденностью провозглашалъ идею единенія всѣхъ славянъ подъ властью русскаго императора. Въ одной изъ своихъ политическихъ брошюръ онъ писалъ: «послѣ того какъ Европа... выразила по отношенію къ намъ (на вѣнскомъ конгрессѣ) полное равнодушіе, поставивъ на одну ступень наше существованіе и уничтоженіе, а воскреситель и первый по возрожденіи король нашъ (Александръ I) указалъ намъ наше назначеніе— *въ братствѣ съ русскими*, въ соединеніи съ нашей древней славянскою семьей,—не забывайте никогда, любезные соотечественники, этихъ моихъ послѣднихъ къ вамъ словъ: соединяйтесь и просвѣщайтесь!» Въ томъ же направленіи Сташиць высказывался и послѣ членамъ одной изъ сеймовыхъ комиссій, пустившихся въ слишкомъ рѣзкія сужденія противъ правительства. Онъ не постѣнился обратиться къ нимъ со словами: «*Ради бога, господа, образумьтесь: вы возобновляете съ престоломъ ссоры*

и споры тѣхъ давнихъ польскихъ сеймовъ, которые погубили Польшу. Бога ради вспомните, кѣмъ вы недавно были. Насъ завоевали, и мы не существовали; великодушный императоръ поднялъ насъ, одарилъ привилегіями, какихъ только мы сами могли пожелать. Едва возвращенные къ жизни, мы, вмѣсто того чтобы выказывать благодарность и разумное послушаніе, возстаемъ, волнуемся — и противъ кого и чего? противъ могущества, которое, подобно тому, какъ создало насъ, можетъ однимъ мановеніемъ и уничтожить».

По утвержденіи русскаго господства въ краѣ, Сташиць нашелъ широкое примѣненіе своимъ ведоужиннымъ силамъ на поприщѣ государственной службы. Во всѣхъ вопросахъ по открытію и организаціи школъ, — университета, института глухонѣмыхъ, гимназій и проч., — въ вопросахъ по устройству фабрикъ, объ усиленіи и развитіи промысловъ и искусствъ, онъ принималъ дѣятельное участіе. Въ 1814 году, подъ руководствомъ Сташица, былъ выработанъ уставъ, подробно опредѣлившій строй и занятія «Общества», а въ 1816 году послѣдовало утвержденіе «Общества» во всѣхъ его прежнихъ правахъ со стороны императора Александра I. Литературно-научная дѣятельность «Общества» оживляется и, между прочимъ появляются сочиненія, съ проблесками стремленій къ сближенію и общенію съ восточными единоплеменниками на почвѣ славянскихъ идей. Адамъ Чарнецкій († 1825) путешествовалъ по славянскимъ землямъ для уясненія доисторическаго быта славянскаго племени. Ксендзъ Чайковскій представилъ въ «Общество» рукопись о древнемъ бытѣ славянъ и поляковъ. Игнатій Раковецкій напечаталъ свое изслѣдованіе о Русской Правдѣ (Варшава, 1820 г.).

Есть сожалѣнію, добрыя сѣмена, посѣянные Сташицемъ, попали на каменистую почву и не принесли хорошихъ результатовъ въ интересахъ русско-польскаго сближенія... Послѣдующія событія 1831 и 1863 г.г. совершенно изгладили изъ памяти поляковъ тѣ добрыя начинанія, представителемъ которыхъ былъ Сташиць.

Повторяемъ, что вышеназванная статья почтеннаго профессора Д. В. Цвѣтаева достойна самаго серьезнаго вниманія со стороны лицъ, интересующихся русско-польскимъ вопросомъ и вполне заслуживала бы изданія отдѣльною брошюрой.

Скупаревскій. Очерки и замѣтки. Выпускъ 1-й. Вильна 1900 г.

Вышеназванные «Очерки и Замѣтки» представляютъ собой крупный интересъ для всѣхъ интересующихся военнымъ міромъ. Мы не будемъ касаться специальныхъ его статей, касающихся военныхъ сферъ, — однако, считаемъ долгомъ обратить вниманіе болѣе компетентныхъ лицъ на его оригинальное и, по нашему мнѣнію, вполне справедливое мнѣніе по нѣкоторымъ военнымъ вопросамъ. Мы же, со своей стороны, остановимся на одной изъ главъ этого выпуска: «Евреи въ войскахъ».

Въ названной главѣ разбирается вопросъ о *роли жидовъ въ русскіихъ войскахъ*. По совершенно-справедливымъ замѣчаніямъ А. Анненскаго (названная глава напечатана за этою подписью) принципы нравственности и чести у евреевъ и христіанъ диаметрально противоположны.

«Нравственный кодексъ, — говоритъ онъ, — выраженный въ моисеевыхъ заповѣдяхъ и перешедшій въ основу христіанской морали, понимается евреями совѣмъ иначе, чѣмъ христіанами: по нашему ученію ближній, братъ — всякій человѣкъ безъ различія вѣроисповѣданія; у евреевъ подъ этимъ понимается *только еврей*. *Ложь и обманъ, даже грабежъ и убійство неевреевъ не считаются у нихъ не только преступленіемъ, но даже и порокомъ*. Вслѣдствіе этого, все то, что въ современномъ образованномъ обществѣ принято считать вопросами чести и благородства,—для евреевъ не обязательно и даже какъ бы непонятно. Образованные евреи соблюдаютъ требованія нравственнаго кодекса того общества, въ которомъ они живутъ, но *только въ силу необходимости и только по внѣшности*,—собственно говоря, лишь потому, что иначе совмѣстная жизнь ихъ съ христіанами была бы невозможна. *Духовной связи между евреями и христіанами никогда не было*, быть не можетъ и потому никогда не будетъ; ихъ связываютъ только матеріальные интересы».

По его мнѣнію, евреи представляютъ изъ себя *паразитный наростъ на государственномъ организмѣ*, и мы должны принять всевозможныя мѣры, чтобы не пустить ихъ въ плоть нашего организма, дабы они не заразили его кровь.

«При такихъ качествахъ евреевъ,—спрашиваетъ онъ,—какую они могутъ приносить пользу арміи при поступленіи въ ряды войскъ? Они увеличиваютъ количественную ея силу; въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ число евреевъ доходитъ иногда почти до 10⁰/о; но *окушаетъ ли это количество то качественное ухудшеніе арміи*, которое происходитъ отъ прилива въ нее евреевъ? Остановимся на этомъ подробнѣе. Еврей-солдаты никогда не сливаются съ остальною массою нижнихъ чиновъ; въ государствѣ еврейская народность является только паразитнымъ наростомъ, но въ арміи этотъ посторонній ей элементъ разлитъ въ войсковыхъ частяхъ равномерно; они не могутъ сродниться въ войскѣ съ остальными народностями, какъ сплавиваются православные, католики, лютеране, магометане и др.; *они всегда остаются чуждыми имъ, но, разстѣянные по цѣлой части, они засоряютъ цементъ, скрпляющій войсковую часть, и тѣмъ ослабляютъ спайку ея*.

«Въ ряды войскъ евреи вносятъ присущіе имъ—обманъ и торгашество. Всѣми кривдами и неправдами они стараются уклоняться отъ военной службы; а, поступивъ въ войска, они изворотливо уклоняются отъ

строю, попадая на нестроевые должности,—въ мастеровые, въ музыканты и т. п. Въ войскахъ евреи всегда сразу выдѣляются своимъ непригляднымъ видомъ, и часто никакими средствами не удается добиться отъ нихъ молодецкой выправки и бравого солдатскаго вида. Если въ ротѣ есть 7—10 человекъ евреевъ, то какъ бы рота ни была хорошо обучена, она никогда не можетъ заслужить репутаціи отличной части: до того *эти евреи портятъ общее благоприятное впечатлѣніе*, производимое остальными людьми».

Но еще больше, чѣмъ въ отношеніи внѣшности, влияние евреевъ вредно отражается на внутреннихъ качествахъ войскъ, особенно въ военное время. Будучи отъ природы трусливы, *не обладая нисколько чувствомъ долга и патриотизма*, евреи остаются на войнѣ въ рядахъ войскъ только изъ страха наказанія за выходъ изъ строя. Но какъ только является возможность избѣгнуть наказанія, они пользуются всякимъ случаемъ для проявленія своихъ пагубныхъ наклонностей.

Въ бою одному негодяю достаточно броситься назадъ, чтобы увлечь за собою десятки людей, которые хотя и держатся въ рядахъ, но внутренне неспокойны. Трусость бываетъ заразительна, и *евреи въ подобныя минуты являются вредною заразою*, которая можетъ дѣйствовать разлагающимъ образомъ даже на самыя хорошія войска».

Всѣми признано, что русскій солдатъ—едва ли не первый въ мірѣ.

«Зачѣмъ же мы въ ихъ среду вносимъ ежегодно эту вредную заразу? Зачѣмъ мы нарочно портимъ эту чудную армію? Въ бочку великолѣпнаго меда мы вливаемъ не ложку, а 3—4 ведра дѣтя. Спросите любого начальника: согласенъ ли онъ лишиться 1—2 ротъ изъ полка, если евреи будутъ выведены изъ строя его войскъ? Всякій согласится на уменьшеніе рядовъ не только на $\frac{1}{3}$, но на цѣлую $\frac{1}{4}$, на батальонъ изъ полка, *лишь бы избавиться отъ этого разлагающаго элемента*».

Изъ евреевъ, при ихъ природныхъ способностяхъ, выходятъ иногда замѣчательные люди, и не только въ практической дѣятельности, но и въ области наукъ и искусствъ: философы, музыканты, ораторы, публицисты и т. п.; но мы не можемъ указать между ними ни одного выдающагося полководца.

Намъ могутъ возразить, что причиною служить то, что евреямъ нѣтъ доступа у насъ къ офицерскому званію. Но и на Западѣ, гдѣ евреи уже давно «полноправны» и служатъ офицерами и даже генералами, что-то не слыхать ни о полководцахъ-жидахъ, ни о герояхъ.

«Нѣтъ,—совершенно справедливо говоритъ авторъ,—это—нація, не способная и не склонная къ военному дѣлу, которое въ основѣ своей имѣетъ такія нравственныя начала, какъ честь, долгъ, самоотверженіе, доблесть, храбрость, мужество. И въ древности, въ героическій періодъ исторіи каж-

даго народа, евреи побѣждали не такъ, какъ другіе: они останавливали солнце и луну; стѣны вражескихъ крѣпостей у нихъ рассыпались отъ звуковъ трубъ; обольстительная красавица измѣннически отрубала голову непріятельскаго военачальника и т. п.».

Въ виду всего вышесказаннаго, авторъ, въ виду государственной пользы, совѣтуетъ лучше отказаться отъ евреевъ-солдатъ и замѣнить для нихъ воинскую повинность денежною. Отъ этого выиграютъ обѣ стороны: государство избавится отъ элемента, имѣющаго вредное разлагающее вліяніе на войска, а сами евреи достигнутъ того, къ чему они уже давно стремятся всѣми силами. Но, при *неравенствѣ обязанностей* передъ государствомъ (воинская повинность—самая тяжкая), евреи—прибавимъ мы—уже не могутъ тогда и заикаться о гражданской «равноправности», приведшей уже во Франціи къ гибельнымъ результатамъ...

Кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Составилъ его племянникъ *Левъ Павлицевъ*. С.-Петербургъ, 1899 г.

Наша литература обильна повѣствованіями о насильственной смерти величайшаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина.

Оно и понятно: великій поэтъ принадлежитъ воей Россіи. Со дня смерти и до самаго послѣдняго времени появилась масса рассказовъ о причинахъ его поединка съ Дантесомъ-Геккереномъ; главная изъ этихъ причинъ падаетъ на Наталью Николаевну — жену поэта, которая будто бы сдѣлала его рогоносцемъ. Левъ Павлицевъ, племянникъ поэта,—на основаніи рассказовъ своей матери Ольги Сергѣевны Павлицевой, родной сестры нашего поэта, и на основаніи рассказовъ современниковъ, друзей семьи Пушкина,—старается снять съ Натальи Николаевны темное пятно, наброшенное на нее поклонниками поэта.

Дѣйствительно, убійца нашего поэта имѣлъ нахальство ухаживать за его женою. Такъ, оставаясь однажды случайно наединѣ съ Наталіей Николаевной въ чужомъ домѣ, онъ вынулъ изъ кармана незаряженный пистолетъ и приставилъ его себѣ ко лбу съ восклицаніемъ: «размозжу себѣ голову, если сдѣлаете меня несчастнымъ».

По словамъ Ольги Сергѣевны, ухаживаніямъ Дантеса Наталья Николаевна не придавала никакого значенія.

«Страсть Дантеса къ Nathalie, — по ея словамъ, впрочемъ, какъ нежная болѣе платоническая, и не приносящая вреда кому бы ни было,—ни для кого не была тайной, что я знала хорошо, когда была въ Петербургѣ, и часто на этотъ счетъ подтрунивала надъ нею».

Даже послѣ смерти поэта, сестра его никогда не рѣшалась сдѣлать упрека своей невѣсткѣ за то, что она послужила причиной поединка ея брата съ Дантесомъ.

Интересна характеристика Дантеса, сдѣланная Ольгой Сергѣевной.

«Двадцатитрехлѣтній Дантесъ,—говорила она мнѣ,—держатъ съ ко-

торымъ поединокъ почти сорокалѣтнему отцу семейства было не стать, — принадлежалъ къ самонадѣяннѣмъ фатамъ, голова которыхъ повинуется языку, а не наоборотъ. Вообразивъ, что никакое женское сердце противъ батарей его очаровательныхъ глазъ устоять не можетъ, умомъ же онъ звѣзды съ неба хватаетъ, — онъ хвалился, особенно передъ женщинами, что ему, — подобно гоголевскому герою «Мертвыхъ душъ», — довелось многое «перетерпѣть за правду», какъ приверженцу французскаго короля Барла X, и, подобно пожилой кокеткѣ, лѣзъ изъ кожи вонъ вербовать себѣ поклонницъ — красивыхъ, дурныхъ, глупыхъ, умныхъ — все равно: удовлетвореніе чувству самообожанія служило молодому кавалергардскому поручику главной житейской цѣлью. Будучи празднымъ съ утра до вечера, бѣсясь, такъ сказать, съ жиру, Дантесъ поступалъ во всемъ очертя голову, никогда ничего не взвѣсивая. Намѣренія разбить семейный очагъ Александра Сергѣевича онъ не имѣлъ. Правда, онъ былъ далеко равнодушенъ къ своей невѣсткѣ, но при всей своей умственной немощи не могъ не видѣть, что она, считая его лишь забавнымъ собесѣдникомъ да ловкимъ танцоромъ, не промѣняетъ на него мужа и дѣтей, а потому и его уважанья ограничивались хотя подъ часъ и неумѣстной, но безцѣльной болтовней».

О женѣ покойнаго поэта та же Ольга Сергѣевна отзывалась такимъ образомъ:

«Недоброжелатели жены брата ставили ей въ упоръ танцы, наряды, свѣтскую болтовню. Конечно, она часто доставляла себѣ удовольствіе потанцовать, наряжаться, да смѣяться въ обществѣ съ тѣмъ, кто, подобно Дантесу, былъ мастеръ смѣшить. Но не надо забывать, что она вышла замужъ 19-ти лѣтъ; когда умеръ братъ, ей и 25-ти не было, такъ какъ она родилась 26-го августа 1812 г. — въ самый день Бородинскаго сраженія; а въ 25 лѣтъ изящны танцы, изящный костюмъ и веселая болтовня. Къ тому же моя невѣстка все это дѣлала свѣдома мужа, которому пересказывала все, что съ ней случалось».

Не смотря, однако, на все стараніе автора оправдать въ глазахъ русскаго общества Наталью Николаевну, ему едва ли это удастся вполне. При чтеніи этой маленькой брошюрки, невольно чувствуется, что виною этой страшной катастрофы была все таки Наталья Николаевна. Она не цѣнила мужа, не дорожила имъ; — ни какъ мужемъ ни какъ величайшимъ поэтомъ Россіи.

Пушкинъ не разъ просилъ ее, не разъ писалъ ей, чтобы она избѣгала уваживаній Дантеса. «Смотри, жонка, — говорилъ онъ ей, — Дантесъ за тобой уваживается: вызову на дуэль, а тогда кого ты пожалѣешь?» — «А того, кто будетъ убитъ». Какое преступное равнодушіе къ мужу! Еслибы она любила и цѣнила своего мужа, какъ должно, то не позволила бы Геккерю-старшему выразиться такъ о поэтѣ: «Вамъ нуженъ не такой

мужъ, какъ вашъ, и на вашемъ мѣстѣ я бы съ нимъ уже давно разстался». Но и Пушкину, какъ мужу, очевидно, нужна была не такая легкомысленная,—если даже и не вѣроломная,—жена.

Жанъ де-ла-Пуленъ. Колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Въ вопросу о военномъ могуществѣ Англіи. Переводъ съ французскаго *В. Кустерскаго.* СПб. 1900 г.

Предъ нами лежитъ очень интересная брошюрка о минимомъ могуществѣ Англіи.

«Могущество Англіи—болѣе воображаемое,—по словамъ автора,—чѣмъ дѣйствительное, ибо основывается главнымъ образомъ на репутаціи, которую сами же англичане установили за собой. Заброшенные въ уголокъ Европы и окруженные со всѣхъ сторонъ моремъ, они говорили о себѣ, что хотѣли; другіе народы, не давая себѣ труда провѣрить на мѣстѣ справедливость ихъ утвержденій, повѣрили имъ на слово».

Авторъ подробно останавливается на изслѣдованіи строя и дисциплины англійскаго войска, какъ морскаго, такъ и сухопутнаго. Къ наемному сухопутному войску,—какъ къ солдату, такъ и къ офицеру,—онъ относится вполне скептически, утверждая, что это войско не можетъ быть грозой для континентальныхъ державъ. Онъ также скептически относится къ англійскому флоту, предъ силою и могуществомъ котораго обыкновенно приходили въ ужасъ европейскія государства. Авторъ лишаетъ насъ и этой иллюзіи.

Остановившись довольно подробно на воспитаніи какъ матросовъ, такъ и офицеровъ, онъ приходитъ къ заключенію, что это воспитаніе и въ научномъ, и въ боевомъ отношеніи далеко не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ и значительно уступаетъ воспитанію матроса и офицера у континентальныхъ державъ. Да и вообще англійскій флотъ страшень болѣе своею численностью, чѣмъ качествомъ. Но и численность не должна страшить континентальныя державы, такъ какъ большинство судовъ, за ветхостью, пора уже было бы сдать въ архивъ.

Для иллюстраціи плохаго состоянія флота авторъ приводитъ списоки погибшихъ судовъ, съ указаніемъ числа человѣческихъ жертвъ.

Названіе корабля.	Жертвы.	Годъ и число
Captain	472 ч.	7 сентября 1870 г.
Eurydice	218 >	24 марта 1878 г.
Atalanta	280 >	> > 1880 г.
Wasp	52 >	22 сентября 1884 г.
Wasp	73 >	> > 1887 г.
Lily	7 >	16 сентября 1889 г.
Serpent	172 >	10 ноября 1890 г.
Victoria	338 >	22 іюня 1893 г.

Итого погибло 8 судовъ и 1,712 человѣкъ.

Причины этихъ несчастій слѣдующія: то причиной является дурная постройка судна, какъ при крушеніи *Captain*, то недостатокъ мореходной опытности,—какъ при гибели судовъ *Eurydice* и *Victoria*,—то совершенное невѣжество офицера, не умѣющаго пользоваться порученными ему инструментами, послужившее причиной гибели 172 человекъ на корабль *Serpent*.

Какъ великъ былъ бы этотъ списокъ,—и безъ того слишкомъ длинный, — еслибы къ нему прибавить всѣ имена англійскихъ кораблей, погибшихъ отъ нерадѣнія и невѣжества офицеровъ, ими управлявшихъ?!

Итакъ, по мнѣнію автора, зданіе британскаго могущества и величія возведено не на крѣпкой скалѣ, а на песчаной отмели, и при первой бурѣ можетъ рухнуть. И, дѣйствительно, событія англо-трансваальской войны съ очевидностью показали, сколько горькой правды для англичанъ заключается въ книгѣ французскаго автора!

ОТГОЛОСКИ.

I.

Посланіе въ сыну.

(Образецъ самобытной еврейской литературы).

Недавно мнѣ въ руки попалъ довольно любопытный документъ,—пространное посланіе 1-й гильдіи купца и богатаго фабриканта, достойнаго Исаака Абрамовича Зельцменша, къ не менѣе достойному сыну его Израилю, въ отвѣтъ на его письмо (въ несчастію, утраченное для потомства!),—письмо, повидимому, содержавшее подробный отчетъ о подвигахъ его, Израиля Зельцменша, на Кавказѣ. Убѣдившись, что вышепоименованное посланіе,—помимо того, что представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи благотворной «просвѣтительной» дѣятельности евреевъ въ Россіи,—можетъ еще своими житейскими совѣтами сослужить добрую службу не одному Израилю, я рѣшился выпустить его въ свѣтъ цѣлкомъ, измѣнивъ лишь языкъ (гдѣ это было нужно) и простительную для 1-й гильдіи купца, уважаемаго Исаака Абрамовича Зельцменша, орфографію нѣкоторыхъ словъ, и выбросивъ или смягчивъ неудобныя для печати выраженія.

189 года, августа 13-го. Тараторскъ.*

«Израиль, сынъ мой!

Вчера получилъ я письмо твое, въ которомъ ты пишешь подробно о своихъ послѣднихъ дѣйствіяхъ, которыя доказываютъ, что ты окончательно исправился, сталъ серьезнымъ челоуѣкомъ и подаешь надежды быть, дѣйствительно, достойнымъ меня сыномъ и честнымъ евреемъ. Полгода тому назадъ, я назначилъ тебѣ содержаніе—тридцать рублей въ мѣсяцъ. Я зналъ, что этого тебѣ слишкомъ мало, но ожидалъ, что ты, не удовольствовавшись этимъ, какъ природный комерсантъ, постараешься тамъ на Кавказѣ,—въ этомъ непочатомъ углу,—найти выгодное дѣло, и я не

ошибся: теперь ты пишешь, что приобрѣлъ на комисію въ какомъ-то захолустѣ изрядное количество табаку и заработалъ на немъ полторы тысячи рублей. Для начала это недурно! Одобряю. Но еще больше доволенъ я тобой за то, что ты не упустилъ изъ виду и моихъ интересовъ. Я не сержусь на тебя за то, что ты истратилъ довольно кругленькую сумму, чтобы *подмазать* кого слѣдуетъ. Конечно, подмазка у меня стояла бы гораздо дешевле, но для тебя, какъ для неопытнаго еще комерсанта, это простительно.

Теперь ты въ такихъ лѣтахъ, что пора начинать уже самостоятельную жизнь, стать на свои ноги и идти вѣрнымъ путемъ къ намѣченной цѣли,—къ торжеству нашего избраннаго племени. Моя задача почти уже кончена, и теперь мнѣ остается ждать вознагражденія за всѣ мои труды и нѣжныя заботы о тебѣ. Одного я боюсь: ты еще слишкомъ молодъ, способенъ увлекаться, а потому я, какъ человѣкъ, искушенный жизнью, выдавшій на своемъ вѣку всякіе виды, обходившій на своемъ пути къ намѣченной цѣли всякія препоны и преграды, рѣшилъ дать тебѣ совѣтъ, подкрѣпивъ его примѣрами изъ собственной жизненной практики и жизни великихъ во израилѣ людей. Оцѣни же мой совѣтъ по достоинству, припомнивъ всѣ мои заботы о тебѣ. Ты знаешь, что я самъ — человѣкъ малообразованный, и хотя это не помѣшало мнѣ изъ простаго крошечника табаку достигнуть положенія богатаго и всѣми уважаемаго фабриканта, все же я всегда высоко цѣнилъ образованіе, особенно для еврея, такъ какъ оно много помогаетъ ему въ его положеніи. Поэтому вспомни, какъ я старался всѣми силами дать тебѣ приличное образованіе. Сперва я помѣстилъ тебя въ комерческое училище, но ты мало успѣвалъ въ наукахъ и былъ исключенъ, не смотря на то, что я, не жалѣя, посылалъ цѣлыя ящики съ сигарами и директору, и учителямъ. Но я не унывалъ и думалъ выпихнуть тебя въ гимназію. Это не удалось. Я ничего не жалѣлъ и нанималъ учителей готовить тебя къ экзамену на аптекарскаго ученика,— конечно, не съ цѣлью сдѣлать изъ тебя жалкаго аптекаря. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, мои старанія увѣнчались успѣхомъ: ты въ прошломъ году получилъ требуемое званіе, и черта еврейской осѣдлости для тебя—слава Ягве!—не существуетъ. Слава богу, все теперь уладилось: ты числишься— конечно—на бумагѣ въ аптекѣ Зильберштейна, а самъ занимаешься табачными спекуляціями ¹⁾, которыми, конечно съ помощью Ягве, и я нажилъ капитадецъ. Обо всемъ постарался я, вывелъ тебя на дорогу, и теперь благословляю тебя на самостоятельную жизнь, на борьбу (въ которой да ниспошлетъ тебѣ богъ-Адонай полную побѣду!!) съ отверженной богомъ половиной человѣчества...

¹⁾ Премудрый Исаакъ Зельцманъ, очевидно, торопился воспользоваться лазейкою, которую только недавно закрылъ для жидовъ кассационный сенатъ своимъ разъясненіемъ.

Помни мои слова, не пренебрегай моими наставленіями,—и благо тебѣ будетъ, сынъ мой! Прежде всего, знай, что на *свѣтъ нѣтъ ничего сильнѣе денегъ* (подчеркиваю для твоего особаго вниманія); ими все можно сдѣлать; нѣтъ такого закона, котораго *нельзя было бы обойти съ ихъ помощью*. Пусть у русскаго дуралея-мужика міръ на трехъ вилахъ стоять, а ты знай себѣ, что нашъ еврейскій міръ стоитъ на деньгахъ и вмѣстѣ съ ними пускаетъ себя въ оборотъ. Поэтому, если хочешь быть по истинѣ «сильнымъ міра сего», не добивайся ни почестей, ни уваженія, ни чиновъ (хотя и чины—весьма не лишнее!)—добейся только богатства, и все остальное будетъ дано тебѣ, какъ бесплатное приложеніе, безъ всякаго труда. Будешь богатъ,—и все будетъ трепетать предъ тобой, все склонится предъ твоимъ грознымъ, всесильнымъ оружіемъ — золотомъ; всѣхъ будешь ты крѣпко держать въ своей рукѣ, вить веревки изъ всякаго. Всѣ будутъ плясать подъ твою дудку; изъ враговъ сдѣлаются не только союзниками, но и низкопоклонными холопами, слѣпыми исполнителями твоихъ стремленій, всецѣло клонящихся на пользу богомъ избраннаго народа. Да, сынъ мой, добивайся золота, но знай, что на пути къ нему тебя ожидаютъ препятствія, которыя надо обходить съ мудрой осторожностью. Своихъ убѣжденій цестнаго ¹⁾ еврея не выказывай и скрывай ихъ до поры до времени въ самой глубинѣ души... Если ты натолкнешься на борьбу сильнаго со слабымъ,—всегда будь на сторонѣ сильнаго, старайся *примѣниться* къ человѣку, а тогда уже дѣйствовать; однимъ словомъ, всегда дѣйствуй примѣнительно къ обстоятельствамъ, какъ подскажетъ тебѣ твой изворотливый умъ, взвѣшивающій каждый шагъ, а отнюдь не глупое сердце, дѣйствующее по первому впечатлѣнію. Въ этомъ случаѣ сошлюсь на себя. Года два тому назадъ, занималъ я квартиру у одного русскаго, заклятаго нашего врага. У меня возгорѣлось желаніе сбить съ него спѣсъ; я рѣшилъ не заплатить слѣдующихъ съ меня за квартиру двухсотъ рублей, благо письменнаго условія у насъ не было. Квартирный хозяинъ былъ человѣкъ небогатый и потеря двухсотъ рублей для него была очень чувствительна. Я зналъ, что онъ подастъ на меня мировому, но надѣялся выиграть дѣло при помощи бойкаго адвоката изъ нашихъ. Но здѣсь случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное: этотъ ненавистный для меня человѣкъ получилъ задолго до разбора дѣла предварительный листъ, и въ самый день нашей пасхи,—когда у меня было много именитыхъ гостей,—явился съ приставомъ описывать... кого?.. меня, богатаго фабриканта!! И я снесъ это кровное оскорбленіе, такъ какъ самъ сознавалъ себя виноватымъ: — бросилъ вызовъ гнусному нечестивцу, не посовѣтовавшись заранѣе съ адвокатомъ, не принявъ во вниманіе какихъ нибудь мелочей...

Не послѣднее дѣло,—скажу тебѣ еще,—быть, разумѣется наружно,

¹⁾ Почтенный Исаакъ, владѣющій недурно (для своего происхожденія) *воинскими* русскими языкомъ, спотыкается... только на «честности».

человѣкомъ своего времени (оставаясь внутренне все тѣмъ же евреемъ). Вотъ, напримѣръ, теперь повсюду господствуетъ такъ называемое «либеральное» направленіе. Направленіе это—какъ говорить нашъ ученѣйшій раввинъ Сэндеръ Ицксонъ,—ломанаго гроша не стоитъ само по себѣ, но для насъ оно можетъ быть очень полезно... конечно, при умѣломъ пользованіи этимъ орудіемъ. Либерализмъ будетъ у насъ маской, подъ прикрытіемъ которой мы можемъ значительно усилиться и обезоружить своихъ враговъ. Будь наружно завязатымъ либераломъ, и ты приобрѣтешь уваженіе малосмыслящей русской «интеллигенціи», а, пожалуй, чего добраго, сдѣлаешься еще и вожакомъ либеральной партіи въ «Сынѣ Отечества» (конечно, отечества израильскаго) и воспользуешься ей, какъ сырымъ матеріаломъ, какъ грубой силой для достиженія своихъ личныхъ интересовъ, — уже не либеральныхъ, а капиталистическихъ. Я самъ—настоящій набожный еврей, что называется стараго закала, но не запрещаю тебѣ, — если того потребуютъ обстоятельства,—перейти въ христіанство. Это ничего не значить: ты не потеряешь уваженія своихъ, лишь бы въ душѣ остался цѣстнымъ евреемъ...

Въ этомъ отношеніи, тебѣ можетъ послужить великимъ примѣромъ для подражанія нашъ выдающійся дѣятель Соломонъ Яковлевичъ Ляшкевичъ. Кто у насъ въ Тараторскѣ первое лицо?—Ляшкевичъ. Кто на прошлой недѣлѣ получилъ чинъ тайнаго совѣтника? Ляшкевичъ. Кто въ прошломъ году получилъ потомственное дворянство со внесеніемъ въ книгу (чему сильно противятся проклятые гои)—Ляшкевичъ. Кому то и дѣло жалуются ордена? Соломону Яковлевичу. Чье имя можно встрѣтить на страницахъ мѣстной газеты? Соломона Яковлевича. А кто такой,—спросишь ты,—этотъ Соломонъ Яковлевичъ? Самый настоящій благоцестивый еврей (хотя и принявшій наружно католицизмъ) такой же, какъ и мы съ тобой; простой еврей безъ образованія, бывшій кабачикъ, а теперь владѣлецъ обширныхъ земель и двухъ бацковъ съ отдѣленіями въ важнѣйшихъ городахъ, мѣстный благотворитель и... строитель синагоги. Къ слову сказать, наши синагоги уже становятся на мѣсто гоимскихъ храмовъ. Какимъ же образомъ онъ достигъ такого положенія?

А вотъ какъ,—слушай!! Тридцать лѣтъ назадъ, Соломонъ Яковлевичъ и старшій его братъ Самуилъ держали нѣсколько кабаковъ. Вѣрнѣе, кабаки держалъ Самуилъ, а Соломонъ былъ у него повѣреннымъ. Самуилъ, — по своимъ способностямъ, чловѣкъ недюжинный, — сколотилъ изрядный капитадецъ, давая подъ вѣрное обезпеченіе деньги здѣшнимъ простакамъ-помѣщикамъ; затѣмъ бросилъ кабацкое дѣло и задумалъ устроить банкирскую контору. Въ это самое время, на югѣ Россіи стали процвѣтать желѣзныя дороги, и Самуилъ устроилъ акціонерную компанію для проведенія дороги къ Тараторску, уже въ то время бывшему важнымъ портовымъ городомъ. Главнымъ акціонеромъ былъ, конечно, Самуилъ, а Соломонъ

опять взял на себя скромныя обязанности вѣреннаго. Вотъ здѣсь-то и началась полезная дѣятельность Соломона!

Дѣло въ томъ, что всѣ матеріалы для строящейся дороги привозились изъ-за границы и съ гавани доставлялись за нѣсколько верстъ на вокзалъ. Для доставки этого матеріала требовалось по меньшей мѣрѣ десять тысячъ лошадей, что давало довольно большой заработокъ тысячамъ мѣстныхъ дрягилей. Соломону Яковлевичу пришла счастливая мысль—провести отъ гавани до вокзала особую вѣтку, которая составляла бы уже его неотъемлемую собственность. Съ этой цѣлью Соломонъ Яковлевичъ угостилъ мѣстныхъ городскихъ воротилъ роскошнымъ обѣдомъ—и получилъ во временное пользованіе, для устройства вѣтки, полосу городской земли отъ гавани до вокзала. Проложивъ вѣтку,—устройство которой, къ слову сказать, ему ни копѣйки не стоило, такъ какъ, завѣдуя постройкой дороги, онъ почти безконтрольно распоряжался матеріаломъ,—нашъ Соломонъ Яковлевичъ сталъ класть въ свой карманъ заработокъ, выпадавшій на долю тысячъ людей. Между тѣмъ, постройка дороги кончилась, а вѣтка и городская земля все оставались въ его рукахъ и приносили солидный доходъ. Городъ затѣялъ было процессъ, но этотъ великій человекъ сумѣлъ замять его во-время и, въ концѣ концовъ, продалъ вѣтку правительству за довольно круглую сумму. Такимъ образомъ, онъ сколотилъ этой спекуляціей нѣсколько милліоновъ, основалъ на акціонерныхъ началахъ нѣсколько банковъ, затѣмъ перешелъ въ католичество (конечно, только для виду) и вотъ теперь, на старости лѣтъ, пожинаетъ обильные плоды праведныхъ трудовъ своихъ!! Теперь онъ закупилъ имѣній, живетъ съ царской роскошью, а у его Рохли, которая когда-то сидѣла за кабацкой стойкой, теперь цѣлый штатъ компаньоновъ, предупреждающихъ ея малѣйшее желаніе; ѣздитъ она теперь не иначе какъ въ сопровожденіи гайдуковъ. По временамъ, раза три въ годъ, Соломонъ Яковлевичъ бросаетъ нѣсколько сотенъ бѣднякамъ, которыхъ когда-то своей «вѣткой» («вѣтка Палестины»!) лишилъ заработка, и эти дураки за свое же добро благодарятъ его. Впрочемъ, самому тебѣ, я думаю, приходилось читать въ мѣстной газетѣ:

«Тайный совѣтникъ Ляшкевичъ пожертвовалъ на бѣдныхъ города Тараторска сто рублей». «Тайн. с. Ляшкевичъ отпустилъ для бѣдныхъ тысячу пудовъ угля». Да, онъ броситъ болванамъ крупницу, какуюнибудь сотняжку, а они его за это на рукахъ носятъ, благословляютъ своего благодѣтеля, слѣдятъ за каждымъ его шагомъ. Въ этой же мѣстной газетѣ (положимъ, сотрудники въ ней все больше изъ насихъ) ты можешь прочесть: «Тайный совѣтникъ Ляшкевичъ изволилъ отбыть въ Петербургъ»; «изволилъ прибыть въ Тараторскъ»; «отпустилъ сто рублей на ремонтъ православной церкви въ своемъ имѣніи Ивановскомъ»; «отпустилъ десять рублей на выписку учебниковъ для ивановской сельской школы». Однимъ словомъ, ты видишь, что человекъ окруженъ почетомъ, уваженіемъ со

стороны російскаго общества; но спроси ты, пересталъ ли онъ быть евреемъ, — нѣтъ, всегда онъ имъ былъ, есть и будетъ!! Если онъ бросаетъ русскимъ холопамъ подачки сотнями рублей, то насъ, евревъ, поддерживаетъ тысячами, Десятками тысячъ! Загляни опять въ ту же газету и ты увидишь, что онъ не забываетъ насъ: «6-го іюня въ еврейскомъ училищѣ талмудъ-торы состоялись экзамены въ присутствіи именитыхъ гостей: тайн. с. Соломона Яковлевича Ляшкевичъ, супруги его Рохли Захаровны, старосты синагоги Оберъ-Шмуклера и др. Выслушавъ бойкіе отвѣты нѣсколькихъ учениковъ и одобривъ основательное знаніе молитвъ и нѣкоторыхъ изреченій изъ талмуда, Соломонъ Яковлевичъ роздалъ всѣмъ ученикамъ по три рубля и отпустилъ крупную сумму на усиленіе средствъ бесплатной столовой для бѣдныхъ еврейскихъ дѣтей». Но это все еще пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, чтó онъ дѣлалъ и дѣлаетъ для насъ. Будь у насъ побольше людей съ такимъ вѣсомъ и положеніемъ, а—главное—капиталами, проклятая черта ослѣдлости давно была бы уничтожена!! Да, такой человѣкъ ни предъ какими средствами не остановится для достиженія своей цѣли, потому что все преклонится, все падетъ предъ силой его изворотливости и золота. Да, для насъ онъ ничего, никакихъ затратъ не жалѣетъ! Вотъ, напримѣръ, недавно онъ купилъ на берегу моря участокъ земли, выстроилъ громадный роскошный дворецъ съ садами, фонтанами, водопроводомъ, электрическимъ освѣщеніемъ, выписалъ изъ-за границы великолѣпную мебель и любезно предложилъ этотъ замокъ въ подарокъ сильному міра, надѣясь этимъ путемъ добиться въ край ослабленія надвора за нами; но здѣсь столкнулся съ непроходимой человѣческой глупостью и хотя говорятъ, что никто себѣ не врагъ, но сановникъ оказался именно такимъ врагомъ самому себѣ, щепетильнымъ педантомъ, и... отказался отъ дворца, такъ что потраченныя суммы пропали даромъ! Этотъ примѣръ я привожу для того, чтобы показать, что для насъ Соломонъ Яковлевичъ ничего не пожалѣетъ, а между русскими такихъ педантовъ мало.

Я предвижу, что ты, какъ человѣкъ молодой, судящій обо всемъ поверхностно, не вникая въ суть вещей, скажешь, что поступки Соломона Яковлевича не безупречны, что онъ поступалъ безнравственно, лишая русскихъ дураковъ заработка, оттягавъ у города землю, принявъ наружно христіанство... Но вникни поглубже, вспомни изреченія талмуда, безсмертныя слова нашихъ мудрецовъ: что *по отношенію къ иноплеменикамъ все дозволено*, всѣ средства честны предъ еврейскимъ богомъ, — тѣмъ болѣе, что намъ, небольшому по численности народу, предстоитъ, — какъ говорить Ягве устами нашихъ мудрецовъ, — наслѣдовать всю землю, подчинивъ себѣ всѣ народности. Ты скажешь, что борьба съ цѣлымъ міромъ невозможна, а потому и бесполезна, но ты сильно ошибешься, сынъ мой! Вспомни, какъ слабый юноша Давидъ побѣдилъ, благодаря своей хитрости, исполина Голиафа. Вспомни объ этомъ, поразмысли, — и ты при-

дешь къ заключенію, что все возможно. Развѣ одинъ Соломонъ Яковле-вичъ не ослабилъ дѣльми тысячи нашихъ враговъ? А что будетъ, если Соломоны Яковлевици появятся у насъ тысячами, десятками тысячъ и, захвативъ въ свои руки всѣ капиталы, поработятъ міръ?! Прими также во вниманіе, что слова Ягве исполняются уже теперь буквально, что невозможное прежде для людей теперь становится возможнымъ, что сами враги наши служатъ намъ союзниками: — возьми хоть нынѣшнее либерально-пустозвонное направленіе. Развѣ мы изъ него не можемъ извлечь такихъ же выгодъ, какія извлекали изъ консервативнаго? Развѣ мы не обратили себѣ на пользу даже ограничивающіе наши права грозные законы? Да, законъ строгъ, неумолимъ; его, какъ и дубъ, лбомъ не прошибешь, но все обойдется отлично, если ты замѣтишь, что законъ-то, хоть и дубовый, но топорной грубой работы, со щелями: вотъ ты и протискивайся черезъ эти щели-лазейки, и самъ же законъ будетъ служить тебѣ надежной защитой, а ты, забившись въ дыру, можешь въ темнотѣ дѣлать, что тебѣ угодно...

Вспомни также, сынъ мой, что враги наши не предвидать грозящей имъ опасности, не заботятся объ оборонѣ. Между тѣмъ какъ мы напрягаемъ всѣ силы къ захвату капиталовъ исключительно въ свои руки, не заботясь ни о наукахъ, ни объ искусствахъ, враги наши дѣлаютъ полезныя открытія, изобрѣтенія, создаютъ художественныя произведенія. И что же? Развѣ они одни пользуются трудами рукъ своихъ? Ничуть не бывало. Совсѣмъ наоборотъ: пользованіе всѣми добытыми результатами принадлежитъ лишь тому, у кого въ рукахъ золото. А у кого оно сосредоточивается? У насъ, избранниковъ божіихъ. Такъ-то, сынъ мой, повторяю тебѣ, борьба съ врагами непременно кончится въ нашу пользу. Вотъ тебѣ примѣръ — Россія. Развѣ западныя ея губерніи не въ нашихъ рукахъ, развѣ ихъ экономическое развитіе не парализовано? Теперь возьми югъ, возьми такіе центры, какъ Одесса, Бердичевъ, Кіевъ, Ростовъ и др., куда мы проникли и задаемъ тонъ повсюду: въ торговлѣ, въ промышленности, въ юриспруденціи, въ печати, — это мѣ можемъ двигателѣмъ нашего времени. О, мы проникнемъ въ каждый уголокъ Россіи: въ центральную Сибирь, на Кавказъ, въ Туркестанъ, на крайній сѣверъ, на дальній востокъ, ударимъ въ самый центръ. Только бы отмѣнили проклятую *черту осёдлости*!! А другія государства развѣ уже не въ нашихъ рукахъ? Возьми ты только процессъ Дрейфуса. Развѣ онъ не доказываетъ нашего всемогущества? Будь осужденъ и сосланъ другой ктонибудь, а не еврей, развѣ поднялся бы такой гвалтъ? Вовсе нѣтъ. Но Дрейфусъ — еврей, а это другое дѣло: мы громко на весь міръ возвышаемъ свой голосъ въ его защиту, и отъ этого грознаго крика потрясается, чуть не раздирается на части внутреннею смутю цѣлое государство. Да, безспорно, цивилизованная страна почти въ нашихъ рукахъ. Покончивъ съ ними, мы двинемся въ

Африку, въ южную Азію. Это я передаю тебѣ слова нашего извѣстнаго раввина, знатока всемірной еврейской политики. Онъ говоритъ такъ: «пусть англичане, нѣмцы, французы проложатъ намъ путь, устелятъ его своими трупами, а мы придемъ на готовое, извлечемъ богатства откуда только можно будетъ, и съ ихъ помощью вѣрнѣе, чѣмъ грубой силой, поработимъ міръ». Пусть европейцы пытаются призрачной надеждой *ассимилировать* насъ (вотъ чудачки!), растворить насъ въ своей массѣ, лишить самобытности. Нѣтъ, никогда этому не бывать: объ этомъ говоритъ вся наша исторія. Ассимилировались ли мы съ египтянами, финикіянами, греками, римлянами? Нѣтъ мы доказали уже, что всегда будемъ солидарны только между собою,—и въ этомъ наша сила; иначе мы давно исчезли бы съ лица земли, перестали существовать, какъ нація, всегда одна и та же, съ одними и тѣми же идеалами и стремленіями, не измѣняющимися ни при какихъ условіяхъ, куда бы и между какихъ бы народностей ни забросила насъ судьба. «Да, когда мы покоримъ весь міръ,—говоритъ раввинъ Сендеръ Идиксонъ,—сами мы, какъ избранный народъ, ассимилируемъ остальное выродившееся человѣчество, которое и будетъ въ нашемъ всемірномъ государствѣ составлять *низшее сословіе*, нести служебныя обязанности, и тогда-то настанетъ время, предсказанное въ талмудѣ нашими великими пророками,—такъ называемое время пришествія мессіи.

Теперь, сынъ мой, когда ты познакомился съ великой основной идеей нашего народа, я увѣренъ, ты не будешь колебаться и постарайся внести свою лепту въ нашу общую сокровищницу, положишь свой камень въ великое зданіе нашего храма. Да пошлетъ тебѣ Ягве силы выполнить твою скромную задачу, и да поможетъ смотрѣть съ твердостью истиннаго мужа, съ холоднымъ презрѣніемъ на слезы и вопли попираемыхъ тобою враговъ. Ты молодецъ, сынъ мой Израиль, но въ тебѣ течетъ моя благородная кровь, бьется мое сердце и работаетъ мой изворотливый умъ,—и я надѣюсь, что ты блестящимъ образомъ оправдаешь мои надежды!

Подвизаясь на своемъ опасномъ поприщѣ, подкрѣпляй себя мыслью, что ты не одинъ, что у тебя всюду есть единомышленники, которые въ случаѣ опасности выручатъ тебя изъ бѣды, *если только*...

Дальше нѣсколько листовъ въ рукописи было утеряно, а оставшіяся послѣдніе—содержали въ себѣ наставленія о выборѣ подруги жизни, объ отношеніяхъ къ ней, и вообще касались семейной среды, а потому мнѣ показалось, что они имѣютъ отношеніе къ одному Израилю и лишены важнаго общественнаго значенія.

Какъ ни досадно отсутствіе нѣсколькихъ листовъ, все же мы можемъ сказать, что почтенный родитель, въ сохранившейся части рукописи, передалъ все наиболѣе важное и выполнялъ такимъ образомъ по отношенію къ сыну свой родительскій долгъ.

Максимъ Ячный.

II.

Изнанка еврейскаго вопроса.

(Корреспонденція изъ Парижа).

Вопреки мнѣнію «либераловъ» всѣхъ странъ, которые видятъ разрѣшеніе еврейскаго вопроса въ томъ, чтобы броситься въ объятія тѣхъ же ненавидящихъ насъ евреевъ, мало-по-малу сущность еврейскаго вопроса начинаетъ таки выясняться въ своемъ истинномъ свѣтѣ, и «антисемитизмъ» приобретаетъ все болѣе и болѣе послѣдователей. Нельзя отказать газетѣ Дрюмона «Libre Pape» въ важной роли, которую она разыгрываетъ въ этомъ отношеніи для западной публики. Недаромъ «либеральный» кабинетъ Вальдека-Руссо-Мильтера¹⁾ склоненъ наложить печать молчанія на прессу, подъ давленіемъ вліятельныхъ финансовыхъ тузовъ, открыто заявляющихъ, что послѣ дѣла Дрейфуса имъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, двадцатилѣтній срокъ *молчанія*. Ежедневная критика еврейскихъ злоупотребленій, еврейской эксплуатаціи и еврейскихъ хищничествъ раскрыла многимъ глаза насчетъ пресловутой еврейской гуманности и либерализма, прославляемыхъ изо дня въ день рептиліями всесвѣтной прессы, во главѣ которой стоятъ тѣ же жида. Эта двойная игра — эксплуатація бѣднаго люда безсовѣстными аферистами и прославленіе этихъ аферистовъ ихъ собратами въ прессѣ — теперь обнаружена и разоблачена воочію. Овладевъ золотомъ всего свѣта, евреи уже не смѣютъ разыгрывать роль угнетенной невинности, и ихъ жалостный «гевалтъ» по поводу какихъ-то преслѣдованій и притѣсненій уже не способенъ взволновать кого бы то ни было.

Есть, однако, одна сторона въ еврейскомъ вопросѣ, которая, какъ намъ кажется, часто упускается изъ виду безпристрастными публицистами и нарочно замалчивается еврейской прессой. А вопросъ этотъ важный и проливаетъ потоки свѣта на пресловутую еврейскую «этику», которой близорукіе «гои» увлекаются ради ея либерализма.

У всѣхъ другихъ народовъ, особенно у христіанъ, народонаселеніе дѣлится на классы, смотря по занятіямъ и образованію. Такимъ образомъ, есть земледѣльцы, ремесленники, воины и т. д. У евреевъ же есть собственно только два класса: бѣдные и богатые. При этомъ бѣдный классъ евреевъ, пріютившійся, на наше несчастье, въ предѣлахъ російской имперіи, отличается, какъ извѣстно, такимъ невѣжествомъ, такой матеріальной и духовной нищетой, какую не встрѣтишь ни у одного другаго народа. Спрашивается, отчего же г.г. миллионеры-евреи, ратующіе такъ громко за гуманность и цивилизацію, не раскопелываются съ цѣлью

¹⁾ Мильтера — по происхожденію полу-еврей.

поднять нравственное и матеріальное благополучіе своихъ единовѣрцевъ?! Гдѣ эти учителя, доктора, гуманисты, которые пожертвовали бы своимъ знаніемъ и временемъ, чтобы цивилизовать, хотя нѣсколько, фанатическую массу своихъ братьевъ по крови и вѣрѣ?

Были, правда, какія-то рекламныя попытки барона Гирша устроить еврейскую колонизацію, но, какъ извѣстно намъ, ни къ чему не привели. А не привело это ни къ чему по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что въ этихъ попыткахъ не было никакой искренности; а, во-вторыхъ, потому что привычка самихъ евреевъ жить какъ бы впроголодь, но насчетъ другихъ націй, вошла въ плоть и кровь ихъ вѣковаго шатанія среди этихъ націй. Еврейской этикѣ представляется гораздо болѣе заманчивый идеаль: покорить постепенно міръ приобрѣтеніемъ міроваго богатства и, благодаря золоту, держать всѣ другія націи въ экономическомъ рабствѣ. Удастся ли имъ это — еще вопросъ; но въ данную минуту экономическаго строя ихъ планъ исполняется какъ нельзя лучше съ удивительной, систематической правильностью. Потому всѣ эти колонизаціи, а также нововыдуманный «сіонизмъ» служатъ евреямъ только для отвода глазъ и никакого результата не даютъ и не дадутъ. Въ этомъ ожиданіи «міроваго господства» заключается объясненіе терпѣнія, встрѣчаемаго въ массѣ забитаго еврейскаго плебса, — терпѣнія, облегчаемаго также извѣстіями о невиданныхъ финансовыхъ успѣхахъ (въ Парижѣ, Лондонѣ Берлинѣ или Петербургѣ) разныхъ Мовшей и Ханмовъ, вышедшихъ изъ его темныхъ нѣдръ. Такимъ образомъ, вся постановка еврейскаго вопроса лежитъ на глубоко-безнравственномъ основаніи: христіанскій идеаль жизни, состоящій въ трудѣ и нравственномъ прогрессѣ, замѣняется у еврея алчностью къ деньгамъ ради денегъ и эгоистическимъ властолюбіемъ. Такая этика, дѣйствительно, выдвигаетъ изъ еврейской среды единичныхъ личностей, обладающихъ сказочными богатствами, въ то время какъ масса остается на низшей ступени гражданскаго и нравственнаго развитія. Такой результатъ представляетъ собой наглядное доказательство того надувательства, которое скрывается подъ словами «гуманность» и «либерализмъ» у господъ интеллигентныхъ евреевъ. Поддержка, которую оказываютъ другъ другу евреи, не основана на чувствѣ братства и гуманности: это просто политической пріемъ въ борьбѣ съ христіанами, та взаимная поддержка, которая въ уголовномъ кодексѣ носитъ названіе «пособничества» и «сообщничества». Въ этой солидарности есть, впрочемъ, и другая дѣль, о которой не мѣшаетъ подольше поговорить.

Нѣтъ никакого сомнѣнія для всякаго, кто изучалъ экономическую эволюцію послѣдняго столѣтія, что неисчислимые богатства еврейской плутократіи возникли исключительно изъ самаго мутнаго источника биржевой игры, ростовщичества или безнравственной эксплуатаціи человѣческихъ потребностей. Приобрѣвъ такую страшную силу и вліяніе среди

христіанскаго народонаселенія, съ которымъ евреи не желаютъ сливаться, они все таки не безъ опасенія чувствуютъ свою изолированность, которая выдвигается еще болѣе, благодаря прибрѣтенному хищничеству выдающемуся положенію. Для того чтобы замаскировать эту изолированность, жида прибрѣгаютъ къ двумъ средствамъ. Первое состоитъ именно въ томъ, чтобы крупными пожертвованіями и подкупомъ еврейской прессы взбалтывать въ свою пользу евреевъ всѣхъ странъ и искать защиты въ поднятѣмъ такимъ образомъ еврейскомъ гвалтѣ. Дрейфусовская эпопея обязана именно этому принципу. Страшный шумъ, поднятый изъ-за этого подозрительнаго субъекта, имѣлъ единственною цѣлью показать «гоимъ» силу еврейской солидарности, въ видѣ предостереженія въ будущемъ. На этомъ чувствѣ самосохраненія и зиждется вся еврейская солидарность между собой, а не на какихъ нибудь высокихъ чувствахъ, которыя давно исчезли изъ кодекса еврейской нравственности.

Другое средство, придуманное евреями, чтобы точнѣе угнѣздиться среди христіанъ, — это породниться, *только черезъ женщинъ*, съ разорившимися, но титулованными аристократами.

Но остановимся подольше на еврейской солидарности. Какъ мы сказали, она основана вовсе ни на чувствахъ «братства» и «гуманности», а практикуется крупными капиталистами ради *заstraщиванья христіанъ*. Нищенскія пособія, выдаваемые кагаломъ своимъ единовѣрцамъ, служатъ только маской для еврейскаго жестокосердія, которое они примѣняютъ en grand въ своихъ отношеніяхъ къ христіанамъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря жидовской прессѣ, составилаь какая-то дикая легенда о либерализмѣ и гуманности богатыхъ евреевъ, — легенда, разбиваемая въ пухъ и прахъ самими бѣдными жидами, если искренно поговорить съ ними «по душѣ» на эту тему... Однимъ словомъ, самое существованіе еврейскаго плебса, закабаленнаго своими банкирами и раввинами, составляетъ гнуснѣйшій видъ терпимаго донынѣ рабства.

Но главную выгоду изъ этой легенды о «либерализмѣ» и «гуманности» извлекаютъ тѣ евреи, которые занимаются въ христіанскомъ обществѣ такъ называемыми «свободными профессіями». Вотъ эти-то молодцы и носятъ въ себѣ тотъ рафинированный ядъ, дѣйствіе котораго гораздо опаснѣе открытаго цинизма и грубаго хищничества. Вотъ гдѣ и можно наблюсти явленія, представляющія собой *изнанку еврейскаго вопроса!*

«Евреи-интеллигенты» — это тѣ космополиты, которые только что взбудоражили всю Францію и стремятся пошатнуть національное чувство во всѣхъ странахъ міра. Недаромъ уже противъ нихъ, — во всѣхъ странахъ, гдѣ сохранилась хоть искра честнаго патріотизма, — поднимается все выше и выше волна народнаго негодованія.

Жида витаютъ въ сферѣ какого-то нравственнаго «небытія», гдѣ возвышается, однако, одинъ богъ — золотой тѣлець. Отставши отъ своего

еврейскаго народа, они *не сблизились ни съ какой національностью* и руководятся животнымъ принципомъ — сохраненія своей личной пользы. Благодаря этому принципу, они внесли во всѣ сферы, куда только успѣли проникнуть, извѣстные «либеральные» взгляды, состоящiе въ полномъ безвѣрiи, безпринципности, національномъ хамелеонствѣ и гнуснѣйшей продажности. Возьмите адвокатуру, художество, даже научную карьеру: вы всюду увидите примѣненiе одного и того же принципа. Если такому жиду составлять препятствiе его архаическая псевдо-религiя онъ тотчасъ мѣняетъ ее, какъ перчатки. Нужно ли зачитать завѣдомыхъ воровъ, мошенниковъ или даже прямо разбойниковъ (какъ въ знаменитомъ шкловскомъ побойщѣ) никто не приметъ за это лучше еврейскаго адвоката. Выгодно ли еврею-художнику въ скульптурѣ или живописи изобразить то, что противорѣчитъ его понятiямъ и возбуждаетъ въ немъ только одну ненависть,—онъ не задумается взяться за всякiй сюжетъ: было бы ему хорошо заплачено. А когда христiанинъ невольно удивляется такой покладливости, еврей имѣетъ уже готовое оправданiе: его «гуманность» и «либерализмъ» не стѣсняются никакими божескими и человѣческими законами. Сдѣлай то же самое христiанинъ,—всякiй назоветъ его подлецомъ и ренегатомъ.

Еврей же ставитъ себя, по тѣмъ же мотивамъ, на пьедесталъ. Сакраментальныя слова: «правда и справедливость», нагло примѣненныя недавно въ дѣлѣ капитана, занимавшаго должность въ сыскомъ отдѣленiи военнаго штаба, показываютъ, до какихъ геркулесовыхъ столповъ могутъ дойти еврейскiе и еврействующiе интеллигенты!

Было бы давно пора вывести этихъ господъ на чистую воду и понять разъ навсегда, что безцеремонный еврей,—называется ли онъ «интеллигентомъ», или какъ нибудь иначе, — остается только негодеемъ, а вовсе не «либеральнымъ» человѣкомъ. Слѣдовало бы понять, что въ данномъ случаѣ слово «интеллигентъ», примѣняемое къ одной ловкой эксплуатацiи, есть чистѣйшая профанациа этого слова. Вотъ въ чемъ заключается смыслъ хорошо понятаго «антисемитизма». И напрасно евреи, о которыхъ мы говоримъ, стараются смѣшивать его съ «расовой ненавистью» и «человѣконенавистничествомъ», которыми грѣшатъ только они сами. Это уловка, на которую мыслящiе люди уже не попадаютъ. Хорошiй человѣкъ,—будь онъ еврей,—всегда получить должную оцѣнку. Но безнравственныхъ, беспочвенныхъ и безпринципныхъ жидовъ,—этихъ настоящихъ паразитовъ въ человѣческомъ родѣ,—нигдѣ терпѣть не будутъ.

N.

Парижъ. 27 марта.
8 апрѣля.

III.

Господинъ редакторъ! Я думаю, что вамъ уже извѣстно о случаѣ, бывшемъ въ ночь на 2 марта (кажется, воспоминаніе объ «Аманѣ») въ Вильнѣ на Кожевенной улицѣ. Еврей Блондесъ (царульничъ, ставившій банки и пивки) порѣзалъ свою прислугу, христіанку (весьма не развитую), нанятую имъ за три дня до 2 марта. Сообщение объ этомъ есть и въ «Вилненскомъ Вѣстникѣ», и въ «Сѣверо-Западномъ Словѣ» (на другой же день послѣ событія), а также въ «Свѣтѣ», кажется, отъ 13 числа того же мѣсяца.

Что это «кровоусканіе» совершено на религіозной почвѣ—нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ какъ другихъ мотивовъ къ преступленію нельзя и выдумать. Можетъ быть, христіанка и была бы благополучно (для жидовъ) зарѣзана и слѣды исчезновенія ея были бы сглажены (кто же сталъ бы ее разыскивать?) но случайно извошникъ ѣхалъ мимо этого дома, и мостикъ около дверей квартиры Блондеса провалился съ такимъ шумомъ и трескомъ, что Блондесъ со страху выпустилъ изъ рукъ свою жертву. Говорятъ даже, что доска, оторвавшись отъ мостика, ударила въ двери квартиры Блондеса во время кровоусканія (около 2-хъ часовъ ночи). Говорятъ также, что банкиръ жидъ Б—чъ сейчасъ же поѣхалъ въ Питеръ, сказавъ: «ничего не пожалѣю, но производившіе дознаніе пострадаютъ, а то еще «Наблюдатель» займется этимъ дѣломъ»...

Бстати, нѣтъ жиды, который не зналъ бы вашей фамиліи. Жена моя, какъ-то въ разговорѣ съ жидомъ, сослалась на «Наблюдатель», не зная фамиліи редактора, какъ вдругъ жидъ закричалъ источнымъ голосомъ: «уфъ, да это-зе гашпадинъ Пятковскій!» Страшная у жидовъ солидарность, которой слѣдуетъ поучиться и намъ, русскимъ. Единичная борьба тяжела: она должна быть коллективною—и тогда только притихнетъ жидовская наглость, переступившая уже всѣ терпимые предѣлы.

«Черту осѣдлости» жидамъ не удалось уничтожить, не смотря на всѣ ихъ проски,—и открытые, и подпольные,—не смотря на всѣ подкуны и на все преждевременное бахвальство. Теперь наступило время строже соблюдать эту черту, спасающую коренную Россію отъ разоренія и развращенія; дезинфицировать мѣстности, осчастливленныя еврейскимъ паразитомъ, а если дезинфекція не поможетъ, то не останавливаться и передъ *выселеніемъ жидовъ* изъ зараженнаго ими края.

P. S. Сообщу вамъ, что жиды покупаютъ простыя (не заказныя) письма, адресованныя въ редакцію «Наблюдателя». У нихъ вѣдь всѣ средства хороши для достиженія цѣли!

Д.

Вильна, 28 марта.

IV.

Въ гор. Кіевѣ свершилось въ текущемъ году два событія. Одно слишкомъ печальное и давно предвидѣнное: это—крушеніе поѣздовъ городской желѣзной дороги съ человѣческими, конечно, жертвами и всякими другими несчастіями, въ родѣ испуга, обмороковъ, тѣлесныхъ поврежденій и всякой всячины. Эксплуатація этой дороги, какъ и все прочее, гдѣ только пахнетъ наживой, находится въ жидовскихъ рукахъ.

А другое явленіе, симпатичное и отрадное въ наше время,—если оно утвердится и не зачахнетъ въ силу человѣческой слабости,—это печатное воззваніе, или призывъ судебного слѣдователя 4-го уч. г. Кіева къ общественной помощи, чтобы само общество, въ лицѣ своихъ членовъ, пострадавшихъ въ этомъ столкновеніи, видѣвшихъ его и даже не видѣвшихъ, но могущихъ сообщить что либо, относящееся къ столкновенію поѣздовъ,—въ особенности къ выясненію его причинъ,—помогло ему разобраться въ этомъ ужасномъ дѣлѣ, въ смыслѣ достиженія святой истины, не оставленной посторонними ширмами.

Такое симпатичное и знаменательное, въ наше время, явленіе заслуживаетъ, чтобы къ нему отвесили съ особеннымъ вниманіемъ, какъ къ хорошему и желательному вѣянію. Со времени введенія у насъ новыхъ судовъ,—это первый судебный слѣдователь, явившійся такимъ героемъ и съ такими добрыми намѣреніями. Мы видимъ въ немъ не зауряднаго дѣятеля, облакающаго только въ формально-судебную оболочку полицейское «дознаніе» о преступленіи и затѣмъ направляющаго дѣло къ прекращенію или къ обвиненію—иногда того, кого не нужно;—а, напротивъ, онъ вкладываетъ всю душу въ дѣло преступленія и, повидимому, стремится найти дѣйствительнаго виновника, въ рукахъ котораго сосредоточена вся конно-желѣзная махинація и по винѣ котораго совершилась печальная катастрофа.

До сихъ поръ, у насъ велось какъ-то странно: судебный персоналъ какъ будто сторонился общества,—среди котораго живетъ, радости и печали котораго для всѣхъ, по настоящему, должны быть одинаковыми,—и держалъ себя въ какой то замкнутости, избѣгая всякаго общенія и солидарности. Мы же, смиренные обыватели, въ свою очередь, тоже старались не быть «навязчивыми»,—и не заботились предлагать своихъ услугъ.

Итакъ, благодаря г. слѣдователю, проснувшее отъ спячки наше общество стало *разоблачать* ему прескверные порядки нашей конно-желѣзной дороги со дня поступленія ея въ жидовскую администрацію.

Не заботясь вовсе объ удобствахъ публики,—а соблюдая исключительно свои матеріальныя выгоды, не имѣя достаточнаго количества подвижнаго состава, еврейская конка возила насъ, въ самые лютые морозы, въ *открытыхъ* платформахъ хуже всякихъ «балагулъ», замораживая насъ, какъ

судаковъ и подвергая простудѣ на сквознякахъ. Отъ такого комфортабельнаго путешествія по городу многіе пассажиры получали ревматизмъ и дѣлались страдальцами на всю жизнь. Теперь же наша конка поѣхала еще дальше по тому же пути. Она моментально истребляетъ человѣческую жизнь, благодаря своей халатности и неумѣнью вести дѣла, какъ это случилось съ кондукторомъ Медвѣденко въ катастрофѣ на Большой Васильковской улицѣ.

Изъ объясненій конно-железной прислуги, — теперешней и бывшей, — выясняется, что управление дороги было не разъ предупреждаемо ею о возможности крушенія и опасности передвиженія публики во время гололедицы; но оно, заботясь исключительно только объ исправномъ набиваніи девидаками своихъ глубокихъ кармановъ, сморгло на явныя прорѣхи своего дѣла сквозь пальцы и, можно сказать, даже способствовало возникновенію катастрофы — ибо не только не сдѣлало своевременно запаса песку въ зимнее время для правильнаго и безопаснаго движенія, — но, вдобавокъ еще уволило предъ праздниками рождества, въ самое горячее время, рабочихъ, наблюдавшихъ за исправностью пути.

Поэтому, очевидно, что къ отвѣту на скамью подсудимыхъ надо потянуть по этому дѣлу не фиктивныхъ виновниковъ, вагоновожатыхъ — неопытныхъ мужиковъ, — а *весь составъ желѣзно-дорожной администрации* въ лицѣ Лазаря Бродскаго, Дувиды Морголина и г. Саханскаго, по винѣ которыхъ явились человѣческія жертвы.

Привлеченіемъ къ отвѣтственности истинныхъ виновниковъ бѣдствія, — этихъ реббе Бродскихъ, Морголиныхъ и др., — будетъ дана возможность суду, со спокойной совѣстью, переселить ихъ отсюда въ отдаленныя мѣста, потому что они — прямые виновники несчастія, постигшаго ни въ чемъ неповинныхъ людей.

Спрашивается, какими администраторами могутъ быть жида въ такомъ сложномъ предпріятіи, какъ конка, когда они почти всѣ круглые невѣжды и не обладаютъ ни малѣйшимъ пониманіемъ въ управляемомъ ими дѣлѣ? По своему характеру, они могутъ быть ростовщиками, биржевиками и разными «торговцами» гнилымъ товаромъ, но, ради бога, не администраторами конно-железнаго дѣла, гдѣ нужна, серьезная, специальная подготовка. Вѣдать такимъ дѣломъ и стоять во главѣ его обязательно должны инженеры, техники и механики, — люди опытные и не безтолковые, — и тогда только мы не будемъ испытывать крушеній и любоваться человѣческими жертвами. Если же такой порядокъ не измѣнится, то навѣрняка будутъ повторяться и катастрофы; нельзя же признать нормальнымъ порядокъ, при которомъ сапожники бываютъ пирожниками, — а сапоги тачаютъ пирожники!

Въ подтвержденіе этой справедливой мысли, мы можемъ представить и доказательство. Когда конно-железнымъ дѣломъ въ г. Кіевѣ управлялъ

инженеръ Струве,—все было благополучно и не случилось никакихъ несчастій. А почему? Потому что г. Струве былъ не барышникъ, не коммерсантъ,—а специалистъ своего дѣла. Онъ былъ не мелочный скряга, стремящійся къ одной наживѣ и не брезгающій никакими средствами, а человекъ, желающій быть полезнымъ обществу. Онъ хотѣлъ составить себѣ хорошее честное имя, чего, конечно, нельзя и ждать отъ евреевъ.

Кстати, въ этомъ печальномъ дѣлѣ обнаружилось своего рода курьезное обстоятельство, опубликованное нашей мѣстной печатью. Оказалось, что кievское городское «самоуправленіе» касательно нашихъ интересовъ играетъ роль совершенно посторонняго учрежденія. Наши гласные не только не знакомы съ существомъ контракта, заключеннаго городомъ съ конно-желѣзнымъ управленіемъ, но даже въ первый разъ удосужились прочесть этотъ контрактъ послѣ случившагося крушенія!! Вѣроятно, нашимъ городскимъ заправиламъ придется нести и свою долю отвѣтственности въ этомъ злополучномъ дѣлѣ. Слѣдовало бы ихъ пробудить отъ безмятежной спячки. За серьезными дѣлами они не слѣдятъ,—а словно плюютъ на всякое городское безобразіе и на наше къ нимъ обывательское довѣріе. У нихъ все время поглощается болѣе важными дѣлами, къ родѣ переименованія улицъ, отчего происходитъ путаница и невозможность для извозчика попасть въ ту улицу, которая нужна сѣдоку. Занялись они устройствомъ театра, гавани и другихъ, (съ миллионными затратами) «удобствъ»... для жидовскаго населенія. Особенная же забота видна въ устройствѣ разныхъ завтраковъ, обѣдовъ и закусокъ, отъ которыхъ даже стараются уклониться наши представительныя особы...

Проѣдаютъ и пропиваютъ они наши денюжки, зная хорошо, какъ бѣдна городская касса и какъ отяготительны дѣлаются займы для удовлетворенія насущныхъ потребностей и нуждъ города.

Слопать, въ нѣсколько часовъ, массу городскихъ денегъ на традиціонномъ завтракѣ, безъ всякой существенной пользы,—это возможно; а доставить величайшее общественное благо, въ родѣ больницы и кузницы для страждущихъ животныхъ, этихъ кормильцевъ человѣческаго рода,—о чемъ много лѣтъ энергично хлопочетъ «Общество покровительства животнымъ»,—этого никакими силами нельзя добиться отъ думскихъ гласныхъ «просвѣщеннаго» города Кіева. И смѣхъ и горе!

Кіевъ, 30 марта.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Рѣшеніе сената по кассационной жалобѣ шкловскихъ евреевъ. — Отрадное впечатлѣніе, произведенное во всей Россіи признаніемъ «племенной и религиозной вражды» евреевъ къ христіанамъ. — Горестное положеніе русскаго населенія въ «чертѣ осѣдлости». — Остріе закона, обращенное противъ жидовъ. — Всемирно-израильскій заговоръ противъ всѣхъ національностей и религій, кромѣ еврейскихъ. — Жалкіе доводы кассаторовъ, отвергнутые сенатомъ. — Систематическое истребленіе русской національной печати. — Широкій кредитъ, открытый для еврейскаго издательства. — Сенсационное банкротство Пализена. — Пострадавшій отъ него государственный банкъ. — Любопытное въ принципіальномъ смыслѣ рѣшеніе спб. мирового судьи 14 участка. — Новый способъ превращать бумажную макулатуру въ чистое золото. — «Сынъ Отечества», умиленно и плотоядно взирающій на вороха бумажной макулатуры.

Въ заключительныхъ строкахъ фельетона «Наблюдателя» (1899 г., № 11), цѣликомъ посвященнаго повторенію «минскаго бенефиса», т. е. шкловскому побощу, — г. Ефимъ Простосердовъ выразилъ надежду, что «наша юстиція и полиція своевременно стануть на правильную точку зрѣнія относительно еврейской гангрены, разѣдающей государственный составъ всюду, куда только она проникаетъ». Въ правильныхъ взглядахъ юстиціи на этотъ вопросъ мы, конечно, должны быть еще болѣе заинтересованы, чѣмъ въ таковыхъ же взглядахъ полиціи. Полиція — органъ по преимуществу исполнительный, такъ сказать, механической. Юстиція же — институтъ автократическій, творящій. Дѣйствія полиціи направляются вліяніемъ авторитета руководящихъ органовъ и учреждений, къ которымъ принадлежитъ и юстиція. Въ наше время, когда на первомъ планѣ общественно-государственной жизни все рѣзче вырывается отдѣльная «личность», аппетиты и наглость которой безмѣрно растутъ за счетъ все болѣе слабѣющихъ «нормъ» общественнаго сознанія, юстиція, призванная представлять собою голосъ народа, карающій, или милующій всѣхъ чадъ его, скомпрометировавшихъ себя такъ или иначе, — эта юстиція, въ области внутренняго общественно-государственнаго порядка, является учрежденіемъ едва ли не первенствующимъ по своей глубоко-жизненной, общественно-культурной роли.

Впередѣ всѣхъ другихъ «автономныхъ личностей» нашихъ дней стоитъ, какъ одинъ человѣкъ, нѣкая «коллективная масса», аппетиты и наглость которой находятся въ прямой пропорціи съ числомъ ея слагаемыхъ. Эта «масса—личность»—народъ израильскій, имя же ему «легіонъ». «Самосознаніе» этой личности-народа способно ослабѣвать лишь наружно, т. е. вѣшнымъ, показнымъ образомъ. Въ скрытомъ же состояніи оно продолжаетъ расти и расти, и громко, на весь міръ, заявляетъ о себѣ, лишь только къ тому представляются удобные случаи и благоприятная обстановка...

Въ іюлѣ прошлаго года народъ-личность—израиль—«проявилъ» себя въ хорошо извѣстномъ нашимъ читателямъ шкловскомъ побищѣ. Заявилъ о себѣ израиль съ самой гнусной стороны, выступивъ открыто врагомъ «христолюбиваго воинства», — и былъ по этому поводу привлеченъ къ суду народной совѣсти, представленной въ первой инстанціи членами кіевской судебной палаты. Последняя вынесла израилю обвинительный вердиктъ: русская совѣсть не могла, конечно, оправдать еврейскаго безчинства, не знающаго удержу. Израиль, однако, не призналъ себя безповоротно осужденнымъ и апеллировалъ къ высшему судебному учрежденію — сенату.

«Присяжный повѣренный Мироновъ и помощникъ присяжнаго повѣреннаго г. Грузенбергъ — читаемъ въ № 13 «Судебной Газеты» — подали въ правительствующій сенатъ кассационный протестъ, который разсматривался сенатомъ 17-го марта въ 4 отдѣленіи уголовного департамента».

Этотъ «кассационный протестъ», шаткихъ положеній котораго мы сейчасъ коснемся, резолюціей сената оставленъ безъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, израиль, въ наиболѣе характерныхъ проявленіяхъ своей «личности», обвиненъ высшимъ судебнымъ учрежденіемъ Россіи (ибо признаніе первоначальнаго приговора *не заключающимъ въ себѣ поводовъ для «кассации»* есть въ сущности *вторичное обвиненіе*), т. е., другими словами, *обвиненъ всей Россіей*. По крайней мѣрѣ, истинно русскіе, неподкупленные еврейскимъ кагаломъ, органы русской прессы, — какъ выразители общественнаго мнѣнія истинно-русскихъ людей, — должны отъ души привѣтствовать это окончательное, вторичное и уже безапелляціонное, обвиненіе шкловскихъ «легіонеровъ израиля».

Въ частности, въ этомъ процессѣ, на Россію произведетъ, конечно, отрадное впечатлѣніе фактъ признанія со стороны не только мѣстной судебной власти (кіевской палаты), но и высшаго общегосударственнаго судебного учрежденія (во второй инстанціи—сената)—«племенной и религіозной вражды» евреевъ къ христіанамъ.

Наша якобы либеральная (а въ сущности жидовская) печать, некущаяся о «невозбужденіи» племенной и религіозной вражды, ставить обыкновенно вопросъ такимъ дикимъ образомъ, какъ будто эта вражда можетъ существовать *только въ сердцѣ кореннаго русскаго человека*. «Не возбуждайте племенной и религіозной вражды!»—вѣщаютъ наши «либералы», а между строкъ у нихъ приходится читать добавочное: «въ сердцахъ вашихъ» (!). Но на самомъ-то дѣлѣ нашъ русскій народъ искони признаётся всѣми непристрастными наблюдателями,—начиная съ историковъ древности,—*наитерпимѣйшимъ* изъ всѣхъ другихъ народовъ міра. Если намъ, русскимъ, и приходится сталкиваться съ другими національностями на почвѣ «племенной и религіозной вражды», то *починъ* къ ея возбужденію *всегда идетъ со стороны этихъ послѣднихъ*. Чего же хотять отъ насъ еврейскіе «либералы»? Чтобы мы молчали бездѣйствовали, когда шкловскіе жидаи имъ подобные «народы» поднимаютъ «гевальтъ», швыряютъ въ насъ камнями, бьютъ топорами, «мечами и дреколями»—фактически, фигурально ли?! Чтобы основная черта нашего національнаго характера—*незлобивость*—простерлась фактически до дикаго «символа вѣры» нашей извѣстной общественной секты—до исповѣданія на дѣлѣ, во всѣхъ случаяхъ нашей личной, общественной и государственной жизни, изувѣрскаго принципа «*непротивленію злу*»?! Незлобивость есть отсутствіе внутреннихъ импульсовъ для злой воли, при которомъ невозможна инициатива злаго дѣла. Это—наша національная черта, а ргіогі снимающая съ насъ всякія подозрѣнія въ возможности возбужденія вражды,—какой бы то ни было и къ кому бы то ни было,—по нашему личному почину. Но *незлобивость* еще не исключаетъ чувства *самосохраненія*, выражающагося въ готовности обороняться во всѣхъ житейскихъ случаяхъ отъ злой воли всевозможныхъ «вавилонянъ», направленной къ уничтоженію и искорененію въ насъ нашей національной самобытности, къ постепенному стиранію національныхъ чертъ съ нашего облика. Также точно *христіанское милосердіе*, по справедливому мнѣнію о. Пашина (См. «Наблюдатель» 1899 г., № 7) не имѣетъ въ виду *постоянныхъ и систематически воспитываемыхъ въ челоѣкко-ненавистничествѣ* враговъ христіанства. *Злая воля*, по духу христіанства, *ответственна*, и не можетъ прятаться ни за милосердіе, ни за «любовь къ врагамъ». Враги эти, подлежащіе дѣйствию милосердія и любви, могутъ быть только «временные и случайные», а не возрожденные, въ теченіе многихъ вѣковъ, въ злобѣ и ненависти. Любовь къ нимъ не имѣетъ смысла и превращается въ *индифферентизмъ* или сознательное *попустительство злу*.

Мы, русскіе, никогда не искали вражды, а всегда хотѣли мира,—

и еще недавно въ лицѣ нашего Монарха заявили объ этомъ всему міру,—но мы не виновны въ существованіи среди насъ враждебныхъ племенъ,—упорно враждебныхъ, не смотря на нашу всегдашнюю незлобивость. Племенную и религіозную вражду имѣютъ и проявляютъ они по отношенію къ намъ, а не наоборотъ. Да раскроются же наконецъ, на это глаза нашихъ «либераловъ»! (Мы, разумѣется, имѣемъ въ виду честныхъ, неподкупленныхъ русскихъ «либераловъ, а не жидовъ и ихъ безпринципныхъ наймитовъ).

Какъ бы то ни было, помянутая резолюція сената по шкловскому дѣлу снимаетъ съ русскихъ упрекъ въ «племенной и религіозной нетерпимости» и обращаетъ остріе закона на тѣхъ, — въ данномъ случаѣ шкловскихъ евреевъ,—въ комъ только и приходится констатировать тлѣющую искру «племенной и религіозной вражды» по отношенію ко всѣмъ другимъ національностямъ и религіямъ, кромѣ своихъ, — искру, всегда готовую вспыхнуть яркимъ пламенемъ.

«Memento mori» по адресу истинныхъ «человѣконенавистниковъ», жидовъ, теперь произнесено, и русскіе люди вообще,—а проживающіе въ Шкловѣ и другихъ городахъ, имѣющихъ несчастье находиться въ «чертѣ еврейской осѣдлости», въ особенности, — должны вздохнуть съ облегченіемъ... Теперь они, быть можетъ, съ меньшимъ страхомъ «будутъ выпускать дѣтей на улицу» (См. въ № 11 «Наблюдателя» 1899 г. цитату изъ репортерскаго отчета «Могилевскихъ губернскихъ вѣдомостей»). Вѣроятно, *подтянется* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и полиція, обрѣтавшаяся до сихъ поръ на откупѣ у жидовъ. Скоро евреи должны будутъ увидѣть воочию, что система «подкупа» у насъ въ Россіи не можетъ привести къ сколько нибудь крупнымъ результатамъ. Подкупить у насъ можно развѣ лишь мелкую чиновную сошку, ради свободнаго обдѣлыванія гнусныхъ дѣлшекъ, въ родѣ, напр., систематическаго обворовыванія и обочитыванія мѣстныхъ крестьянъ, при оплаченномъ попустительствѣ мѣстной полиціи: Высшая же государственная власть, однимъ своимъ мановеніемъ могущая отрезвить всю «администрацію», во всякихъ Шкловахъ и Радомиахъ, остается у насъ, славу богу, на неизблемой высотѣ и внѣ всякихъ антигосударственныхъ вліяній. И стремленія израиля болѣе крупнаго порядка, — какъ напр., завѣтный идеаль его: наступить своей грязной пятой на головы всѣмъ національностямъ, кромѣ, разумѣется, еврейской, или другой идеаль: подчиненіе талмуду всѣхъ другихъ религій, — эти и подобныя высокія стремленія никогда не найдутъ себѣ въ Россіи широкой дороги «скатертью».

Стоитъ ли говорить о жалкихъ доводахъ еврейскихъ «кассато-

ровъ»;—еврейскаго наймита г. Миронова и, конечно, подлинныхъ евреевъ,—г.г. Грузенберга и Сліозберга?!

Если и наши русскіе адвокаты очень и очень погрѣшаютъ противъ пѣломудрія мысли, то что же сказать объ адвокатахъ-жидахъ? Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что послѣдніе черпаютъ свои «додовы» не столько изъ своего разума, которымъ природа не особенно щедро надѣлила ихъ, сколько изъ своей наглости и безстыдства.

Доводы «кассациі» состоятъ частью изъ мелочныхъ придировокъ къ маловажнымъ недочетамъ формальной стороны слѣдствія какъ напр., отсутствіе одного свидѣтеля, которому *не была вручена повѣстка о вызовѣ* (да не еврейскихъ ли это рукъ дѣло—«неврученіе повѣстки?»); или изъ онлошной лжи (ходомъ дѣла *не было установлено сопротивленія обвиняемыхъ властямъ*; не было доказано, чтобы противъ нижнихъ чиновъ дѣйствовала толпа скопомъ); или изъ такихъ фактовъ, якобы устраняющихъ главный импульсъ еврейскихъ дѣйствій въ Шкловѣ—племенную и религіозную вражду къ христіанамъ,—какъ напр., слѣдующій: «пятеро изъ подсудимыхъ были только случайными проѣзжими въ Шкловѣ и *не могли никоимъ образомъ даже быть заподозренными* (скажите!) во враждѣ къ мѣстному (!) христіанскому населенію». Какая милая наивность, и какой ловкій полемическій приемъ! Вопросъ о *племенной и религіозной* враждѣ, — то есть вопросъ объективно-родоваго характера,—переносится просто-на-просто на субъективно-видовую географическую почву!

Рѣчь г. Сліозберга построена главнымъ образомъ на внутреннемъ, основанномъ будто бы «на тщательномъ изученіи слѣдствія», убѣжденіи оратора, что «въ шкловскомъ столкновеніи евреевъ съ нижними чинами не имѣется никакихъ признаковъ племенной вражды и религіозной нетерпимости», что столкновеніе это было *простою дракой между нижними чинами*» (также какъ и въ Минскѣ?).

Что главною причиною еврейскихъ подвиговъ въ Шкловѣ было ничто иное, какъ «племенная и религіозная вражда» евреевъ къ христіанамъ, это доказано документально, на основаніи точно приведенныхъ свидѣтельскихъ показаній, въ обвинительномъ актѣ по разсматриваемому дѣлу. Въ вышецитованномъ фельетонѣ «Наблюдателя» эти свидѣтельскія показанія потерпѣвшихъ русскихъ солдатъ (разумѣется среди обвинявшихся евреевъ нашлись одни лишь «достоверные жесвидѣтели») приведены *in extenso*. Намъ, поэтому, нѣтъ надобности повторять ихъ здѣсь, и мы ограничимся лишь указаніемъ на существенную часть возраженія, сдѣланнаго касатору товарищемъ оберъ-прокурора:

«Приговоръ кіевской судебной палаты составленъ *подробно и*

обстоятельно; въ каждой своей части мотивированъ, почему и можно предположить, что кассаторы читали этотъ приговоръ черезъ строчки или между строкъ, разъ онъ показался имъ составленнымъ поверхностно, безъ необходимой объективности».

Въ нашемъ журналѣ много разъ говорилось о поступательномъ еврейскомъ нашествіи на русскую журналистику. «Все мое!—сказало влато»... «Ты—мое!»—долженъ отвѣчать еврей на этотъ вызовъ «злата». «Ну, а съ тобой—моею стала и русская журналистика!»—долженъ онъ прибавить. Но шутки въ сторону. Вотъ еще одна «блестящая побѣда», одержанная израилемъ надъ русской журналистикой. Въ еженедѣльномъ обзорѣнн текущей жизни одного изъ послѣднихъ №№ журнала «Сѣверъ» мы прочли слѣдующую замітку: «Журналъ «Нѣдѣля» и газета «Русь» перешли въ собственность еврейскаго товарищества, во главѣ котораго стоятъ г.г. *Мандль*, *Шкляверъ* и *Шапиръ*. Ужасна судьба русскихъ изданій, которыя, какъ ни бьются, не мянуютъ въ концѣ концовъ загребистыхъ лапъ еврейскихъ пауковъ».

Итакъ, еще одна жертва... нашей халатности, нашей небрежности по отношенію къ судьбамъ національныхъ русскихъ изданій. О томъ, какъ «бьются» русскія изданія,—въ нашемъ журналѣ тоже неоднократно упоминалось. Мы постоянно указывали на необходимость государственнаго кредита для русскихъ изданій, какъ на естественный, самую жизнь намѣченный, противовѣсъ существующему (не со вчерашняго дня) всемірно-израильскому кредиту для еврейскихъ изданій, печатающихся на русскомъ языкѣ. Кромѣ силы денежной, позволяющей евреямъ скупать или подкупать русскія изданія, у нихъ имѣется еще и другое оружіе, направленное противъ тѣхъ русскихъ издателей, которые не поддаются ни соблазнамъ сдѣлокъ съ еврейскими «акціонерными обществами» (составляющими, какъ извѣстно, филиальныя отдѣленія «Всемірнаго израильскаго союза»), ни соблазну «единовременныхъ пособій», любезно предлагаемыхъ «цестнымъ гашпадамъ пишателямъ» изъ кассы того же союза. Это второе орудіе—система «бойкота». Редакторъ «Наблюдателя» подробно излагалъ уже печальную исторію изданія газеты «Гласность». А. П. Пятковскій, подвергаясь дружному натиску двойнаго еврейскаго «бойкота»—моральнаго и матеріальнаго,—требовалъ себѣ лишь *равнаго оружія* въ борьбѣ. Противъ гешефтмахеровъ, оказывающихъ,—какъ это ни прискорбно,—сильнѣйшее давленіе на всѣ экономическія отношенія страны,—редакторъ «Гласности», никогда не занимавшійся гешефтмахерствомъ, требовалъ единственной поддержки со стороны государства: разрѣшенія ему подписной цѣны въ томъ размѣрѣ,

какой онъ считалъ для себя удобнымъ и открытія государственнаго кредита на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ онъ открытъ для еврейскихъ заданій. Но... голосъ его остался до сихъ поръ «гласомъ вопіющаго въ пустынь».

Въ заключеніе нашей замѣтки о переходѣ стараго русскаго журнала «Недѣля» въ еврейскія руки, мы позволимъ себѣ высказать нѣкоторое удивленіе по поводу того, что,—какъ намъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ,—сынъ покойнаго основателя газеты П. А. Гайдебурова рѣшился не только продать жидамъ журналъ, полученный въ наслѣдство отъ отца; но, кромѣ того, уступаетъ имъ же на поддержаніе свое собственное имя, оставаясь фиктивнымъ редакторомъ «Недѣли» и маскируя такимъ образомъ своею личностью еврейское существо журнала, которое не замедлитъ, разумѣется, обнаружиться.

Не слишкомъ ли, однако, зарвались еврейскія «акціонерныя компаніи»? Не ошибаются ли онѣ въ расчетѣ на выполненіе своихъ ужь чересчуръ «всеобъемлющихъ» идеаловъ. Не образуется ли противовѣса ихъ обширнымъ планамъ и плотояднымъ стремленіямъ, въ глубинахъ нашего національнаго сознанія, которое, быть можетъ, медленно, но вѣрно, растетъ и крѣпнетъ въ свою очередь, образуя новую сферу *русскихъ* идеаловъ и стремленій, діаметрально противоположныхъ «всеобъемлющимъ идеаламъ» израиля?

Мы имѣемъ въ виду событіе, въ которомъ хотѣли бы видѣть хоть отдаленный признакъ будущаго осуществленія высказанной нами надежды на то, что «всемирныя» затѣи израильскаго союза у насъ, въ Россіи, кончатся поливѣйшимъ крахомъ.

Недавно объявлено формальное банкротство еврейскаго общества Паллизенъ и К°. Въ «Новомъ Времени» (отъ 23 марта) читаемъ по этому поводу:

«Вчера состоялось общее собраніе кредиторовъ пріостановившаго платежи торговаго дома Паллизена. Фирма эта принадлежитъ къ числу наиболѣе крупныхъ въ Петербургѣ и въ теченіе пятидесятилѣтняго своего существованія вела разнородную торговую дѣятельность, участвуя въ торговлѣ петербургскаго порта... и, въ качествѣ крупнаго акціонера, въ дѣлахъ: акціонернаго общества писчебумажной фабрики Г. Г. Паллизена, товарищества Ржевской писчебумажной фабрики, общества Кошелевскихъ писчебумажныхъ фабрикъ, общества «Издатель» и др... Фирма Паллизена уже давно ощущала недостатокъ въ оборотныхъ средствахъ (какъ жаль!) и, только благодаря своевременной поддержкѣ, оказанной фирмѣ государственнымъ банкомъ выдачею ссуды подъ залогъ акцій

около 2 мил. руб., затрудненія временно были устранены, но они значительно усилились въ послѣднее время вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся условій»...

Газета «Россія» приводит слѣдующую телеграмму «Русскихъ Вѣдомостей изъ Петербурга:

«17 марта официально объявила о приостановкѣ платежей извѣстная петербургская пусчебумажная фирма г. Паллизена, главнаго акціонера въ акціонерномъ обществѣ «Издатель», издающемъ «Сынъ Отечества» и Живописное Обзорѣніе». Несостоятельность достигаетъ пяти милліоновъ. Главнѣйшій кредиторъ — государственный банкъ, выдавшій два милліона подъ акціи Паллизена. Поднять вопросъ объ учрежденіи администраціи».

На общемъ собраніи кредиторовъ, послѣдніе, — какъ передаетъ «Новое Время», — (№ 8646), высказались за учрежденіе администраціи, причѣмъ нѣкоторые кредиторы дали свое согласіе только при условіи *уравненія преимущественныхъ правъ государственнаго банка съ другими кредиторами въ отношеніи удовлетворенія изъ претензій*.

Не слишкомъ ли поспѣшно предъявляются эти частныя требованія къ государственному учрежденію? Мы думаемъ, что «преимущественныя права» государственнаго банка таковыми и останутся, не снисходя до уравненія ихъ съ правами еврейскихъ банкировъ. Если ужъ государственный банкъ имѣлъ несчастье попасть въ эту ловко разставленную ловушку, то ему не слѣдъ убавлять свои права по возвращенію выданныхъ милліоновъ..

Въ концѣ прошлаго мѣсяца редакторъ «Наблюдателя» А. П. Пятковскій былъ привлеченъ слб. мировымъ судьей 14-го участка къ отвѣтственности за... (что бы вы думали, читатель?) за потерю драгоценной рукописи неизвѣстнаго ему автора, спохватившагося потребовать обратно свое «твореніе» *стусля три года* по доставленіи въ редакцію! Мировой судья, разсмотрѣвъ дѣло, — «на основаніи свидѣтельскаго показанія» какого-то невѣдомаго драмодѣла г. Бухарина (гдѣ давались его драмы? въ циркѣ или малафѣвскомъ балаганѣ?) о достоинствахъ новаго беллетристическаго произведенія никому невѣдомаго автора, — опредѣлилъ: взыскать съ А. П. Пятковскаго «причитающійся» (???) автору «гонораръ» (150 рублей) за... *ненапечатанную рукопись!!!*

Это рѣшеніе, не смотря на всю свою курьезность, поднимаетъ, однако, нѣкоторые вопросы весьма важнаго принципіальнаго характера. Авторъ рукописи, валявшейся за ненадобностью въ конторѣ и, по своему объему, подлежавшей уничтоженію, идетъ жа-

лится въ судъ. . Мировой судья — очевидно, тонкій знатокъ литературныхъ дѣлъ—постановляетъ приговоръ въ его пользу... Возникаетъ теперь вопросъ, чьимъ правиламъ должна подчиняться редакция въ приемъ рукописей: своимъ ли собственнымъ, которыя печатаются на оберткѣ каждаго журнала и должны быть извѣстны всѣмъ обращающимся въ редакцію, или прихотливымъ измышлениямъ г. мирового судьи, вольной рукой предписывающаго хранить всякій хламъ, присылаемый со всѣхъ концовъ Россіи, да еще назначающаго за истребленіе этого хлама такую цѣну, которую получаютъ только извѣстные писатели?!

Если сбудется второе предположеніе, то въ нашихъ редакціяхъ скоро будутъ хозяйничать и распоряжаться журнальною кассою люди, не имѣющіе никакого отношенія ни къ литературѣ, ни къ журналистикѣ...

Авторъ, хотя бы даже не «вылупившійся изъ яйца», долженъ же хотѣ скольконибудь, хотъ по наслышкѣ, быть знакомымъ съ редакціонными правилами того журнала, куда онъ посылаетъ свой «товаръ» (мы не рѣшаемся назвать нѣкоторые рукописи литературными произведеніями). Во всѣхъ же редакціяхъ—исключенія мы не знаемъ — рукописи, не взятая авторами обратно спустя полгода (много годъ) по своемъ поступленіи, неизмѣнно уничтожаются. Это, такъ сказать, публичный контрактъ, договоръ между редакціей и авторомъ, не менѣе обязательный для обѣихъ сторонъ, чѣмъ какой-нибудь домовладѣльческій контрактъ съ жильцами, за буквальную охрану котораго (не смотря на всѣ его недѣлности и прижимки) такъ усердно стоятъ наши «общественные избранники». Если неизвѣстный авторъ не зналъ этого общаго правила всѣхъ редакцій, то можно сказать а priori, что онъ вообще крайне «беззаботенъ» насчетъ литературы. Но если онъ беззаботенъ лишь относительно литературной этики, и шель «бить челомъ» на редактора... мировому судѣ, по стопамъ книгопродавца Карбасникова, сознательно игнорируя какія либо редакціонныя или конторскія правила, — то тогда является весьма любопытный принципиальный вопросъ: въ какой мѣрѣ отношенія авторовъ и редакторовъ, — регулируемая особыми частными правилами редакцій, освященными давностью литературныхъ традицій, — могутъ и должны нормироваться общими положеніями закона? Кажется, въ законѣ нѣтъ точныхъ указаній на регламентацію названныхъ отношеній (сейчасъ мы не имѣемъ времени сдѣлать справку). Но вѣдь мало ли чего нѣтъ въ законѣ такого, что не успѣло еще подпасть государственной регламентаціи, однако же, нормируется самой жизнью, tacito consensu тѣхъ или

иных частных взаимоотношений? Исполнителю закона и представляется, — въ виду существованія этихъ невошедшихъ *de jure* «въ силу дѣйствующаго постановленія», но тѣмъ не менѣе *дѣйствующихъ de facto* нормъ общественнаго порядка, — *право примѣненія закона, основаннаго на его толкованіи*. Мировой судья 14 участка, примѣняя къ разсматриваемому казусу «точный смыслъ» какой-то статьи «Устава о наказаніяхъ», налагаемыхъ мировыми судьями, заявилъ, конечно, себя плохимъ знатокомъ въ дѣлахъ, такъ или иначе соприкасающихся съ литературными «правопорядками». Но всего лучше зарекомендовалъ себя съ «литературной» стороны названный злополучный «афтеръ», приравнявъ свое первое «литературное произведеніе» къ... «куску» мыла или къ березовому полѣну.

Еще одинъ вопросъ чисто юридическаго характера. «На судѣ выяснилось—читаемъ изъ репортерскаго отчета г. А. Плещеева въ «Россіи» — что другаго экземпляра повѣсти совсѣмъ нѣтъ, что подтвердилъ и свидѣтель Пивоваровъ, который *переписывалъ ее*, получивъ за это 15 рублей». Однако, г. Пивоваровъ съ *чего нибудь* переписывалъ же «повѣсть» неизвѣстнаго автора? Очевидно, это «что-то» и явилось первоначальнымъ «оригинальнымъ» экземпляромъ повѣсти неизвѣстнаго автора, и весьма трудно предположить, чтобы сей послѣдній, подобно Гоголю, уничтожилъ свое «что-то». Во всякомъ случаѣ, онъ самъ долженъ былъ хранить эту драгоценность, не навязывая такового храненія редакціи, вопреки сто разъ опубликованнымъ ею правиламъ.

Въ концѣ концовъ, вся эта некрасивая исторія «съ мировымъ» сильно отзывается шантажемъ. Вѣдь легко, въ самомъ дѣлѣ, превращать бумажную макулатуру въ чистое золото, при содѣйствіи «благородныхъ свидѣтелей», г.г. Пивоваровыхъ, Бухариныхъ и пр. — во всякомъ случаѣ, это безопасно и удобно выдѣлки фальшивой монеты...

Разсказанный инцидентъ вызвалъ принципиальный «обмѣнъ мнѣній» среди нашихъ газетныхъ собратій.

Особенно любопытна статья нѣкогого г. Вія изъ «Сына Отечества». Статья вышла весьма пространной, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать: съ увеличеніемъ формата «Сына Отечества», пропорціонально увеличился и размѣръ статей его сотрудниковъ (число же послѣднихъ осталось прежнее). Въ силу этой необходимости, — искусственно удлиннять свои статьи, — сотрудники «Сына Отечества», естественно, принуждены говорить много лишняго вздора, — гораздо больше, чѣмъ до увеличенія формата. Такъ, г. Вія въ началѣ статьики позволяетъ себѣ нѣсколько довольно пошленькихъ

намековъ по нашему адресу, въ родѣ того, напр., что статья нашихъ сотрудниковъ «ничего не стоятъ» (для жидовской братіи?). Стоятъ ли, нѣтъ ли, — это, конечно, лучше знать нашимъ многолѣтнимъ читателямъ и сотрудникамъ, въ томъ числѣ и нынѣшнему фиктивному редактору «Сына Отечества», г. Шеллеру, помѣстившему въ «Наблюдателѣ» не одинъ, а нѣсколько своихъ романовъ въ то время, когда онъ не былъ еще въ кабалѣ у жидовскаго кагала. О другихъ замѣчаніяхъ и островахъ «хихикающихъ жидишекъ» мы, разумѣется, говорить не будемъ. Зато не можемъ умолчать о весьма отрадномъ и пріятно удивившемъ насъ откровенномъ признаніи г. Вія, что газета, въ которой онъ имѣетъ счастье сотрудничать, — есть *еврейская газета*. Онъ говоритъ: «большая, или меньшая небрежность въ отношеніи къ присылаемымъ рукописямъ свойственна едва ли не всякой *русской* редакціи». Запомните это и посмотрите, какъ относится къ рукописямъ «Сынъ Отечества». Устами своего сотрудника, г. Вія, газета говоритъ: «Стоитъ только взглянуть на вороха этой *рукописной литературы*, заполняющей редакціонныя полки, чтобы прійти въ ужасъ: сколько труда, сколько стараній потратили люди, сколько *передумали* (??), *перечувствовали* (!) и хоть бы немного вниманія ко всему этому труду». Такъ! Ergo «Сынъ Отечества» относится къ рукописямъ много думающихъ и чувствующихъ авторовъ не по русски. По каковски же? Ну, разумѣется, если въ российской редакціи нѣтъ «русскаго духа», то тамъ навѣрное пахнетъ жидовскимъ чеснокомъ.

Однако, что-то ужъ слишкомъ въ «большущее» умиленіе приходитъ «Сынъ Отечества» при видѣ вороховъ бумажной макулатуры. Что бы это значило? Догадываемся, что умиленіе это непосредственно вытекаетъ изъ краха общества Паллизенъ, *главнаго акціонера* компаніи «Издатель», издающей «Сынъ Отечества» и «Живописное Обозрѣніе». Крахъ Паллизена, несомнѣнно, долженъ весьма неблагоприятно отразиться на бюджетѣ этихъ двухъ изданій, и вотъ откуда идетъ, по нашей догадкѣ, это умиленіе предъ «ворохами рукописной литературы». Что если г. Паллизену удастся превратить эти вороха въ звонкую монету, по рецепту с.-петербургскаго мирового судьи, — насколько увеличится его имущество въ конкурсной массѣ!

Ф О Н О Г Р А Ф Ъ.

(Фельетонъ «Наблюателя»).

И С М Ъ Х Ъ, И Г О Р Е.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Счастливая еврейская звѣзда начинаетъ меркнуть. — Наказанное неистовство въ «чертѣ еврейской осѣдлости». — Крахъ рептильныхъ изданій всемірнаго кагала. — Пострадавшая казна. — Новые элементы въ нашей академіи наукъ. — Первое избраніе почетныхъ академиковъ. — Нѣкоторые недоумѣнія въ публикѣ по поводу этого избранія. — Реклама и партійность. — Судебное ораторство и литературныя заслуги. — Не слѣдуетъ ли возсоздать самостоятельную и независимую «Русскую академію»? — Новыя невзгоды, обрушившіяся на русскую журналистику. — Мировые судьбы, хозяйничающіе въ нашихъ редакціяхъ. — Легкая афера для бездарныхъ писатъ. — «Суди не свыше сапога!» — Строгость къ издателямъ и благоволеніе къ домовладѣльцамъ.

I.

Наши жида натянули струну — и она, конечно, лопнула. Вообразивъ, что ихъ «избранное племя» уже окончательно завоевало Россію и остается только переименовать ее въ «Новую Палестину», всесвѣтные паразиты повели себя съ такою наглостью, что сьумѣли возмутить всякое честное русское чувство. Минскій погромъ, — при которомъ русскій военный патруль изображалъ агнцевъ, ведомыхъ на закланіе, — благополучно сошелъ имъ съ рукъ, претворенный въ простую уличную драку, не имѣющую никакой политической подкладки, и вотъ они немедленно пошли дальше въ томъ же направленіи. Но... но еврейская звѣзда, очевидно, начинаетъ меркнуть, и то же самое разбойничество, осложненное расовою и религиозною враждою, которое удалось въ Минскѣ, наткнулось въ Шкловѣ на обратившееся противъ жидавъ остріе уголовного

закона. Tempora mutantur. Недаромъ жида довели свое неистовство въ чертѣ осѣдлости до геркулесовыхъ столповъ, такъ что христіане стали прятаться отъ нихъ, «какъ мухи въ щеляхъ»; недаромъ они распространились заразой далеко за предѣлы этой черты и стали вытѣснять или поработать повсюду плохо защищенный русскій народный элементъ. Но, съ другой стороны, недаромъ же работали и честные національные органы печати, развивалось и крѣпло наше народное самознаніе. Въ результатѣ этой коллизіи, этого неизбежнаго выясненія понятій и получилось мудрое рѣшеніе уголовного кассационнаго департамента сената, пролившее такую бодрость во всѣ честныя сердца. Еврейской дерзости и еврейскому глумленію надъ нашимъ народомъ и обществомъ поставленъ внушительный предѣлъ, не смотря на всѣ попытки отвести глаза правосудію. Впрочемъ, подробнѣе объ этомъ важномъ событіи говорится во внутреннемъ обзорѣннн нашего журнала.

Другой — весьма серьезный — признакъ еврейскаго упадка проявился въ пятимилліонномъ банкротствѣ крупной фирмы Паллизена, уже вторгнувшейся и въ злосчастную область журналистики. И еще бы ей не вторгнуться! Въ то время, когда честная русская пресса изнемогаетъ въ борьбѣ съ дружно-нацирающимъ на нее національнымъ врагомъ, лишенная кредита и даже равенства въ условіяхъ борьбы, — въ это самое время израильская печать, распространяющаяся по Руси, такъ сказать, съ цензурной преміей, имѣетъ возможность добывать себѣ кредитъ, даже въ государственномъ банкѣ, на милліонныя суммы. И все таки ничего не помогло!

Какихъ ни вымышляй пружинъ,

Чтобъ мужу-бую умудриться, —

Не можно *вѣкъ носить личинъ*,

И истина должна открыться!

Русская публика начинаетъ понимать, подъ какимъ ядовитымъ соусомъ приподносятся ей всѣ эти якобы «либерализмы», «гуманности» и «свободы», специально направленные въ пользу еврейской гегемоніи. Жидъ — ревностный *націоналистъ* по отношенію къ своей расѣ; онъ — *свободолюбецъ*, пока рѣчь идетъ о свободѣ для его гешефтовъ; онъ — *религіозный фанатикъ* и исполнитъ непоколебимой вѣры во всѣ челоѣконенавистническія предписанія своего талмуда (на половину религіознаго и

на половину гражданского кодекса); но да хранить его Ягве отъ признанія права на существованіе за другими національностями и за чужими религіями, отъ предоставленія свободы и равенства — не людямъ, а только «человѣкообразнымъ» гоимъ, которые носятъ этотъ образъ лишь для того, чтобы «всемирному аристократу» не *противно было принимать отъ нихъ рабскія услуги*. Для каждого жида — интеллигентнаго и лапсердачнаго, все равно — одинаково обязательны всѣ дикія постановленія и всѣ полоумныя чаянія, выраженный съ циническою откровенностью въ статутѣ «Всемирнаго израильскаго союза», который даже въ предѣлахъ Россіи дѣйствовалъ иногда, — по свидѣтельству князя А. М. Дондукова, бывшаго генераль-губернатора въ юго-западныхъ губерніяхъ, — какъ власть имѣющее государство въ государствѣ. А эти постановленія и чаянія таковы: «*Національность наша есть религія нашихъ отцовъ, и мы не признаемъ никакой иной. Мы живемъ на чужбинѣ и не можемъ заботиться объ измѣнчивыхъ вождельніяхъ этихъ чуждыхъ намъ странъ* (sic)... Еврейское ученіе должно *наполнить собою весь міръ* (хороша перспектива!) Израильтяне! Сколько бы ни разбрасывала васъ судьба по всѣмъ концамъ земли, всегда глядите на себя, какъ на членовъ избраннаго народа. Если вы понимаете, что въра вашихъ праотцевъ есть вашъ единственный патріотизмъ; если вы сознаете, что, *вопреки вашимъ показнымъ національностямъ* (т. е. принятымъ для отвода глазъ) *вы повсюду образуете лишь одинъ и тотъ же народъ*; если вы вѣруете, что *только іудаизмъ представляетъ собою религіозную и политическую истину* (замѣьте: политическую); если во всемъ этомъ убѣждены вы, израильтяне, — *то придите, услышите нашъ зовъ* и докажите намъ свое согласіе... Наше дѣло велико и свято, а *успѣхъ его обезпеченъ... Слѣтъ, раскидываемая израилемъ поверхъ земнаго шара, будетъ расширяться съ каждымъ днемъ*... Близится время (неужели?!!) когда *Іерусалимъ станетъ домогъ молитвы для всѣхъ народовъ*» (конечно, съ уничтоженіемъ христіанства). И всѣ эти благородныя чаянія завершаются чисто жидовскимъ финаломъ: «*Уже недалекъ тотъ день, когда всѣ богатства земныя перейдутъ въ собственность Израіля*». Вотъ гдѣ «зарыта собака»!!

Всѣ эти прелестныя догмы составляютъ только рафинированный экстрактъ талмудической премудрости, и мы понимаемъ, что талмудъ *угрожаетъ смертью* правовѣрнымъ евреямъ за разглашеніе его канибальской философіи, ничего общаго не имѣющей съ правильно понятою гуманностью. Но разъ эти великія аксіомы обнаружены, — честнымъ евреямъ слѣдовало бы только отречься отъ нихъ торжественно и всенародно, еслибъ они хоть на минуту думали о благѣ другихъ народовъ. Но такого отреченія мы нигдѣ не встрѣчали и потеряли уже надежду встрѣтить его когда нибудь. Оставался только другой путь, на который евреи и выступили, утверждая, что требованія «Всемірнаго израильскаго союза» имъ чужды и писаны для кого-то другаго. Страусъ прячетъ свою голову подъ крыло и думаетъ, что его никто не видитъ! Между тѣмъ, всѣмъ извѣстныя, хотя и тщательно замалчиваемыя, дѣянія «всемірной аристократіи», — всюду пролѣзающей и все развращающей, въ союзъ съ самыми гнусными элементами порабощаемыхъ народностей, — уже давно вопіють къ небу...

Въ оны дни, когда наши офицеры въ Вильнѣ ѣздили верхомъ на жидакъ, чтобы, не потонувъ въ грязи, перебраться на другую сторону улицы; когда жидовскіе пейсы частенько оставались въ рукахъ у городничаго или полицмейстера при горячихъ объясненіяхъ со всемірными аристократами; когда имъ не было другой клички, кромѣ «чистоцсовыхъ», и они не знали другаго обращенія, кромѣ какъ: «жидъ, жидъ! Ышь свиное ухо», — тогда, дѣйствительно, гуманное чувство могло возмущаться положеніемъ «гонимаго племени». Но когда мы перегнули эту дугу въ совершенно противоположную сторону и *гонимое племя* весьма быстро обратилось въ ожесточенныхъ *гонителей* кореннаго населенія; когда въ его рукахъ очутились уже, во многихъ мѣстахъ, представители юстиціи и полиціи, превратившіеся въ какихъ-то жидовскихъ опричниковъ; когда вся пресса почти цѣликомъ запѣла о благихъ послѣдствіяхъ «еврейской равноправности» и у насъ стали сживать со свѣту независимые и честные русскіе органы; когда жида, украсившись лентами, полѣзли въ дворянство, въ высшее купечество, въ банки, въ суды и въ администрацію; когда Айзеры Диманты стали сулить русскимъ помѣщикамъ блестящую карьеру... жидовскихъ прикащиковъ, а сами стали пользоваться широкимъ

государственнымъ кредитомъ, между прочимъ, и для сбиванія съ толку русскаго общественнаго мнѣнія путемъ *газетной дешевки*,—тогда уже картина совершенно перемѣнилась, и мы должны теперь подумать о примѣненіи гуманности и либерализма къ себѣ самимъ.

Разъ допустивъ распространеніе жидовской гидры въ Россіи, мы еще не дали ей возможности поглотить всѣ наши государственныя силы, но пришло уже время взяться за умъ и, рядомъ твердыхъ, послѣдовательныхъ мѣръ, поразить въ голову эту гидру...

II.

Нашу академію наукъ можно поздравить съ «приращеніемъ семейства». Кругъ ея дѣятельности значительно расширился по инициативѣ августѣйшаго президента. Съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ параграфовъ положенія объ «Отдѣленіи русскаго языка и словесности», возникшемъ на развалинахъ «Россійской академіи», (почему бы не возобновить теперь и всю академію?) къ предметамъ его занятій прибавлены, между прочимъ: исторія русской культуры, исторія и теоріи искусства вообще, и исторія литературной критики. Всѣ эти предметы,— по справедливому замѣчанію президента,—сближаютъ «Отдѣленіе русскаго языка и словесности» съ міромъ литературы и его дѣятелями». Но это сближеніе, — къ которому очевидно, стремится наша академія наукъ въ эпоху серьезнаго пробужденія національнаго чувства,—еще болѣе усиливается присоединеніемъ къ «отдѣленію» *разряда изящной словесности*. При этихъ соединенныхъ усиліяхъ, академіи наукъ легче будетъ достигать и той цѣли, которая была положена въ основу «отдѣленія» при самомъ его образованіи, а именно: «основательнаго изслѣдованія свойствъ русскаго языка, начертанія вразумительнѣйшихъ правилъ его употребленія, изданія полнаго словаря и изученія исторіи русской словесности».

Недавно произведенъ былъ академіей и первый выборъ членовъ въ новый «разрядъ изящной словесности», носящихъ званіе *почетныхъ академиковъ*.

Выборъ этотъ заставилъ говорить о себѣ и въ журналистикѣ, и въ нашемъ образованномъ обществѣ, естественно интересующемся развитіемъ отечественной словесности. Но

толки эти—надо правду сказать—не отличались единодушіемъ, и далеко не всѣ первоизбранники привлекли къ себѣ одинаковыя симпатіи публики. Конечно, у академіи было одно весьма важное «смягчающее обстоятельство» — отсутствіе въ нашей современной изящной словесности почти всѣхъ корифеевъ, которые были бы вполне достойны войти въ академію подъ величавою сѣнью пушкинскаго имени. Увы! у насъ уже нѣтъ ни Тургенева, ни Достоевскаго, ни Гончарова, ни Салтыкова и Некрасова. Сошли со сцены и менѣе крупные, но несомнѣнно выдающіеся и замѣчательно талантливые дѣятели, въ родѣ Григоровича, Писемскаго, Авдѣева. Фета, Майкова и Полонскаго. Новыхъ могучихъ всходовъ наша,—словно уже обезсилѣвшая, — литературная нива совсѣмъ не даетъ въ послѣднее время, т. е. именно тогда, когда понадобилось избирать почетныхъ академикомъ, во славу несокрушимаго гиганта русской поэзіи. Было бы, можетъ быть, обидно охарактеризовать *in plenum* всю нынѣшнюю беллетристику извѣстнымъ стихомъ: «и полѣзли изъ щелей мошки да букашки»; но если названіе букашекъ и неприложимо ко всѣмъ этимъ дѣятелямъ, между которыми встрѣчаются еще и дѣйствительно талантливые люди, то все же имъ очень и очень далеко до названныхъ нами корифеевъ.

Въ числѣ избранныхъ почетныхъ академикомъ только одно имя не вызвало никакихъ возраженій,—да и то оно принадлежитъ къ «стаѣ славной» былыхъ временемъ и стоитъ совершенно особнякомъ отъ теперешняго клира, болѣе занятаго подсчетомъ печатныхъ листовъ, чѣмъ достоинствомъ художественнаго матеріала. Мы разумѣемъ, конечно, графа Льва Николаевича Толстаго, одно имя котораго,—какъ художника,—стбитъ цѣлой академіи. О Толстомъ-мыслителѣ мы умалчиваемъ, хотя и эта сторона его дѣятельности заслуживаетъ глубокаго вниманія. Другія же имена, случайно пристегнувшіяся къ этому коронному брилліанту, только утратили при такомъ сосѣдствѣ и послѣднюю часть свойственнаго имъ скромнаго блеска...

Вызываетъ къ себѣ несомнѣнныя симпатіи талантъ г. А. Чехова, строго относящагося и къ смыслу, и къ художественной обработкѣ своихъ произведеній. Г. Жемчужниковъ достойнымъ образомъ продолжаетъ некрасовскую тенденцію въ поэзіи. Но выборъ г. Короленки уже возбудилъ значительное недоумѣніе.

Что именно почтила академія въ этомъ избраніи? Крупнаго художника слова или публициста-издателя «Русскаго Богатства»? Какъ художникъ, г. Короленко далеко не всеобъемлющъ, даже очень узокъ, и если онъ «властвуетъ» надъ чьими нибудь умами и сердцама, то развѣ въ специальномъ кругу читателей «Русскаго Богатства». Люди же, не принадлежащіе къ этому кругу и не помазанные его муромъ, не очень твердо знаютъ имя этого беллетриста. Во всякомъ случаѣ, ему не удалось создать ни *одного типа*, который жилъ бы въ памяти русскихъ читателей, наряду съ героями нашихъ любимыхъ романовъ. Еще менѣе правъ на почетное избраніе имѣеть эксцентричный философъ г. Влад. Соловьевъ, философія котораго падаеть ницъ передъ величіемъ папскаго престола, хотя въ то же время г. Соловьевъ, если не ошибаемся, утверждалъ въ «Русской Мысли», что мораль, проповѣдуемая талмудомъ (съ качествомъ этой морали достаточно знакомы наши читатели) *ничуть не ниже морали евангельской*, съ чѣмъ едва ли согласится непогрѣшимый папа, котораго г. Соловьевъ приглашаетъ преклонить подъ свою длань и многогрѣшную Россію...

Избраніе А. Θ. Кони также не встрѣтило единодушнаго одобренія. Это вполне понятно. Свѣдущій юристъ, особенно въ «кассационныхъ поводахъ», талантливый *судебный* ораторъ заслуживалъ бы почетнаго диплома доктора правъ, могъ бы быть избранъ въ дѣйствительные члены «Юридической академіи» для разработки социальна-юридическихъ наукъ (еслибы таковая академія у насъ существовала), но его собственно-литературныя заслуги не давали ему никакого права попасть въ почетныя академикки по разряду словесности. Если не причислять къ «изящной словесности» судебныхъ рѣчей, то его литературный багажъ будетъ исчерпываться только одною статьею о князѣ В. Θ. Одоевскомъ, составляющей очень близкое повтореніе критико-біографическаго очерка, *три* раза напечатаннаго: въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ отдѣльномъ изданіи, и въ составѣ историческихъ монографій А. П. Пятковского. Пожалуй, причислимъ сюда и нѣкоторые журнальные этюды, какъ напр., о Пушкинѣ. Но всего этого очень мало. Образцовымъ стилемъ тоже нельзя назвать г. Кони. Даже въ академической рѣчи, произнесенной имъ при своемъ избраніи, онъ употребилъ такое неуклюжее и неправильно составленное выраженіе, какъ

«злободневный» (это напоминает неологизмъ кн. Одоевскаго: «рукавопустіе», съ тѣмъ различіемъ, что Одоевскій не назначалъ его для публичной рѣчи, а воспользовался, на скорую руку, въ дневникѣ) и—еще хуже—«огорчившихъ бы», причемъ г. Кони соединилъ, вопреки элементарнымъ правиламъ языка, частицу *бы* не съ глаголомъ, а съ причастіемъ. Бьемся объ закладъ, что такого соединенія новый почетный академикъ не найдетъ ни у Пушкина, ни у Тургенева, ни у Гончарова,—этихъ первыхъ мастеровъ русскаго слова,—а если и найдетъ у кого нибудь изъ второстепенныхъ беллетристовъ, то и это будетъ только *lapsus linguae*.

А, между тѣмъ, г. Кони очень энергически напалъ на порчу языка, внесенную нашими газетами. Но вѣдь эти-то газеты и сочинили эпитетъ «злободневный», который всегда и съ большимъ толкомъ можно замѣнить выраженіями: «животрепещущій» или «насущенный».

Сочиняя новые, ни къ чему не нужные эпитеты, наша ежедневная пресса,—на $\frac{9}{10}$ состоящая на кагальномъ иждивеніи,—упорно изгоняетъ изъ русскаго языка коренное слово *жидъ*, подставивъ вмѣсто него «еврея». Названіе «жида»,—изволите ли видѣть,—*обидно* для возгордившихся сыновъ израиля. Но, не говоря уже о томъ, что въ укоризненномъ смыслѣ этого слова виноваты сами жида, сдѣлавшіе его синонимомъ обманщика, предателя и изувѣра,—тяжкую обиду, на которую они жалуются, наносилъ имъ русскій народъ въ теченіе всей своей исторіи до самаго поздняго времени. Не будемъ говорить о до-петровскомъ періодѣ. Вспомнимъ хотя бы того же Пушкина. Кому принадлежитъ этотъ, съ дѣтства заученный нами стихъ: «*жида съ лягушкою вѣнчаютъ*»? Слово это встрѣчается и въ «Лѣтописи села Горохина». Если же Пушкинъ и употреблялъ для риѣмы слово еврей, то съ неутѣшительною для этого племени прибавкою («ко мнѣ постучался *презрѣнный* еврей») Не избѣгали злополучнаго слова ни Тургеневъ, ни Толстой, ни Достоевскій, чему приводились примѣры въ статьѣ проф. Чижа, напечатанной въ «Наблюдателѣ». Слово *жидъ* (испорченное имя Іуды, *Juda*) имѣетъ за собой и старшинство, и общеупотребительность, сравнительно съ новѣйшею—почему-то болѣе почетною—формою «еврея». Французъ почти не знаетъ слово: «*hebreux*» и безобязанно, въ разговорѣ и письмѣ, ста-

вить: «juif». Въ словарѣ Рейфа (беремъ 3-е изданіе 1860 г.) «еврей» совсѣмъ отсутствуетъ и есть только «жидъ».

Когда наша академія исполнитъ свою задачу составленія русскаго лексикона, то при содѣйствіи новыхъ почетныхъ академиковъ, она, безъ сомнѣнія, возстановитъ и права стариннаго русскаго слова, незаслуженно изгоняемаго израилемъ. Вѣдь если старое собственное имя стало обидно для жида, то такая же участь можетъ постигнуть и новую кличку. Все зависитъ отъ нравственныхъ качествъ людей, носящихъ то или другое имя. Вѣдь сдѣлались же у насъ не особенно похвальными выраженія: «мѣщанство», «по мѣщански», въ смыслѣ узкихъ понятій и пошлаго образа жизни; но ни одинъ мѣщанинъ не обращался къ начальству съ ходатайствомъ о переименованіи его въ дворяне...

Продолжая рѣчь объ академникахъ, мы можетъ еще прибавить, что свѣтъ не клиномъ сошелся, и что, при слѣдующихъ избраніяхъ въ члены дѣйствительные и почетные, наша академія можетъ не поддаваться ни «вѣянію партійнаго духа», ни «личнымъ пристрастіямъ и сочувствіямъ», — о которыхъ упомянуто въ авторитетной рѣчи президента, — и остановить свое вниманіе не только на беллетристахъ, не появившихъ въ избранный кругъ, хотя имѣющихъ не меньшія, если не большія достоинства, но и на критикахъ, и на историкахъ русско-й литературы, согласно положеніямъ новаго устава.

III.

Наши бездарные бумагомаратели, наводняющіе своими неудобочитаемыми твореніями всѣ редакціи на Руси, празднуютъ «именины сердца» и подпрыгиваютъ до потолка, читая и перечитывая мудрое рѣшеніе с.-петербургскаго «столичнаго мирового судьи» 14-го участка, г. Рѣшетова. Да и какъ же имъ не радоваться?! Не успѣвъ нигдѣ напечатать плода своего творчества, не выучившись русской грамотѣ по самому плохому учебнику (о литературной грамотности и говорить нечего) эти непрошенные волонтеры письменности могутъ теперь получать солидные куши съ упрямыхъ редакцій, отказывающихся подносить публикѣ присылаемую ими макулатуру!! Стѣбитъ только сообразительному волонтеру продержатъ въ редакціи годика

два-три свою словесную труху, а затѣмъ потребовать ея возвращенія, вопреки правиламъ, принятымъ и опубликованнымъ въ журналѣ, — и дѣло въ шляпѣ! Г. мировой судья, не обращая никакого вниманія на эти правила и довѣряясь собственной оцѣнкѣ волонтера, присудить ему гонораръ за потерянную рукопись, какъ за напечатанную, да еще въ размѣрѣ, который получаютъ не полуграмотные люди, а болѣе или менѣе извѣстные беллетристы. Афера выходитъ очень выгодная и соблазнительная. Помѣщица Коробочка, продешевившая «мертвыя души», могла бы рукоплескать такой аферѣ...

Подобный казусъ произошелъ недавно и съ редакціей «Наблюдателя», о чемъ говорится болѣе подробно, съ принципиальной стороны, во внутреннемъ обзорѣни журнала. **Девятнадцать лѣтъ**, на оберткѣ каждой книги, печатаются у насъ правила редакціи, по которымъ рукописи менѣе 200 листовъ **не сохраняются въ конторѣ**, да и рукописи свыше этого размѣра не хранятся *долѣе полугода*. Можно бы, кажется, признать, что эти правила **обязательны** для каждого присылающаго свою рукопись въ редакцію: вѣдь въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ. Не желаете знать этихъ правилъ, печатайте сами вашу рукопись и платите деньги въ типографію, въ суетной надеждѣ на сбытъ! Оговариваться незнаніемъ этихъ правилъ довольно глупо: какимъ же другимъ образомъ, какъ не печатаніемъ въ журналѣ, доводить ихъ до свѣдѣнія публики? Ужъ не начертать ли ихъ огненными буквами на небѣ? Но и тогда охотники до гонораровъ за не напечатанные рукописи будутъ ссылаться на свою слѣпоту или плохое зрѣніе...

«Правила редакціи» — такой же *контрактъ* между ею и приносителями статей, какой бываетъ между хозяиномъ и его жильцомъ. Только первый контрактъ принимается *tacito consensu*, а второй подписывается обѣими договаривающимся сторонами. Мы нарочно приводимъ этотъ примѣръ, какъ наиболѣе вразумительный для г.г. мировыхъ судей, которые съ такимъ усердіемъ отстаиваютъ каждую букву домовладѣльческихъ контрактовъ и безжалостно выселяютъ на морозъ провинившихся жильцовъ среди лютой зимы... А чего-чего не бываетъ написано въ этихъ удивительныхъ произведеніяхъ домовладѣльческой фантазіи?! Одинъ капризный домовладѣлецъ требуетъ отъ жильца,

чтобы онъ не держалъ фортепiano въ своей квартирѣ; другой воюетъ даже съ комнатными собачками, величиною съ польаршина (мы знаемъ случай, что присутствіе такой собачки полонный домовладѣлецъ считалъ «нарушеніемъ контракта» и собирался взыскать съ жильца квартирную плату за два года!); третій — кляузникъ, вдобавокъ къ природной глупости — устраивалъ наводненія въ квартирѣ жильца и съ него же требовалъ денегъ на ремонтъ; четвертый настаиваетъ на томъ, чтобы жилецъ, не полагающійся на домовладѣльческіе запоры, дарилъ ему дорогіе англійскіе замки въ дверяхъ; пятый заставляетъ жильца ремонтировать на свой счетъ всю квартиру въ теченіе контрактнаго срока; шестой воюетъ съ кошками и даже канарейками, и пр. и пр. Придетъ, вѣроятно, время, когда не знающіе удержу домовладѣльцы потребуютъ отъ жильцовъ предоставленія въ свою пользу картинъ, висящихъ на стѣнахъ, телефоновъ, электрическихъ батарей и даже мѣдныхъ дощечекъ съ фамиліями, прибитыхъ на дверяхъ!

Всѣ, нахально навязанныя, требованія домовладѣльца признаются у насъ обязательными для жильца. Только одни редакторы не могутъ ограждать свои квартиры отъ ненужнаго хлама и даже обязаны расплачиваться за него, въ случаѣ утраты, по экспертизѣ самого автора. Нѣтъ сомнѣнія, что это поп-сепс, который и будетъ кассированъ, дойдя до сената. Иначе редакціямъ журналовъ, а въ особенности газетъ, придется нанимать цѣлыя дома для храненія рукописей, накопившихся въ теченіе «земской давности». Это будетъ, конечно, выгодно для домовладѣльцевъ, но весьма убыточно для редакцій. Гораздо проще и справедливѣе потребовать отъ авторовъ, чтобы они посылали въ редакціи только копіи своихъ твореній, оставляя безсмертный оригиналъ у себя. Вѣдь изъ нихъ бѣольшая часть рассчитываетъ на гонарары: такъ могутъ же они потратиться и на переписку.

Мы уже не говоримъ о томъ, что изъ всѣхъ профессій кажется, одна редакторская имѣетъ въ данномъ случаѣ чисто *благотворительный* характеръ, и когда учитель того или другаго предмета никого не учитъ даромъ; докторъ и адвокат берутъ вознагражденіе за свои совѣты и самъ г. «мировой» не безвозмездно расточаетъ блага своего правосудія, — только трудъ и время, потраченные на просмотръ полуграмотнаго или

совсѣмъ безграмотнаго словосочиненія, остаются неоплаченными. А толку отъ этой потери времени почти нѣтъ никакого, и ни одинъ мало-мальски солидный журналъ не можетъ разсчитывать на эти приношенія съ улицы,—да еще сдѣланныя съ сутяжническою цѣлью,—и наполняется обыкновенно трудами самого редактора или извѣстныхъ ему сотрудниковъ. Да, нынѣ становится просто небезопаснымъ имѣть дѣло съ этими невѣдомыми приносителями...

Инцидентъ съ «Куликомъ» (такъ называется рукопись en question) едва ли дойдетъ до сената и гонорарные аппетиты автора не получатъ удовлетворенія, благодаря тому, что драгоценная рукопись *случайно* уцѣлѣла въ конторѣ редакціи (контора вовсе не обязана хранить ее) и будетъ возвращена автору при вторичномъ разбирательствѣ дѣла.

Не получивъ себѣ гостинцевъ,

Messieurs Бухаринъ и Ковинцевъ,

Судиться потерявъ охоту,

Потащатъ «Кулика» въ болото...

Но не очевидно ли, что наши «столичные мировые судьи», весьма понаторѣвшіе въ дѣлахъ «выселенія жильцовъ», отнюдь не желаютъ *выселять* изъ редакцій непрошенныхъ квартирантовъ, и даже поощряютъ ихъ судебными преміями?

Да, очень понизился уровень нашего,—только уже кое-гдѣ сохранившагося,—мироваго суда, назначаемаго по выбору г.г. домовладѣльцевъ и торговопромышленниковъ!!

Ефимъ Простосердовъ.

Весенніе діалоги.

I.

Весна, вступивъ въ свои права,
Дарить намъ радости пня...
Вновь мощно сбросила Нева
Свои оковы ледяныя.
Смотря, какъ легкій вѣтерокъ
Гналъ по Невѣ за льдиной льдину,
Я горькій высказалъ упрекъ,
Задѣвъ имъ спутницу—Надину,
И молвилъ, въ позу ставъ:—«Nadine,
Ко мнѣ, безумному отъ страсти,
Вы холоднѣе эгихъ льдинъ;
Молю, мой жребій лаской скрасьте!
Взгляните,—тронулась Нева;
Весны объятъями согрѣта;
Ужель не тронуть васъ слова
И просьбы страстнаго поэта?»
Отвѣтъ былъ рѣзокъ, словно громъ,
Меня, какъ вѣтромъ, закачало:
«— Вы сами тронулись... уможь!»
Надина сухо отвѣчала...

II.

«— Благодатная гостья-весна
Къ намъ съ далекаго юга вернулась;
Ей послушна, отъ долгаго сна
Пробудилась природа, проснулась»...
— Другъ, умѣрь поэтической жаръ
И веснѣ не дивися, какъ чуду:

Тяжеле каторги нерѣдко
Имъ служить цѣни Гименея,
И несть совмѣстной жизни муку
Имъ очень скоро послѣ свадьбы
Надоѣдаетъ... Ихъ разлуку
Я могъ *дѣленіемъ* назвать бы...

Старый Капраль.

Т о м а.

Каждый годъ на «Красной горкѣ»
Жаждутъ дѣвы брачныхъ путей;
Жениховъ безъ отговорки
Подавай имъ—и капутъ!
Хладнокровно наблюдая,
Какъ творится браковъ тѣма,
Къ флирту въ эти дни всегда
Недовѣрчивъ, какъ Тома.

Новыхъ органовъ плеяда,
Народившись въ свѣтъ едва,
Чтобъ поднять подписку, рада
Сыпать громкія слова,
Общая гордо разомъ
Вывестъ къ свѣту насъ изъ тѣмн...
Отношусь я къ этимъ фразамъ
Недовѣрчивѣй Тома.

Присосавшійся къ отчизнѣ,
Какъ болѣзненный наростъ,
Юркій жидъ имѣетъ въ жизни
Волчій зубъ и лисій хвостъ.
Предрекаю отъ души вамъ:
Съ нимъ сойтись—грозить сума...
Я къ словамъ жидъ фальшивымъ
Недовѣрчивъ, какъ Тома.

Близокъ снова грандіозный
Цѣль весеннихъ распродажъ.
Мнѣ «она» твердитъ серьезно:
Если ты мнѣ денегъ дашь—

Не пойду я на «дешевку»,—
Тамъ старья и гнили тьма...
Я же, зря насквозь плутовку,
Недовѣрчивъ, какъ Ома...

Отличаясь въ общемъ шумъ
Примѣненьемъ странныхъ мѣръ,
Удивляетъ въ нашей думѣ
Всѣхъ столичный нашъ лордъ-мэръ,
Доказавъ своимъ примѣромъ
Лишь избытокъ кутерьмы...
Отношусь я къ этимъ мѣрамъ
Недовѣрчивѣй Омы.

Въ словопренныхъ голосисты,
Заѣхавъ за облака,
На словахъ сулятъ марксисты
Благодать для мужика.
Доказать ихъ фальшь легко намъ
Можетъ логика сама,—
Я къ рѣчамъ ихъ безтолковымъ
Недовѣрчивъ, какъ Ома..

Фланерь.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

И

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

1) «Церковный Вѣстникъ» — еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «Христианское Чтеніе» — ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ приложения къ журналамъ, редакция издаетъ:

Полное Собраніе Твореній св. Іоанна Златоуста

въ русскомъ переводѣ, на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта), вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за ОДИНЪ РУБЛЬ, а подписчики на одинъ журналъ — за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ, всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христианскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ приобрести полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви, — собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую бібліотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1900 г. будетъ изданъ ШЕСТО ТОМЪ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ Бесѣды на книгу пророка Исаи, Обзоріе Св. Писанія и др.

Новые подписчики, желающіе имѣть и ПЕРВЫЕ ПЯТЬ ТОМОВЪ, могутъ получить ихъ по уменьшенной цѣнѣ, именно — по два рубля за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ — по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

а) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» — 6 р. 50 к.; за «Христианское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» — 6 р. 50 к.

б) За оба журнала 8 (восемь) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» — 9 (девять) руб., съ пересылкой.

Цѣна за границей:

За оба журнала 10 (десять) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» — 11 р. 50 к.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА» — 9 рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Изюмородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ Редацію «Церковнаго Вѣстника» и «Христианскаго Чтенія» въ С.-Петербургъ».

Подписывающіеся въ С.-Петербуркѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр., 182 кв. 1), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ»; въ Москвѣ подписка принимается въ Отдѣлѣ по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ (Петровка, Высокопетровскій монастырь).

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

НА

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ПЯТЫЙ).

Подписная цѣна на годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ: безъ доставки, въ конторѣ журнала 15 р. 50 к., съ доставкой въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 16 р., съ пересылкою во все мѣста Россіи 17 р., а за границу 19 р.

Принимается также подписка на сроки: на 6 мѣсяцевъ 8 р. 50 к., на 3 мѣсяца 4 р. 25 к. и на 1 мѣсяць 1 р. 50 к. съ пересылкою и доставкой.

Для гг. годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ платежъ денегъ, а именно: при подпискѣ вносятся въ контору журнала 9 руб., а остальная сумма уплачивается къ 1 іюня.

Книжные магазины пользуются уступкою по 50 к. съ годоваго экземпляра. Подписка на сроки менѣе года отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку, принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Малая Дмитровка, 29.

Изъ крупныхъ беллетристическихъ произведеній, предназначенныхъ къ напечатанію въ теченіе 1900 года въ журналѣ «РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ», доставлены въ редакцію:

1) **И. И. Яснисаго (Максима Бѣлинскаго) романъ «ПРЕКРАСНЫЕ УРОДЫ».**

2) **Князя Д. П. Голицына (Муравлина) романъ «ВАВИЛОНЯНЕ».**

3) **Графа Е. А. Салиаса романъ въ двухъ частяхъ «ЗМѢЙ ГОРЫНИЧЬ».**

Редакторъ и издатель **М. М. Катковъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ

на ежедневную газету

„ТИФЛИССКІЙ ЛИСТОКЪ“

(Двадцать четвертый годъ изданія).

Съ будущаго года будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ, по слѣдующей, утвержденной правительствомъ программѣ: I. Приказы по военному и гражданскому управленіямъ Кавказа и Закавказья. II. Статьи по внутреннимъ вопросамъ. III. Обзорніе иностранной политической жизни. IV. Научно-литературный отдѣлъ. V. Общая хроника: внутренняя и иностранная. VI. Библиографія. VII. Мѣстный отдѣлъ и корреспонденціи. VIII. Обширный справочный отдѣлъ.

Иллюстрированныя прибавленія къ газетѣ, посвященныя кавказовѣднію и матеріаламъ исторіи Кавказа, въ связи съ постепеннымъ развитіемъ въ краѣ гражданскихъ учрежденій, будутъ выходить по прежнему не менѣе двѣнадцати номеровъ въ годъ.

По понедѣльникамъ и послѣпраздничнымъ днямъ подписчикамъ будутъ рассылаются телеграммы.

Подписная цѣна остается безъ измѣненія, а именно:

Многочисленнымъ: На годъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—3 р. 50 к., на 3 мѣсяца—2 р.
На 1 мѣсяць—1 руб.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ изданія: Тифлисъ, Головинскій пр., № 3.

Продолжается подписка на 1900 годъ на еженедѣльную политическую, литературно-научную и общественную газету:

ОТГОЛОСКИ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ 5-й).

Цѣна на годъ 3 руб. съ доставкой и пересылкой.

Адресъ: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская, д. 10, кв. 10.

Въ программу изданія входятъ все обычныя отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ. Въ каждомъ № дается въ сжатомъ, но живомъ и общедоступномъ изложеніи систематическій обзоръ всехъ важнѣйшихъ новостей въ области политики и общественной жизни за недѣлю, а также отчеты о всехъ выдающихся и интересныхъ журнальныхъ статьяхъ, съ приведеніемъ наиболее характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, что можетъ до известной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Газета предназначается преимущественно для лицъ, не имѣющихъ возможности или времени слѣдить за ежедневными изданіями и ежемѣсячными журналами и разбираться въ массѣ даваемого ими матеріала.

Редакторъ-издатель *И. В. Скорцовъ.*

AP
50
N33
V. 19:4

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

--	--	--

